

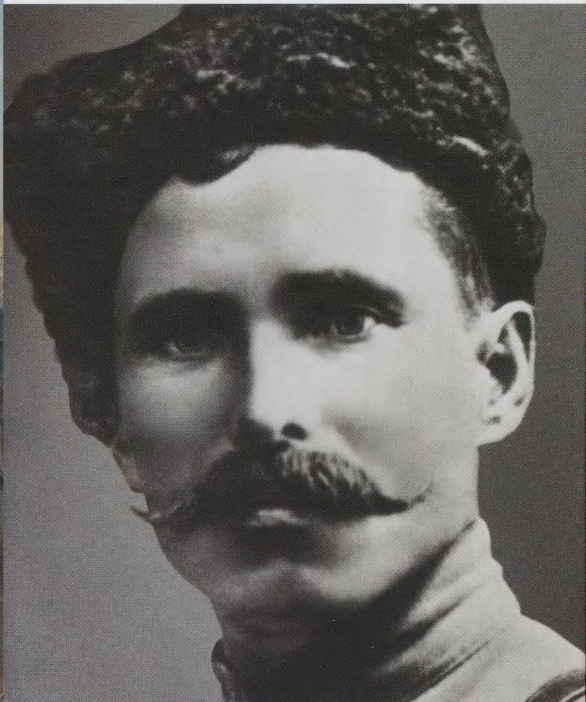
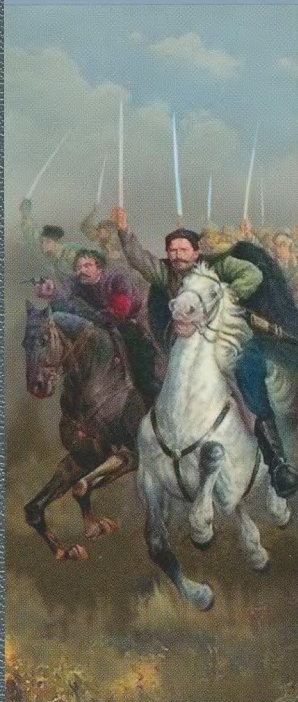
Л. Антекаръ

ЧАПАЕВ

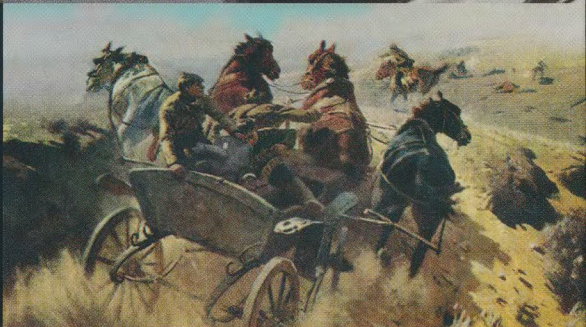

ЖЗЛ

ЧАПАЕВ

Табел
Антекаръ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1842

(1642)

Табел Антеккаръ

ЧАПАЕВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2017

УДК 94(47)(092)“1918/1920”
ББК 63.3(2)612,8
А 77

*В оформлении переплета использованы картины
С. Н. Богаткина и М. Б. Грекова.*

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03983-4

© Аптекарь П. А., 2017
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гражданская война в России породила десятки ярких региональных и местных лидеров — красных и белых военачальников, вождей крестьянских и национальных движений. Их роль в неожиданных поворотах событий, не раз резко менявших ход боевых действий на фронтах, трудно переоценить.

Филипп Миронов, Борис Думенко, Семен Буденный, Епифан Ковтюх, Василий Блюхер, Ефим Щетинкин у красных, Антон Туркул, Владимир Каппель, Анатолий Пепеляев, Павел Кудинов у белых успешно сражались с превосходящими силами неприятеля. Нестор Махно, командующие тамбовскими повстанцами Александр Антонов и Георгий Плужников, руководители Западно-Сибирского восстания 1921 года Семен Токарев и Василий Желтовский были настоящими самородками, способными поднять жителей деревни на неравную борьбу с несправедливой и антикрестьянской властью, вдохновить и повести за собой в сражения многотысячные массы людей.

Василий Чапаев занимает среди командиров Гражданской войны исключительное место. Он не просто яркая историческая фигура, представляющая интерес для профессиональных исследователей и историков-любителей. Чапаев превратился в один из символов и мифов национальной истории. Живой и яркий человек стал легендой, образом национального сознания. Сначала волей обстоятельств и усилиями бывших соратников, писателей и кинематографистов полевой командир превратился в одного из ключевых творцов победы Красной армии в Гражданской войне и постепенно стал жить собственной жизнью, представления о которой мало зависят от исторических событий, изысканий специалистов и новых фактов из биографии героя.

Один из мифов пропаганды о герое Гражданской войны и победителе бесчисленных врагов на фронте и в тылу эволюционировал в «васильваныча», персонажа фольклора и повседневного самосознания, отражающего особенности отечественного восприятия истории. В этом секрет успеха фильмов и книг, богатых неожиданными — вплоть до абсурда — версиями жизни и гибели Чапаева.

Новые и старые легенды часто пересекаются: начальник вспыльчив, но честен и справедлив, к погибающим вовремя приходит спасительное подкрепление, а смерть героя порождает загадки и новые мифы. В бесконечных анекдотах, байках и сказаниях «васильваныч» и его ближайшее окружение могут представлять недалекими и даже смешными, но этот смех за редким исключением добродушен: люди подтрунивают над «Чапаем», «Петьюкой» и «Анкой» как над своими приятелями или старыми знакомыми.

Последние четверть века породили целый пласт исторической и псевдоисторической литературы о герое Гражданской войны. Но и сейчас, спустя почти 100 лет после гибели Василия Ивановича Чапаева, историкам и публицистам не удалось создать целостный и объективный образ яркой личности, жившей в трагическую и противоречивую эпоху войн и революций. Борьба с фольклором и мифами и пытаться опровергнуть их с помощью новых исторических источников и неизвестных воспоминаний — не самое благодарное занятие. Можно встретить неприятие общества, для которого легенда привлекательнее реальности, и даже слышать эпитеты вроде «мрази конченые». Настоящий, невыдуманный Чапаев интереснее традиционных представлений и сложившихся мифов и легенд. Поэтому биография героя будет вызывать постоянный интерес исследователей, любителей истории и обычных читателей, которые, надеюсь, не исчезнут с распространением электронных носителей информации и виртуальных развлечений.

ЮНОСТЬ НА ВОЛГЕ

Вокруг происхождения Василия Чапаева ходит немало легенд: многие города и деревни хотели бы объявить легендарного героя своим земляком и греться в лучах его славы, привлекая туристов его именем или, как любят говорить в последние годы, брендом «Родина Чапая». Тем более что сам герой окружал историю своего появления на свет ореолом таинственности. Известно, что он любил рассказывать своим знакомым легенду о своем «благородном» происхождении: якобы он родился от случайной связи дочери казанского губернатора и цыгана. Губернаторская дочь впоследствии умерла при родах. За право называться местом рождения Чапаева соперничали сразу несколько населенных пунктов, где в разное время жил будущий герой Гражданской войны: Балаково в Саратовской области, Пугачев (бывший Николаевск), несколько сел в Чувашии, неподалеку от Чебоксар. Жители каждого населенного пункта приводят свои доказательства. Обитатели окрестностей Чебоксар утверждают, что именно в их местном диалекте слово «цепляй» преобразовалось в «чепай», которое стало основой для фамилии семьи героя. Балаковцы напоминают, что именно в их город (до 1911 года — село в Самарской губернии) переехали родители Чапаева и он окончил здесь три класса церковно-приходской школы. Пугачевцы, в свою очередь, настаивают, что в городе и его окрестностях Чапаев прожил большую часть своей недолгой жизни, продолжавшейся всего 32 года.

Эти споры могут длиться бесконечно, но архивные документы четко зафиксировали место рождения Чапаева. В 1934 году комсомольцы нашли в местном архиве метрические книги чебоксарских церквей. В документах Вознесенской церкви за 1887 год значилось: имя родившегося —

«Василий»; месяц и день рождения — «генварь, 28»; месяц и день крещения — «генварь, 30»; звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания — «Чебоксарского уезда деревни Будайки крестьянинъ Иванъ Степановъ и законная жена его Екатерина Семенова, оба православнаго вероисповедания».

Правнучка легендарного командира Евгения Чапаева утверждала, что ее дед родился раньше срока, после семи месяцев беременности. Родители, у которых умерли четверо детей из девяти, не слишком надеялись, что слабый младенец выживет. Однако мать сберегла новорожденного Василия, связав для него подобие современного теплового конверта — большую шерстяную варежку. Для купания Васи отец, зарабатывавший на жизнь плотницким ремеслом, выстрогал небольшое корыто. Младенец благополучно пережил весну и лето, Иван и Екатерина облегченно вздохнули: еще один сын — это дополнительные рабочие руки, так необходимые в крестьянской семье. Предки Чапаева жили в деревне Будаике, предместье Чебоксар, основанном по распоряжению Ивана Грозного в 1555 году на месте чувашского поселения.

Будаика была воплощением несправедливости, допущенной при отмене крепостного права: крестьяне перестали быть помещичьей собственностью, но при этом получили мизерные наделы земли, не обеспечивавшие элементарного выживания многочисленных семейств. Под наделы выделили 46 десятин самой низкокачественной земли. Нередко многодетные семьи в восемь-десять человек вынуждены были довольствоваться плодами урожая с одной-полутора десятин земли. Ивану Чапаеву, отцу нашего героя, еще «повезло»: он располагал целыми двумя десятинами суглинка, дававшего скудный урожай, недостаточный, чтобы прокормить растущую семью.

Несмотря на небольшой надел и бедность, Иван Чапаев пользовался признанием односельчан: невысокого роста и плотного телосложения, он отличался огромной физической силой. Однажды на спор поднял на глазах изумленных земляков корову и держал ее в воздухе несколько мгновений, за что выиграл четверть (примерно три литра) первача. Но выпил лишь немного, чтобы сбросить напряжение. Остальное оставил на обмен: может пригодиться голодной зимой. Авторитет Ивана держался не только на уважении перед его физической силой: люди помнили его отца — Степана Гаврилова. Чтобы прокормить семью, Степану при-

ходило заниматься извозом и бондарным делом, сплавом леса. Степан был мужественным, честным и прямым человеком и заслужил уважение односельчан. В 34 года его избрали мирским старостой деревни. На этой должности молодой по деревенским меркам человек (обычно старостами становились мужчины более солидного возраста) упорно защищал права односельчан на уголья для выпаса скота и лесные участки, необходимые для строительства и заготовки топлива. Местная помещица, сохранявшая власть над крестьянами до выкупа ими наделов, была недовольна активностью старосты и подала на него жалобу. Чебоксарский мировой посредник между помещиками и крестьянами Дмитрий Леонтьев в марте 1862 года отклонил ее жалобу, но уже в августе сместил Степана Гаврилова, «удостоверившись лично в справедливости» требований помещицы и за якобы «неисправное» исполнение им «своих служебных обязанностей». Несмотря на это, Степан Гаврилов первым из односельчан рассчитался по выкупным платежам и весной 1865 года вышел из временнообязанного состояния, завоевав полную личную свободу от воли барыни.

Земляков история с отстранением и быстрый выход Степана из числа временнообязанных никак не смущали, и они сохранили уважение к нему. Причина отстранения была трагикомической. Если верить Евгении Чапаевой, изучавшей родословную своей семьи, Степану поручили перевозку икон и другой церковной утвари. По пути на сельской ухабистой дороге Степан не заметил, что несколько икон провалились в щели телеги и остались лежать в расхлябанных колеях и придорожных канавах. Возможно, дед Чапаев заметил бы пропажу по приезду к месту назначения и исправил оплошность, но как нарочно буквально по пятам за ним следовал деревенский батюшка, который и возмутился небрежностью крестьянина. Возбудили дело о богоульстве и глумлении над святынями, Степана судили и приговорили к заключению в тюремном замке. Насколько длительным было заключение, сейчас выяснить трудно, но, отбыв наказание, Гаврилов вернулся домой и снова занялся общественной деятельностью.

В 1874 году, в период окончательного размежевания крестьянских наделов Будайки от дворянских угодий, Степана Гаврилова выбрали доверенным лицом от общества. В тот же год ушла из жизни жена Степана Ирина Никитина. Нужда и голод во время пребывания мужа в заключе-

нии, тяжелая работа по хозяйству без кормильца и главного работника подорвали ее здоровье. В 1886 году Степан, которому было уже 58 лет, снова женился. Его избранницей стала женщина, почти на 20 лет моложе, вдова-чувашка Прасковья Федорова, воспитывавшая двоих детей: дочь Наталью семи лет и четырехлетнего сына Андрея. Женильба русского крестьянина на чувашке не была чем-то из ряда вон выходящим. Двунациональные и двуязычные семьи в Поволжье встречались часто, особенно в регионах с пестрым этническим составом, одним из них как раз был Чебоксарский уезд, где русские соседствовали с чувашами, татарами и другими народами Поволжья.

Будучи на разных выборных должностях, Степан Гаврилов защищал односельчан от попыток помещиков и местных чиновников продать за долги по выкупным платежам их скудное имущество, сохранявшее крестьянской семье шансы на выживание: единственную корову или лошадь, телегу или инструменты для сплава, которым жители Будайки промышляли, чтобы прокормить семью. Справедливость и честность Степана, у которого общественная копейка никогда не прилипала к рукам, передалась и сыну.

Степан Гаврилов погиб в 1891 году. Во время сплава он заметил, что его товарищ соскользнул с плота в холодную осеннюю воду. Несмотря на солидный возраст, дед Чапаева немедленно бросился на помощь. Более молодой сплавщик сумел выбраться, а Степана течением утащило под бревна, и он утонул. Повторно овдовевшая Прасковья Федорова через год покинула Будайки.

Катерина любила и очень ценила своего мужа. Привлекательный, справедливый, исключительно честный, сильный и мастеровитый. Чтобы заработать на пропитание семьи, Иван занимался многими ремеслами, но больше всего любил плотницкое дело.

Иван Степанович Чапаев (Чапаев) говорил, что происхождения их фамилии он точно не знал, но предполагал, что она возникла как прозвище Степана Гаврилова. Отец часто подрабатывал выгрузкой сплававшегося по Волге леса и других тяжеловесных грузов на чебоксарской пристани. И частенько прикрикивал: «Чепай!» — то есть «цепляй» или «зацепляй». Уличное прозвище Чепай постепенно прилипло к Степану, а затем превратилось в фамилию.

Впервые в официальных документах фамилия Чапаев появилась 14 августа 1884 года в метрической книге Воз-

несенской церкви города Чебоксары при регистрации рождения Андрея, второго сына в семье Ивана Степановича и Екатерины Семеновны Чапаевых. У нашего героя было трое братьев — старшие Михаил и Андрей и младший Григорий — и сестра Анна.

Жизнь в бедной крестьянской семье была трудной, родителям приходилось много трудиться, чтобы накормить детей и престарелых родителей, а сами дети, особенно старшие, стремились помогать родителям и дома, и в поле, и на подсобных промыслах. Особенно тяжело было в 1891 году, когда голод охватил большую часть уездов Поволжья, где традиционно выращивали зерно на продажу. Из-за большого масштаба голода и неповоротливости уездной и губернской администрации на тяжелейшую ситуацию внимание обратили с большим опозданием, когда крестьяне вынуждены были бросить дома и просить подаяния в окрестных губерниях. Жертвами голода тогда стали, по разным оценкам, от четырехсот до шестисот тысяч человек. Владимир Галактионович Короленко, известный русский писатель и общественный деятель, описывал положение крестьян в соседней Нижегородской губернии: «Нищая семья осчастливлена ссудой в двадцать восемь фунтов. Этого хватает на неделю, в остальное время приходится все-таки побираться... — Мы-то уж как бы nibудь... — говорит женщина... Говорит она как-то странно, как будто не может уже удержаться, но вместе прибавляет шагу и идет так быстро, что нам трудно поспевать за нею... — По два дня и то не евши... Да, вишь, девочка-те гонит. “Добейся, а ты, мама, добейся”... Это чего надумала, — продолжает она: — “Зарой, говорит, меня, мама, в земельку”. Господи! — “Что ты, — я говорю, — милая моя, нешто живых-те в земельку зарывают?..” — “А ты меня зарой”, — говорит... И то... Кабы такая вера: легла бы и с девочкой в землю-те, право, легла бы...»

Эта и многие другие зарисовки великого русского гуманиста потрясают воображение и вызывают слезы сочувствия. Но никто, в том числе и Короленко, умерший в августе 1921 года, тогда не мог помыслить, что спустя 30 лет, в 1921—1922 годах, тяжелая засуха, усугубленная рецидивами политики военного коммунизма и стремлением губернских властей и органов Наркомпрода добрать несданную из-за недорода прошлых лет продрозверстку, приведет к страшной трагедии, жертвами которой станут от четырех до пяти миллионов человек. Семья Чапаевых, пережившая и голод 1891 года, и последствия недородов на рубеже XIX—XX ве-

ков, во время голода в Поволжье потеряла главу семьи — Ивана Степановича.

Иван Степанович стремился привить детям любовь к плотницкому ремеслу, работе по дереву. Прокормиться за счет огорода и мелкой живности (коровы у Чепаевых не было) не удавалось, и глава семейства вынужден был браться за любую работу: построить дом или баню, срубить наличник, поправить покосившийся или поставить новый забор. К работе отец привлекал старших сыновей Михаила и Андрея, которые вскоре стали ему полноценными помощниками.

Маленький Вася также помогал отцу: подавал необходимый инструмент, подносил небольшую деталь, поддерживал стойку или стропила. Василию такая работа вскоре надоела, и он старался стащить у отца обрезок доски и выпилить себе саблю, кинжал или даже револьвер либо винтовку, с которыми играл с другими детьми в казаков-разбойников. Отец таких занятий не поощрял, считая их баловством, и если заставлял Васю за изготовлением очередного оружия, наказывал сурово. Сын обиженно сопел, но пощады не просил, терпел боль и обиду, стискивая зубы. И... выпиливал свои сабли и ружья снова и снова.

Иван Степанович сердился, снова наказывал непослушного сына, но в глубине души гордился его исключительным упорством. Это упорство и стремление верховодить в мальчишеских играх отмечали многие земляки будущего героя двух войн. Семья Чепаевых прожила в Чебоксарах до 1897 года.

Несколько лет, прошедших после большого голода, окончательно рассеяли надежды на благополучную жизнь. Работы у Ивана Чепаева почти не было, да и та, что была, оплачивалась плохо, заработка едва хватало на харчи самому работнику, и домой умелый плотник приносил совсем мало. Семья постепенно нищала. Иван понял, что на нынешнем месте, на неплодородной полоске земли ждать сносной жизни не приходится, и решил переехать ниже по Волге, в более плодородные и сытные места, где было легче прокормиться с земли и найти приработок у местных крестьян и купцов. Посоветовавшись с односельчанами, Иван решил отправиться в славившееся своей хлебной торговлей село Балаково в Самарской губернии (городом оно стало только в 1911 году), а потом при благоприятной ситуации перебраться в расположенный неподалеку Саратов. Ждать было нечего, а там были иные города, иные селения, иная жизнь.

Расставание с земляками было трудным: крестьянину нелегко оставить родной клочок земли, работа на котором была не просто трудом ради пропитания, а смыслом существования миллионов людей. Собственная земля была для жителей российской деревни заветной мечтой. Но нужда заставляла двинуться в путь — иначе семья не выживет. Горько плакала жена, прощаясь с односельчанами, вместе с ней плакала Аннушка, примолкли обычно веселые и громогласные сыновья. И только могучий Иван Степанович уговаривал жену собираться и поскорее покинуть голодную родину: «Плоше не будет, потому что не бывает. Попробуем пожить где-нибудь, небось посытнее будет. Вернуться всегда сможем». Вера в себя и свою счастливую звезду была свойственна отцу Чапаева, эту уверенность в своей силе и правоте он передал и сыну.

Дорога была долгой и тяжелой. У Чапаевых не было ни запаса продуктов, ни сбережений, способных поддержать многочисленное семейство в пути. Взрослые и дети голодали, бабушка и дед Василия по материнской линии в дороге умерли.

Избу Иван накануне отъезда уступил односельчанину Алексею Стурикову. Затем дом не раз переходил от одного владельца к другому, пока не был перевезен в мемориал нашего героя — в сквер Чапаева в Чебоксарах. При создании музея дом реставрировали. Сейчас, как утверждают сотрудники музея, он приведен в тот же вид, каким был при рождении Василия Ивановича, в нем размещена посвященная ему экспозиция, воссоздана типичная обстановка русских крестьянских изб конца XIX века. При создании экспозиции были использованы вещи дальних родственников В. И. Чапаева, а также жителей Будайки и других деревень.

Брат отца Чапаева, Алексей Степанович Чапаев, не решился покинуть родную деревню и остался со своей семьей в Будайке. Вместе с женой Анной Федоровной работал на местных купцов и лесопромышленников, получая скудный заработок, без которого пришлось бы и вовсе жить впроголодь. В 1913 году Алексей Чапаев с семьей решил попытать счастья и записался в переселенцы. Масштабная программа выделения крестьянских земель из общины, их закрепления в собственность начала действовать с конца 1906 года по инициативе председателя Совета министров Российской империи Петра Столыпина. Переселение и пе-

редача земли в собственность преследовали две ключевые цели: ликвидировать аграрное перенаселение и недостаток земли в районах традиционного земледелия и создать многочисленный класс частных владельцев земли, заинтересованных в эффективном современном хозяйствовании на ней и прочной стабильной власти. В 1906—1916 годах в отдаленные районы Зауралья и Сибири и в нынешний Казахстан переселились более трех миллионов крестьян мужского пола. Зажиточных крестьян среди переселенцев было не так много, в основном за лучшей долей устремились те, кто усердно трудился на своей земле и надеялся создать крепкое хозяйство на новых просторных угодьях. Были среди переселенцев и те, кто надеялся переехать за счет государства на новое место, получить казенное пособие и затем устроиться на работу, не связанную с обработкой земли. Семья Алексея Чапаева взяла с собой в «столыпинский вагон» несколько корзин с вещами и домашней утварью, сундук, два хомута, плуг, пять кадушек и самовар. После этого наследников Степана Гаврилова в Будайке не осталось.

Переезд в Балаково изменил жизнь семьи Чапаевых к лучшему. В большом торговом селе постоянно требовались рабочие руки, там можно было заработать достойные деньги за свой труд. Некоторые его товарищи и старший сын Михаил уже жили и работали в Балакове и хвалили это место: дескать, работа там сама просится в руки.

Географ Иван Николаевич Сырнев писал: «Верст на 6 ниже Широкого Буерака на левом берегу Волги расположена “пшеничная столица”, богатое и многолюдное село Балаково...» По данным переписи населения Российской империи, проведенной незадолго до переезда семьи Чапаевых — в январе 1897 года, в Балакове жили 18 тысяч 926 человек, подавляющее большинство жителей — почти 16 тысяч — были иногородними, уроженцами других мест. Коренных (приписных) жителей насчитывалось около трех тысяч.

Больше половины населения числились крестьянами, но землепашеством, садоводством или животноводством они всерьез не занимались. Собственным хлебом на балаковском рынке торговали около ста дворов, которые в большом количестве продавали также бахчевые и картофель. В торговом селе и без того работы хватало. Здесь поднеси, там перевези, того обслужи, тому продай, этому сдай

в доме угол или комнату под жильё или лабаз. Торговлей или иной профессиональной и предпринимательской деятельностью занималось три четверти мужского населения. Даже после постройки железной дороги Покровск (ныне Энгельс) — Николаевск, оттянувшей существенную долю потока зерна, Балаково оставалось одним из крупнейших хлеботорговых центров Поволжья. В селе была организована хлебная биржа, которая установила контроль за продажей зерна: если до ее появления оно продавалось где и как угодно, то теперь в строго отведенных местах и в указанное время.

По данным, опубликованным в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «служа центром, стягивающим 11 млн. пудов пшеницы, Балаково обязано доставлять этой местности все необходимое для жизни и производства; здесь сосредоточивается и лесная торговля и продажа всех товаров, идущих в степь».

К концу XIX века в селе появился еще один заводик (помимо салотопенного и кирпичного) — чугунолитейный. Открытый в 1883 году крестьянином Федором Блиновым, будущим изобретателем первого в мире гусеничного трактора, завод производил и ремонтировал сельскохозяйственные орудия и технику: конные молотилки, железные плуги и другие предметы крестьянского труда.

Еще один завод в 1899 году создали братья Мамины. В небольших мастерских промышленники наладили производство работавших на нефти дизельных двигателей мощностью от трех-пяти до сорока лошадиных сил. Завод быстро развивался, и с появлением к 1914 году еще двух цехов стал главным балаковским промышленным предприятием. На нем устроился работать старший сын Чапаевых Михаил.

Чапаевы на новом месте встретились и с новыми трудностями. Работу оказалось найти не так просто: в село, пользовавшееся славой богатого и сытного, стягивались тысячи нуждавшихся в заработке и пропитании людей. Чапаевы после переезда сняли небольшую комнату в нижнем этаже дома, принадлежавшего местному портному Шуйскову. Берегли каждый грош, первое время ходили в домотканой одежде и лаптях, вызывая сочувственные вздохи даже среди местной бедноты. Тем не менее жизнь постепенно налаживалась: Иван Степанович нашел работу плотника и столяра; Андрей, хотя и не имел постоянного места, но регулярно находил временную работу. Дочь Анна быстро

заслужила славу хорошей кружевницы и вышивальщицы и получала заказы. Скопив немного денег, Иван Степанович купил в Сиротской слободе, или Бодровке, половину избы.

Дома оставались двое младших детей и Екатерина Семеновна. Сыновья вместе с матерью вели хозяйство: присматривали за скотиной и птицей, старательно возделывали огород. Когда Васе исполнилось 11 лет, отец стал брать его подручным на заработки, приучая к ремеслу. Жизнь входила в размеренную колею, Чапаевы становились одними из многочисленных балаковских обывателей. Однажды жившая по соседству семья священника пригласила Ивана Степановича и Екатерину Семеновну в гости. В разговоре за чаем с баранками оказалось, что соседи — дальние родственники сестры Ивана Степановича. Катерина Семеновна искренне обрадовалась: обрести на новом месте родню, да еще, по крестьянским меркам, привилегированную, было большой удачей. Как писал затем в одной из книг о Чапаеве Иван Кутяков, начдив рассказывал ему о «тяжелом детстве» и жаловался, что «остался неучем» и лишь в армии научился грамоте. Но этот рассказ не соответствует действительности.

Священник отец Владимир старался помогать новым родственникам и однажды, прослушав голос Василия, предложил Ивану отдать сына в церковно-приходскую школу, сказав, что у Васи красивый мальчишеский голос, подходящий для церковного хора. Богобоязненная Катерина искренне желала отдать сына в школу, но Иван долго сопротивлялся. И отец не соглашался отдать своего Васю на обучение с проживанием вне дома, отдельно от родителей. Иван был не против школы: нужен хотя бы один грамотный в семье из семи душ, но не хотел платить за обучение. Кроме того, он опасался, что без родительского надзора сын отобьется от рук. Только после настоятельных уверений отца Владимира в строгости порядков в школе и отсутствии платы за учебу Иван отпустил сына учиться. Василию сперва понравилась перемена обстановки, но через несколько недель он затосковал по дому и родным. Несмотря на печальные думы, мальчик терпеливо пел заданные псалмы. Хормейстер его нахваливал и предсказывал в случае прилежания и удачного стечения обстоятельств место дьякона. Обычное развитие карьеры приводило Василия на клирос — певчим в саратовский хор. С однокашниками у Васи Чапаева дружеские отношения не сложились. Большинство сверстников были детьми церковных служителей

или мещан, многие из них считали, что мальчик из бедной крестьянской семьи им не ровня. Василий часто грустил и при свиданиях с домочадцами сетовал на одиночество. Официальные правила и неписанные каноны церковной школы сковывали энергию воспитанников, не позволяли им заняться после уроков веселыми играми, выплеснуть энергию в казаках-разбойниках, салках или подобных развлечениях. Наставники стремились ограничить детскую живость и непосредственность, обуздать самых непоседливых ребят. Даже за громкий смех, не говоря о неизбежных у мальчишек стычках или потасовках, могли наказать: выпороть, отправить в карцер или поставить на колени на горох.

Чапаев проучился чуть меньше трех лет. Наверное, он смог бы продолжать разучивать псалмы и духовные песнопения и дальше, но как-то раз серьезно проштрафился. Духовные наставники решили не ограничиваться по отношению к строптивому ученику обычными увещеваниями или наказаниями. О настоящем или вымышленном проступке сына плотника донесли отцу Владимиру. Тот не только пристыдил воспитанника, пообещав рассказать о его неподобающем поведении родителям (чего Вася очень боялся), но и велел отправить в карцер. Карцер церковной школы существенно отличался от обычного школьного помещения для наказания учеников, где все-таки было относительно тепло и сухо и можно было потихоньку попросить сторожа сбегать за калачом в ближайшую булочную. В церковной школе под карцер было отведено помещение на самом верху старой пожарной каланчи. Доски ветхого строения рассохлись, через щели в стенах свободно проникал ветер, и холод пробирал до костей.

Василия не только раздели, но и заставили снять обувь и босым отправили в карцер. Через час одиннадцатилетний Вася Чапаев понял, что может замерзнуть насмерть. Он уже почти не чувствовал рук и ног, а кроме того, начал впадать в тяжелое забытие.

От отца он слышал, что именно такое оцепенение и безразличие к собственной жизни может стать гибельным, и если позволить себе заснуть, то пробуждение уже не наступит... Вася заставил себя встать, собрался с силами и попытался выбить стекло или раму. Преодолеть преграду сразу не получилось. Тогда Василий разбежался и всем телом ударил о раму. Рама хрустнула, стекло разбилось и поранило тело, но боли мальчик не ощущал. Дрожа от холода и страха, посмотрел вниз и зажмурился: до земли было не меньше десяти

ти саженой. Голова закружилась. Выбирать приходилось из двух зол: прыгнуть, рискуя разбиться насмерть, или остаться в промерзшем карцере, надеясь на милосердие школьных наставников. Раздумья были недолгими: Василий забрался на подоконник и прыгнул. К счастью, накануне в Самарской и Саратовской губерниях прошел сильнейший снегопад, который намел пышные сугробы. Снег и спас мальчика.

Превозмогая сильную боль и прихрамывая, Вася пошел по улице. Прохожие с недоумением и страхом наблюдали за окровавленным, едва живым мальчишкой в одном белье. Удивление скоро сменилось жалостью: кто-то набросил на него зипун, кто-то дал опорки, кто-то — старую шапку. На чьей-то повозке Вася пересек огромное село, прежде чем оказался у своего дома. Увидев едва живого сына, родители перепугались. Отец побежал за лекарем, а Екатерина Семеновна стала отпаивать сына горячим чаем с травами. Затем Иван Степанович направился к отцу Владимиру за разъяснениями.

Зиму 1901 года Василий Чапаев проболел и почти не выходил из дома. Фельдшер обнаружил у мальчика перелом ноги и обморожение ног и рук. Вася встал на ноги только к весне.

После этого происшествия отношения с отцом Владимиром и его семьей были прерваны, Иван в полный голос проклял священника. Катерина, несмотря на богобоязненность, перечить мужу не стала. О продолжении учебы речь уже не шла. Да и почти все деньги были потрачены на лечение Василия.

С весны Иван Степанович возобновил занятия с сыном, приобщая его к плотницким, столярным и другим работам. Василий на лету схватывал премудрости ремесла, и отец уже брал его на работу, требовавшую и силы, и мастерства.

Но сначала Василия пристроили в услужение к купцу Белоглазову. Иван Кутяков рассказывал, что первые месяцы Чапаев работал за харчи. Купец сулил превратить Василия в приказчика, что обещало бедной семье неплохой доход. Первое время Вася подметал полы, мыл окна в магазине, помогал на кухне, носил воду и топил баню для хозяина. Живой и смывленный мальчик старательно и быстро выполнял всё, что ему поручали.

Вскоре Белоглазов перевел Василия в разносчики по купок по домам важных клиентов. Вася добросовестно выполнял и эту работу. Затем хозяин поставил Чапаева за прилавок и принялся объяснять, как лучше реализовать

известный принцип «не обманешь — не продашь, не обвесишь — не наживешься». Так ли это или выдумка Кутякова — вопрос открытый. Купцы рубежа XIX—XX веков освобождались от старых привычек и начинали понимать, что хорошая репутация может принести больше прибыли, чем мелкое жульничество. Но, как утверждал соратник начдива, мальчика Васю вынуждали обвешивать и обманывать, а когда он отпускал товар полным весом и полной мерой, наказывали подзатыльниками и тычками. Возможно, причина была в регулярном появлении отца в магазине. Он незаметно стоял в стороне и внимательно следил за манипуляциями сына за прилавком. Улучив момент, когда хозяин и старший приказчик уходили из торгового зала, Иван подходил к сыну и напоминал: «Не воруй, Вася, будь честен!» После этого надвигал на глаза фуражку и незаметно уходил из магазина. Чапаев до конца жизни помнил слова отца.

Вскоре Василий был вынужден покинуть магазин и вернуться к привычному занятию плотничьим и столярным делом.

Семейная артель из отца и трех братьев бралась строить коровники, бани, дома и даже церкви. Иногда Чапaeвым перепадала по-настоящему тонкая работа: изготовить резные наличники, установить на крыше дома солидного купца вычурный флюгер в виде петушка, который мог не только поворачиваться по ветру, но и хлопать крыльями. Мастерство, исключительная добросовестность и выдумка семейной артели быстро стали известны в селе и округе, Чапаевы получали все больше заказов.

В 1902 году Василий перешел работать в мастерскую балаковского кустаря Георгия Лопатина. Мастер не хотел платить пятнадцатилетнему подростку заработную плату. Он считал, что тот сам должен платить за свое обучение, и первую зиму Чапаев работал практически бесплатно, как тогда говорили — «за харчи». Двумя годами позднее наш герой перешел к известному многим в Балакове мастеру — столяру Ивану Зудину. Многие балаковцы называли его «безбожником» и «смутьяном», так как был он активным противником самодержавия и существовавшего правительства. В революцию 1905—1907 годов Зудин был избран членом Балаковского крестьянского союза и, вероятно, находился под негласным надзором полиции.

С 1906 года Василий вместе с отцом и братьями работал по найму в Сызрани. Они снова кочевали по Поволжью и заволжским степям, изредка забирались в земли киргизов

(нынешних казахов). Строили мельницы, изготавливали сельскохозяйственный инвентарь и прочую утварь. Впоследствии, как сообщал Иван Кутяков, Чапаев с присущей ему самоуверенностью рассказывал: «Плотник я, скажу откровенно, образцовый. Владел я этим делом в совершенстве».

При строительстве церкви в селе Клинецовка под Николаевском (ныне Пугачев) Василию поручили установить крест на куполе. Всё проходило благополучно, Василий с помощью блоков и других приспособлений поднял крест на купол, установил и начал снимать крепления. Внезапно все увидели снизу, как Василий вскинул руки и что-то прокричал в небо. Возможно, молодой человек решил, что его молитва или просьба с купола церкви прозвучит более убедительно, чем если он произнесет ее в храме или перед иконой в красном углу дома. Братья и отец ничего не успели понять, как Василий неожиданно сорвался и полетел вниз. Все в ужасе замерли. Он падал странно медленно, или это так казалось его родным? И снова, как несколько лет назад, приземление оказалось удачным, хотя на этот раз никакого снега не было. Василий, что называется, родился в рубашке: ни перелома, ни ушиба, ни царапины, ни синяка. После этого случая товарищи и близкие прозвали его Ермаком, с которым в юности приключилась такая же история. Прозвище покорителя Сибири прицепилось к Василию Чапаеву накрепко, близкие и товарищи по работе звали его так всегда, несмотря на чины и награды. Возможно, ему удалось бы его оправдать, если бы 25-ю дивизию после завершения боев под Уфой оставили на челябинском направлении, а не перебросили под Уральск против местных казаков. Соседняя 26-я дивизия дошла до Омска и Новониколаевска.

Дальше в биографии Чапаева начинается таинственный период, который описывает Кутяков, но никак не касается правнучка легендарного командира Евгения Чапаева. Фурманов описывал монолог начдива, произнесенный им в долгой дороге из-под Сломихинской до Александрова Гая:

«А в годах был — по семнадцатому (получается — 1904-й или начало 1905 года. — П. А.). Мерекал-мерекал да и выдумал по Волге ходить, по городам, народ всякий рассмотреть, да как кто живет — разузнать самолично... Купил шарманку опять же себе... И была еще тогда со мной девушка Настя!.. “Пойдем, — говорю, — Настя, по Волге ходить: я петь да шарманку вертеть, а ты плясать почнешь. Зато уж и в Волгу-то мы насмотримся и все города-то мы обойдем с тобой!” И пошли... В разных местах, как зима за-

жмет, и подолгу живали с ней, работать даже принимались на голодное житье... А как оно на апрельских зеленях покажется, солнышко, как двинет матушка льды на Каспийское море, — подобрали мы голод в охапку да берегом, все берегом, бережком... И музыка шарманная, и жаворонки поверху свистят, да Настя тут, да песня тут... Эх ты, не забыть тебя — не забуду! Ну уж и красавица ты по весне плывешь!

Вдруг опустилась Чапаева голова, стих печально веселый голос: “Много в апрелех солнца, а кроме солнца — преет апрелем земля... И от прелости той не уберег я ее, касатку... Свернулась, как листик зеленый. И осталась пустая моя шарманка... А плясунку в Вольском на берегу схоронил... А сам цыгану шарманку загнал — и остался я будто вовсе один”, — печально завершил одну из своих повестей Чапаев».

Возможно, что юношеский бунт действительно произошел: Чапаеву надоела торговля (и не только из-за необходимости обманывать), работать вместе с отцом, человеком, мягко говоря, с непростым характером, тоже не очень хотелось. Не исключено, что, наслушавшись рассказов бурлаков и других работников, которые кочевали по Волге в поисках заработка или легкой жизни, юный Василий поддался обаянию рассказов о другой, не связанной с тяжелым повседневным трудом жизни, и отправился путешествовать по Волге. Похожие истории не раз рассказывал, например, Максим Горький.

Впрочем, вероятен и другой вариант: монолог о певунье и красавице Настеньке звучит вслед за явно вымышленным рассказом о своем «благородном» происхождении от тайной связи дочери казанского губернатора и цыгана и также может быть одной из чапаевских мистификаций.

Так или иначе, в 1908 году Василия призвали на действительную службу в армию, но меньше чем через полгода он вернулся домой. По одной версии, его списали по здоровью, из-за появившегося на глазу бельма, по другой — признали неблагонадежным из-за брата, которого призвали в армию тремя годами раньше и казнили за антиправительственное выступление. Иван Кутяков писал, что Чапаев вернулся домой унтером, но это явное приукрашивание способностей нашего героя к военной службе: в унтер-офицерские учебные команды в мирное время отбирали только после полугода солдатской службы, а затем начиналось длительное обучение. Так что в то краткое пребывание в армии младшим командиром Чапаев стать не мог. Обсто-

ательства смерти старшего брата Чапаева Андрея пока не разгаданы: по версии Евгении Чапаевой, его расстреляли за подстрекательство против царя в 1908 году, но подтверждающие эту версию документы пока не обнаружены. Версия же о том, что после казни Андрея жандармы потребовали от Ивана Степановича отсидеть срок в тюрьме за сына и при аресте убили одну из дочерей, выглядит маловероятной: отец может отвечать за малолетнего сына-гимназиста, но никак за взрослого солдата. Кроме того, жандармы и полицейские в те годы не имели штатных дубинок, для «успокоения» буйных предписывалось использовать холодное оружие в ножнах. Представить же, что служители правопорядка носили при себе самодельное, не предусмотренное уставом снаряжение трудно.

Вскоре после возвращения со службы Василий заявил, что хочет жениться. Его избранницей стала дочь священника Пелагея Метлина. Иван Степанович выбор сына не одобрил, в гневе топал: нечего крестьянскому сыну связываться с поповской дочкой.

Несколько дней отец и сын не разговаривали, но затем Иван Степанович предложил Василию жениться на соседской дочери. Но Василий был тверд: если не дадут ему жениться на любимой Пелагеюшке — лишит себя жизни. Иван Степанович предпочел уступить: он знал, что сын унаследовал его твердость и упорство и не привык бросаться словами.

Младшая дочь расстриженного священника была местной красавицей, мечтой многих парней: длинная темно-русская коса, ямочки на щеках, к тому же певунья и плясунья. Родители с той и другой стороны были против свадьбы, но Василий и Пелагея их не послушали и в июле 1909 года обвенчались без родительского благословения.

Через год, в августе 1910 года, у молодых родился первенец — сын Александр. Жили они с родителями Василия, перспектив на строительство своего дома пока не было. Заработки в Балакове снизились после строительства железной дороги, на которую теперь приходилась значительная часть хлебных перевозок.

В 1912 году родился второй ребенок — дочь Клавдия, и, чтобы прокормить семью, Василий взял ссуду у сестры Пелагеи и открыл мастерскую по ремонту сельхозинвентаря. Первые месяцы были удачными: молодой Чапаев вернул ссуду и расплатился с долгами, но затем дела пошли всё хуже, и вскоре мастерскую пришлось закрыть.

Пелагея придумала новый способ поправить материальные дела семьи и упросила отца взять Василия в его иконописную мастерскую. Василий сначала отнекивался, говорил, что не крестьянское это дело, но затем согласился, понимая, что ремесло иконописца приносит пусть и небольшой, но постоянный доход. Он быстро освоил новое занятие и научился реставрировать иконы. Отец Пелагеи понял, что может отдохнуть на склоне лет, и поручил все дела — изготовление новых и восстановление старых икон — своему зятю. Тот был ценнейшим работником: трудился на совесть и не пытался присвоить себе ни единого гроша, выполнял все работы, а полученные доходы делил поровну.

Устраивавшее всех течение событий прервал скандал. Как-то раз в церкви, где работал Чапаев, появилась старушка, которой нужно было восстановить икону. Просительница утверждала, что это лик Николы-угодника. Василий усомнился: образ был почти незаметен. И тогда он предложил старой крестьянке написать икону заново. Бабушка заупрямилась и настаивала, что на иконе изображен именно Николай-угодник, так утверждали все ее предки. Василий вынужден был реставрировать, надеясь на честность заказчицы. Василий работал над древним изображением неделю. Однако когда старушка пришла за заказом, ее возмущению не было предела: с иконы на нее смотрел Николай-угодник, только в папахе и с усами, да еще и с саблей на боку. Владелица иконы кричала так, будто увидела нечто ужасное.

Василий и сам удивлялся, как такое получилось, что затмение на него нашло. (Выходило, что Чапаев, сам того не зная, написал... себя в будущем!) После этого Василию с семьей пришлось покинуть ставшее родным Балаково: старушка оказалась со связями в местных властях и грозила посадить художника за «богохульство», невзирая на семью и маленьких детей. Удивительное дело: Василий Чапаев едва не повторил печальную участь своего деда, Степана Гаврилова, осужденного за богохульство.

Весной 1913 года Чапаев с семьей отправился по Волге далеко на север, в Симбирск, но вскоре покинул родину Владимира Ленина, о котором он тогда еще и не слышал. В городе была безработица, мест не хватало даже для постоянных жителей.

Пришлось опять искать счастья на новом месте, снова кочевать по Волге. Чапаевы осели в Мелекессе (ныне —

Димитровград), где нашлась работа и жилье. Уже в Симбирской губернии родился сын Аркадий. Василий и Пелагея надеялись, что жизнь на новом месте наладится и будет наконец благополучной и безбедной. Но в конце июля, через неделю после рождения младшего сына, вспыхнула война с Германией и Австро-Венгрией. Пришлось молодой семье спешно покинуть едва обретенный дом и вернуться в Балаково. Пелагее не хотелось возвращаться в дом родителей мужа, которые ее не жаловали, но выхода не было. Василию вскоре придется снова надеть военную форму, а без помощи близких Пелагея не могла бы поднять детей, один из которых был грудным младенцем.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ ПЕРВОЙ РОТЫ

Летом 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну. Невиданные прежде по размаху боевые действия требовали все больше солдат и офицеров для пополнения действующих и создания новых частей и соединений. Во второй половине 1914 года в армию и на флот были мобилизованы около четырех миллионов человек — досрочно призванные новобранцы и резервисты. Местные власти в Мелекесе усердно разыскивали ратника ополчения Чапаева, чтобы мобилизовать его в действующую армию. Полуторагодичные розыски были безуспешными. Однако наш герой отправился на войну по общим для всех правилам призыва, но без принуждения. Он не пытался, как модно выражаться сейчас, «откосить» от службы в момент, когда она сулила опасности и лишения.

Наверное, Чапаев покидал любимых жену и детей без большой охоты. Тем более что Пелагея совсем недавно подарила ему третьего ребенка и ей было непросто ужиться с его родителями, особенно с норовистым Иваном Степановичем, который считал невестку белоручкой и лентяйкой. Но молодого 27-летнего человека захватила волна народного подъема, он испытал прилив новых чувств, называемых патриотизмом. В первые недели после объявления войны и мобилизации многие в России воспринимали войну как критический момент истории, способный обновить страну, очистить ее от бюрократии и крепостнических пережитков, мешавших развитию. «Война 1914 года может принести России великие блага, не материальные только, но и духовные. Она пробуждает глубокое чувство народно-

го национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду... Война должна освободить нас, русских, от рабского и подчиненного отношения к Германии... Россия станет окончательно Европой, и именно тогда она будет духовно самобытной и духовно независимой», — писал философ Николай Бердяев.

Людей низших классов такие высокие материи вряд ли волновали. Освобождение братьев-славян или война против «тевтонского вторжения» были для них слишком далекими и непонятными лозунгами. Зато для многих крестьян, рабочих и ремесленников мобилизация означала временное освобождение от повседневных забот, уход от скудной и бедной событиями привычной жизни. В отличие от мирного времени, когда призыв означал переход от привычной рутины к армейской — строевой муштре, хозяйственным работам и лишь отчасти обучению приемам ведения войны, теперь военная служба сулила далекие путешествия и острые ощущения, невозможные в обычных обстоятельствах. То, что для многих эти путешествия и приключения окажутся в жизни не только первыми, но и последними, задумывались немногие. Смерть или тяжелое увечье представлялись чем-то маловероятным, уделом многочисленных несчастливцев, которым не придется дожить до победы. Миллионы людей воспринимали будущую войну как праздник преобразования. Победоносные боевые действия должны были завершиться триумфом и царскими милостями народу, принесшему жертвы ради победы. Миллионы крестьян и горожан отправились в уездные воинские присутствия — далеко не всегда с воодушевлением, но с неосознанным убеждением, что они должны послушать царю и Отечеству.

Настроения тех дней историки и публицисты потом называли «священным единением», а саму войну — второй Отечественной, сравнивая ее с войной 1812 года. На прежний ярлык «неблагонадежный» и болезни никто не обращал внимания: массовая мобилизация не предполагала серьезной проверки политических взглядов и состояния здоровья. Чапаев отправился в 159-й запасной батальон в Аткарск, минуя призывной пункт в Балакове, возможно, чтобы избежать лишних вопросов. Поэтому гражданские и военные власти «потеряли» Чапаева из виду. Балаковское волостное правление весной 1915 года, когда наш герой уже несколько месяцев находился на передовой, отправило в Мелекесс запрос: «Ратник ополчения 1-го разряда призыва 1908 года крестья-

нин деревни Будайка Василий Иванович Чапаев подлежал поступлению на военную службу по мобилизации 20 сентября 1914 года. Между тем, по наведенной справке, он оказался проживающим в посаде Мелекесс, почему Балаковское волостное правление имеет честь покорнейше просить ваше высокоблагородие сообщить сему правлению, проживает ли в посаде Мелекесс Чапаев, почему не мобилизован и, в случае его уклонения, представить его к господину воинскому начальнику для зачисления в ряды войск». Только через год, в апреле 1916-го, когда Чапаев уже дважды был ранен, уездный полицейский пристав ответил: «Просимых сведений о Чапаеве дать не представляется возможности, так как последний в посаде Мелекесс не разыскан и личность его жителям посада никому не известна».

Три месяца Чапаев проходил обучение в запасном батальоне, повторяя курс первоначальной подготовки, уже пройденный шесть лет назад. То, что было необязательным для нашего героя, оказалось крайне необходимо для сотен его товарищей, которые прежде не призывались. Призыв в армию до Первой мировой войны в Российской империи был массовым, но не всеобщим: подлежащие направлению в войска определялись обычным жребием (один из двоих или троих годных по состоянию здоровья). Эти резервисты, в отличие от Василия, не имели навыков обращения с оружием, действий в полевых условиях и строевой подготовки.

В начале января 1915 года рядовой ратник ополчения Василий Чапаев прибыл в действующую армию, в 326-й Белгородский пехотный полк 82-й пехотной дивизии. 82-я дивизия, входившая в состав 9-й армии генерала Платона Лечицкого, вскоре оказалась в сложной ситуации. 9—11 (22—24-го по новому стилю) января 1915 года немецкое командование начало наступление, чтобы прорвать блокаду австро-венгерской крепости Перемышль русскими войсками. 11-й армейский корпус ввязался в бои в Карпатах, 17-й корпус собирался на реке Днестр, а 30-й потерпел тяжелое поражение и отступил из Буковины за Днестр. Одновременно австро-венгерские войска под командованием генерала Карла фон Пфлянцер-Балтина пытались охватить левый фланг 9-й армии, бросив через Бессарабию две дивизии. Наступлению противника противостояли 2-й и 3-й конные корпуса, которые активными маневренными действиями заставили неприятеля прекратить атаки. Вскоре

после отражения январского наступления противника Чапаев был зачислен в полковую учебную команду, которая готовила унтер-офицеров.

В феврале 1915 года 9-я и 11-я армии отбросили противника и уплотнили фронт осады. В начале марта осадный корпус получил в свое распоряжение восемь 11-дюймовых (280-миллиметровых) береговых мортир с фортов Кронштадтской крепости. Их огонь подавил артиллерию неприятеля. 13 марта русские войска взяли под контроль командные высоты на периметре крепости, решив исход осады. Деблокада была маловероятна, генерал-квартирмейстер ставки Юрий Данилов писал: «Из Перемышля гарнизон ежедневно тысячами расстреливает бессмысленно снаряды, не причиняя нам потерь и не решаясь больше на вылазки; впечатление таково, как будто противник стремится поскорее расстрелять свои снаряды. Это предположение согласуется с известиями о затруднениях по продовольствованию гарнизона». В действительности патронов и снарядов у противника оставалось в достатке, но воля к сопротивлению постепенно иссякала.

18 марта 1915 года войскам гарнизона были выданы продовольственные пайки — в сущности, последние крохи. Комендант Перемышля генерал Герман фон Кусманек намеревался вырваться из кольца. Одно из последних распоряжений по гарнизону гласило: «Солдаты! Мы разделили последние наши запасы. Честь нашей страны и каждого из нас запрещает, чтобы мы после той тяжелой, славной, победоносной борьбы попали во власть неприятеля, как беспомощная толпа. Герои солдаты! Нам нужно пробиться — и мы пробьемся». Однако последние вылазки австро-венгерского гарнизона были отражены.

Накануне капитуляции крепости гарнизон уничтожил большую часть орудий и подорвал форты. Кавалерийских лошадей солдаты и офицеры пристрелили. В девять часов утра 9 (22) марта 1915 года Перемышль капитулировал. Оружие перед русскими войсками сложили сразу четыре армейских корпуса: девять генералов, 2875 офицеров, 113 тысяч 831 солдат (включая нестроевых). Оказалось, что 11-я армия овладела крепостью, гарнизон которой вдвое превышал ее численность.

В этом успехе значительная роль принадлежала и 9-й армии, которая не позволила противнику приблизиться к крепости и деблокировать ее. В ее рядах сражался и наш герой, которому принадлежит частица той славной по-

беды, которая, увы, оказалась шагом к поражению русской армии в Первой мировой войне.

Летом дивизия и полк, ведя маневренные бои, отходили на восток от одного рубежа к другому в Галиции. В мае полк в ожесточенных боях удерживал город Стрый, чтобы прикрыть отход частей корпуса на новый рубеж. 21 мая цель была достигнута, и защитники города отступили. 25 мая белгорайцы успешно контратаковали неприятеля и пленили пятерых офицеров и около трехсот солдат, недосчитавшись всего двоих убитых и семерых раненых. После контрудара, в результате которого австро-венгры были выбиты из нескольких деревень, Белгорайский полк 30 мая у города Жидачов вывели в тыл, его позиции заняли Богодуховский и Новочеркасский полки. 5 июня белгорайцы заняли позицию у переправы на Днестре, западнее Моссоровки, но из-за больших потерь уже через четыре дня их сменили полки 2-й бригады 82-й дивизии. Белгорайский полк получил значительное пополнение и занимался его обучением в боевых условиях. 1—24 июля полк находился на фронте, после серии боев его вывели в резерв. 13 августа белгорайцы сменили Новомосковский полк у поселка Золотой Поток восточнее города Станислав (в советские годы — Ивано-Франковск). На рассвете на позиции полка обрушилась артиллерия противника, а затем в наступление пошли цепи австро-венгерской пехоты. Атака противника была отбита, но в ночь на 16 августа полк вынужден был отступить на левый берег реки Стрый. В этих сражениях Чапаев не раз проявлял исключительную храбрость и смекалку. Один из его сослуживцев впоследствии вспоминал: «Сидим мы в окопах, неприятель пускает ракеты: окружает нас, вот-вот мы попадем в плен. Сила их над нашей ротой тучей нависает. Офицеры все растерялись, а Чапаев выход нашел. — “Дайте-ка мне, — говорит ротному, — человек десять, я сейчас напугаю неприятеля, отведу грозу”. Ему дали охотников, он им говорит: “Как стану я подползать да как крикну прытко, вы все подхватывайте, наверняка перепугаем”. Вдруг Чапаев как вскочит да как крикнет: “Ура!” А за ним и остальные на все голоса». После этого цепь неприятеля отступила, в рядах австрийцев вспыхнула паника. Авторитет Чапаева, по словам его боевого товарища, настолько вырос, что в критических ситуациях все надеялись на него. Склонность нашего героя к нестандартным действиям, которые оказывались неожиданными для неприятеля, в воспоминаниях подмечена верно. 10 июля 1915 года «за хорошее

поведение и отличное знание службы» Чапаева произвели в младшие унтер-офицеры, минуя чин ефрейтора.

После стабилизации обстановки на фронте осенью 1915 года 82-я дивизия заняла позиции в районе селения Цумань. Пройдет чуть более четверти века, и в этих местах развернется лагерь одного из самых известных партизанских соединений Великой Отечественной — бригады под командованием чекиста Дмитрия Медведева. Уже в спокойной обстановке Чапаев получил первые боевые награды — Георгиевскую медаль и солдатский Георгиевский крест 4-й степени.

В конце сентября 1915 года в ходе тяжелых и неудачных боев в лесах под Цуманью (две роты заблудились и были почти полностью уничтожены неприятелем) Чапаев был ранен и направлен в госпиталь. Перебитое сухожилие руки требовало длительного лечения, и последствия этого ранения скажутся позднее, во время Гражданской войны: плохо действующая рука не позволяла нашему герою полноценно управлять лошадью, и тогда он будет просить командование выделить ему легковую машину или мотоцикл. Тем не менее после госпиталя он возвратился в свой полк. Немного осталось в полку тех, с кем начинал он свою боевую службу. По данным полкового врача, с 1 августа 1914-го по 1 января 1916 года полк недосчитался четырнадцати офицеров и 488 солдат и унтер-офицеров убитыми, 51 офицер и 2699 солдат и унтеров были ранены (столь значительное число — следствие повторных ранений). Но самые большие потери пришлось на пропавших без вести (часть из них погибла, другая оказалась в плену) — 17 офицеров и 3444 солдата. Столь значительное число пропавших без вести среди солдат и их небольшое количество среди офицеров отражало деморализацию русской армии во время «великого отступления» весной и летом 1915 года.

Впрочем, наш герой оставался верным солдатом. Вскоре после ранения его заочно произвели в старшие унтер-офицеры. Евгения Чапаева пишет о тяжелом и несправедливом положении солдат: они сидели в сырых окопах по пояс в воде, подвергались унижениям и оскорблениям со стороны офицеров, часто недоедали и страдали от цинги. Разумеется, окопная жизнь не была курортом, встречались на позициях и недостойные командиры, однако на передовой издеваться над солдатами было себе дороже: можно

было получить пулю или штык в спину. Выяснить, чьей жертвой стал обидчик, было непросто. Продовольственное обеспечение русской армии до осени 1917 года было таким, что особенных жалоб не вызывало: хлеб и другие положенные продукты (два фунта хлеба, полфунта мяса или рыбы, достаточное количество круп и сухих овощей) поступали на передовую регулярно.

Тем временем Чапаев получил из дома известие, которое причинило ему страдания куда большие, чем недавняя рана. Отец (или кто-то под его диктовку) писал, что жена его Пелагея ушла, бросив троих детей (младшему Аркадию был всего год) к железнодорожному кондуктору, который ради нее оставил собственных детей и большую жену.

После этого, утверждает Евгения Чапаева, ее прадед искал смерти в бою, но получил лишь легкое ранение. После излечения в марте 1916 года он отбыл в трехнедельный отпуск.

Чапаев спустя несколько лет описывал Фурманову драматичную встречу с любимой женщиной:

«“Ну, што же, говорю, змея зеленая, хоть и любил я тебя, а иди же ты, сука, на четыре стороны, не хочу я больше знать тебя в жизни. Детей же беру с собой”... И больно уж обида меня взяла! Два ведь года не видел ее, а других штобы баб — пальцем не шевелил. Я никогда этого...» Правнучка, однако, описывает совсем другую, трогательную встречу Чапаева с женой: когда Пелагея увидела Василия, то немедленно покинула любовника и вернулась к мужу. Свой уход из семьи она объяснила постоянными упреками родителей Василия и даже побоями, на которые не скупился Иван Степанович. Любовь вспыхнула с новой силой: Василий и Пелагея почти не разлучались и даже сфотографировались вместе: молодые люди (Василию было двадцать девять лет, Пелагее — двадцать четыре) держались за руки и преданно смотрели друг другу в глаза. Но это счастье было недолгим: Василий должен был вернуться на фронт, иначе рисковал не только своей жизнью, но и мог навлечь большие неприятности на родных. Возможность продлить отпуск разными правдами и неправдами он, кажется, не рассматривал, как и не пытался перевестись в запасной батальон поближе к дому и семье. Чапаев пытался уладить отношения между Пелагеей и отцом: это был мужской разговор на равных, ведь Василий превратился в закаленного воина, георгиевского кавалера, которого невозможно не уважать. Отец обещал вести себя сдержаннее.

Тем не менее расставание с семьей было тяжелым, Василий понимал, что Иван Степанович вряд ли сможет удержаться от брани и рукоприкладства, а Пелагея не станет терпеть оскорбления свекра. Отбывая на фронт, он понимал, что прощается со своей любовью навсегда. Так оно вскоре и случилось. Это состояние солдата и офицера на фронте, который тяжело переживает личную драму, передал словами одного из своих героев — Ивана Синцова писатель Константин Симонов: «Страшно привыкать к мысли, что умерла. Но, может, еще страшней, затолкав эту смертельную мысль в глубь себя, жить с нею так, словно годами идешь по минному полю, не зная, где и когда под тобою рванет».

Вскоре после возвращения на фронт Чапаеву с боевыми товарищами пришлось участвовать в Брусиловском прорыве летом 1916 года. 25 июня 11-й армейский корпус 9-й армии, в который входила 82-я дивизия, занял город Делятин в Галиции. Но наступление вскоре захлебнулось из-за растянутости фронта, значительных потерь и превосходящих сил противника. Пришлось снова переходить к позиционным боям. За это время наш герой неоднократно проявил себя с лучшей стороны: смело пробирался в тыл противника и поднимал там панику, останавливал отступавшую роту и вел ее вперед, неожиданно атаковал неприятеля с небольшой группой бойцов. В разгар боев, в июне 1916 года, нашего героя произвели в фельдфебели — высший унтер-офицерский чин русской армии. «Фельдфебель Василий Иванович Чапаев в бою 15 июня 1916 года у гор. Куты руководил подчиненными примером личной храбрости и мужества, проявленными при взятии занятого неприятелем укрепленного места, ободрял и увлекал за собой подчиненных и, будучи опасно ранен, после сделанной ему перевязки вернулся в строй и снова принял участие в бою», — указано в приказе о награждении Чапаева Георгиевским крестом 2-й степени. Чапаева назначили фельдфебелем (старшиной) первой роты — знак особого доверия командира полка и других офицеров, показатель их уверенности в том, что он не подведет ни на передовой, ни в тылу. Чапаев заслужил такое доверие: он был трижды ранен, но возвращался в свой полк, хотя, наверное, имел возможность остаться на безопасной должности в тылу. Он возвращался именно в свою часть, стремясь оказаться рядом

с теми, с кем привык разделять тяготы и редкие радости окопной жизни.

Одним из них был Петр Камешкерцев. В одной из операций его ранило в живот, и Чапаев вынес своего товарища с поля боя и доставил в лазарет. Понимая, что Камешкерцев не выживет, Чапаев старался облегчить другу последние минуты жизни. Когда к Петру ненадолго вернулось сознание, он с трудом, едва слышно попросил Чапаева помочь его семье, прежде всего — маленьким дочерям. Василий, глотая слезы, поклялся до конца своих дней поддерживать дочерей друга.

Василию Чапаеву повезло больше: в конце августа его ранило шрапнелью в левое бедро. После первой медицинской помощи раненого эвакуировали сначала в перевязочный отряд дивизии, затем, когда выяснилось, что рана достаточно тяжелая, — в 81-й отряд Красного Креста и, наконец, в госпиталь в Херсоне. Оттуда Чапаев в полк уже не вернулся, он стал командовать взводом в команде выздоравливающих. Однако разговоры о антивоенных настроениях нашего героя вряд ли обоснованны. В приказе по 153-й команде выздоравливающих от 11 марта 1917 года четко указано, что Чапаев отчисляется из нее как изъявивший желание пойти в действующую армию. Трудно сказать, что заставило нашего героя, сполна хлебнувшего фронтового лиха, снова отправиться на передовую. Возможно, его не устраивал скудный по сравнению с фронтовым паек или возмущало начавшееся в тылу разложение, когда солдаты перестали соблюдать субординацию и выполнять распоряжения офицеров. Так или иначе, он вновь отправился на фронт. Но перед этим получил 25-дневный отпуск и поехал в Николаевск, где теперь жили его родные.

До сих пор специалисты спорят, сколько наград получил Василий Чапаев. Одни утверждают, что он стал полным георгиевским кавалером, другие — что он не был награжден солдатским орденом 1-й степени. Но подсчет медалей и орденов важен для специалистов: понятно, что наш герой был храбрым солдатом и умелым унтер-офицером.

Два с половиной года на передовой сделали Чапаева совсем другим человеком. Простой крестьянин по происхождению и мастеровой по роду занятий, мечтавший о семейном счастье и достатке, стал воином. Постоянная смертельная угроза воспитала в нем мужество и стойкость, готовность переносить любые тяготы.

ОТ МИРОВОЙ К ГРАЖДАНСКОЙ

Фельдфебель Чапаев после очередного ранения и лечения в госпитале покинул передовую и оказался в одном из тыловых гарнизонов русской армии, солдаты которых стали настоящим детонатором революционных событий 1917 года. Действительно, миллионы людей, преимущественно крестьян, по воле верховной власти и военного командования были оторваны от привычных занятий и сконцентрированы в казармах. Занятия с новобранцами были не особенно интенсивными и значительную часть времени тыловые солдаты были предоставлены сами себе. Многие мобилизованные считали свое пребывание в армии ненужным, в то время как брошенная земля страдала от отсутствия рабочих рук. Особенно возмущались сорокалетние отцы больших семейств, призванные в конце 1915-го и в 1916 году, получавшие из дома горестные вести, что некому пахать и сеять, некому убирать урожай.

Бесконечная строевая муштра, бесцельное сидение в казармах, грубость офицеров наводили на крамольные мысли о преступной власти, равнодушной к нуждам простого народа. Скудный тыловой паек также порождал недовольство, слухи о воровстве интендантов и командиров приводили к массовому обмену солдатского обмундирования на продукты и самогон.

В то же время большинство жителей барачных поселков, возникших в 1915 году на окраинах десятков городов Российской империи, к началу 1917 года боялись отправки на боевые позиции. Доходившие по «солдатскому телеграфу» слухи о больших потерях на фронте порождали панические настроения, желание уклониться от отправки на передовую, что, в свою очередь, приводило к стремлению любым способом добиться исключения из списков маршевых рот, предназначенных для пополнения боевых частей. Справки о «дурных» болезнях или свидетельства о принадлежности к последователям Льва Толстого либо различным сектам стали пользоваться невероятной популярностью. Чтобы получить подобную справку, врачам и фельдшерам угрожали жестокой расправой и даже убийством. В этих условиях антивоенная агитация находила благодатный отклик у обитателей тыловых казарм. Трусы, дезертиры и просто слабохарактерные люди получили идеологическое основание для уклонения от воинского долга. Теперь они могли не скрываться и не симулировать болезни, а гром-

ко клеймить правительство, генералов и затеявших войну «бар».

Сосредоточение многотысячных масс, не ограниченных армейской дисциплиной, не занятых настоящим военным обучением, в городах, где отсутствовали надежные воинские части, привело к разложению большинства гарнизонов и превращению их в очаги беззакония, смуты и беспорядков, что негативно повлияло на ход отечественной истории.

Как же чувствовал себя в хаосе весны 1917 года храбрый и ответственный фельдфебель Чапаев? В советские годы историки и публицисты утверждали, что наш герой проникся антивоенными и большевистскими настроениями весной 1916 года, еще во время отпуска после второго ранения. Однако революционность и бунтарство Чапаева весной 1917 года сильно преувеличены. Вплоть до осени, когда дисциплина в русской армии окончательно развалилась не только в тылу, но и на фронте, Чапаев оставался верен воинскому долгу и присяге.

Василий Чапаев прибыл в Саратов в апреле 1917 года и получил назначение в 90-й запасной пехотный полк 14-й запасной бригады. Возможно, военные чиновники, отправившие Чапаева в тыловую часть, надеялись, что опытный унтер с боевым опытом, заслуженный фронтовик, кровью доказавший преданность родине, сумеет наладить дисциплину в вверенной ему роте, а глядя на него подтянутся и остальные. В первые месяцы так и получилось. Фельдфебель обучал солдат, сосредоточив их внимание на том, что может понадобиться в боевых условиях, оставляя в стороне шагистику.

В мае — июне 1917 года в русской армии началось формирование ударных частей и подразделений: «батальонов смерти» — на фронте, а также революционных батальонов, которые комплектовались «волонтерами тыла». Чапаев вступил в ударный отряд 90-го полка и, по некоторым сведениям, был одним из его командиров. Добровольцы, среди которых было немало молодых юнкеров, кадетов и студентов, охваченных послефевральским подъемом, клялись сражаться за родину до победы или умереть. Ударные части, по замыслу Временного правительства, должны были выполнять наиболее ответственные задачи в наступлении и обороне и показывать пример стойкости остальным ча-

стям. Впоследствии «ударники» должны были удерживать фронт, брошенный деморализованными войсками, до появления резервов и пополнений, готовых сражаться «до победного конца». И хотя военному руководству удалось создать несколько сотен ударных полков, отрядов и батальонов, а на Юго-Западном и Румынском фронтах — даже «штурмовые» дивизии, идея оказалась недостаточно проработанной. Ударные части, среди которых был знаменитый Корниловский полк, не смогли стать каркасом новой «революционной» армии из-за быстрой деморализации и падения дисциплины. Многие части объявлялись ударными, несмотря на невысокий моральный дух, отсутствие необходимой боевой подготовки и внутреннего единства. Организация тыловых революционных частей шла медленно: к сентябрю 1917 года, когда их формирование приостановили по распоряжению военного министра Александра Верховского, насчитывалось всего два полка, 50 батальонов и несколько отдельных отрядов. Будущий колчаковский военный министр генерал Алексей Будберг, осенью 1917 года командовавший одним из армейских корпусов на Северном фронте, писал: «Образовавшиеся кое-где ударные батальоны служат отлично, дерутся героически, и на них надо базироваться; действия этих батальонов во время июльского наступления и при рижском прорыве, где такой батальон 38-й дивизии буквально спас все положение, безупречная служба ударного батальона 120-й дивизии дают полное право надеяться, что с этими частями мы удержим фронт». Однако изъятие сознательных, пользовавшихся авторитетом благодаря своему боевому опыту и навыкам повседневной фронтовой жизни солдат и унтеров из обычных армейских и запасных частей оставило офицеров без поддержки снизу. Они оказались наедине с агрессивно настроенной и враждебной командному составу и воинской дисциплине массой, которую Будберг назвал «отборной шкурятиной». «Всякий призыв с их (офицеров. — П. А.) стороны к солдатам к исполнению своих обязанностей, вообще все, что шло вразрез с инстинктами и пожеланиями шкурных элементов армии, встречается последними резко враждебно, причем нередко раздавались угрозы расправы оружием. И это были не простые угрозы», — указывалось в одном из рапортов начала осени 1917 года. Слабость военного командования, не сумевшего четко выделить боеспособный элемент армии (в ударных частях к ноябрю 1917 года числилось около шестисот тысяч человек) и удалить с фронта и

ближайшего тыла деморализованную массу, породила еще один конфликт. Стремление сохранить дисциплину и армию меньшинства противоречило настроениям не желавшего продолжать войну агрессивного большинства. Ударные части неоднократно ликвидировали прорывы фронта, вызванные самовольным отходом и дезертирством солдат линейных полков, подавляли беспорядки в тылу и на фронте. Внутриармейский антагонизм во время войны не позволил предотвратить распад и деморализацию российской военной силы, а также массовое дезертирство, которое фактически узаконили большевики, объявившие о демобилизации старой армии.

Чапаев был доволен новым местом службы: его рота размещалась в театре, ему как командиру отвели отдельную комнату. Наконец, пребывание в тылу позволило Чапаеву разобраться (или, напротив, еще больше запутаться) со своими личными и семейными делами. В апреле он получил от командования краткосрочный отпуск.

Действия Чапаева могут удивить многих людей нынешнего поколения. Наш герой мог хотя бы попытаться вернуть законную жену, которую он, похоже, продолжал любить, или найти новую спутницу жизни, что было несложно: Первая мировая оставила вдовами миллионы женщин, мужа которых погибли на полях сражений. Но Чапаев даже не помышлял нарушить данное другу обещание. Сразу, как появилась возможность, он навестил живших в Балакове родителей и рассказал о случившемся. Иван Степанович понимал, что сыну будет трудно содержать пятерых детей. Он предвидел, что хлопоты по содержанию и воспитанию родных и приемных детей окажутся на его плечах, но не колебался: «Если клятву дал, надо держать, а твоих детей не оставлю». После этого Чапаев разыскал семью фронтового друга Петра Камешкерцева и рассказал о последней просьбе погибшего. Пелагея не сразу поверила Чапаеву, а когда осознала случившееся, разрыдалась.

Чапаев нахмурился — «что сырость развела» — и объяснил, что семью друга в беде не оставит: «Ты, Пелагея, живи, как желаешь, дочерей ваших я заберу, будут вместе с моими жить». Вдова раздумывала недолго: собрала небогатый скарб, распихала его по узлам и корзинам. Василий изумился поспешным сборам: «А ты-то куда собралась?» — «Как куда? — удивилась Пелагея. — К тебе, куда же еще?»

Наш герой был не в восторге. По воспоминаниям родни, Пелагея Камешкерцева красотой не отличалась: полная, толстоногая, плоское невыразительное лицо. Никакого сравнения с первой женой. Но данная погибшему другу клятва, как считал наш герой, была выше его личных желаний. Пелагея стала невенчанной женой Чапаева: формально его первый брак не считался расторгнутым.

Родные, особенно дети, были рады. Они понимали, что отец теперь на долгое время — вне опасности. Гибель, ранение, болезни остались в тысячах километров. Теперь они могли постоянно видеться. Старший сын Чапаева Александр впоследствии рассказывал о пребывании отца в запасном полку, в его детском восприятии царская и Красная армии слились в единое целое. «Как-то в Балакове он взял меня в Саратов погостить. Сели мы на пароход, огни зажгли, я уснул и не услышал, как отец меня на руках к себе принес. Жил он в казармах... У них была там в клубе (на самом деле — в театре. — П. А.) сцена. Красноармейцы (солдаты. — П. А.) под гармошку пели песни, плясали. А он смотрел, да как пошел! Сначала кругом, кругом, а потом все вприсядку и вприсядку. Очень хорошо он у нас плясал, всех переплясал».

Постой в театре оказал благотворное влияние на Чапаева. Возможно, наблюдательный фельдфебель присматривался к актерам, режиссерам и другим членам труппы, которые время от времени посещали театр и продолжали повседневную работу. В дальнейшем в словах, жестах, манерах нашего героя присутствовала некоторая театральность, которая вряд ли могла сама по себе появиться у крестьянского сына и боевого фельдфебеля.

Чапаев был на хорошем счету у командования и вскоре после разгрома большевистского мятежа в Петрограде 3—5 июля 1917 года его отправили в 138-й запасной полк в город Николаевск, фельдфебелем 4-й роты. По всей видимости, для налаживания дисциплины. Его строго уставной вид и выправка ярко выделялись на фоне большинства солдат, расхристанных, потерявших воинский вид и нередко превращавшихся в вооруженных попрошаек. Однако у Чапаева были уже иные политические взгляды и планы на дальнейшую службу. Возможно, он просто устал от войны

или его возмущало поведение части имущего класса, которая стремилась нажиться на войне, разрухе и использовать хаос в собственных меркантильных целях. Могла повлиять на него и личная семейная драма.

Вскоре после прибытия на службу Чапаев решил наладить контакты с местными большевиками, что сначала вызвало переполох среди партийцев. Руководитель николаевской уездной большевистской ячейки Арсений Михайлов вспоминал впоследствии в книге «Чапаев и чепаевцы»: «В середине июля 1917 года к нам в помещение большевистского комитета заходит человек с военной выправкой, среднего роста. Темно-русые крученые усы. Большая лохматая папаха. Форма подпрапорщика, на груди болтаются четыре Георгиевских креста и две медали. На левом боку — шашка, на правом — наган. Ноги обуты в ярко начищенные сапоги со шпорами. Лизнув языком толстые мясистые губы, кольнув меня блестящими зрачками глаз, вошедший спрашивает:

— Здесь комитет партии большевиков?

После июльских событий в Петрограде, после постановления Петроградского совета об отмене всяких знаков отличия и запрещения их ношения невольно подумалось: «Не черносотенец ли зашел громить большевиков?»».

Выяснилось, что страхи Михайлова напрасны. Бравый фельдфебель вынул монету и купил партийную программу. После краха царского режима в нарастающем хаосе лета 1917 года Чапаев искал точку опоры, которая может заменить растворившуюся триаду «За Веру, Царя и Отечество!». Чапаев пытался примкнуть к разным партиям. «Кругом и разговоры умные и знают люди, што говорят... а я один того не знаю. Дай в партию поступлю... Одного толкового человека упросил — он меня к кадетам все приноравливал, только оттуда я скоро... есером стал: ребята, гляжу, как раз на дело идут... Побыл с есерами... — и тут услышал анархистов. Вот оно, думаю, дело-то где! Люди всего достигают, и стеснения нет никакого — каждому своя воля...» Будучи на службе в 90-м полку, Чапаев примкнул к саратовским анархо-коммунистам, пестрой группе интеллигентов и рабочих, выступавших за прекращение войны и мирный передел земли в пользу трудящихся на ней.

Как и миллионы простых людей, он не услышал ясных ответов на волновавшие всех вопросы послевоенного устройства. Многие надеялись, что вслед за падением

царского режима наступит эра справедливости, благоденствия, мира и воли. Крестьяне жаждали решения земельного вопроса, причем справедливым большинству жителей деревни представлялось распределение всех угодий между отдельными хозяйствами в зависимости от числа едоков, их изъятие у помещиков и ликвидация частных экономий, а также хуторов сельских жителей, выделившихся из общины в ходе Столыпинской реформы.

Медлительность Временного правительства в решении аграрного вопроса, стремление партии эсеров, особенно правого ее крыла, отложить распределение земли до созыва Учредительного собрания вызвало возмущение крестьянства и резкий рост беспорядков. Как и в 1905 году, запылали помещичьи усадьбы. Кроме того, крестьяне силой принуждали столыпинских выселенцев возвращаться в общину. Участь упорствующих в своем праве собственности была печальной: их усадьбы сжигали, угоняли скот, портили поля и луга.

Чапаева, как и миллионы других недавних подданных империи, привлекли лозунги большевиков, обещавших скорое решение сложнейших вопросов войны, мира, собственности, труда и земли. Его возмутило только требование большевиков «снять побрякушки» — заслуженные кровью и личным мужеством на полях сражений боевые награды, тем не менее он согласился участвовать в работе большевистского комитета. Осенью, по свидетельствам очевидцев, под влиянием новых знакомых Михайлова и будущего председателя уездного совнаркома Вениамина Ермощенко он вступил в партию.

Такое сотрудничество было выгодным для обеих сторон. Чапаев, став большевиком, сразу сделался «своим» среди солдат, но многие из них все же были недовольны его требовательностью и стремлением сохранить в подразделениях полка строгую дисциплину. Кроме того, если верить свидетельствам очевидцев, он препятствовал воровству и тайной продаже продовольствия, боеприпасов и амуниции. Большевики же получили в свое распоряжение волевого командира и хорошего организатора, способного создать в условиях царящего хаоса боеспособное воинское подразделение и твердо руководить им при быстроменяющейся обстановке и внезапных колебаниях настроений большинства.

В сентябре 1917 года командование Казанского военного округа решило сменить избранного солдатами командира полка, подпоручика военного времени Степанова на кадрового военного, подполковника Отмарштейна. На заседании полкового комитета Чапаев выступил против, заявив, что другого командира полку не нужно. Тогда нашему герою и другим большевикам пришлось отступить, но и Отмарштейн, и его соратники не пытались подавить недопустимую в армии внутреннюю оппозицию.

Чапаев начал работу по нейтрализации офицеров и командиров полка и постепенному переводу контроля над полком в свои руки. Фельдфебелю с большим боевым опытом удалось завоевать доверие солдат, которые отправили его делегатом на съезд депутатов Казанского военного округа, проходивший вскоре после свержения Временного правительства, в дни московских боев. Чапаев жестко парировал попытки меньшевиков и эсеров не признавать советскую власть, установленную в Казани 8 ноября (26 октября), и их призывы продолжать войну. Он обвинил своих противников в стремлении вернуть старые порядки и объявил: «Я три года воевал в Белгорайском (пехотном полку. — П. А.), а здесь являюсь делегатом от 138-го запасного и знаю, чего хотят солдаты и о чем они мне наказывали... Кто вас уполномочил говорить от имени солдат о продолжении этой войны? Быть того не может!»

Наш герой потребовал провести выборы Совета народных комиссаров военного округа и одновременно — командиров частей. Если бы Чапаев просидел большую часть войны в тылу, антибольшевистским ораторам, вероятно, удалось бы убедить присутствующих в неправоте делегата одного из многих запасных полков. Но выступление фронтовика они опровергнуть не могли, предложения Чапаева были приняты большинством съезда. В Николаевск Чапаев вернулся уже с мандатом на отстранение Отмарштейна.

Это решение подтвердил и Николаевский совет депутатов. Отмарштейн протестовал и потребовал от занявшего его кабинет Чапаева освободить помещение. Однако, встретив сопротивление бывшего фельдфебеля, который твердо заявил, что теперь он назначен командиром полка, не пытался вернуть себе прежнее положение. В ответ на протесты части офицеров и чиновников штаба против незаконного захвата власти новый командир попросил всех несогласных покинуть полк, а оставшихся — продолжить выполнение служебных обязанностей. Тем не менее, опи-

раясь на эсеро-меньшевистский комитет, Отмарштейн не признавал нового назначения, называя его незаконным.

Впоследствии Отмарштейн примкнул к Белому движению на востоке России, в июне 1919 года командовал 60-м Воткинским имени Иностранных держав пехотным полком 15-й Воткинской пехотной дивизии. При определенном стечении обстоятельств два бывших командира 138-го запасного полка могли встретиться на линии фронта. Карьера бывшего фельдфебеля складывалась существенно удачнее, чем у подполковника.

Приняв командование полком, Чапаев сразу взял под контроль переформирование полка, до того в ходе демобилизации старой армии носившее полустихийный характер, а также сохранность вооружения, боеприпасов и амуниции. Первыми увольнялись солдаты, прибывшие в полк из госпиталей, где они находились на излечении от фронтовых ранений и болезней, затем ратники старше сорока трех лет. Демобилизацию оформляла медкомиссия под руководством военного врача Троицкого. Новый командир полка сумел создать в части ядро из солдат и унтер-офицеров, готовых с оружием в руках защищать новую власть. Чтобы усилить свой отряд, Чапаев прибегал к разным средствам: не сдал пулеметы в окружной склад, в декабре 1917 года вывез два орудия из артиллерийской части в Саратове совсем не революционным способом — обменяв у солдат разложившейся караульной команды на самогон.

Николаевский совет депутатов получил внушительную по тем временам вооруженную силу с пулеметами и артиллерией. Этому отряду очень скоро нашлось применение. В середине декабря 550 человек отправились в район Царицына, где ожидалось выступление казаков против советской власти.

В те же дни 1917 года в Николаевске прошел уездный крестьянский съезд, на котором местные эсеры намеревались выразить недоверие ревкому и большевикам, но последним удалось перехватить инициативу. Вслед за этим большевики провели совместное заседание съезда и Совета рабочих и солдатских депутатов. На нем Чапаева избрали народным комиссаром внутренних дел Николаевской уездной трудовой социалистической коммуны. Новоиспеченный комиссар заявил, что съезд необходимо рассматривать как полноправную власть уезда, а выступления против нее будут считаться контрреволюционными и вражескими. Будучи комиссаром внутренних дел, наш герой выполнял

решения о наложенных на имущие классы реквизициях и контрибуциях. Иван Кутяков впоследствии утверждал: «В денежном отношении Василий Иванович был до болезненности щепетилен. В 1918 году, когда конфискации, контрибуции, реквизиции производились подчас “на глазок”, Василий Иванович всегда строго следил за тем, чтобы малейшая ценность поступала в советскую государственную казну. Он требовал, чтобы все ценности, не имеющие непосредственно военного значения, немедленно сдавались в Пугачевское казначейство и обязательно под расписку». Впрочем, щепетильность не распространялась на методы взимания контрибуций. Чапаеву поручили изъять у буржуазии (к ней причисляли и людей свободных профессий) 900 тысяч рублей. Состоятельных граждан арестовали, чтобы ускорить выплату, но они упорствовали. Тогда сотрудники комиссариата вывели несколько человек и имитировали расстрел, выстрелив вверх. После этого план контрибуции был перевыполнен почти в полтора раза — собрали 1,3 миллиона рублей. И это был не единственный способ изъятия денег и ценностей. Однажды комиссар внутренних дел организовал телесные наказания состоятельных горожан и сельских жителей. Это была личная инициатива Чапаева, не санкционированная ни ревкомом, ни Советом, ни новым народным судом. «Говорим: “Что ты дурака валяешь?” Он говорит: “Знаешь, когда застрелишь, он ничего не помнит, а попорешь — помнит и рассказывает”», — вспоминал председатель уездного Совета Вениамин Ермощенко.

Вскоре Чапаеву пришлось лично выступить против внутреннего врага. 20 января 1918 года было созвано Николаевское уездное земское собрание. Его делегаты из числа местных интеллигентов, буржуазии и наиболее удачливых крестьян отказались признать власть большевиков и потребовали роспуска Совета. Но большевики и левые эсеры подготовились к возможному выступлению противников и его подавлению вооруженной силой. Большие тракты, железнодорожный вокзал и мосты были прикрыты вооруженными отрядами. Два комиссара, Бочкарев и Бауэр, и «группа товарищей» с оружием вошли в зал заседаний. Бочкарев объявил заседание закрытым, а Бауэр грубо прервал пытавшегося протестовать городского голову и предложил крестьянским участникам съезда гласных собраться завтра.

Недовольные крестьяне разошлись, тех, кто пытался оказать сопротивление, арестовал Чапаев. Уездный совнарком назначил комиссаров в штаб милиции, на телеграф и железнодорожный вокзал. Вскоре созванное под дулами винтовок и револьверов собрание крестьянских гласных объявило себя четвертым уездным крестьянским съездом, который одобрил роспуск земской управы.

21 января оставшиеся на свободе делегаты земского собрания ударили в набат. По сигналу на соборной площади собралась большая толпа. Ораторы призывали свергнуть узурпаторов-большевиков и восстановить законность. Возмущенные произволом новой власти горожане осмелели и готовились штурмовать Совет. «В этот момент на площади появился Чапаев с автомобилем, вооруженным пулеметами. Без всякого предупреждения он немедленно открыл огонь из пулеметов по куполу каменного собора. Этого было достаточно, чтобы защитники Керенского и Учредительного собрания разбежались...» — писал впоследствии Иван Кутяков.

Это был первый опыт подавления антибольшевистских сил. Пока Чапаев только арестовал противников советской власти и стрелял поверх голов. Но вскоре ситуация изменилась. 24 января 1918 года уездный Совет назначил его комиссаром по военным делам.

Первое антибольшевистское выступление в Николаевском уезде вспыхнуло в январе 1918 года на границе земель Уральского казачьего войска, в 120 километрах от Николаевска, в крупном селе Большая Глушица. Повстанцы под командованием офицеров и местной интеллигенции, сочувствовавшей эсерам, арестовали членов местного Совета, убили многих активистов. Вслед за этим отказались подчиняться советской власти. По поручению Ермощенко военком уезда Василий Чапаев направился туда с отрядом в 400 бойцов. Через двое суток на рассвете отряд атаковал Большую Глушицу с четырех сторон и после небольшой перестрелки занял село.

Чапаев не только восстановил советскую власть, но и основал во всех селах и деревнях по пути следования красногвардейские отряды и выдавал им оружие, отобранное у фронтовиков, выступивших против большевиков. Через

десять дней после событий в Большой Глушице против большевиков выступили жители сел Березово и Сулак. Чапаев и его предшественник на посту военкома Бочкарев направились во главе отрядов туда.

В начале февраля против большевиков восстали жители Балакова, где жили родители Чапаева и его младший брат Григорий, бывший военкомом города. Днем 9 февраля на базарной площади собрались противники новой власти. Григорий Чапаев явился на площадь с группой красногвардейцев, и во время выступления перед манифестантами книготорговцы братья Николай и Иван Мушонковы стащили его с трибуны, один из них выстрелил в него в упор. Отец пытался спасти раненого сына, но ожесточившиеся противники большевиков закололи комиссара штыками. Как утверждает Евгения Чапаева, восставшие подняли умиравшего комиссара на штыки со словами: «Собаке — собачья смерть!»

10 февраля известие о восстании пришло в Николаевск. Для подавления беспорядков Совет народных комиссаров Николаевского уезда направил в Балаково отряд Красной гвардии во главе с Чапаевым. Однако сразу выполнить эту задачу ему не удалось: в ночь на 10 февраля в Березове повстанцы разгромили красногвардейский отряд Ильи Топоркова, направленный в село также для подавления восстания. Сам Топорков был взят в плен. Уточнив обстановку, Чапаев стремительно двинулся на Березово, и в ночь на 11 февраля отряд вышел к селу. На рассвете красногвардейцы внезапно атаковали Березово. Израненный и избитый командир Топорков был освобожден и погиб уже летом 1918 года под Уральском.

На следующий день Чапаев направился в Балаково. По дороге он объединил свои силы с отрядом Рязанцева, также отправленного в этот город для восстановления советской власти. 13 февраля объединенный отряд начал наступление с двух сторон — с восточной и южной окраин. С первыми орудийными выстрелами в городе началось вооруженное восстание местных рабочих. Но повстанцы не выдержали атаки, которая велась по всем правилам военного искусства, и отступили из города. Победа далась Чапаеву тяжелой ценой: после подавления мятежа ему пришлось хоронить младшего брата Григория.

Гибель брата ожесточила Василия Чапаева, он стал еще более непримирим по отношению к противнику по другую линию фронта, будь то чехи, самарские народоармейцы,

уральские казаки или солдаты и офицеры адмирала Колчака. Борьба с любыми антибольшевистскими силами вне зависимости от их национальной и сословной принадлежности получила для нашего героя оттенок личной мести. И это ожесточение не могло не быть взаимным. Весь 1918 год чапаевцы и казаки не брали пленных. Оказавшегося в руках врага ждала смерть.

Но до жаркого и кровавого лета 1918-го было еще несколько месяцев, для тех мятежных времен — целая вечность. В конце февраля 1918 года антисоветское восстание вспыхнуло в селе Липовка и вскоре охватило всю Липовскую волость. Восставшие, которых называли кулаками и контрреволюционерами, убили нескольких председателей советов и ревкомов, сами советы были распущены или переизбраны. 1 марта Совнарком Николаевского уезда издал приказ, объявивший район Липовки на военном положении. Вся власть в мятежной волости передавалась в руки военного комиссара Чапаева. Он получил полномочия арестовывать всех, кто отказывается подчиняться его требованиям, и передавать их уездным властям, а участников восстания — расстреливать на месте. Для подавления мятежа была мобилизована Красная гвардия Липовской волости. Липовское восстание было достаточно крупным, для его подавления и восстановления советской власти потребовалось десять дней и мобилизация всех вооруженных сил уезда.

Подавление крестьянских и городских волнений было прелюдией к длительной и жестокой гражданской войне в Поволжье и Приуралье, продолжавшейся вплоть до весны 1922 года, когда Красная армия и войска внутренней службы разгромили последнюю серьезную антибольшевистскую силу — повстанческую «Армию Правды» Василия Серова.

Чапаев готовил вооруженную силу для будущих боев. Со второй половины марта он занимался формированием 1-го Николаевского полка, используя вооружение, обмундирование и другое имущество расформированного 138-го запасного полка. Сам Чапаев утверждал впоследствии, что полк формировался из добровольцев на основании январского декрета Совнаркома РСФСР. Желаящие вступить в полк, по его словам, приезжали в Николаевск сами, на собственных лошадях, готовые жертвовать жиз-

нию и имуществом ради победы советской власти. Однако уездный военком приукрашивал действительность. В отличие от Красной гвардии, своего рода усиленной милиции, действовавшей в родных местах, служба в Красной армии предполагала, что ее боец может оказаться далеко от дома. Добровольцев, желавших воевать вне пределов своей волости или уезда, особенно среди недавно вернувшихся с фронта и из запасных полков солдат, было немного: все хотели забыть о войне и заняться личным хозяйством или перераспределением имущества. Уже 9 апреля 1918 года уездный Совнарком «ввиду нападения казаков» отдал распоряжение о мобилизации 470 человек в селе Сулак и городах Балаково и Баронск. Мобилизованные красноармейцы получали паек и жалованье. Обеспечивать семьи мобилизованных и помогать им в сельскохозяйственных работах должны были местные власти.

Более масштабная мобилизация понадобилась очень скоро из-за нараставшего конфликта между советской властью и Уральским казачьим войском. Уральское войско выделялось из других казачьих объединений своей демократичностью. Его атаманам и старшинам не удалось добиться привилегий, которыми пользовалась верхушка в других казачьих войсках. Основным источником существования казаков было не возделывание земли, а рыбная ловля. Кроме того, Уральское войско было самым бунтарским. За 200 лет, в 1670—1874 годах, на его территории произошло десять крупных восстаний, не считая мелких волнений. Местные казаки были активными участниками и ударной силой восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева. После подавления Пугачевского восстания войско за «бунташность» переименовали из Яицкого в Уральское. Кроме того, уральским казакам запретили нанимать иногородних и иметь собственную артиллерию.

Сопротивлявшиеся царскому самодержавию казаки не приняли и новую власть с ее стремлением к всеобщему имущественному и сословному равенству. До конца февраля на территории области сохранялось двоевластие: не признавшие большевистского переворота Войсковой съезд и Уральский совет действовали независимо друг от друга. В конце октября 1917 года съезд провозгласил автономию — вплоть до решения политических вопросов Учредительным собранием. 14 февраля 1918 года в Уральск прибыла делегация из Саратова во главе с Михаилом Усановым, которая потребовала объявить в области советскую власть. Войсковой съезд

не мог выполнить эти условия из-за неизбежного бунта, но, не имея достаточных сил для противодействия Красной гвардии соседних губерний и областей, уральцы вели переговоры с большевиками, стремясь оттянуть военный конфликт. В начале марта 1918 года Войсковой съезд получил от председателя военно-революционного комитета в Оренбурге комиссара Самуила Цвиллинга ультиматум: в два дня признать советскую власть, разоружить и распустить казачьи полки. В случае невыполнения условий Цвиллинг грозил начать боевые действия: «Будут двинуты силы из Оренбурга и Саратова, и тогда ни один юнкер и офицер не останется в живых. Казакам предлагаем немедленно сдаться».

Уральцы ответили телеграммой, в которой назвали случившееся недоразумением и сообщили об отправке делегаций для переговоров в Оренбург и Москву. Однако Цвиллинг не хотел ждать. 10 марта 1918 года во время переговоров по прямому проводу с делегатами Войскового съезда он заявил, что срок ультиматума вышел и им отправлен в область вооруженный отряд примерно в 200 человек при восьми пулеметах. В тот же день красногвардейский отряд занял Илек, город на севере Уральского войска, третий по численности населения населенный пункт области и важный транспортный узел. Командир отряда Ходаков предъявил местным жителям требование о признании советской власти, сдаче двух миллионов пудов хлеба по «твердым» ценам и имевшегося в городе оружия. Жители города заявили, что у них нет столько хлеба. В ответ Ходаков угрожал конфискацией зерна и репрессиями.

Илекчане начали готовиться к сопротивлению, отправили делегатов в соседние станицы и Уральск. У них было достаточно холодного оружия, но всего 15 винтовок, явно мало, чтобы противостоять хорошо вооруженному красногвардейскому отряду, который поддержала часть населения. Занятие города сопровождалось грабежом и массовыми арестами. На следующий день делегация жителей Илека потребовала освободить арестованных и покинуть пределы Уральской области. Ходаков отказался, но, что любопытно, не арестовал казаков. Утром 13 марта в Илеке вспыхнуло восстание, которое поддержали жители окрестных станиц. Дружины казаков-фронтовиков, несмотря на слабое вооружение, сумели захватить и разгромить опорные пункты красногвардейцев. Пленных красногвардейцев ждала жестокая расправа. Как вспоминал впоследствии казачий офицер Борис Киров, «казаки опускали пленного в про-

рубь, потом вытаскивали его и опять опускали и повторяли это до тех пор, пока он не превращался в ледяной столб, а потом пускали под лед». Попадали только врача, фельдшера и сестер милосердия. Следовавшая вслед за отрядом Ходакова вторая группа красногвардейцев, получив сведения о разгроме, не пошла на Илек и вернулась в Оренбург.

С этого момента началась вооруженная борьба уральцев с советской властью. Созданное 29 марта 1918 года Уральское войсковое правительство во главе с меньшевиком Григорием Фомичевым распустило в области советы, от пятидесяти до шестидесяти членов областного совета и многие члены местных советов были арестованы. Избежать ареста удалось лишь восемнадцати советским работникам, которые спешно покинули область и сумели пробраться в Саратов. Одновременно началась мобилизация казаков в возрасте 19–35 лет в Уральскую казачью армию под командованием 37-летнего генерал-майора Михаила Мартынова. Мобилизация позволила сформировать пять дивизий и отдельные части и отряды.

Саратовский совет после подтверждения сведений о свержении советской власти в Уральске потребовал в середине апреля от войскового правительства признать Совнарком верховной властью Российской Советской Федеративной Социалистической Республики; немедленно восстановить разогнанный и частью арестованный Уральский совет; изгнать из Уральской области контрреволюционное офицерство, буржуазию и помещиков, освободить арестованных.

Однако уральское правительство, для которого выполнение ультиматума означало самороспуск, отвергло его. Впрочем, стороны согласились на обмен пленными и заложниками. В ответ Саратовский совет прекратил железнодорожное и телеграфное сообщение с Уральской областью и создал Армию Саратовского совета под командованием Загуменного для ведения военных действий против уральского казачества. Это объединение, как и многие другие подобные формирования, было армией лишь по названию. Громкое наименование, по мысли создателей, должно было устрашить противника и скрывало партизанский характер частей и подразделений, которые стихийно организовывались по приказам местного «правительства», которое считало необходимым иметь в своем распоряжении какую-либо вооруженную силу.

Чапаев вынужден был одновременно заниматься формированием подразделений Красной армии, их обучением и ведением боевых действий. Сплошной линии фронта весной и летом 1918 года на Уральском фронте не было, поэтому война была серией взаимных ударов отдельных отрядов и подразделений, иногда налетов нескольких человек, когда успех боя зависел от уровня боевой подготовки нападавших и оборонявшихся и внезапности удара. После ранений Чапаев не мог ездить верхом, предпочитая передвигаться на мотоцикле или автомобиле. В начале мая Чапаев атаковал казаков, занявших деревню на востоке Николаевского уезда. «Мы втроем — Чапаев, Демидкин и Михайлов — садимся в легковой автомобиль, ставим колеса “максимки”, берем пулеметчика, один около шофера, двое по бокам пулемета, и катим вперед. Цепь осталась позади, обогнали уже разведку и вихрем мчимся к станице. Нас начинают обстреливать из ружей и пулемета. Мы поворачиваем машину, даем задний ход и начинаем обстреливать из пулемета и маузеров станицу. Так с боем заезжаем в село, вытесняя отсюда противника», — вспоминал впоследствии Арсений Михайлов.

Методы формирования и воспитательной работы у военного комиссара уезда были довольно специфическими. Как любой фронтовой солдат, недолюбливавший тылови́ков и ненавидевший дезертиров, он был готов бороться с последними проверенными способами, в том числе телесными наказаниями. Однажды, по свидетельству Михайлова, Василий Чапаев (как звали его тогда) потребовал обсудить вопрос об их введении на общегородском партсобрании. Речь нашего героя была образной и простой: «...Объявляю мобилизацию. И вот многие являются, поступают в отделения и взводы. А некоторые не хотят идти, прячутся в коноплях, по овинам. Что вы с ними будете делать? Наступают казаки. Там чехи прут всюю. Гибнет Советская власть, а он не хочет, в коноплях сидит. А как возьмешь его, разложишь при народе, да как вспылишь штук 15 или 25 одному, так 10 сами добровольно в отряд прибегут». Предложения Чапаева наказывать уклонистов от службы старорежимными методами, против применения которых активно выступали в конце XIX — начале XX века многие профессиональные военные, вызвали одобрение части слушателей. Словам о телесных наказаниях бурно аплодировали. И хотя Михайлов утверждал, что Чапаев осознал неправильность своих представлений о воспитании новобранцев, унтер-офицер-

ская привычка проявлялась еще не раз. Приходилось военному выступать и перед дезертирами. Можно только предполагать, какие яркие и образные выражения использовал командир формировавшихся красных отрядов, но без просторечной лексики и брани дело явно не обходилось. Его соратники вспоминали события весны и лета 1918 года. «Соберет их, выстроит в одну шеренгу и начнет с ними разговор. — Что же, лети вашу мать в трубу, свобода вам нужна, земля чтобы ваша, а воевать, защищать революцию я один за вас буду? — грозно спрашивал командир».

Впрочем, Чапаев не был бы популярен среди бойцов и командиров, если бы действовал только угрозами и наказаниями. Он хвалил бойцов за смелость в бою и добросовестное несение службы в тылу, строго требовал от местных властей заботы о семьях красноармейцев и командиров, ухода за ранеными и помощи погибшим.

К концу апреля 1918 года армия Саратовского совета в четыре тысячи бойцов при 18 орудиях и 110 пулеметах сосредоточилась на станции Озинки. Костяком армии были 1-й и 2-й Николаевские советские партизанские отряды. В состав 1-го отряда под командованием Ивана Демидкина входили городская Красная гвардия, рота бывших австро-венгерских пленных, отряд балаковских рабочих и другие отряды. 2-й отряд (Чапаевский) включал отряды Ильи Топоркова, Ивана Плясункова и Федора Потапова.

Первый бой отряда Чапаева с казаками произошел 26 апреля под хутором Овчинниковом, неподалеку от станции Семиглавый Мар. Эта местность на границе Саратовской губернии и Уральской области вскоре станет эпицентром напряженных военных действий. Казаки совершили налет на хутор. Чапаев доносил в Саратов: «...мы послали 50 человек кавалерии, которые разделились надвое и первый взвод встал в заставу, а второй сделал нападение на казаков, которые так были ошеломлены ударом, что позорно бежали. Но наша кавалерия начала их преследовать, несмотря на то что (численностью была) в четыре раза меньше казаков (Владимир Дайнес пишет, что их было 120, то есть больше в два с половиной, а не в четыре раза. — П. А.). Казаки скрылись, наши 12 человек заняли хутор, а остальные поехали на отдых в дер. Меловое. Но не успели наши заехать за гору, как казаки сделали снова наступление на хутор в числе уже 75 человек. Увидя их, засели в канаве и допустили казаков к себе на расстояние 200 шагов. Потери им нанести было нельзя, потому что казаки впереди себя

пустили два воза соломы и мирных жителей. Но наши ребята не растерялись. Первый раз дали залп вверх, жалея мирных жителей, а когда казаки выскочили из-за возов, наши начали стрелять по ним, убили 2 офицеров и одного казака и 2 лошади. В настоящее время хутор в наших руках и казаки больше не являются». Первый локальный успех Саратовской армии в боях с казаками, несмотря на местное значение, был отмечен командованием.

В начале мая армия перешла в наступление на уральском направлении. 3 мая войска должны были достигнуть в походном порядке хутора Карепаново и станции Семиглавый Мар. Чтобы обезопасить тыл и фланги от ударов казачьей конницы, части армии продвигались к станции цепью вдоль линии железной дороги. Артиллерия и пулеметы двигались в центре боевого построения при своих отрядах, что позволяло немедленно атаковать казаков или отражать их налеты. Движение по бездорожью замедляло наступление. Чтобы ускорить его, Чапаев изменил маршрут и двинулся на Семиглавый Мар по горной местности, стремясь зайти в тыл противнику.

Неприятель сосредоточил свое внимание на главных силах Саратовской армии и не заметил обходного маневра чапаевского отряда. Казаки обнаружили его, когда бойцы спускались с возвышенности на станцию. Опасаясь окружения, казаки оставили Семиглавый Мар без боя и поспешно отступили к Шипово. В семь часов вечера казаки предприняли безуспешную попытку выбить красногвардейцев со станции. С наступлением ночи противник вновь атаковал. В темноте казакам удалось прорвать оборону красных и окружить Новоузенский отряд Александра Сапожкова. Тогда Чапаев, сражавшийся неподалеку, оставил небольшое прикрытие, атаковал конницу, охватившую новоузенцев, и стремительным ударом прорвал окружение. Под утро противник отступил.

2-й Николаевский отряд под командованием Чапаева продолжал наступление. 4 мая белые оставили станцию Деркул, расположенную в 70 километрах от Уральска. Вместе с казачьей армией уходило и уstraшенное рассказами о зверствах красногвардейцев мирное население. Но в ночь на 5 мая противник, воспользовавшись малочисленностью Саратовской армии и отсутствием охраны на флангах, ударил ей в тыл и захватил станцию Семиглавый Мар. Армия была отрезана от Саратова и путей снабжения. На следующий день на станцию Деркул прорвался поезд снабжения, от же-

лезнодорожников и охраны чапаевцы и бойцы других отрядов узнали, что станции Шипово и Семиглавый Мар находятся под угрозой нападения казаков, обстрелявших поезд.

Перехватив инициативу, казаки активизировали действия против Саратовской армии. Ожесточенный бой разгорелся с утра 9 мая у станции Шипово. Уральцы многократно атаковали чапаевцев и другие красные отряды. К утру 10 мая выяснилось, что они израсходовали почти весь боезапас. Командующий армией Загуменный после небольшого совещания приказал отойти на линию Александров Гай — Новоузенск — Алтата — Семеновка — Вязовка — Любичское и перейти к обороне. Майское поражение армии Саратовского совета продемонстрировало, что малочисленные отряды годятся лишь для подавления локальных волнений в тылу, но небоеспособны в случае столкновения с хорошо подготовленными казачьими подразделениями и частями.

12 мая Чапаев участвовал в Пятом чрезвычайном уездном съезде Советов. Предполагалось провозгласить на нем Николаевский уезд Трудовой социалистической коммуной и решить ряд хозяйственных вопросов. Однако участвовавшие в нем эсеры провоцировали волнения, распускали сведения, что отряды Красной армии под Уральском разбиты. Ермощенко и Чапаев опровергли эти провокационные слухи. На другой день в зал заседаний была брошена бомба, пострадали несколько человек. Большевики обвинили в теракте эсеров, но вряд ли это было справедливо: партия располагала достаточным количеством опытных боевиков, чтобы нанести политическому противнику более серьезный ущерб. Сразу после взрыва съезд прервали до ликвидации восстания в Уральске, город Николаевск и весь уезд объявили на осадном положении, вся власть была передана военно-революционному комитету.

Съезд объявил мобилизацию в Красную армию всех боеспособных мужчин, делегаты отправились в свои родные места, чтобы лично агитировать земляков вступать в армейские ряды. Чапаев с группой добровольцев, среди которых было много делегатов, выехал в Дергачи.

Вскоре произошло еще одно событие, которое отразилось на отношении Чапаева к Гражданской войне и противнику. В бывшем имении помещика Зейферта казаки и восставшие крестьяне перебили членов сельскохозяйствен-

ной коммуны. Затем уральцы совершили налет на село Семеновка, в результате которого были убиты десятки советских работников, активистов, красноармейцев, совершены насилия над семьями, убивали даже детей. Трудно понять, на что рассчитывали те, кто расстреливал и пытал мирных жителей, насиловал женщин и мучил детей. Возможно, они надеялись запугать противника. Однако жестокая расправа вызвала обратный эффект. Красные бойцы и командиры ждали встречи с врагом не только ради победы, но и чтобы расквитаться за обиды и унижения своих родных и близких. В отрядах Чапаева находилось 150 человек из Семеновки и окрестных деревень. Красноармейцы и командиры намеревались защитить своих родных и просили разрешения у командира. Чапаев был в затруднительном положении из-за продолжавшегося отхода, но отказывать бойцам не стал. На помощь жителям Семеновки он отправил отряд во главе с Семеном Потехиным. Вскоре наш герой получил донесение: «В 8 часов 18 мая занял село Семеновку и освободил из заключения 500 человек... Жду дальнейших распоряжений». Хоронили жителей села 19 мая. На похоронах присутствовал и Василий Иванович, приехавший со станции Алтата. У братской могилы в скорбном молчании стояли тысячи односельчан. Голос Чапаева срывался, в глазах стояли слезы, когда он призывал к беспощадной борьбе с мироедами и всемерной помощи Красной армии. Над свежими могилами Чапаев и его бойцы поклялись драться с противником до последней капли крови. Под прощальные залпы похоронили погибших. Немало местных жителей вступило в Красную армию, чтобы защитить своих близких и отомстить за убитых и замученных.

Эмоциональную встряску сменили военные будни. 25 мая на совещании командиров отрядов в селе Любитское Чапаев предложил реорганизовать отряды в батальоны и полки регулярной армии. Николаевские отряды были переформированы в одноименные полки, 2-й Николаевский полк возглавил Чапаев. Переформирование полупартизанских отрядов в регулярные воинские части назрело. В Поволжье и других районах Советской России разгоралась Гражданская война. 17 мая вспыхнули волнения чешских солдат в Челябинске, вызванные арестом группы военнослужащих, устроивших самосуд над человеком, который, по их версии, ударил кочергой их сослуживца.

Попытки советской власти изъять оружие из эшелонов Чехословацкого корпуса вызвали мятежи во многих городах, через которые проходили поезда на восток. 18 мая чехи под командованием поступившего на службу в корпус русского подполковника Сергея Войцеховского заняли Челябинск. 25 мая легионеры под командованием капитана Эмиля Кадлеца заняли сибирский город Мариинск. В ночь на 26 мая в Новониколаевске (ныне — Новосибирск) чехи под командованием Радолы Гайды атаковали советский гарнизон. После этого нарком по военным делам Лев Троцкий отдал приказ о полном изъятии оружия у частей корпуса по всему пути их следования. 28 мая попытка разоружения крупной группы эшелонов под руководством Станислава Чечека в Пензе обернулась разгромом местных красногвардейцев и кратковременным свержением советской власти. После этого чехословацкие эшелоны двинулись дальше на восток — через Ртищево к Сызрани. Попытка красногвардейцев остановить чехов не удалась. Восстания чешских солдат нередко вспыхивали вскоре после выступлений местных антибольшевистских сил. Главной целью чехов был Владивосток, порт, откуда они должны были отправиться на Западный фронт. Однако чешские полки и батальоны не раз меняли направление, чтобы соединить разрозненные группы и эшелоны в единое целое. 8 июня 1918 года в результате совместного выступления офицерских дружин и чехов была свергнута советская власть в Самаре, где вскоре был образован Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), с войсками которого Чапаеву не раз пришлось столкнуться на полях сражений летом и осенью 1918 года.

Гражданская война, в которой нашему герою предстояло сыграть выдающуюся роль, разгоралась.

КРАСНАЯ ПРОТИВ НАРОДНОЙ

Серия антибольшевистских восстаний в Поволжье и на Урале обострила ситуацию в обширном регионе, важном в промышленном и сельскохозяйственном отношении. Для советской власти было крайне важно вернуть (или удержать) богатые зерном аграрные районы и промышленные губернии Урала, где находились важнейшие военные предприятия страны. Важнейшей целью операций обеих сторон была также Волга, ключевая транспортная артерия, соединявшая центральные районы страны с Астраханью и через

нее с находившимся еще под контролем Советов Северным Кавказом.

Добровольческий принцип формирования не позволил советскому руководству организовать массовую армию, ее численность к концу апреля не превышала двухсот тысяч человек. Этого было явно недостаточно для подавления антибольшевистских восстаний внутри страны и борьбы с Белым движением на ее окраинах. 29 мая ВЦИК принял постановление «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию», мобилизации подлежали рабочие и беднейшие крестьяне.

Активизация Гражданской войны сказалась и на положении на границе между Уральским войском и Саратовской губернией. В конце мая — начале июня между казаками и армией Саратовского совета разгорелись ожесточенные бои. До появления Красной армии в пределах Уральской области казаки воевать не хотели, ограничивались самообороной и говорили, что «за грань не пойдём». После апрельско-майской экспедиции Саратовской особой армии, конфискаций продовольствия и расстрелов ситуация изменилась. Уральские казаки нуждались в оружии и боеприпасах, после свержения советской власти в Самаре они направили туда отряд полковника Мартынова, который, захватив Иващенкоковский завод, привел 200 подвод с оружием и патронами.

Казаки пытались нащупать слабые места в обороне красных, угнать как можно больше скота, уничтожить посевы, чтобы затруднить снабжение армии противника. Красные, в свою очередь, стремились отстоять продовольствие и нанести максимальный ущерб неприятельской коннице. 6 июня красные заняли село Балаши, а 2-й Николаевский полк нанес поражение казакам у деревни Солянка. Владимир Дайнес отмечает, что уже в первых столкновениях с казаками Чапаев проявил себя как решительный и искусный командир, который умело пользуется маневром ограниченных сил, чтобы нанести поражение подвижному и легко уходящему из-под удара противнику. 9 июня штаб Саратовской армии сообщал в Москву: «2 Николаевский полк под командой т. Чапаева, двигаясь левее 1 полка на дер. Солянка, сбил на пути натиск казаков и, перейдя в контрнаступление, разбил казаков наголову, забрав у них свыше 300 голов рогатого скота и 200 лошадей». 28 мая, на-

кануне боя, наш герой отправил записку своему соратнику Илье Топоркову: «Дайте немедленно помощи. Санталова отряд бежал в Любитское, окружен. Я с 200 людьми иду на выручку. Казаков много, число указать не могу. Порубежка в руках казаков». В донесении от 9 июня штаб армии указал со слов Чапаева, что потери казаков неисчислимы. Каковы они были на самом деле, мы можем только догадываться: свидетелей тех боев уже нет в живых. Документы уральских полков, сражавшихся с чапаевцами, не сохранились. Имеющиеся материалы Уральской армии не позволяют хотя бы примерно определить потери в первых боях. Документов частей Народной армии Комуча, воевавших на николаевском и саратовском направлениях, также мало, установить потери народоармейцев в этот период крайне сложно. очевидцы тех боев с белой стороны отмечают, что они были невелики, а историк Сергей Балмасов утверждает, что ни один из уральских полков не был разбит красными в бою.

11 июня Чапаев выслал кавалерию 2-го полка с пулеметами на хутор Петров, где казаки захватили скот и пытались мобилизовать жителей в Уральскую армию. Противник бежал, бросив более ста голов скота, отобранного у хуторян.

Советское руководство стремилось укрепить войска, действовавшие на востоке России. 13 июня 1918 года председатель Совнаркома Владимир Ленин и нарком по военным делам Лев Троцкий подписали декрет о создании Революционного военного совета, который должен был управлять войсками на Урале и в Поволжье. Командующим Восточным фронтом был назначен левый эсер Михаил Муравьев, членами Реввоенсовета стали нарком путей сообщения Петр Кобозев и комиссар Георгий Благодеров. 20 июня из войск саратовско-уральского направления была сформирована Особая армия, командующим которой назначили бывшего офицера Александра Ржевского. В ее состав вошла и Армия Саратовского совета. Ржевский начал спешную реорганизацию вверенных ему войск из партизанских отрядов в регулярные части. Николаевские полки включили в бригаду Николаевских полков, насчитывавшую более трех тысяч штыков и сабель, 65 пулеметов, восемь орудий и бронемашину. Ее командиром назначили Василия Чапаева. Комбриг регулярно требовал укомплектовать свои части не только людьми, но и современной техникой: бронемашинами, автомобилями, аэропланом и мотоциклом. Стремление получить автомобиль или мотоцикл с коляской было продиктовано не соображениями

престижа, а состоянием здоровья: как уже отмечалось, после ранений Чапаеву было трудно ездить верхом, а передвигаться в экипаже по территории, где регулярно появлялись казачьи разъезды, было небезопасно. «Стальной конь» требовался энергичному комдиву для быстрых перемещений вдоль фронта и поездок в штаб армии. Сначала Чапаеву выделили «паккард», но тот оказался слишком тяжелым для проселочных дорог, поэтому впоследствии его заменили на «форд». Рассказы соратников о несущемся в атаку «на лихом коне» начдиве и соответствующие кадры кинофильма — колоритный вымысел рассказчиков и следовавших за ними режиссеров.

Особая армия оказалась в сложном положении: ее командование, выполняя указания Москвы, готовило наступление на Уральск, одновременно красноармейцы помогали железнодорожникам восстанавливать разрушенные казачьи пути. Группировка для нового наступления формировалась, хотя штаб Саратовской армии не имел достоверных сведений об обстановке в Самаре, а также в Сызрани, оставленной чехами, но вскоре занятой добровольческим отрядом подполковника Владимира Каппеля.

Реввоенсовет Восточного фронта 20 июня приказал срочно наступать на Самару и Бузулук совместно с оренбургской группой. И одновременно — «надавливать на Уральск», удерживая занимаемую территорию и восстанавливая железную дорогу. 21 июня бригада Николаевских полков получила распоряжение вернуть важную станцию Семиглавый Мар.

Советская власть формировала новые войсковые части, но до поры до времени не отказывалась от переговоров с Уральским войсковым правительством. Вероятно, в казачьем отделе ВЦИКа надеялись, что уральские казаки, отличавшиеся от других казачьих войск более демократичным общественным устройством, охотнее других поддадутся их агитации. В апреле в Уральск была направлена первая делегация для переговоров с уральским правительством под руководством казака Ивана Ружейникова. Войсковое правительство выслало делегацию из пределов области. В начале июня Совнарком направил в Саратов новую делегацию для заключения перемирия с уральскими казаками. Кроме Ружейникова в нее входили казак Филипп Неусыпов и иногородний Иван Ульянов. Делегацию снабдили большим

количеством экземпляров обращения ВЦИКа «К трудовому казачеству», в котором руководители РСФСР обещали казакам сохранить за ними право на традиционное устройство и занятия в случае признания советской власти. Однако переговоры после майских боев оказались невозможными. 18 июня Неусыпов и два его ординарца пересекли линию фронта, но вскоре были схвачены. Неусыпова подвергли пыткам и 25 июня казнили. Двух красноармейцев, сопровождавших посланца советского правительства, казаки отпустили после издевательств, избиений и банального грабежа: их раздели до нижнего белья и отобрали лошадей. Убийство парламентаря, что противоречило всем обычаям и правилам войны, не прибавило авторитета руководителям Войскового правительства и командованию Уральской казачьей армии. Ожесточение войны нарастало.

Чапаевцы тем временем предприняли успешную атаку на Семиглавый Мар. 22 июня штаб Особой армии доносил в Реввоенсовет: «Казаки были взяты в кольцо выставленной нами артиллерией... Предполагалось концентрическим наступлением захватить казаков в пехотное кольцо. Казаки избежали полного разгрома лишь благодаря крайней пересеченности местности и бегству, имевшему панический характер. Урон со стороны казаков под действием нашего артиллерийского ураганного огня — огромный. Со стороны казаков было выставлено до 16 сотен. Станция Семиглавый Мар нами занята... Настроение в войсках отличное». Обращает на себя внимание то, что Чапаев намеревался окружить конных казаков пехотным кольцом — это действительно новое слово в военном искусстве.

Вскоре казаки попытались стремительной атакой вернуть оставленную станцию, но потерпели неудачу. А затем Чапаев доложил о еще одной победе. После неудачного столкновения с чапаевской пехотой и кавалерией казачья сотня вызвала подкрепление: конный и пеший полки при трех орудиях. Чапаеву также отправили подмогу — два батальона пехоты. «В 8 часов вечера полк кавалерии пошел облавой на фланги, где был слева встречен ротой пехоты, а справа нашей кавалерией. Пехота сошлась на расстоянии 400 шагов, уже с той и другой стороны готовились к штыковой атаке, но в это время нашим орудийным огнем была сбита батарея противника и стали бить по коневодам. Пехота противника дрогнула и стала убегать, но преследовать ее было невозможно, потому что стало темно и мы далеко отошли от своих главных сил, где находился парк. По сло-

вам вольных жителей, всю ночь казаки убирали тела оставшихся на поле; особенно много побито лошадей. У нас раненых два человека и один разбил ногу — упал с орудия во время преследования противника».

Казаки отступили, продолжая защищать дорогу на Уральск. 3 июля Чапаев участвовал в совещании командного состава армии, на котором обсуждался план боевых действий против казаков. Наступление на Уральск признали крайне необходимым, его начало назначили на четыре часа утра 5 июля. Планировалось занять село Красненькое, пополнить запасы снарядов и патронов, после чего возобновить активные действия.

Чапаевцы, бывшие вместе с Московско-Саратовским полком главной ударной силой армии, несмотря на жару и регулярные налеты конницы противника продолжали продвигаться на Уральск. 7 июля они вышли на ближние подступы к казачьей столице и Чапаев сообщил в штаб армии: «Николаевской бригадой были выбиты из пос. Ермишкино... один полк пехоты и полк кавалерии при двух орудиях и прикрытии бронированного поезда. В настоящее время наш 1 полк стоит в пос. Ермишкино, 2 Николаевский — в четырех верстах от Зеленого форпоста или же ст. Деркул. Линия железной дороги сохранена.

После боя в пос. Ермишкино полки противника отошли в Зеленый форпост, где и портят станцию Деркул, которую при всем моем желании нужно сохранить, но одному полку двигаться вперед рискованно. Противнику пришлось подкрепление еще из Шипово, один полк кавалерии, который нами обнаружен и обстрелян артиллерией...

Мы свою задачу выполнили свято, но вы почему-то задерживаетесь и нам не даете ходу. Солдаты рвутся вперед. При содействии вашем желательно было бы на третьи сутки обедать в г. Уральске. Ждем вас».

На следующий день бригада Николаевских полков при поддержке Новоузенского полка двинулась на станцию Переметная, но встретила сопротивление казаков, упорно защищавших свою столицу. Уральцы не позволили продвигаться красным полкам дальше пяти километров, а в ночь на 9 июля атаковали их тылы в районе Халилова, нанеся серьезный урон обозам.

Утром стало известно, что ожидавшийся из Саратова поезд с продовольствием и боеприпасами не прибыл, так как не удалось восстановить взорванный у станции Шипово мост. В частях армии, испытывавших острый недоста-

ток снабжения, начался ропот, распространялись слухи об измене командования. Чапаев провокационные разговоры пресекал, но на очередном совещании жестко спросил Ржевского о причинах затруднений. Ржевский объяснил ситуацию, и его ответы, похоже, удовлетворили комбрига. Тем не менее стало ясно, что имеющихся сил для взятия Уральска недостаточно, и, опасаясь удара казаков в тыл, командование Особой армии распорядилось начать отход.

В конце 1930-х годов распространялась версия, что неудача под Уральском стала результатом измены командовавшего армией Ржевского и члена Военного совета, бывшего балтийского матроса Тихона Хвесина, уничтоженного в годы сталинских репрессий. Но в более ранних воспоминаниях участников боев под Уральском об измене Ржевского не говорилось. Другие высказывали мнение, что Ржевский был слабым командующим, некомпетентным в военном деле, пытавшимся уклониться от принятия важных решений, из-за чего он постоянно собирал совещания комсостава, отрывавшие Чапаева и его соратников от управления войсками. Чапаевец Иван Кутяков незадолго до своей гибели называл командарма «беспомощным, выжившим из ума стариком», другие авторы обвиняли Ржевского в том, что он был ставленником Троцкого, в критический момент испугался ответственности и, симулировав болезнь, лег в госпиталь.

Такие объяснения — еще одна попытка дать простой ответ на сложные вопросы о причинах неудачи второго наступления на Уральск. Как отмечает Владимир Дайнес, версия о «медвежьей болезни» Ржевского не подтверждается документами, он продолжал руководить армией и в середине июля, отдавал распоряжения о порядке отхода боевых частей и выводе тыловых обозов и подразделений. В числе других распоряжений командарма Ржевского — приказ Чапаеву об организации выхода из вероятного окружения: «Военным руководителем названной операции назначается командир бригады Николаевских полков т. Чапаев, которому перейти в короткое и решительное наступление с целью оттеснения противника. Для чего использовать всю артиллерию, развить ураганный огонь. Излишние обозы расположить в ложине к западу от Семиглавого Мара».

Вечером 9 июля чапаевцы, оставив заслоны в предместьях Уральска, начали отход на северо-запад. Чапаев умело организовал отход под натиском казачьей конницы. Пулеметчики и стрелки отражали ее атаки в боевых порядках,

артиллерия находилась в центре, имея возможность сосредоточить огонь на любом направлении. Чапаеву не раз приходилось демонстрировать личное мужество и самообладание, чтобы не допустить паники при отходе. 10 июля атаку неприятельской кавалерии поддержал, как утверждали чапаевцы, броневик. Его появление вызвало замешательство в боевых порядках и особенно в обозах. «Тогда впереди появился Чапаев. Пример бесстрашного Чапаева, спокойно наблюдающего за единоборством батареи и бронемашин, оказал изумительное влияние. Тревога пропадает. Все бойцы спешат занять свои места. Еще сильнее стараются артиллеристы. И вот снаряды, выпущенные одним из лучших чапаевских артиллеристов тов. Рапецким, легли сзади и спереди машины, взяв ее в “вилку”. Следующий снаряд попал в задние колеса, и машина, прикованная к земле, остановилась», — вспоминал Иван Кутяков.

12 июля главные силы Красной армии заняли рубеж сначала в районе станции Алтата, затем — у станции Озинки. Успешному выходу из окружения помогла отправка в тыл моторизованного обоза — колонны грузовиков под прикрытием бронемашин, сумевшего достичь станции снабжения, а затем прорваться через разъезды противника и в критический момент сражения доставить необходимые боеприпасы и продовольствие.

Ряд удачных боев против казаков и последующий успешный выход из окружения укрепили веру чапаевцев в военный гений своего командира, его непобедимость и способность найти выход из трудного положения.

Причины неудачи второго похода Красной армии на Уральск были значительно глубже, чем вымышленная измена или вероятная слабость командования. Да, действительно, командование армии могло недооценить силу сопротивления противника. Но оно вряд ли было способно предвидеть резкое изменение соотношения сил благодаря получению казаками вооружения и боеприпасов от Комуча. Как следствие, стороны поменялись ролями: после подрыва моста у станции Шипово дефицит в патронах и снарядах испытывали уже красные части, а казаки, до этого вынужденные атаковать без артподготовки или действуя только холодным оружием, могли вести огонь необходимой интенсивности. Кроме того, нельзя забывать и о левозсеровском мятеже в Москве, Ярославле и Муроме 6—7 июля 1918 года. Мятежники захватили Муром, где находился штаб Высшего военного совета, и без единого вы-

стрела взяли в плен членов штаба, принудив их доложить обстановку на фронтах. Вынужденное бездействие штаба и неудавшийся арест его начальника, бывшего генерала Михаила Бонч-Бруевича, который успел проскочить в Ковров в специальном вагоне, в значительной степени дезорганизовали управление войсками на фронтах. Вскоре, 10 июля, против большевиков выступил в Симбирске и командующий Восточным фронтом Михаил Муравьев. Он объявил о прекращении боевых действий против чехов и Народной армии Комуча и возобновлении войны с Германией. «Совнаркому и всем начальникам отрядов. Защищая власть советов, я от имени армий Восточного фронта разрываю позор Брест-Литовского мирного договора и объявляю войну Германии. Армии двинуты на Западный фронт...

Всем рабочим, крестьянам, солдатам, казакам и матросам... Всех своих друзей и бывших сподвижников наших славных походов и битв на Украине и юге России ввиду объявления войны Германии призываю под свои знамена для кровавой последней борьбы с авангардом мирового империализма — германцами. Долой позорный Брест-Литовский мир! Да здравствует всеобщее восстание!» Главком Восточного фронта предложил чехам выдвинуться на запад, на новый фронт борьбы с немцами, что, вероятно, вызвало лишь легкое недоумение у командования корпуса и его частей.

Бонапарт из Муравьева не получился. Большевикам удалось распропагандировать главную опору Муравьева — бронепоезд из шести машин. Кроме того, главком был настолько уверен в своем успехе, что не позаботился о личной безопасности и минимальной охране. На следующий день, 11 июля, Муравьев пришел на заседание губисполкома один и потребовал передать всю полноту власти фракции левых эсеров. Он даже предположить не мог, что окружен чекистами и латышскими стрелками. Председатель исполкома Иосиф Варейкис обвинил главкома в измене и потребовал его ареста. Муравьев, по одной версии, погиб в перестрелке, по другой — застрелился, увидев направленные на него винтовки.

Так или иначе, мятеж Муравьева дезорганизовал фронт. Для подавления восстаний пришлось отвлечь значительные военные силы, в том числе резервы, которые предназначались для отправки на передовую. Командующие и военачальники были в растерянности: кому подчиняться, Москве или Симбирску, и против кого воевать. Мятеж

левых эсеров вызвал брожение во многих частях Красной армии и спровоцировал переход части ее комсостава на сторону противника. Чехословацкий корпус и Народная армия Комуча воспользовались замешательством в стане противника и захватили Сызрань, Бугульму, Мелекесс и Сенгилей. В начале июля оренбургские казаки заняли свою столицу и вскоре соединились под Бузулуком с отрядами Народной армии. 4 июля части Чехословацкого корпуса без боя заняли Уфу, оборону которой дезорганизовал будущий противник Чапаева, перешедший на сторону врага командующий 2-й армией Восточного фронта Федор Махин. 22 июля бригада Каппеля внезапным ударом выбила красных из Симбирска.

Командарм Ржевский объявил себя командующим «Уральским фронтом» и распорядился о начале наступления на симбирском направлении, но его быстро одернул новый командующий Восточным фронтом Иоаким Вацетис. Он приказал переформировать Особую армию в 4-ю и готовиться к наступлению на Самару и Сызрань. Однако противник опередил красное командование. Нашему герою пришлось сражаться на два фронта — против казаков и Народной армии Комуча.

Самарский Комуч намеревался развить свой успех, нанести удар на юг по обоим берегам Волги, чтобы последовательно занять Хвалынский, Вольск и выйти к Саратову. При благоприятном развитии операций Главный штаб Народной армии предполагал соединиться с донскими казаками, наступавшими на Царицын. Николаевский уезд превратился в важный оперативный плацдарм: защищавшая его бригада препятствовала соединению Народной армии с уральскими казаками, а также угрожала ударом во фланг в случае продвижения противника по правому берегу Волги на Хвалынский и Вольск.

Масштабные планы самарских эсеров и меньшевиков столкнулись с сопротивлением Красной армии и нежеланием мужского населения идти на войну. 23 июля командующий Хвалынской группой Народной армии, бывший подполковник Федор Махин доносил в Главный штаб армии: «Наши войска сражаются недурно, но большого порыва нет и страдает командный состав». Это означало, что солдаты спокойно переносили повседневное неустройство военной жизни: длительные переходы, отсутствие горячей пищи — и достаточно стойко вели себя в обороне. Однако они с трудом поднимались в атаку, залегали при более или

менее интенсивном огне противника. Чтобы продолжить наступление народоармейцев, офицерам приходилось идти вдоль цепи, становясь удобной мишенью для стрелков и пулеметчиков Красной армии. Заметим: речь идет об июльской ситуации, когда мобилизация в Народную армию только начиналась и большую часть бойцов составляли добровольцы. Еще одной серьезной проблемой вооруженных сил Комуча была плохая управляемость, когда каждый командир отряда предпочитал действовать самостоятельно, без должного взаимодействия с другими отрядами и старался сосредоточить артиллерию, пулеметы и другие ресурсы у себя, за счет соседей. Значительная часть Народной армии лишь номинально входила в ее состав, оставаясь, по сути дела, большим партизанским отрядом, готовым защищать свою волость, город или уезд от большевиков, но не желавшим решать даже тактические задачи за пределами родных мест. Кроме того, как отмечал один из лидеров эсеров Прокопий Климушкин, «между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению».

24 июля Махин просил у Главного штаба содействия в управлении Липовским отрядом, занимавшим село, так как последний встретил его попытку установить связь с Хвалынской группой «почти враждебно». Ранее отряд был выбит чапаевцами из одноименного села, и Махину, чтобы восстановить положение, пришлось выделить роту Народной армии и полуроту чехов.

С серьезными проблемами приходилось сталкиваться и Чапаеву. В конце июня уездные власти мобилизовали в Красную армию около пяти тысяч человек. Многие, особенно вернувшиеся с войны фронтовики, не горели желанием сражаться с Народной армией, различие с которой они плохо представляли, и с чехами. Они были готовы воевать разве что с казаками в случае их нового вторжения на территорию уезда. Крестьяне Духовницкой волости и вовсе отказались от мобилизации, заявив, что не пойдут на «братоубийственную» войну. В этой сложной ситуации Чапаев проявил большой такт, отправившись на сборный пункт в Николаевск во главе делегации своей бригады. Наш герой стремился прощупать настроения мобилизованных. Одновременно он намеревался отобрать для бригады тех призывников, которые были готовы воевать за советскую власть или, по меньшей мере, были нейтрально настроены

к политике большевиков, в том числе «крестовому походу за хлебом», когда у крестьян нередко изымались все излишки зерна и муки. Комбриг и его окружение надеялись, что мобилизованные после их зачисления в боевые подразделения проникнутся боевым духом под влиянием опытных бойцов бригады, их рассказов о победах над казаками и жестокости последних.

Одновременно красное командование разворачивало бригаду Николаевских полков в дивизию шестиполкового (пять пехотных и кавалерийский полки) состава. «На объединенном собрании Николаевских полков и Балаковского отряда в присутствии комбрига Чапаева и военного руководителя Захарова нашли нужным на выборных началах и с согласия Захарова назначить начальником 1-й Николаевской дивизии Чапаева, командиром 1-й бригады — Курскова, 2-й бригады — Гаврилова, командирами полков Плясункова, Данилова, Баулина», — доносил Чапаев в штаб армии в начале августа. Красноармейцы и большая часть командного состава предполагали, что командование армии утвердит Чапаева в должности. Но в Саратове решили по-другому: командующий и военный комиссар армии напомнили, что выборы командиров отменены, и назначили Сергея Захарова.

Захаров по своему происхождению и военному опыту мало отличался от Чапаева, хотя и был младше на четыре года. Выходец из бедной городской семьи, он дослужился до унтер-офицера на Первой мировой войне, в дни революции организовал отряды Красной гвардии в городе Балакове, затем был назначен военкомом уезда. С начала боев против казаков командовал Балаковским батальоном, затем одноименным полком и дивизией Николаевских полков. В марте 1920 года Захаров, командовавший 22-й стрелковой дивизией Южного фронта, погиб при взятии Екатеринодара.

Это назначение вызвало недовольство Чапаева, который формировал большую часть полков дивизии. Среди комсостава и красноармейцев начался ропот, пошли разговоры о неуважении и несправедливости к заслуженному командиру. Кроме того, штаб и политотдел 4-й армии намеревались внимательнее присмотреться к несостоявшемуся начдиву, которого обвиняли в самоуправстве при выполнении приказов. Однако Чапаев подчинился приказу и принял должность командира 1-й бригады дивизии. Наш герой четко осознавал меру своей ответственности, как

бывший фельдфебель хорошо понимал принципы военной субординации и представлял, к каким последствиям может привести невыполнение распоряжений высшего руководства и вызванное этим брожение среди красноармейцев. Он молча переживал нанесенную обиду и продолжал готовить свои полки к новым сражениям.

Сражения между дивизией Николаевских полков и Народной армией и поддерживавшими их чехами шли с переменным успехом, хотя Хвалынская группа Махина никогда не насчитывала более трех с половиной тысяч человек при ограниченном количестве орудий и пулеметов и действовала одновременно на правом и левом берегах Волги. 24 июля 1918 года Махин доносил в Самару: «Липовский фронт рассеян, красные силой около 1000 человек, при 3—4 орудиях движутся на Брыковку, Духовницкое (село на правом берегу напротив Хвалынска. — П. А.), население в панике». 26 июля отряд Народной армии в 400 человек при двух орудиях высадился на левый берег и попытался вернуть Липовку, но был контратакован. Десант, понеся небольшие потери, вынужден был погрузиться на пароход и вернуться в Хвалынск. Тем не менее штаб 4-й армии сообщил о «громадных потерях» противника: десятках убитых, которых народоармейцы вынесли с поля боя и забрали с собой.

Впрочем, Махин и его штаб также были склонны преувеличивать собственные успехи и потери красных. 29 июля штаб Хвалынской группы сообщил, что к северо-востоку от Николаевска красные разбиты наголову, потеряли около двухсот человек и «много» пулеметов и орудий, собственные потери оценивались в одного (!) убитого и четырех раненых. Судя по советским сводкам того времени, можно предположить, что речь шла о локальном столкновении с участием нескольких десятков бойцов с каждой стороны.

Некоторые авторы пытаются подчеркнуть масштаб побед Чапаева над белыми и чешскими частями несмотря на слабое вооружение и плохое оснащение и обмундирование красноармейцев. По их мнению, полководческий талант героя лишь выигрывает от того, что он был вынужден воевать с босыми и раздетыми бойцами против отлично оснащенного и вооруженного врага. Но рассказы о босых красноармейцах, штыками побеждающих противника, далеко не всегда соответствуют действительности: в распоряжении

Красной армии осталась большая часть складов распушенной царской армии, запасы которых к лету 1918 года были далеко не исчерпаны. Жалобы на недостаток вооружения и боеприпасов присутствуют и в мемуарах многих белых военачальников, в том числе непосредственных противников Чапаева — уральских казаков и офицеров Народной армии. Эти воспоминания не всегда достоверны, однако недостаток вооружения у противников Чапаева подтверждается и документами: в рапорте штаба Хвалынской группы от 29 июля указано, что в ответ на просьбу о высылке вооружения были получены всего 30 винтовок и 15 тысяч патронов. В другом рапорте Махин просит у командующего сызранским участком Андрея Бакича направить к нему интенданта с транспортом вооружения и амуниции: «Моего интенданта в Самаре перестали слушать».

Ситуация на правом берегу Волги напоминала качели: многие деревни и села переходили из рук в руки по многу раз. 2 августа 1918 года полки чапаевской бригады вновь выбили противника из Липовки, народоармейцы отошли к селам Духовницкое и Богородское. 7 августа части Народной армии контратаковали и заняли село Левенка.

Ожесточение между белыми и красными нарастало. 8 августа в деревне Левенка бойцы красной части притворились, что сдаются в плен, а когда отряд Народной армии приблизился к деревне, внезапно обстреляли его из пулеметов и винтовок. Отряд потерял восемь человек убитыми и 35 ранеными и вынужден был вновь отойти к Духовницкому. Среди раненых был и сам Махин, который отказался от лечения в госпитале: «ранение сравнительно легкое», хотя, как указывает историк Андрей Ганин, пуля попала Махину в голову, раздробила верхнюю челюсть и вышла около уха.

7 августа бригада Чапаева начала наступление в районе села Гусиха, но вынуждена была отойти на исходные позиции. По версии штаба дивизии Николаевских полков — «под воздействием превосходящих сил противника».

Вскоре на николаевском направлении появились отдельные подразделения Чехословацкого корпуса. 10 августа при поддержке казаков и Народной армии они заняли села Журавлиха и Камелик, в ходе ожесточенного встречного боя 2-й Николаевский полк Кутякова понес большие потери (к тому же ранены были четверо из шести командиров рот) и вынужден был отойти к селу Старая Порубежка. Белые отошли к селу Ивантеевка. На следующий день противник атаковал 1-й Николаевский полк Плясункова,

который вынужден был начать отход. Ход боя переломило появление Чапаева, который прибыл к месту сражения с эскадром конницы, пешей разведкой и стрелковой ротой полка Кутякова. Неожиданный удар во фланг отвлек внимание противника, легко раненный Плясунков сумел перестроить ряды своего полка и перейти в наступление. Белые были вновь вынуждены оставить село Большая Таволжанка, в котором находилась одна из переправ через Большой Иргиз.

Отдельные неудачи в маневренной войне вовсе не означали поражения или даже перехода инициативы к противнику. На участке Восточного фронта в районе Николаевска и Хвалынска сохранялось неустойчивое равновесие. Красная армия проводила более эффективную, чем их противники, мобилизацию людей и, имея превосходство в материальных ресурсах, пыталась использовать их для окончательного перехвата инициативы. Командование Восточного фронта постепенно сосредоточивало превосходящие силы сразу на нескольких направлениях, что не позволяло Народной армии парировать удары с помощью маневра наиболее боеспособных частей (в частности, бригады Каппеля) на угрожаемое направление: удары могли следовать с разных сторон.

Призывы Махина сначала организовать наступление на Вольск и Балаково — чтобы захватить новые территории, а следовательно, получить в свое распоряжение новых добровольцев и военные склады — и Саратов не встретили поддержки главного командования: ударные силы воевали под Казанью и Симбирском.

Впрочем, в середине августа Самарское правительство попыталось занять Николаевский уезд, чтобы создать общий фронт с уральскими казаками. Один из руководителей штаба Народной армии Комуча, Павел Петров, отдавал должное усилиям своего противника Чапаева: «Обстановка в районе Самары требовала большого внимания к Николаевской группе противника, которая все усиливалась и все время нажимала от Николаевска на Иващенковский завод (один из крупнейших заводов по производству взрывчатых веществ для снарядов. — П. А.). В конце июля наш заслон против этой группы находился в районе деревни Марьино, почти ежедневно ведя маневренные бои с весьма подвижным противником. Требовалось ликвидировать

эту группу, так как она угрожала центру движения — Самаре. Все попытки этой ликвидации не удавались, так как противник ускользал от ударов, применяя партизанский образ действий, появляясь даже под Хвалынском против Махина. Для успеха необходимы были действия по обоим берегам Волги, причем по левому восточному по крайней мере двумя колоннами или же удар по центру красных — Саратову через Вольск». Под Николаевск перебросили дополнительные силы чехословацких войск. Вероятно, это было ошибкой Главного штаба Народной армии. Части корпуса действовали преимущественно по правилам «эшелонной войны», когда противник в случае неудачи быстро отходил к следующему узловому пункту или рассыпался по окрестной местности. Здесь же чехам пришлось воевать на обширном плацдарме, предполагающем возможность широкого маневра, глубоких охватов и окружения. Чехам противостояли отряды, имевшие серьезный опыт маневренных действий, с бесстрашным и знающим командиром во главе. Кроме того, под Николаевском чехам пришлось сражаться с людьми, которые защищали не абстрактные «оборонительные позиции», а родину: своих отцов и матерей, жен и детей, дома, где они родились, и землю, на которой трудились. Так что ожесточенное сопротивление было неизбежно.

Первоначально наступление противника развивалось успешно, так как значительная часть дивизии Николаевских полков сосредоточилась против уральцев. 11 августа командарм Ржевский доносил: «Противник повел фланговый обход справа против Николаевска, 10-го начал стягивать силы на правый фланг через р. Большой Иргиз и занял с. Камелик (к востоку от Николаевска). По донесениям, переправлено было около 900 человек, кроме того, тянулись громадный обоз и конные разъезды от Яблонного Гая на Журавлиху... Сегодня в 7 часов утра начался артиллерийский бой на правом берегу р. Иргиз с переправившимся противником между селами Камелик (к востоку от Николаевска) и ст. Порубежка».

Одновременно активизировалась и Хвалынская группа Народной армии, которой было поручено вести отвлекающие действия и не дать красным частям сконцентрировать все силы против Николаевской группы. Оправившийся от ран Федор Махин предложил 15 августа отло-

жить операции против Балакова и Вольска до занятия района Николаевска.

С рассветом 17 августа уральские казаки перешли в наступление на полки Уральской дивизии. На следующий день чехи и части Народной армии перешли в наступление у деревни Марьевка и села Ивантеевка. Вскоре красные части, защищавшие Николаевск — 1-й и 3-й Николаевские полки, — вынуждены были отойти ближе к городу, к селам Порубежка и Большая Таволожка.

20 августа части Чехословацкого корпуса, которые назывались «Восточным» или «Николаевским» отрядом, перешли в наступление на город. Внезапность удара позволила чехам опрокинуть противостоящие красные полки и быстро занять город. «Бомбардировка города чехами началась неожиданно, — писали уездные «Известия» Николаевского уезда. — Первый снаряд разорвался во время заседания исполнительного комитета. Члены исполкома немедленно приступили к эвакуации ценностей. Во время вывоза последних члены исполкома были обстреляны белогвардейцами. Поэтому наши части были вынуждены очистить город и занять позиции за городом». С началом артобстрела в городе началось восстание антисоветски настроенной части населения. По красноармейцам и советским работникам, пытавшимся эвакуировать имущество и документы, стреляли с крыш и чердаков домов и складов. Роты 3-го Николаевского полка, непосредственно прикрывавшие город, вынуждены были оставить его и отойти на юг.

Быстрое оставление города красными частями могло привести к личной трагедии для Чапаева, который был равнодушен ко второй жене, но обожал детей от первого брака. Пелагея Камешкерцева с тремя детьми комбрига и двумя своими в те дни находилась в Николаевске.

Дети Чапаева утром 20 августа играли во дворе дома и увидели на противоположном берегу Иргица кавалеристов. Они обрадовались, надеясь встретиться с отцом, которого давно не видели. Выбежавшая во двор Пелагея сразу почувствовала опасность: кавалеристы были вооружены не шашками, а пиками. В этот момент во двор въехал молодой красноармеец и приказал всем быстро садиться в запряженный парой лошадей тарантас. Бойцу было поручено вывезти семью Чапаева из города. Но с эвакуацией семьи он опоздал: город уже был оцеплен чехами и народоармейцами, а выезд

из города закрыт. Дальше, если верить пересказу истории последующих дней детьми нашего героя, события развивались драматично. Камешкерцева предприняла отчаянную попытку: подъехала к мосту и хотела уйти под ним в лес. Но и там стоял патруль белых. Повернув назад, красноармеец остановился рядом с каким-то домом и быстро провел женщину с детьми в калитку. Хозяин, убедившись, что улица пуста, пригласил неожиданных гостей в дом. Он взял детей за руки и сказал: «Отныне вы — мои дети. А вашу мать мы спустим в погреб. Вы меня должны слушаться, а мою жену называть мамой. Поняли?» Пелагея собралась было уйти, но хозяин ее не отпустил. В приказах, изданных оккупантами, предлагалось всем жителям Николаевска в 24 часа выдать членов семей красноармейцев; пытавшихся прятать таковых ждал расстрел. «Полезай в погреб и жди, пока не придут красные!» — приказал хозяин дома.

Железнодорожник, имя которого осталось неизвестным, прекрасно понимал, что если Камешкерцеву и ее детей найдут, то ему и его близким грозит жестокая расправа. Но это не остановило безымянного героя: «Отпустить тебя на верную гибель не могу. Я — человек, а не предатель. Так что, женщина, милая, полезай-ка в подпол». Спрятав женщину в подполе, он придвинул на крышку сундук, на котором спала его старая мать. Начавшийся на следующий день обыск проводили чехи, плохо понимавшие по-русски. Угостившись хозяйскими припасами, чехи все же осмотрели двор, сарай и даже открыли сундук. Завершив обыск, решили побеседовать с хозяевами. Один из «гостей» сказал, что Чапаев удрал на аэроплане в Саратов. Хозяин, стремившийся поскорее спровадить опасных гостей, поддакивал: «Конечно, Чапай трусил и вместе с женой удрал в Саратов, удрал, удрал»... Чехи наконец направились к двери. Вдруг Аркадий, младший сын Чапаева, которому едва исполнилось четыре года, возмущенно завопил: «Это неправда, наш папа не трус, он чехов бьет!!! Папа не трус!!!»

Хозяйка побледнела, а хозяин дома растерялся, в комнате повисла зловещая тишина. Чехи развернулись и настороженно посмотрели на детей. Шестилетняя Клавдия почувствовала опасность и больно ущипнула младшего брата. Тот отчаянно заорал, началась детская потасовка, которая отвлекла внимание чехов. Разбираться в детской ссоре они не стали и покинули дом. Семья хозяина и «чапаята» счастливо спаслись от гибели.

Тем временем сам Чапаев, знавший, что его семья осталась в Николаевске, и предполагавший, что она может попасть в руки врага, искал варианты контрдействий, чтобы отбить город. Начальник дивизии Сергей Захаров поручил ему возглавить группу в составе двух пехотных и кавалерийского полка, чтобы вернуть Николаевск. Но для начала предложил 1-му Николаевскому стрелковому полку отойти из района Порубежки, где тот вел бой, на Давыдовку и только оттуда атаковать город. Командир полка Иван Плясунков был против: «Не мы атакуем чехов в Николаевске, а они нас в Давыдовке с тыла». И здесь Чапаев пошел на решительный шаг. Можно сказать, что Большой Иргиз стал для него своего рода Рубиконом, решившись перейти который он оказался перед выбором: победить или погибнуть. Зная, как к нему относятся в штабе армии, он тем не менее, нарушив субординацию, отменил приказ начдива как ошибочный и поручил Плясункову продолжать бой за Порубежку, чтобы вернуть переправу через реку. Одновременно он приказал полку Кутякова оставить заслон в районе обороны и двигаться через село Гусиха в тыл противнику.

Нарушение приказа командования — тяжкое воинское преступление, наказание за которое может быть самым суровым. Отменив распоряжение Захарова, Чапаев сильно рисковал. Спасти нашего героя мог только полный разгром противника.

Белые тем временем были уверены в успешном для них развитии событий. Штаб Хвалынской группы Народной армии, получив сведения от летчика-разведчика, доносил 20 августа:

«Юго-западнее Николаевска противника не обнаружено. По железной дороге к югу и по большой дороге на Корнеевку замечены уходящие части красных. Между деревнями Беленькая и Толстовка отмечен бивак пехоты, сброшены бомбы, к востоку от дер. Беленькая замечен лагерь примерно на батальон, между дер. Беленькой и ст. Рукополь стоит состав 25 вагонов паровозом в сторону Ершово. На дороге Селезниха — Николаевск обнаружен выходящий из Селезнихи оч. большой обоз, среди повозок пехота и артиллерия, появление аэроплана вызвало панику, к сожалению, возможности захватить больше двух бомб не было. Предполагаю, что отряды, выходявшие из Селезнихи, это отряды, которые вчера ушли из района Липовка, около 1000 человек и 5 орудий, необходимо известить николаевский отряд, чтобы не упустить столь богатую добычу».

Однако движение красных частей было не столько отступлением, сколько сосредоточением сил. Командир чехословацкого отряда Рудольф Вобратилек указывал, что противник стремится действовать активно.

21 августа красные полки перешли в наступление, оттеснили противника от переправы в Порубежке и прервали связь между Николаевском и Ивантеевкой.

Чтобы отвлечь неприятеля от главного удара, Чапаев собрал скотину из близлежащих деревень и подвел стадо, окруженное несколькими рядами бойцов, к мосту через реку Иргиз у Николаевска. Чехи купились на эту уловку и стянули главные силы к мосту, что позволило 2-му Николаевскому полку быстро выйти в тыл противнику у села Большая Таволожка. Внезапность дала блестящий результат.

Артиллерия 2-го полка прямой наводкой обстреляла батарею противника. Сразу же после обстрела кавалерийский эскадрон и три батальона разинцев с криком «ура!» бросились в атаку. Внезапный удар с тыла вызвал панику противника. Чехословацкие артиллеристы бросили орудия и пытались спастись среди пехотинцев прикрытия. Однако пехотинцы не успели изготовиться к бою и были уничтожены. Чапаев, лично руководивший в этом бою Пугачевским полком, атаковал противника с фронта. Победа была полной, красные бойцы, по словам Ивана Кутякова, захватили четыре тяжелых орудия, более шестидесяти пулеметов и богатое военное снаряжение.

Победа над чехами была достигнута отчасти и благодаря везению. Вечером 20 августа командир одного из батальонов 2-го Николаевского полка Иван Бубенец обнаружил в тылу бригады чехословацкую часть, двигавшуюся на повозках в сторону Николаевска для усиления гарнизона города. Бывший офицер Бубенец быстро надел на голову потертую фуражку, отрекомендовался командиром батальона Народной армии и бодро отрапортовал начальнику чехословацкой колонны о прибытии подразделения. Пока Бубенец всячески затягивал беседу с чехословацким офицером, красноармейцы незаметно выдвинулись к окружавшей дорогу лесопосадке и открыли огонь с близкого расстояния, разгромив обходную колонну противника. Если бы чехи проскочили мимо Бубенца или хотя бы вовремя получали сведения о движении соратников по борьбе, они могли бы выйти в тыл чапаевцам. Тогда события под Николаевском, возможно, развивались бы по иному сценарию. Но Чапаеву повезло, как часто случается с людьми талантливыми и удачливыми.

Генерал двух армий, русской и Красной, Федор Новицкий, бывший командующий 4-й армией и соратник Михаила Фрунзе в боях на Урале и в Туркестане, писал: «Классическим примером и понимания обстановки, и военного чутья, и распорядительности, и умения использовать слабые стороны в действиях противника являются бои Чапаевской бригады 20 и 21 августа 1918 г. с чехами под Пугачевском (Николаевском. — П. А.). Вопреки категорическому приказу начдива Чапаев требует от своих частей выполнения другого маневра, более соответствовавшего обстановке и приведшего к блестящей победе — полному уничтожению врага у с. Б. Таволжанка, захвату многочисленных трофеев и освобождению Пугачевска».

Смелый и энергичный маневр Чапаева, его неожиданное для противника решение привели к разгрому противника. Сам факт поражения чехов не вызывает сомнения и подтверждается документами Народной армии. 23 августа Махин в разговоре по прямому проводу с помощником начальника штаба Народной армии Павлом Петровым указывал, что для успешных действий на правом берегу ему нужно вернуть Вольский полк, отправленный для смены частей Вобратилека. Петров, в свою очередь, заметил, что Народная армия вынуждена перейти под Николаевском к обороне, а «части измотались настолько, что после смены требуют продолжительного отдыха». Это означает, что сражавшиеся с Чапаевым войска понесли большие потери и требовали пополнения и восстановления пошатнувшегося боевого духа. «Середину августа надо считать временем, когда успех в боевых действиях стал склоняться на сторону красных, в Казани мы оборонялись, и сил для успешной обороны было мало, под Симбирском противника лишь отогнали и потрепали, но не разбили, Сызрань и Хвалынский оборонялись, в Николаевском районе красные усиливались», — писал Павел Петров.

Тем временем чапаевцы продолжали наступление, несмотря на усталость. Чехословацкие части, осознав угрозу с флангов и тыла, начали вывод войск из означившегося окружения через село Селезниха, оставив в Николаевске лишь небольшой заслон. На следующее утро после боя под Большой Таволожкой Николаевск был освобожден от противника стремительным ударом 2-го и 3-го Николаевского полков, арьергард чехословаков покинул город без серьез-

ного сопротивления. Вместе с оккупантами из города ушли около тысячи жителей — те, кто успел вступить в Народную армию, и их семьи.

После освобождения Николаевска Чапаев не находил себе места, не имея сведений об участии родных. Красноармеец, которому было поручено вывезти их, пропал без вести в суматохе боев. Ординарцы ломали головы, живы ли жена и дети комбрига и где их можно найти. Они знали о приказе выдавать командиров и комиссаров Красной армии и репрессиях против невыполнивших приказ. Кроме того, среди жителей было немало противников советской власти и лично Чапаева, не смевших поквитаться с ним лично, но готовых расправиться с его семьей. Ситуация разрешилась случайно. По рассказам дочери Чапаева Клавдии, они увидели в конце улицы большую телегу, запряженную парой лошадей. В спящем вознице они признали Петра Исаева, боевого друга отца, будущего «Петьку» из знаменитого кинофильма. Исаев откликнулся на детский крик и рассказал, что он обыскал почти весь город, а их отец почти потерял надежду их найти.

Сыновья и дочь Чапаева забрались в телегу и через несколько минут уже были в доме, где до прихода чехословаков жила семья комбрига. Чапаев, как вспоминали очевидцы, увидев детей, не проронил ни слова и не улыбнулся. Он изменился в лице и полез в карман. Ребята бросились к отцу. Потом все трое сидели у него на коленях и поочередно откусывали от яблока, которое дал им Чапаев. И тут стул, на котором сидел комбриг, подломился и все дружно рухнули на пол под оглушительный хохот сослуживцев. Растроганные командиры и бойцы, сдерживая смех и слезы, предсказывали: «Василь Иваныч, тебя ни штык не берет, ни пуля, ни сабля, ни снаряд, а собственные детки все-таки тебе когда-нибудь шею-то свернут».

Вскоре домой доставили и освобожденную из вынужденного заточения Пелагею Камешкерцеву. Ее жалобы на разоренный дом и потерянный скарб комбриг воспринял равнодушно. «Ну хватит, хватит причитать. Живы, и ладно. А вещи — дело наживное», — успокаивал он жену.

Дети редко видели отца, который практически не бывал дома из-за постоянных боев. Возможно, поэтому каждый его приезд или поездка к нему в штаб дивизии воспринимались ими как праздник. Чапаев во время кратких отпусков

старался уделить детям как можно больше времени. Старший сын Александр рассказывал: «Весело было тогда! Он играл с нами как с детьми. Бывалоча, залезет под стол да и кричит оттуда: “Ку-ку! Где я? Ищите!”».

Как вспоминали дожившие до почтенных лет Клавдия и Александр Чапаевы, отец не ограничивал общение с ними простыми развлечениями: катанием с горки зимой, прятками и купанием в реке летом. В короткие дни побывки учил читать, интересовался успехами старшего сына в школе и придумывал разнообразные развлечения, не слишком привычные обычному крестьянину или бедному горожанину. Во время передышки между боями он устраивал театральные постановки силами бойцов. «Обязательный номер программы — спектакль. Что-нибудь романтическое, веселое. Амплуа Василия Ивановича — женские роли. Красивое лицо, платье понаряднее. И на этом фоне огромные усищи», — вспоминали дети Чапаева.

Бои под Николаевском ненадолго затихли. Чапаев использовал это затишье для пополнения поредевших в боях полков и политической агитации среди населения. В один из дней на многолюдном митинге он предложил переименовать город в Пугачевск, инициативу восприняли восторженно. Кроме того, город вновь объявлялся на осадном положении, несколько десятков представителей буржуазии были взяты в заложники. Всем офицерам старой армии и чиновникам предписали пройти в течение суток регистрацию в штабе 1-й Николаевской дивизии. Освобожденным белогвардейцами арестованным приказали немедленно явиться к советским властям. Невыполнение каралось расстрелом.

Тем временем в штабе 4-й армии был раскрыт заговор. Политический комиссар Борис Зорин и уполномоченный Наркомпрода Александр Пайкес сообщали в Москву 22 августа: «В армии раскрыли громадный заговор. Заговорщики предполагали... разоружить Уральскую дивизию и арестовать в Урбах штаб армии и политического комиссара. Заговорщики [из] командного состава: двое из них уже нами расстреляны; заговор ликвидирован... Настроение улучшилось благодаря изъятию изменников. Часть виновников скрылась к казакам». Расстреляны были по меньшей мере 15 заговорщиков. Командарм Ржевский в заговоре не участвовал, но очередная измена в штабе (до этого

к противнику перешел не раз упоминавшийся командарм Федор Махин) отрицательно сказались на настроении сражавшихся на передовой бойцов и командиров и усилила их недоверие к штабам.

В тот же день председатель Совнаркома Владимир Ульянов и председатель ВЦИКа Яков Свердлов направили находящемуся на фронте под Свияжском руководителю Реввоенсовета Льву Троцкому телеграмму с требованием посетить Саратов, чтобы окончательно разобраться с причинами мятежа: «Измена на Саратовском, хотя и открытая вовремя, вызвала все же колебания, что крайне опасно. Мы считаем абсолютно необходимой немедленную Вашу поездку туда, ибо Ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию. Сговоримся [о] посещении других фронтов. Отвечайте и указывайте на день Вашего отъезда, все шифром». Но до завершения операции под Казанью один из организаторов Красной армии в Саратов отлучиться не мог. Встреча нашего героя с Троцким откладывалась.

23 августа командарм Ржевский и Зорин прибыли в Николаевск, возможно, они опасались новых выступлений заговорщиков и стремились под защиту надежных чапаевских полков. По другой версии, они намеревались проверить настроения командования и красноармейцев. На следующий день они доносили в штаб фронта: «Николаевск очищен от чехословацких банд. Захвачен весь обоз противника, два 42-линейных орудия, одно скорострельное, несколько пулеметов (заметим: два, а не четыре, как указал Кутяков, а пулеметов — несколько, а не шестьдесят. — П. А.), масса снарядов. Потери противника громадны. Бой продолжается».

Спустя несколько дней после посещения дивизии комиссар Зорин направил в Москву телеграмму с просьбой о награждении Николаевских полков и командного состава дивизии:

«Революционные Николаевские полки Уральского фронта отличаются товарищеской дисциплинированностью. Под умелым командованием товарища Захарова они неоднократно разбивали противника. Среди доблестных Николаевских полков особенно выделяется 2-й Николаевский полк. Преисполненные революционного энтузиазма товарищи красноармейцы 2-го Николаевского полка во главе с командиром Чапаевым особенно отличились в последнем бою под Николаевском, разбивши наголову чехословацкие и казачьи банды. Они отобрали громадный обоз противника, до 2000 снарядов и 4 тяжелых орудия и 6 пулеметов...

Ходатайствую перед Совнаркомом о награждении 2-го Николаевского полка за отличие боевым Революционным знаменем, а также удовлетворить желание Николаевских полков переименовать их в Пугачевские полки. Отмечая воинскую доблесть командира Чапаева, я уверен, что наша 4 армия, получивши необходимое обмундирование и вооружение, проявит чудеса храбрости; и около боевого Революционного знамени николаевцы теснее сомкнут ряды и дружно ударят по белогвардейским бандам. Прошу Совнарком удовлетворить мою просьбу в срочном порядке».

Вскоре Чапаев подтвердил свою доблесть уже в боях против казаков. 28 августа он выехал в полки, отступившие под натиском неприятеля из-под села Любитское. После прибытия командира те же полки сумели выбить противника из села. «Чапаев сумел своей храбростью привести красноармейцев к победе. При его появлении в частях красноармейцы, не видя даже его лично, но чувствуя его присутствие, рвутся вперед к победе», — писали уездные «Известия».

После поражения чехословаков чапаевцы в последних числах августа активизировали действия на левом берегу Волги. Серией быстрых маневров под Липовкой и Злобинкой они обошли фланги противника. Вольский полк Народной армии, длительное время упорно удерживавший свои позиции, под угрозой окружения вынужден был отойти к пристани в Духовницком. Вскоре на правый берег Волги эвакуировались и другие подразделения Хвалынской группы. Они с трудом могли пополнять свои роты и батальоны из-за отрицательного отношения населения к мобилизации, которое усугублялось действиями местных властей. В частности, в одном из уездов Самарской губернии земская управа постановила взимать по 50 рублей с десятины засеянной фондовой (государственной) земли. Между тем эти участки засеяли преимущественно демобилизованные солдаты, позже других вернувшиеся домой с фронта и не успевшие к разделу общинной земли. Жители деревень и сел в этом районе восприняли решение управы как несправедливое восстановление «старых порядков» и категорически отказались давать новобранцев при мобилизации в конце июля. В другом селе доброволец одного из полков Народной армии требовал новобранцев, угрожая в противном случае привести карательный отряд. Жители отве-

тили жестко: «Буржуев защищать не пойдем». Даже набор новобранцев не означал серьезного пополнения Народной армии: мобилизованные разбежались в первом же бою или расходились по домам, если часть покидала их родной уезд или губернию. Особенно ярко это проявилось в боях сентября — октября 1918 года под Самарой.

Тем не менее бои под Николаевском продолжались. Наступление на город в начале сентября предприняли уральские казаки при поддержке чехословаков. Кутяков намеревался подпустить противника на близкое расстояние и нанести ему максимальный урон. Однако недавно мобилизованные крестьяне отказались стрелять, противнику удалось ворваться в окопы красных. Кутяков, пытавшийся контратаковать во главе конной разведки, был ранен. Начался поспешный отход полка, во время которого мост через Иргиз рухнул, многие бойцы погибли, другие вынуждены были спасаться вплавь и потеряли оружие. Положение спасли сохранивший боевой порядок при отступлении батальон Ивана Бубенца и полк Плясункова, чей удар не позволил противнику преследовать и разгромить отступавших. Узнавший о случившемся Чапаев немедленно выехал в Старую Порубежку, ему удалось собрать рассеявшихся бойцов.

Можно лишь предполагать, какие горькие и одновременно убедительные слова нашел комбриг для отступивших бойцов на коротком митинге. Красноармейцы и командиры, как закаленные в боях, так и недавно призванные, осознали, что потеря боевых позиций и оружия — это позор, который придется искупать личным мужеством или смывать кровью. Многие, потерявшие винтовки в реке, пошли в бой с шашками, косами, топорами и даже палками. Порыв этих людей, стремившихся искупить вину перед Революцией и командиром, лично увлекавшим их в атаку, был таков, что противник поспешно оставил Гусиху и отошел на Ивanteeвку.

Вскоре после боя под Гусихой Чапаев получил серию благодарственных телеграмм. «Приношу Вам благодарность за лихой подвиг, оказанный Вами... Николаевскую дивизию необузданные белые банды уже знают. Ваша бригада доказала еще раз доблестное рвение скорее победить заклятого врага. Память о полках славной Николаевской дивизии в сердце настоящего революционера никогда не умрет, и я надеюсь, что в будущем Вы оправдаете неоценимые героизма бойцов Николаевской дивизии», — писал вре-

менно командовавший армией бывший балтийский матрос Тихон Хвесин. Вскоре командарм ходатайствовал перед Реввоенсоветом о награждении чапаевской бригады Революционным Красным Знаменем «За неоднократные героические подвиги в течение двух месяцев боев с чехословаками, где бригада под командованием Чапаева успела завоевать себе славу».

8 сентября Чапаева и его бойцов благодарил уже главным Вацетис:

«Считаю своим долгом отметить доблестную работу Николаевских полков. Герои-николаевцы не только победно отразили отчаянные атаки врага, но и сами, перейдя в наступление, нанесли ему громовой удар. Ошеломленный этим, противник позорно бежал. Блестящему успеху этого боя способствовала не только самоотверженность и храбрость солдат Николаевского полка, не только их твердая решимость победить или умереть, но и искусное руководство командира полка Чапаева.

Верно оценивая боевую обстановку, твердо управляя полком и беспрерывно подавая личный пример своим подчиненным, этот славный начальник смело вел своих храбрых солдат на героические подвиги.

Эти блестящие действия Николаевского полка показали, что николаевцы сознательно относятся к своему революционному долгу и честно несут свои обязанности перед Родиной. Они показали, что могут сделать герои-солдаты революционной России, руководимые талантливым героем-командиром.

Честь и слава вам, доблестные солдаты-николаевцы! Родина с радостью прочтет о ваших великих подвигах и будет гордиться своими достойными сынами, храбро стоящими на страже революции... Да послужат примером ваши героические подвиги для нашей молодой, еще неокрепшей армии».

Но Чапаев оценивал положение куда менее оптимистично и жаловался на острый недостаток вооружения, боеприпасов и амуниции. 2 сентября он выступил на заседании уездного исполкома: «Армия сражается босая и раздетая, и без винтовок, и без всего необходимого. Подвиги и победы армией совершаются только благодаря тому, что она охвачена революционным духом. Как яркий пример может послужить последнее сражение под Гусихой, где 2-й советский полк,

босый и почти голый, с палками вместо винтовок перешел в наступление и прогнал чехословацкую банду, наступавшую на него, и отобрал у них оружие и снаряжение, захваченное прежде чехословаками у 2-го советского полка... Такое положение не может продолжаться. Нужно принять все меры к скорейшей доставке полку необходимого обмундирования и снаряжения, чтобы этот революционный дух, который охватил полки, не погас и не получился разлад армии».

Чапаева слушали внимательно, ему доверяли. Но спустя почти 100 лет эти слова звучат странно. Чапаев, его подчиненные и вышестоящее командование регулярно рапортовали о захвате орудий, пулеметов, сотен и даже тысяч винтовок, значительного количества боеприпасов. Жалобы на их острую нехватку после победных реляций заставляют задуматься о судьбе трофеев. В тот период они вряд ли немедленно отправлялись на соответствующие склады: в тот момент обе воюющие стороны преимущественно воевали одним и тем же оружием и нередко пополняли запасы за счет противника. Получается, захваченное имущество неприятеля использовалось нерационально либо число трофеев существенно преувеличивалось ради доказательства разгрома врага.

Исполком постановил направить двоих работников в Саратов с ходатайством о скорейшей отправке вооружения и снаряжения, послать в Москву телеграмму соответствующего содержания и создать при полевом штабе комиссию из опытных работников по снабжению. В решении исполкома, принятом по настоянию комбрига, отразился образ действий Чапаева, который ради достижения цели (в данном случае — получения положенной по уставу воинской амуниции) не ограничивался рапортами по инстанциям, а использовал все возможные средства, в том числе и гражданские власти. Местные партийные и государственные органы не имели формального касательства к делу снабжения бригады, но штабы и особенно советские учреждения не могли игнорировать обращения «товарищей» снизу.

6 сентября 1918 года Чапаев получил долгожданную должность начальника дивизии, заменив отправившегося в командировку Сергея Захарова (зачем начдив убыл в разгар боев — другой вопрос). Новый масштаб работы показал Чапаеву плюсы и минусы высокой должности. Теперь уже ему самому пришлось столкнуться с недоверием к высшему командованию и наветами ближайших соратников. 7 сентября Чапаев зачитал приказ штаба фронта:

«При объезде мною Николаевского фронта я с удовольствием обнаружил везде стремление к воинскому порядку, необыкновенно высокий подъем духа, несмотря на просчеты в обмундировании, снаряжении и т. д., а также дружную работу чинов штаба Николаевской дивизии, за что объявляю благодарность военному руководителю Николаевского фронта тов. Захарову.

При посещении моем 1-го Советского Николаевского полка командир полка Плясунков позволил себе неуместные обращения к солдатам, клонившиеся к возбуждению ропота среди солдат по вопросу о деятельности Штаба относительно обмундирования, снаряжения и вооружения товарищей красноармейцев... Обвинения были обоснованы на совсем неосновательных предположениях. Подобные выступления имели характер либо заискивания какой бы то ни было ценой расположения солдат, либо характер речи контрреволюционера, старающегося возбудить ропот или неудовольствие красноармейцев против высшей военной инстанции. Напоминаю тов. Плясункову, что призыв к ропоту или неудовольствию составляет одно из наиболее тяжких преступлений против воинской дисциплины. Лишь принимая во внимание блестящую боевую деятельность тов. Плясункова, я ограничиваюсь объявлением ему выговора за неуместное выступление с необоснованными обвинениями...

При посещении полков Николаевской дивизии мною была замечена какая-то глухая работа провокаторов, клонящаяся к подрыву доверия между частями, как, например, между 1-м и 3-м Советскими Николаевскими полками».

Тем временем уральцы и Народная армия Комуча возобновили активные действия на николаевском направлении. Казачья кавалерия наносила удары по тылам и путям сообщения 4-й армии. Главные силы Уральской армии наступали на Новоузенск, вдоль железной дороги на Саратов, а также на Николаевск и расположенную южнее города станцию Рукополь. Правобережная группа Народной армии Комуча действовала, о чем и ходатайствовал ранее Федор Махин, на вольском направлении, а Левобережная группа наступала на Балаково, пытаясь выйти в тыл 4-й армии. Противник принудил войска 4-й армии к отступлению и двигался к Волге. Части дивизии Николаевских полков уходили к Рукополю.

Одновременно перешли в наступление и войска Народной армии на правом берегу Волги. 1 сентября они выступили из Хвалынска на юг. 6 сентября, воспользовавшись

очередным восстанием местных жителей в Вольске, захватили город и двинулись дальше на Саратов. Федору Махину удалось разгромить советскую Вольскую дивизию, в ходе боя были убиты ее командир и начальник штаба, захвачены 400 пленных и шесть орудий.

Вступивший в командование дивизией Чапаев понимал, что пассивная оборона не приведет к успеху, и задумал контрманевр, чтобы окружить и разгромить противника. Он намеревался сосредоточить на правом фланге дивизии три четверти своих сил, оставив в центре и на левом фланге небольшой заслон. Чтобы избежать прорыва заслона, он просил помощи у штаба 4-й армии. Состоявшийся 7 сентября разговор по прямому проводу передает особенности стиля общения нашего героя с вышестоящим командованием. Чапаев пытается испугать руководство превосходящими силами противника и слабостью собственных войск и поставить его перед выбором: помощь или поражение.

«Чапаев. Прошу срочно выслать бронированный автомобиль с пулеметом и пулеметчиками для поддержки Краснокутского и Балашовского полков, которые отступают под сильным натиском противника на станцию Рукополь. Николаевскими полками помощь дать не могу, на них наступают чехословаки количеством шесть тысяч человек при 33 орудиях. Прошу поспешить с высылкой бронированного автомобиля с пулеметчиками и пулеметом к 6 часам утра 8 сентября и, если возможно, высылайте полк из Уральской дивизии на Семеновку, ввиду того что Балашовский полк почти разбит под селом Любитское, и Краснокутский полк имеет по 50 человек в роте. Прошу ответить, будет ли выслано просимое.

Сиротенко (начальник оперативного отдела штаба армии). Сейчас я схожу к начальнику штаба и передам вашу просьбу. Скажите мне положение дел Николаевской дивизии. Знаете ли вы положение на правом берегу Волги? Где левый фланг Николаевской дивизии?

Чапаев. Левый фланг Николаевской дивизии — село Озинки. Правый — село Раевка. Все полки сведены вместе для нанесения решительного удара на Ливенку и Орловку, где находятся чехословаки... 8-го произойдет решительный бой между нами и чехословаками под Орловкой в 6 часов утра. Правый же наш фланг почти открыт, так как Балашовский и Краснокутский полки малочисленны, и поэтому еще раз прошу о посылке бронированного автомобиля и полка с Уральской дивизии».

Чапаев, может быть, неумышленно, а может быть, и преднамеренно преувеличивал силы противника, чтобы продемонстрировать командованию армии масштаб угрожающей ему опасности. К началу августа части Чехословацкого корпуса, действовавшие в Поволжье совместно с войсками Народной армии, насчитывали не более десяти тысяч человек при 40—45 орудиях. За месяц они понесли значительные потери в боях под Казанью и Симбирском. Кроме того, большая часть чехословацких частей вела в тот момент бои в районе Казани, оставленной накануне под давлением превосходящих сил Красной армии. Предполагать, что под Николаевск в критический момент сражения за Казань были отправлены шесть тысяч бойцов и большая часть артиллерии, по меньшей мере нелогично. Вопрос, насколько Чапаев и его штаб завышали боевую мощь противостоящего противника, остается открытым. Наконец, не следует представлять чехословаков в начале сентября отборными войсками, отличавшимися исключительной боеспособностью. Как отмечал впоследствии один из соратников Каппеля, артиллерист Василий Вырыпаев, «настроение среди войск быстро падало. Усталость от постоянных боев начала сказываться. Чехи требовали смены и отвода в резерв».

«Под Сызранью и Николаевском чешские части заметно начали сдавать: не проявляли прежней активности, обороняться было труднее. Здесь нужно отметить, что при действиях в районе железной дороги чехи жили в вагонах, из которых выходили для действий, оборона же требовала иногда ночлега в поле, в плохую погоду, долгого лежания в окопах и проч. Все это действовало скверно на людей, ранее быстро добивавшихся успехов», — отмечал Павел Петров.

Чапаев располагал не меньшими силами, чем противник, примерно шестью тысячами бойцов и двадцатью орудиями, но опасался удара казаков с тыла. Чтобы усилить свои части, он отправился в Николаевск и собрал совместное заседание уездных исполкома и комитета партии. Начдив потребовал мобилизовать не менее трехсот рабочих и немедленно отправить их под село Корнеевка для создания заслона перед казаками. В противном случае, считал Чапаев, дивизии придется отступать до Саратова. Предложения Чапаева были немедленно приняты и реализованы, отряд рабочих отправился на позиции.

Поздним вечером 7 сентября, когда закончилось совещание командного состава, Чапаев подозвал командира 3-го полка Ивана Патрикеева: «Ты вот что, командир, учти, что у неприятеля хорошие, почти неприступные позиции. Взять его с фронта нелегко. Да ты особо и не торопись брать. Твое дело отвлечь на себя внимание противника. А мы его тем временем главными силами ударим с фланга и с тыла. В общем, зажем в кольцо... И не выпустим. Понятно?.. И вот что, ты береги людей! Помни, что за каждого человека будешь в ответе».

Ранним утром 8 сентября главные силы дивизии Николаевских полков двинулись на село Левенка, где располагались, как утверждал Иван Кутяков, около трех тысяч солдат и офицеров Народной армии. Атака 4-го полка была отражена, противник перешел в контратаку, но получил сильный удар с флангов от главных сил чапаевской дивизии. Начдив вовремя оказывался там, где создавалась критическая ситуация, его присутствие воодушевляло красноармейцев и командиров, которые сумели сломить сопротивление неприятеля и выйти ему в тыл. Части Народной армии попытались закрепиться в селе Липовка, но не смогли удержать свои позиции и отступили на север.

Как отмечал в донесении штаб дивизии, бой был крайне упорным, противник неоднократно пытался перехватить инициативу и переходил в контратаки. Смертельное ранение в бою получил командир 2-го полка Курсаков, были убиты помощник командира 3-го полка Чуркин и командир батальона Спицын. Потери красноармейцев были велики, кроме того, на сторону противника перешли 40 крестьян, мобилизованных в селе Брыковка.

Чапаев не только умело руководил ходом сражения, но и неоднократно появлялся в боевых порядках, в стрелковых цепях и на артиллерийских позициях, ободрял неопытных красноармейцев, закреплял успех. Личным примером начдив смело поднимал своих бойцов в атаку.

Противник понес серьезное поражение, в донесении указывалось, что только убитыми противник потерял до тысячи человек, захвачены десять пулеметов, много винтовок и 250 подвод со снарядами. Вероятно, личное участие Чапаева, чья слава гремела не только в Красной армии, но и в рядах неприятеля, отчасти деморализовало красноармейцев и чехов, которые почувствовали опасность обхода и окружения.

Сергей Захаров телеграфировал: «Приветствую вас, весь командный состав и доблестных красноармейцев вверенной мне дивизии. Приношу сердечную благодарность за храбрый подвиг в с. Орловка над врагами трудового народа и революции. Вы, товарищи, не раз показывали себя славными героями в защите власти трудового народа и социальной революции. Надеюсь и впредь вы послужите примером вашим товарищам на страх врагам и их наемникам».

В тот же день штаб 4-й армии также отметил заслуги Чапаева и его бойцов: «Бой был жестокий, которым должна была решиться судьба Николаевска и его уезда. Но благодаря тому, что в цепи были как красноармейцы, так и все начальствующие лица, включительно до врид (временно исполняющего должность. — П. А.) начальника дивизии т. Чапаева, начальника штаба Галактионова и все политические комиссары. За таковой блестящий бой объявляю т. Чапаеву искреннюю благодарность. Молодецким Николаевским полкам, принимавшим участие в этом тяжелом и славном бою, прокричим мы от всей 4 армии громкое ура!»

Сейчас нам трудно оценить, насколько достоверны данные о трофеях сентябрьского боя с частями Народной армии и чехословацкими войсками. Очевидно, что они понесли серьезное поражение, сказавшееся на всем ходе боевых действий на правом фланге Восточного фронта. Вечером 12 сентября Чапаев вновь отправился в Николаевск. Он устало отрапортовал исполкому: «Объединенные силы белой армии и чехов разбиты и в панике бежали».

Можно сказать, что победа, которую одержали Чапаев и его бойцы над Народной армией и чехами под Николаевском, стала вкладом в коренной перелом боевых действий на Восточном фронте осенью 1918 года в пользу Красной армии. 10 сентября части 3-й армии отбили у белых Казань, 12 сентября заняли Симбирск.

Уральские казаки, узнав о провале наступления союзников, отошли из района станции Рукополь на восток, части Народной армии были связаны оборонительными действиями и не могли помочь войскам, действовавшим под Вольском и Хвалынском. 12 сентября группа Махина вынуждена была оставить Вольск, а 17 сентября — Хвалынск. Последней Народная армия вскоре отбила и удерживала до 29 сентября, но это был частный успех, не повлекший перелома в боевых действиях.

Федор Махин, один из противников Чапаева на поле боя, прожил долгую и яркую жизнь. После неудачных боев под Самарой бывший казак Махин попытался в декабре 1918 года свергнуть оренбургского атамана Александра Дутова, после пресечения заговора уехал в Омск. Там он признался, что не может служить военной диктатуре, и отбыл в эмиграцию. После странствий по Европе поселился в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (впоследствии — Югославия), где нередко конфликтовал с большинством белоэмигрантов, которые обвиняли его в антигосударственной деятельности и большевизме. В 1939 году Махин вступил в компартию Югославии и установил контакт с советской разведкой. С началом немецкой оккупации ушел в подполье, затем служил в партизанских отрядах, где сблизился с Иосипом Броз Тито. В 1944 году Махин стал начальником исторического отделения Генерального штаба Югославской народной армии, приезжал в СССР. Вскоре после поездки, в июне 1945 года, Махин умер, немного не дожив до 63 лет (что породило версию о возможном отравлении его НКВД), и был похоронен в Белграде с воинскими почестями, его именем названа одна из городских улиц.

Надежды на серьезное пополнение Народной армии местными крестьянами и мелкой городской буржуазией не оправдались. В частности, в Вольском уезде удалось мобилизовать всего 500 человек. Уездные крестьянские съезды, которые должны были, по замыслам Комуча, объявить мобилизацию во многих местностях, отказались поддерживать политику Самары. В частности, делегаты съезда в Хвалынске заявили: «Мы крови не хотим, воевать на своего брата не пойдем. Мы пошлем делегатов и будем просить сложить оружие с обеих сторон». Всего, по разным данным, Комучу удалось мобилизовать 15—20 тысяч человек. Для территории с населением около восьми миллионов человек, которую самарское правительство контролировало в момент наибольшего развития успеха, это жалкий мизер.

Попытки Комуча мобилизовывать в армию силой не увенчались успехом: даже там, где призыв новобранцев не встречал открытого сопротивления и их удавалось привезти на сборные пункты, выяснялась неспособность эсеров и меньшевиков организовать нормальную повседневную работу госаппарата. Для мобилизованных не хватало оружия,

обмундирования и обуви. На занятия выводились лишь немногие солдаты, на которых хватало «дежурных сапог», остальные сидели в казармах, что стимулировало проявление антивоенных и антигосударственных настроений, усугубляло недоверие и враждебность к власти. Стоит ли говорить, что эти пополнения часто были ненадежны, переходили на сторону Красной армии или расходились по домам.

Поражения на фронте вызвали рост недовольства не только среди мирных жителей и мобилизованных новобранцев. Сопровождение офицеров Северной группы под председательством начальника штаба генерал-лейтенанта Юрия Романовского (кавалер Георгиевского оружия, военный агент в Болгарии в 1911—1914 годах. — П. А.) выпустило обращение к Комучу. В нем указывалось, что падение Казани нанесло ужасающий удар авторитету власти, а сохранение действующей ее структуры приведет к новым катастрофам. По мнению офицеров, Комуч не способен олицетворять задачи восстановления национального государства, должен уйти в отставку и передать бразды правления военачальнику, который сосредоточит в своих руках полноту гражданской и военной власти. Это была открытая демонстрация неповиновения политикам левого направления, которые утратили доверие военных. Комуч не успел парировать этот удар, инициатор совещания полковник Степанов выехал в Сибирь.

Один из лучших белых военачальников Восточного фронта Викторин Молчанов отмечал: «После Казани офицерство перестало верить в возможность при существующем правительстве что-либо сделать и удирало туда, где по слухам было лучше. Слишком много вынесли обид, огорчений при правительствах демократических... Так думало большинство офицерства, и мне кажется, никто не может упрекнуть его за это. Не слабые духом уходили в тыл, а во многих случаях убежденные, что они делают как лучше». Даже безупречно дисциплинированные прежде чехословацкие роты нередко отказывались выходить из резерва на смену находившимся на передовой товарищам. Даже в отряде Каппеля Казанский конный полк отказался выполнять боевые приказы и ушел с уфимского участка фронта на восток, в Челябинск.

Наступило временное затишье, и Чапаев занялся обустройством войск, решал вопросы взаимодействия с местными властями и местными жителями. Поддерживать дис-

циплину иногда приходилось жесткими методами. В одном из сел красноармеец буквально разгромил церковь, вытащил деньги из церковных кружек, глумился над иконами. Затем хулиган надел рясу священника, бегал по селу, крича «Царя нет и Бога нет!». Это вызвало возмущение жителей. Начдив быстро оценил обстановку, понял, что богохульство может вызвать конфликт между крестьянами и бойцами. Он приказал арестовать хулигана, которого немедленно расстреляли перед строем на глазах жителей села. Эта мера остудила некоторые горячие головы среди красноармейской молодежи. Чапаев показал, что прочный и спокойный тыл для него важен и он не допустит какого-либо ущемления имущественных прав крестьян и надругательства над верой.

Командование Восточного фронта намеревалось развить успех и разработало план окончательного разгрома Народной армии и занятия района Самары и Сызрани. Удачный исход этих операций означал возвращение контроля над богатыми зерном и скотом районами Поволжья, серьезное облегчение продовольственного кризиса и выход к Уральскому промышленному району.

Наступление дивизии Николаевских полков было назначено на 16 сентября. Накануне наступления Василий Иванович приказал частям дивизии занять исходное положение для наступления на самарском направлении. Для наступления на село Левенка Чапаев выделил пять полков. Три полка (Балашовский, 1-й Саратовский и Пензенский пехотные) должны были занять села Карловка, Любитское и Жестянка, после чего развить активные действия по направлению сел Кузубаево, Нижняя Покровка и Петриково. В помощь им со станции Алтата должен был подойти Новоузенский полк. В первые дни наступление развивалось медленно, дивизия Николаевских полков продвинулась только на несколько верст, что вызвало недовольство Вацетиса: «Немедленно примите все меры для дальнейшего безостановочного движения вверх по Волге. Все войска, действующие в этом районе на правом берегу, и флотилия подчиняются командарму 1-й для операции против Сызрани. 4-я армия должна немедленно двинуться на Самару и занять ее, имея в виду, что с севера по левому берегу против Самары действует симбирская группа 1-й армии... Необходимы крайне решительные и энергичные действия, дабы нанести противнику окончательный удар под Самарой».

В этот момент в войска 4-й армии прибыл председатель Реввоенсовета 4-й армии Лев Троцкий. Появление Троцкого всегда сопровождалось большой помпой и многочисленными митингами, на которых перед собравшимися выступал руководитель Красной армии, один из лучших ораторов того времени. Его стремительные перемещения по фронтам — особая глава Гражданской войны. После драматичной истории в начале августа под Свяжском, когда Троцкий лишь по счастливой случайности избег плена, был сформирован специальный поезд, состоявший из двенадцати вагонов. Кроме салона для председателя РВСР и совещаний с участием его ближайших сотрудников, в состав эшелона входили вагоны для охраны, бронев вагоны с орудиями, платформы для броневика и нескольких легковых машин представительского класса, вагон-склад, цистерна с горючим и... вагон-ледник, где хранились свежие овощи, фрукты, мясо и деликатесы для Троцкого и его окружения. Кроме того, к поезду были прикомандированы два аэроплана для разведки. Общая численность персонала поезда составляла более двухсот человек, в том числе отлично обученной роты охраны.

Сначала Троцкий появился в Саратове, затем посетил отбитые у белых Вольск и Хвалынский. Как указано в записках Савина, одного из адъютантов Троцкого, командующий армией доложил председателю РВСР о плохом снабжении армии, несвоевременном отпуске винтовок, патронов, бензина и бронемашин. Троцкий немедленно отдал телеграфное распоряжение о снабжении армии всем необходимым, выделил из «своих запасов» цистерну бензина и две бронемшины. 20 сентября поезд наркомвоенмора отправился в Пугачев.

Есть распространенное мнение, что председатель Реввоенсовета намеревался отстранить Чапаева от должности начдива за партизанщину и самоуправство и даже арестовать и расстрелять его. Троцкого изначально направляли под Саратов, чтобы проинспектировать и «подтянуть» расположенные там части и соединения Красной армии и проверить благонадежность командного состава.

Председатель Реввоенсовета был встречен вернувшимся на свою должность начдивом Захаровым, а также командирами бригад и полков. Захаров доложил Троцкому о плохом снабжении и недостатке людей после напряженных боев. Командующий армией Тихон Хвесин, которого

обвиняют в бедах дивизии, немедленно распорядился пополнить ее.

После детального обсуждения наступления на Самару решили разделить Николаевскую дивизию на две части: ударную группу, которая должна была стремительно двигаться вперед, не дробя своих сил, для защиты флангов и тыла от возможных ударов уральских казаков. Вторую группу, составленную из полков первой дивизии и резервов, предложили возглавить Чапаеву.

Адъютант Троцкого писал: «Чапаев долго упорствовал и не соглашался на принятие командования второй дивизией, ссылаясь на то, что почти все части первой дивизии созданы им, что они ему дороги и он с ними настолько сжился, что уход его может вызвать ропот в рядах красноармейцев и тем самым повлиять на успех наступления. Надо сказать, что тов. Чапаев, этот степной орел, действует с начала открытия фронта исключительно партизанским способом... Население, по рассказам очевидцев, где появлялся Чапаев, было терроризировано. Его жестокость известна многим, кому приходилось с ним сталкиваться, существовали эти отряды путем того, что отбиралось от населения, — продовольствие, фураж, обоз, лошади и проч. Расчеты за взятое не производились, что создавало ропот населения на Красную Армию. В стане неприятеля имя Чапаева со страхом произносится не только женщинами и детьми, а и казаками, которым приходилось не раз быть битыми чапаевцами. Эта личность, можно сказать, вполне легендарная».

Вероятно, многое из описания чапаевских «художеств» по отношению к мирному населению преувеличено: если бы наш герой вел себя подобным образом в уезде, где действовали и комплектовались его полки, он бы не смог ни получать продукты, ни нормально передвигаться, ни пополнять свои части: крестьяне просто прятались бы от «бойцов-разбойников» в оврагах и перелесках, которыми изобилует Николаевский уезд, или по меньшей мере укрывали там зерно, скот и лошадей.

Тем не менее в записках нет даже упоминания о снятии Чапаева с должности и тем более аресте. Троцкий знал о боевых заслугах Чапаева и ставил их выше его недостатков — склонности к самостоятельным действиям, недоверию к высшему руководству и тыловым управленцам. Кроме того, он понимал, что несправедливое отстранение Чапаева от должности может вызвать волнения и даже вооруженное восстание в одном из самых боеспособных соединений

Красной армии, что скажется на устойчивости фронта и развитии боевых операций на ключевом направлении. Мятеж под Саратовом угрожал негативным развитием событий не только на Восточном фронте, но и на примыкавшем к Саратовской губернии фланге Южного фронта, который вел боевые действия под Царицыном против донских казаков атамана Петра Краснова.

Назначение Чапаева начальником новой, меньшей по числу полков дивизии выглядит не унижением, а, напротив, признанием его заслуг. Реввоенсовет в лице Троцкого надеялся, что «степной орел» сможет создать вторую дивизию, такую же дисциплинированную и стойкую, как и первая. А число полков — дело второстепенное: по мере становления Красной армии дивизии постепенно переводились на единый штат с одинаковым числом частей и специальных подразделений.

После переговоров с Троцким Чапаев согласился принять новую дивизию. Бывший комбриг и председатель Реввоенсовета направились в деревню Раевка, где находились 1-й и 2-й Николаевские полки. Троцкий обошел строй, обменялся приветствиями с бойцами и произнес короткую речь: «Товарищи красноармейцы! Славные дела полков Николаевской дивизии хорошо известны Советской Республике, которая высоко их ценит. Имя командира бригады товарища Чапаева популярно и гремит со славой по всей Республике России. Чтобы отметить отличившиеся полки Николаевской дивизии, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет награждает полк Революционным знаменем... От имени Совета Народных Комиссаров и Исполнительного Комитета приказываю выдать каждому красноармейцу в виде подарка месячный оклад содержания, то есть 250 рублей, не считая обыденного получаемого ими жалованья. Призываю вас поклясться, в знак чего поднять левую руку вверх, что все как один человек будут сражаться до последней капли крови с заклятым врагом рабочих и крестьян — с буржуазией, эксплуататорами, наемниками капиталистов и не сложат оружия до окончательной победы пролетариата».

«Клянемся!» — дружно ответили красноармейцы и командиры.

Тут же на месте Троцкий удовлетворил ходатайство Чапаева о переименовании полков в «имени Стеньки Разина» и «имени Пугачева». Вопрос о награждении Чапаева орденом Красного Знамени был отложен, но заслуги комбрига

по достоинству оценили материально: он получил золотые часы и личное именное оружие — револьвер «наган» с надписью «Чапаев».

О каком противоречии, о каком стремлении Троцкого сместить с должности, унижить и тем более арестовать «легендарную личность» можно говорить? Понятно, что как Кутяков в 1930-е годы, так и уцелевшие в годы репрессий и на полях сражений Великой Отечественной войны чапаевцы не могли сказать доброго слова ни о Троцком, ни о его окружении. Негативное суждение об опальном председателе Реввоенсовета (или вообще умолчание о нем) было необходимым условием одобрения статьи или книги к печати.

Так или иначе, Чапаев 22 сентября вступил в командование Николаевской дивизией, дивизия Николаевских полков была переименована в Самарскую. Чтобы пополнить Николаевскую дивизию, местные власти провели мобилизацию пяти призывных возрастов, уже побывавших на фронте (1893—1897).

21 сентября командование фронта приказало 4-й армии ускорить операции на сызранском и самарском направлениях, чтобы ликвидировать последний район обороны, который удерживала Народная армия Комуча. Бывшая чапаевская дивизия наступала на Иващенко и Батраки. Вацетис раздражался из-за низких темпов наступления. «Операции против Сызрани и Самары слишком затягиваются, и противник уже успел подтянуть кое-какие резервы, успел привести в порядок свои разбитые отряды и вновь перешел в наступление, причем ему даже удалось потеснить наши части на симбирском направлении, — отмечалось в телеграмме штаба Восточного фронта. — Это печальное явление можно объяснить только медленным развитием наших операций, поэтому Главком приказывает вам немедленно начать решительное наступление против Сызрани и Самары и в ближайшие уже дни овладеть этими городами, после чего энергично развить свое наступление на восток».

Прежняя чапаевская дивизия наступала на Сызрань и Самару, встречая сопротивление отчасти деморализованного противника. Однако попытка Интернационального полка помочь восставшим рабочим Иващенко-заводов завершилась драматично: полк с большими потерями вынужден был прорываться из окружения, а само восста-

ние было подавлено чехословаками с большими жертвами среди повстанцев и мирных жителей.

Дни Комуча были сочтены. Начальник оборонявшей Самару 2-й дивизии Народной армии Андрей Бакич 5 октября признал, что его войска небоеспособны: «Вследствие продолжительных боев на предмостных позициях, а затем тяжелой обстановки на левом берегу собранные части совершенно выбились из сил... При настоящих условиях и настоящем состоянии частей они к бою непригодны и стоят на позициях потому, что нет натиска противника. Изложенное в равной степени касается народной армии и чехвойск». Павел Петров писал: «Как всегда при отступлении, а в Гражданскую войну в особенности, дух бойцов был таков, что опасность мнилась там, где ее не было. Будь наступление красных энергичнее, они, конечно, не дали бы уйти из Самары громадной ленте эшелонов и заняли ее по крайней мере 5 октября. Но действия Николаевской группы были весьма нерешительными, и красные вступили в Самару 7 или 8 октября».

Николаевская дивизия в этот период обеспечивала фланг Самарской дивизии и 4-й армии и одновременно вела наступление на уральских казаков. 30 сентября Чапаев получил новую задачу от штаба 4-й армии: «В связи с переходом в наступление... вашему отряду выступить по направлению Кузубаева, Ишимбаева, долина р. Таловка. Для поддержания связи с частями, действующими к югу и северу, приказываю иметь ядро отряда: с 3 по 4 октября в районе Кузубаева, с 5 по 7 октября в районе Ишимбаева. Задача отряду к 12 октября прервать пути на севере от Уральска в районе Чеганский, Новоозерный».

В тот же день Чапаев сетует командарму на неисправность броневика из-за отсутствия подшипников и бензина, на следующий день объясняет сложность выполнения его приказа: «Снаряды до сего времени не получены, хотя я употребил все усилия, но везде тормоз. При кавалерийском полку нет ни одного пулемета. Жду повторения или отмены упомянутого приказа. Если отмены не будет, то бросаю броневик и иду выполнять задачу. Еще считаю долгом сообщить: нецелесообразно оставлять занятые пункты и идти в указанное место, а здесь открыть фронт, что и может послужить катастрофой Самарской дивизии. Еще снова прошу подтвердить приказ № 422 или отменить, как я считаю».

Одновременно Чапаев послал отделу снабжения штаба 4-й армии телефонограмму весьма грозного содержания: «Приказываю вам... доставить в 12-часовой срок на ст. Ру-

копоть 10 000 снарядов и 500 000 патронов, ввиду того, что уже послано несколько требований, но от вас еще не получено. Запасы в полках истощились во время боя под Жестянкой, во всей бригаде имеется 1000 снарядов и патронов 50 000... За неисполнение сего требования объявляю вас перед всем революционным войском как не идущих в контакте с нами, о чем доложу Центральному Исполнительному Комитету».

На следующий день командарм Хвесин подтвердил свой приказ, и чапаевцы начали наступление. Неясно, прибыли ли необходимые боеприпасы в бригаду немедленно или наш герой преувеличивал неурядицы, но 5 октября бронемашина «Череп», на которой Чапаев вместе с Троцким принимал парад Николаевских полков, участвовала в бою и с ее помощью у противника были отбиты три орудия. Бой, по донесению начдива, был ожесточенным, противник перешел в контратаку и захватил подбитый артогнем броневик, но повторной атакой был обращен в бегство. При этом полки Николаевской дивизии, по донесению штаба, потеряли троих убитыми и девятерых ранеными, противник понес более серьезные потери — 200 человек убитых.

В тот же день Чапаев отправляет очередную филиппику в Саратов: «Тов. Хвесин, я буду жаловаться на вас Центральному Исполнительному Комитету... до сего времени у меня одна машина и то негодная. Вы приказ мне даете и требуете его выполнить, но пешком по всему фронту я ходить не могу, верхом мне ездить невозможно. Как вам известно, у меня вышиблена рука и порваны жилы, управлять лошадью не могу, а полки стоят очень далеко и во время действий мне необходимо как командиру быть при них. Поэтому прошу выслать мне для дивизии и для дела революции один мотоциклет с коляской, 2 легковых автомобиля, 4 грузовика для подвозки снабжения. За невысылку таковых я обязан сложить с себя обязанности».

Недовольный медленным выполнением его требований начдив, минуя правила воинской субординации, 8 октября направляет через голову командарма и командующего фронтом рапорт председателю РВСР: «Доношу до вашего сведения: я выбился из сил, мне командарм 4-й не дает развития на фронте, без чего я жить не могу. Желая воевать или отстать. Вы назначили меня начальником дивизии, но вместо дивизии дали растрепанную бригаду, в которой всего 1000 штыков. Самостоятельным полком можно назвать только один. Хотел пополнить и сделать полные полки и

поспешить взять г. Уральск, в чем моя задача, но пополнений мне не дают. Ко мне со всех сторон идут добровольцы, которые хотят умереть со мной вместе за Советскую власть и очистить страну от бандитов. Но винтовок мне не дают, шинелей нет, люди раздеты...

В настоящий момент стою на казачьей границе. Имею 600 человек небооруженных, которые с палками стоят в рядах вверенной мне дивизии. До сего времени нет еще ни одного автомобиля. Пулеметов во вновь сформированном полку всего один, в Балашовском полку — 9. Словом, во всем мне задержка — хлеб, снаряды подвозить не на чем. Казаки в Уральске имеют бронированный автомобиль, который курсирует на моем участке. *У меня такового не имеется* (курсив наш. — П. А.), в чем прошу вашего содействия дать мне возможность исполнить обещанное мною вам слово, во что бы то ни стало в скором будущем взять Уральск, для чего требуется техническое вооружение». Аналогичный по содержанию доклад Чапаев в тот же день отправил и главкому Иоакиму Вацетису.

Острый недостаток снабжения всем необходимым — от боеприпасов и обмундирования до хлеба и соли — был типичен для Красной армии периода Гражданской войны. Даже ударные полки и дивизии, находившиеся на лучшем счету высшего командования, были вынуждены терпеть скудный паек и слабое снабжение боеприпасами, если оказывались далеко от станций снабжения и в бедных продовольствием местностях. То, что Совнарком создал весной 1919 года Чрезвычайную комиссию по заготовке лаптей для нужд армии, ярко отражает тяжелейший кризис в снабжении Красной армии самым необходимым.

8 октября, на следующий день после взятия Самары Красной армией, в командование Восточным фронтом вступил бывший полковник Сергей Каменев (будущий главком в 1919—1921 годах), который изменил задачи 4-й армии и Николаевской дивизии. Теперь взятие Уральска объявлялось главной задачей дивизии и других правофланговых частей армии.

12 октября отряд Чапаева возобновил наступление, но очень скоро встретил упорное сопротивление казаков, в том числе переброшенных на помощь уральцам оренбургских полков. Чапаев сообщал:

«Противник наступал на с. Таловый при 20 пулеметах и 8 орудиях трехдюймовых и одном взводе мортир. Численность противника 5 полков...

В настоящее время идет сильный артиллерийский бой. Атаки противника отбиты пулеметным и оружейным огнем. Противник подходил на расстояние 400 шагов. После отбитой нами атаки противник озлобленно начал штурмовать наши позиции артиллерийским огнем. Ввиду перевеса больших сил противника против моего отряда и благодаря большим разездам никакой возможности не представляется направлять в полки транспорт. На каждом шагу казаки налетают на наши обозы, для чего (вероятно, для доставки боеприпасов и продовольствия действующим частям. — П. А.) необходимо организовать этапные пункты, для чего требуются солдаты. Прошу дать распоряжение штабу 4 армии выслать из г. Николаевска мобилизованных солдат 800 человек. За невысылкой таковых я вынужден буду отступить со своим отрядом... Ввиду невозможности доставки хлеба и снарядов, которые без прикрытия доставлять невозможно, отнимать прикрытие от полков тоже не представляется возможным. Противник и так превышает численностью в два раза. Еще прошу прислать один взвод тяжелой батареи и бронированный автомобиль...»

В последующие дни ситуация на участке Николаевской дивизии обострилась. Вечером 15 октября казачьи части обрушились на Балашовский полк и оттеснили его на позиции, которые простреливались с флангов. С утра Гарибальдийский кавполк пытался вернуть утраченные позиции, но был контратакован противником и опрокинут. Один из участников тех боев со стороны уральцев писал:

«Красные, увлеченные отступлением 10-го Уральского полка... втянулись в наше расположение... и с флангов пошли в атаку наши конные полки. 13-й полк оренбуржцев, врубаясь с правого фланга, взял 7 пулеметов, орудие и многих порубил. На левом же фланге пошли в атаку 8-й и 3-й Уральские полки. Красные начали бросать винтовки, но в это время по ним сзади открыли огонь из пулеметов их коммунистические части. Уже готовые сдать красные, гонимые пулеметными пулями, отбили первую атаку. Их цепи были усилены резервными коммунистическими полками, но атака была повторена с новой силой, причем 1-я сотня 3-го Учебного полка вышла во фланг цепям. Красные оказали упорное сопротивление, но все же полки дошли до рубки. Результатом этой атаки было взятие двух орудий, нескольких пулеметов и изрублено было

около 400 человек. Но все же села Таловое мы в этот день взять не смогли».

Белым действительно удалось вывезти два захваченных орудия и пулеметы. Можно сказать, что белый офицер признает выдающиеся военные способности и личное мужество нашего героя. «Резервными коммунистическими полками» были учебная команда и стрелковая рота, которые во главе с Чапаевым контратаковали белых и заставили их оставить позиции. Личное присутствие начдива магически действовало на красноармейцев, командиров взводов, рот и батальонов, которые считали позором отступление в присутствии своего бесстрашного начальника.

Обеспокоенность начдива сложившимся положением заставляла его идти на неожиданные шаги, далеко не всегда совместимые с воинской дисциплиной. Он созвал общее собрание командного и политического состава дивизии, участники которого подвергли резкой критике действия штаба армии за невнимание к нуждам дивизии: «Штаб 4-й армии, уклоняясь от выполнения наших требований, тем самым бросает отряд на верную гибель, что, принимая во внимание стратегическое положение отряда, считаем недопустимым. Просим еще раз безотлагательно выполнить все требования начальника дивизии тов. Чапаева... ибо отсутствие всего необходимого и обещанного уже не раз... убийственно действует на психологию солдат...» 16 октября Чапаев при поддержке комсостава дивизии снова обращается непосредственно к Троцкому, указывая на неправильное, по его мнению, сосредоточение Вольской дивизии в районе села Большая Глушица, где противник отсутствовал. Внучка героя Евгения Чапаева увидела в этом элементы античапаевского заговора штаба армии. Недовольство Чапаева бездействием армейского резерва при превосходящих силах противника оправдано лишь отчасти. Чапаев не мог знать, что штаб армии сосредоточивал Вольскую дивизию согласно директиве главкома для дальнейшей отправки на Южный фронт, под Царицын, где в тот момент создалась критическая ситуация: донские казаки ворвались в пригороды одного из крупнейших промышленных центров Поволжья. Кроме перерыва сообщения по Волге потеря Царицына грозила также прекращением производства на одном из крупнейших артиллерийских заводов России. Заметим, впрочем, что Вольская дивизия проявила себя на новом театре военных действий не блестяще: в одном из боев два ее полка перебили командиров и перешли на

сторону противника. Отсутствие информации не препятствовало резким выводам начдива: «Замечаю цель штаба 4-й армии отдать дивизию на съедение вместе со мной. По пяти атак в день отбивали, часть орудий подбито, две роты отданы в плен, положение пока восстановлено благодаря моему личному участию в цепи. Потери громадные — две роты забраны в плен, много убитых и раненых. Вся сила противника обрушена на мой отряд».

Штаб 4-й армии распорядился, чтобы начальник Уральской дивизии Александр Козицкий передал соседней Николаевской дивизии бронемашину и содействовал ударами с флангов по казачьим частям. Но Уральская дивизия также вела ожесточенные бои с наседавшими казаками и серьезной помощи оказать не могла. Возмущенный Чапаев 19 октября отправил в Саратов телеграмму, которую можно было расценивать как грубое нарушение воинской дисциплины: «Будет выслано штабом 4-й армии подкрепление и бронированный автомобиль или нет? Прошу ответить, иначе я буду вынужден отступить и приехать в штаб 4-й армии». Однако резкий тон возымел действие: в тот же день начальник штаба армии бывший генерал Александр Балтийский сообщил Чапаеву об отправке на помощь дивизии 4-го Малоузенского полка, пополнения, автомобилей и орудий.

Далеко не всё отправленное в Николаевскую дивизию из Саратова и Пугачева достигало цели. Казачий офицер Борис Киров писал, что 19 октября сотня 3-го полка захватила 80 подвод и грузовой автомобиль.

На следующий день наш герой просил штаб армии разрешить дивизии отойти в район Пугачевска для пополнения и отдыха, но получил отказ: столь глубокое отступление поставило бы под угрозу фланги соседних — Уральской и Самарской — дивизий. 21 октября Хвесин потребовал от Чапаева перейти в наступление после подхода Малоузенского полка, чтобы перерезать дорогу между Бузулуком и Уральском, связывавшую к тому моменту Уральскую и Оренбургскую казачьи армии. Уральцы оказывали упорное сопротивление. Не всегда имея возможность противостоять красной пехоте в лобовом столкновении, казаки затрудняли продвижение постоянными ударами по красным тылам, что крайне нервировало красное командование. Регулярные налеты противника с фланга и тыла, которые на время расстраивали сообщение и подвоз необходимых припасов, воспринимались как окружение.

Многие документы, подписанные Чапаевым в конце октября 1918 года, противоречат яркому образу, созданному Дмитрием Фурмановым. Вспомним строки из романа: «Только одному он не верил никогда: не верил тому, что у врага много сил, что врага нельзя сломить и обернуть в бегство. — “Никакой враг против меня не устоит! — заявлял он гордо и твердо. — Чапаев не умеет отступать! Чапаев никогда не отступал! Так и скажите всем: отступать не умею! Наутро же гнать неприятеля по всему фронту! Передать, что я приказал! А кто осмелится поперек идти — доставить в штаб ко мне. Я живо обучу, как ж...у назад держать надо!”».

23 октября Чапаев отправил в штаб армии донесение, которое можно назвать паническим: «Всякие подкрепления и движения полков — пусть не сомневаются, двигаются на село Нижняя Покровка. Однако встречи быть не может потому, что находимся в кольце. Сообщение с тылом все порвано. Прошу прекратить всю доставку: все, что будет доставляться из тыла, перехватывают казаки. Спасти положение можно только добавкой полков и пробиться к нам. Настроение солдат ужасное. Жду два дня. Если не придет подкрепление, буду пробиваться в тыл. До такого положения дивизию довел штаб 4-й армии... Я сомневаюсь, нет ли той закваски в штабе 4-й армии в связи с Бурениным (речь идет о раскрытом в августе заговоре. — П. А.). Я обманут мерзавцем командармом 4-й армии, который мне сообщил, что идет подкрепление... Стою в Нижней Покровке, со всех сторон окружен казаками».

В последующих телеграммах в штаб армии Чапаев также не выглядит непобедимым героем. Он сообщает об успешных боях с противником, который несет потери в десятки раз большие, чем его полки, сетует, что не может разбить противника, так как окружен его превосходящими силами, и постоянно требует подкреплений.

Во второй половине октября наш герой словно раздвоился: в его рапортах и докладах вышестоящим руководителям можно увидеть командира, который крайне измотан и находится на грани нервного срыва. Он регулярно преувеличивал силы противостоявшего противника, шантажировал командование вероятным окружением, разгромом или разложением вверенной ему дивизии, отходом с занятых позиций в тыл. Но, покинув штаб после очередного тревожного донесения, Чапаев вновь предстал перед бойцами искусным, смелым и энергичным командиром, который доказывал свою исключительную способность

находить единственно правильный выход из казавшейся безысходной ситуации. Его вид и манеры раз за разом заставляли поверить в успех и говорить воображаемому врагу: «Врешь, не возьмешь!». Он раз за разом появлялся в атакующих и отступающих цепях, укрепляя доблесть храбрых, поддерживая колеблющихся, принуждая слабых и карая трусивших.

Личную доблесть Чапаева, упорство и стойкость его полков и их боевые успехи признавали и его противники. Уральская армия не была однородной по своим боевым качествам. 10-й и 11-й уральские полки, сформированные из казаков старших возрастов, были хуже укомплектованы, у них было мало пулеметов. Не хватало и офицеров, поэтому бойцы тяжело переносили массированный пулеметный и артиллерийский обстрел. «Когда они ясно сознавали, что опасность грозит непосредственно их городу Уральску и всему войску, они, помолившись Богу, пошли на следующее утро в атаку на смерть. В других же случаях этого настроения не создавалось и они при первом же сопротивлении противника отступали», — писал Борис Киров.

Кроме того, на устойчивость казачьих полков часто влияли сведения об обстановке в их родных станицах недалеко от линии фронта. «Под Илеком шли тяжелые бои, и казаки наших полков — уроженцы илецких станиц — начали тайком покидать полки и Зауральной стороной направлялись к Илеку. Опять сказалось непонимание общей обстановки и решение защищать свои избы. Остановить это своеобразное дезертирство не было никакой возможности. В конце концов пришлось с ним примириться: выделить из всех сотен 1-го и 3-го учебных полков илецких казаков, сформировать из них сотню и отправить их на Илецкий фронт», — вспоминал Борис Киров.

26 октября Чапаев принял решение о прорыве из неприятельского кружения. Комиссар штаба дивизии Базанов сообщал: «Когда к нам пришли снаряды и артиллерия, мы начали наступление. Теперь в нашем тылу казаков мало... Дивизия была в бою три дня. Обоз был окружен сотнями казаков и был выручен лишь крупной разведкой. Наступали пехотой очень дисциплинированно».

Попытки представить тяжелое положение дивизии как результат невнимания и тем более заговора высшего командования против Чапаева вряд ли обоснованны. Повто-

рим: сложное положение сохранялось на многих участках Восточного фронта. Тяжело приходилось не только Николаевской дивизии, но и прежней дивизии Чапаева — Самарской, а также Уральской и Симбирской Железной. Сергей Каменев приказал командующему 4-й армией перегруппировать силы, чтобы усилить уральское направление. 4-я армия располагала ограниченными силами и ресурсами. Кроме того, она была ослаблена антисоветским выступлением во 2-й бригаде Самарской дивизии, которое пришлось подавлять силами соседней 3-й бригады. Командование армии стремилось направить подкрепления 2-й Николаевской дивизии и облегчить ее положение. То, что эти усилия не увенчались успехом, а назначенные для подкреплений два полка прибыли в дивизию только в начале ноября, вовсе не означает злокозненного умысла лично Тихона Хвесина и его окружения против Чапаева. Не все действия штаба 4-й армии были отмечены печатью военного искусства, но главной причиной неудач была нехватка самого необходимого: надежных бойцов, искусных командиров, вооружения, боеприпасов, продуктов. Кроме того, не будем забывать, что описанные события происходили во второй половине октября. Дожди превратили грунтовые дороги в непроходимое месиво, в котором увязали солдаты, застревали орудия и обозные повозки, ломались автомобили.

28 октября Чапаев отправляет в штаб 4-й армии телеграмму без редакторской правки сотрудников штаба, и это послание характеризует внутреннее состояние нашего героя (орфография подлинника сохранена): «Прошу Вашего ходатайства перед народным комиссаром об увольнении меня занимаемо должности я больше не в силах бороться в такой обстановки десять суток окружен противником в десять раз превышая мой отряд и все же за эти десять сут мне не дают подкрепления за что я мог быть подвергнут самосуду голодными солдатами но я как честной революционер позорно умереть не хочу. Лучи чесно помереть отруки неприятеля и прошу обратить внимания на штаб четвертой армии которая неправильно ведет операции в виду чего я слагаю с себя уполномочия». Одновременно Чапаев сообщил командарму, что из-за отсутствия подкреплений он не может далее удерживать занятые позиции и 30 октября покинет фронт у станции Алтата, что могло повлечь разгром Уральской дивизии. Немного позднее штаб дивизии отправил за подписью Чапаева телеграмму, которая заканчива-

лась словами: «Держаться могу не более двух дней, после чего получится полный крах».

Не дождавшись подкреплений, Чапаев решил выйти из окружения. Из его распоряжения на прорыв ясно, что 1-й Саратовский полк все-таки прибыл в дивизию, кроме того, он рассчитывал на 1-й Новоузенский полк. После ожесточенного боя, в ходе которого обе стороны понесли значительные потери, дивизии удастся выйти из кольца неприятеля.

На следующий день штаб дивизии телеграфировал в штаб армии: «Подготовка выхода из окружения была проведена лично начдивом Чапаевым и весь план разработан им лично. И всей операцией руководил лично Чапаев. Поэтому и слава этого деяния принадлежит ему». Чапаевцы понесли значительные потери в людях и в вооружении, но не были сломлены морально. Успешный прорыв из окружения, когда военный талант и мужество командира позволили им избежать плена и смерти, вновь укрепил их боевой дух. А сам Чапаев еще раз подтвердил репутацию командира, который мог проиграть бой, но не терпел поражения. Впрочем, следует отметить, что наш герой мог поставить себе в заслугу даже не самую удачную операцию и сражение. Он умело и охотно перекаладывал ответственность за плохо составленный план, скверное снабжение и скудное питание на вышестоящих «изменников», «мерзавцев» и «неумех» и персонализировал успех, будь то удачное отражение налета казаков, захват неприятельского обоза или прорыв из неприятельского кольца, которое в действительности нередко оказывалось неплотной кавалерийской завесой. Как верно подметил Дмитрий Фурманов: «Голову свою носил Чапаев высоко и гордо — недаром слава о подвигах его громыхала по степи. Та слава застлала Чапаю глаза, перед самим собою рисовала его непобедимым героем, кружила ему голову хмелем честолюбия. Сподручные хлопцы в глаза и за глаза больше всех шумели про подвиги чапаевские. Это они первые распускали и были, и небылицы, они их размазывали яркими мазками, это они раньше всех пели Чапаю восторженные гимны, воскурляли фимиам, рассказывали про его же собственную чапаевскую непобедимость. Когда Чапаю превосходно ввали и даже льстили — он слушал охотно, облизывался, как кот с молока, сам поддакивал и даже кой-что прибавлял в речь ввали. Зато пустомелю и мелкого подхалима, не умеющего и соврать путем, выгонял в момент».

После выхода из окружения дивизия получила кратковременную, но долгожданную передышку и пополнилась новобранцами. Многие крестьяне из деревень и сел, пострадавших от казачьих налетов, шли на службу добровольно. Их привлекала не только перспектива мести, но и возможность оказаться в рядах «непобедимого» и неуязвимого Чапая. Как отмечалось в сводке политотдела 4-й армии: «Победа воодушевила красноармейцев, мобилизованных. Первые постановили выбросить из рядов всех портящих красноармейцев. Мужское население села Нижняя Покровка до 50 лет включительно вступило в наши ряды, заявив, что не сложат оружие, пока не сломят противника окончательно».

После выхода из окружения Чапаева ждали неприятности. Командарм Хвесин не забыл, что начдив назвал его в одном из донесений «мерзавцем», о чем знали многие сотрудники штаба и политотдела. 2 ноября в Саратове состоялось выездное заседание Реввоенсовета, в котором участвовали член РВСР Петр Кобозев, члены РВС Восточного фронта Валериан Куйбышев и Рейнгольд Берзин, Хвесин, политический комиссар армии Гавриил Линдов. Пункт повестки дня, касавшийся нашего героя, выглядел угрожающе: «Дисциплинарным порядком отстранить тов. Чапаева от должности и по имеющимся документам предать суду и расстрелять. Отстранение поручить тов. Хвесину». Однако при обсуждении вопроса Кобозев, которого трудно заподозрить в мягкосердечии, предложил во избежание вооруженного восстания в частях дивизии обратиться к Льву Троцкому, чтобы председатель РВСР вызвал знакомого ему начдива для доклада. Берзин, в свою очередь, заметил, что неподчинение распоряжениям командования — это характерная черта Чапаева.

Раздраженный несогласием товарищей, Хвесин заявил, что не может работать с таким составом РВС армии и покидает свой пост. После этого бывший матрос вышел из зала заседаний, но вскоре вернулся и заявил, что подал рапорт об отставке или откомандировании из армии. После перебранки Хвесин заявил, что будет участвовать в заседаниях РВС только по вопросам, связанным с его должностью командарма. Скандал не мог пройти незамеченным. Вскоре Хвесина отстранили от должности, а его место занял начальник штаба армии Александр Балтийский. Гроза прошла мимо Чапаева.

Кстати, Балтийский, которого родственники покойного начдива обвиняли в умышленном создании критической

ситуации для 2-й Николаевской дивизии, написал Чапаеву блестящую характеристику для поступления в академию: «Начальник Николаевской пехотной дивизии В. И. Чапаев, ныне командиремый в Академию Генерального штаба, обладает следующими свойствами: умением в боевой обстановке владеть современной массой, личным обаянием героя, могущего подвигами беззаветной храбрости, твердостью воли и решительностью заставить исполнять приказание, умением ориентироваться в боевой обстановке, ясным пониманием необходимости координировать действия боевых единиц, пониманием маневра и удара, смелостью в принятии решения; военным здравым смыслом... Можно быть уверенным, что природные дарования Чапаева с военным образованием дадут яркие итоги».

Наш герой, который, возможно, даже не заметил опасности, готовил дивизию к новым боям. После серии мало-значительных стычек, в которых недавно призванные новобранцы получили боевую закалку, во 2-ю Николаевскую дивизию прибыл наконец обещанный Малоузенский полк. К 10 ноября четверем полкам дивизии противостояли пять казачьих полков, пехотный дивизион и бронемашин. Однако не стоит делать выводов о превосходстве противника. После пополнения красные три пехотных и кавалерийский полки насчитывали около четырех с половиной тысяч бойцов, тогда как белоказачьи полки редко превышали по численности 350—400 сабель.

Перед началом наступления Чапаев разъяснил своим бойцам и командирам смысл предстоящего сражения. Обратим внимание, что начдив строго предостерегает их от насилия над мирными жителями, понимая, что любые эксцессы ожесточат казаков на фронте и могут вызвать восстания в тылу наступающих войск: «... Вот уже близка ваша победа, один за другим падают оплоты буржуазии, все больше и больше рedeют ее ряды, тогда как наши наоборот растут, ибо в каждом освобожденном городе и селе к нам примыкают новые бойцы. Товарищи, перед вами один из предпоследних оплотов контрреволюции — Уральск. Он падет в ближайшие дни, ибо вы хотите этого, ибо вы храбры и настойчивы. Но, товарищи, вы должны проявить величайшую сдержанность и благородство при вступлении в город, как честные борцы за святое дело освобождения родных братьев — трудовых казаков, рабочих и крестьян. Вы должны поддержать образцовый порядок и быть примером для других. Помните, вы — бойцы славной отныне Железной

Николаевской дивизии, начавшей одной из первых бить банды контрреволюционеров и всегда отличавшейся на полях сражения.

При вступлении в город не должно быть никаких насилий, никаких грабежей и никакого хулиганства с нашей стороны. Пусть знает буржуазия, что солдаты Красной Армии не дают пощады лишь только кулакам, золотопогонникам и прочим мерзавцам, гнавшим виселицами и расстрелами трудовое казачество драться с нами. Но бедняки — обездоленные наши братья, и им не может быть чинимо никаких насилий, а также грубостей. Повторяю, порядок в городе должен быть образцовый. Вы должны оправдать данное мною дивизии новое наименование и на деле доказать, что вы действительно солдаты железной дивизии, крепко споенные (так в документе. — П. А.) товарищеской дисциплиной друг с другом, и не допустите никаких безобразий и грубостей по отношению к населению, как истинные защитники угнетенных. Только при этом условии, только при таком поведении вам будет поручена охрана города и восстановление порядка в нем. Надеюсь, товарищи, что вы оправдаете мое доверие. Итак, смело вперед, в Уральск».

Однако новое наступление на Уральск пришлось отменить из-за обострившейся ситуации на Южном фронте. Последнее масштабное наступление Донской армии атамана Петра Краснова вынудило советское командование снять с фронта примыкавшей к Южному фронту 4-й армии еще одну дивизию, на этот раз Уральскую. После этого 4-я армия лишь номинально могла считаться таковой: в ней осталось всего две дивизии и несколько отдельных частей. Уральск пришлось брать уже без Чапаева.

Вскоре после прекращения активных действий на фронте против казаков Чапаев пишет рапорт о зачислении в Академию Генерального штаба Красной армии на имя Троцкого: «Прошу Вашего разрешения о зачислении меня в военную Академию Генерального штаба для прохождения курса. Командовать дивизией может бригадный командир Потапов или командир Пензенского полка Ильин». Троцкий немедленно телеграфировал в Самару: «Предлагаю немедленно откомандировать начальника Николаевской дивизии Чапаева в военную академию для прохождения курса». Сейчас трудно высказать единственную версию отъезда Чапаева в академию, но, вероятно, совпали две причины. Чапаев искренне хотел учиться теоретическим основам военного искусства, чтобы подвести под свои победы на поле

боя научную основу и обогатиться наработанными веками принципами вождения войск. Одновременно Реввоенсовет армии был не прочь на время избавиться от норовистого командира соединения, который регулярно нарушал предписания высшего командования, обвинял его в неправильном ведении боевых действий и даже измене. Наконец, оставшимся в армии дивизиям предстояла масштабная реорганизация, переход на единые штаты, где пехотные (стрелковые) полки не имели собственной кавалерии и артиллерии, а состав дивизий расширялся до десяти полков (девять стрелковых и кавалерийский). Эти преобразования могли вызвать недовольство привыкшего открыто выражать свои суждения начдива и новый виток обострения отношений между ним и штабом армии.

В Самаре, вероятно, опасались, что новый начдив вызовет недовольство бойцов Николаевской дивизии и даже вооруженные выступления. Опасения были небеспочвенными: через месяц, в конце декабря 1918 года, полки Николаевской дивизии взбунтовались против аграрной и продовольственной политики большевиков: попыток насадить коллективные хозяйства, массовых реквизиций продовольствия из хозяйств красноармейцев и антирелигиозных мероприятий советской власти. В ходе подавления выступления были убиты политический комиссар армии Гавриил Линдов и несколько сотрудников политотдела. «Насколько сложное было тогда положение в полках, можно судить уже по одному тому, что благороднейший из революционеров, умный и тактичный Линдов, а с ним и целая артель большевиков — пали от руки своих же «красноармейцев»», — писал Фурманов.

Но Чапаев повел себя неожиданно спокойно, он лично представил бойцам и командирам нового начальника дивизии, бывшего офицера военного времени Анатолия Дементьева. В разговоре по прямому проводу он передал Берзину: «Дела в дивизии благополучны. Сейчас еду в Самару. Сегодняшний день с политкомом и товарищем Дементьевым был на фронте, объезжал все полки, где распростился с полками очень хорошо. Расставались со мной солдаты, плакали и кричали ура от радости, что их вождя не забыла центральная власть. При отъезде солдаты кидали вверх меня и вновь избранного начдива товарища Дементьева, который в свою очередь остался очень доволен. Резолюцию везу с собой. Солдаты очень рады, что начинают из темноты выводить на свет темных людей... Затем до свиданья, скоро буду в Самаре».

Начдива сердечно поздравляли и провожали командиры полков, командир бригады Федор Потапов, которого Чапаев предлагал назначить на свое место, многие командиры батальонов и батарей. Прощание было радостным и грустным одновременно. Людям, которые вместе сражались с противником, побеждали, отступали и переживали смерть боевых друзей, предстояло расставание. Впрочем, Чапаев был уверен: «встретимся в Уральске». Чапаев оставил о себе глубокую память. Спустя три месяца прибывший в Александров Гай Дмитрий Фурманов писал о первых впечатлениях: «Здесь по всему округу можно слышать про Чапаева и про его славный отряд. Его просто зовут Чапай. Это слово наводит ужас на белую гвардию. Там, где слышит она о его приближении, подымается сумятица и паника во вражьем стане. Казаки в ужасе разбегаются, ибо еще не было, кажется, ни одного случая, когда бы Чапай был побит. Личность совершенно легендарная. Действия Чапая отличаются крайней самостоятельностью; он ненавидит всевозможные планы, комбинации, стратегию и прочую военную мудрость. У него только одна стратегия — пламенный могучий удар. Он налетает совершенно внезапно, ударяет прямо в грудь и беспощадно рубит направо и налево. Крестьянское население отзывается о нем с благодарностью».

«АКАДЕМИЕВ НЕ КОНЧАЛ»

На здании Общевоинской академии Вооруженных сил России на Девичьем поле, которая объединила несколько прежних военных академий, среди многих мемориальных досок можно обнаружить и упоминание об учебе нашего героя: «Герой Гражданской войны Василий Иванович Чапаев учился в 1918—1919 гг. в Академии им. М. В. Фрунзе». Авторы надписи лишь приблизительно отразили историю: Академия Генерального штаба Красной армии в 1918—1919 годах не могла носить имя Михаила Фрунзе, оно было присвоено после смерти красного полководца — в 1925 году. Кроме того, авторы «продлили» кратковременное пребывание Чапая в стенах академии.

Наш герой оказался в академии неожиданно для себя и испытывал противоречивые чувства. Желание учиться и овладевать основами военной науки сталкивалось, как и у многих других слушателей, со стремлением вернуться на

фронт, где продолжались сражения, воевали и гибли боевые товарищи. Однокурсник Чапаева, будущий генерал армии Иван Тюленев вспоминал, что он отправился учиться без желания, по приказу и в порядке партийной дисциплины: «Академия создана по личному указанию Ленина. Так что, если ты не подчиняешься нам, считай, что ты не подчиняешься Ильичу. Вот и делай выводы». Спартанская обстановка в здании охотничьего клуба на Воздвиженке, где разместили слушателей академии, его, бывшего солдата Первой мировой, не удивила. Быт слушателей был организован по тем голодным и холодным временам достаточно сносно. Кирилл Мерецков вспоминал, что они получали ежедневно по два фунта хлеба, приличные порции пшенной каши и два-три раза в неделю — обеды с мясом. Чтобы победить холод в казарме, красные командиры регулярно отправлялись на погрузку и разгрузку дров, откуда каждый приходил с одним-двумя поленьями.

Тюленев сразу заметил Чапаева: «В проходе между кроватями метался щеголеватый военный лет тридцати, с усиками, аккуратно на пробор причесанный. Увидев меня, он остановился и громко, с издевкой, сказал: “Еще одна птичка пожаловала! Что, брат, фронт тебе надоел?” В ответ я только махнул рукой. Мой собеседник вздохнул: “Приказали? Мне тоже приказали. Но черта с два! Уеду! Придумать такую несуразицу! Боевых людей за парту!”».

Но воинская дисциплина оказалась сильнее эмоционального настроения, и слушатели приступили к занятиям. Первый набор красных генштабистов почти полностью состоял из командиров с боевым опытом. Как правило, это были люди, проявившие себя на полях сражений и Первой мировой, и Гражданской. Среди однокурсников Чапаева кроме Тюленева оказалось немало заметных фигур. Слушателями первого набора были будущие маршалы Кирилл Мерецков и Василий Соколовский; погибший в начале Великой Отечественной войны Леонид Петровский и репрессированный в годы Большого террора начальник Разведупра Красной армии Семен Урицкий; будущие герои Гражданской войны Александр Чеверев и Семен Белицкий; известный партийный деятель Евгений Трифонов и будущий начальник Школы московской милиции Ян-Артур Дектер.

При существовавшем тогда порядке поступления в академию отбор заменялся набором, а решающая роль при зачислении принадлежала рекомендациям командования

и политических органов РККА. В первом наборе 70 процентов слушателей имели среднее образование, 25 процентов — начальное и лишь 5 процентов — высшее. Снисходительное отношение к образовательному цензу позволило принимать в академию успешно проявивших себя на полях сражений командиров с низким уровнем образования, таких как наш герой, но создавало трудности для учебы, где был необходим солидный фундамент накопленных знаний. «Формально требовалось обладать некоторым общеобразовательным цензом, но на деле это условие не соблюдалось. Главную роль при первом наборе играло наличие рекомендаций двух членов РКП(б), собственного партстажа и опыта военной работы, преимущественно в Красной Армии. В результате в академию попали люди с неодинаковыми знаниями. Кое-кто имел высшее образование, большинство — среднее, а некоторые — только начальное. Естественно, последним учиться было очень трудно», — писал Кирилл Мерецков.

Программа обучения состояла из десятков дисциплин: стратегия, философия войны, общая тактика, тактика отдельных родов войск, военная психология, история военного искусства, история Первой мировой войны, служба Генштаба, военная география, военная администрация, военная топография, основы военно-морского дела, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийских частей, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, международное право, вопросы современной международной политики, политическая экономика, социология, иностранные языки и многие другие сложные предметы. Их успешное освоение требовало высокого образовательного уровня, таланта и усердия.

Для создания будущей армейской элиты большевики привлекли ведущих военных специалистов, среди которых было немало преподавателей старой академии. Стратегию преподавали Александр Свечин и Александр Незнамов (до революции он приобрел известность благодаря критике высказываний царя и военного министра Владимира Сухоминова). Тактику артиллерии читал Георгий Теодори и бывший командир 48-го корпуса (тяжелая артиллерия особого назначения) Сергей Шейдеман; Владимир Новицкий — службу Генштаба, известный военный историк Алексей Радус-Зенкович — театры военных действий; начальник военных сообщений Красной армии Николай Сулейман — снабжение и транспорт.

В приказе о зачислении Чеверева и Чапаева (так в документе) от 5 декабря 1918 года было указано, что эти слушатели через два месяца должны сдать экзамены по программе советских пехотных командных курсов. Заметим, что Чевереву, который учился в гимназии, было существенно легче.

В августе 1918 года, после взятия Казани, большая часть преподавателей и слушателей прежней Академии Генштаба перешла на сторону белых. Тогда руководство Красной армии и Советского государства решило создать новую академию «с чистого листа». Планировалось организовать учебное заведение нового типа, где военное и специальное образование по образцу старой академии дополнялось общеобразовательными, политическими и философскими дисциплинами. По замыслу Льва Троцкого и Иоакима Вацетиса, ее выпускники должны были стать военными энциклопедистами, способными не только решать сложнейшие задачи на полях сражений, планировать боевые операции и вести планомерное военное строительство, но и прогнозировать вероятные международные, политические, общественные и экономические вызовы.

Значение, которое придавало партийно-государственное руководство воспитанию новой военной элиты, было подчеркнуто участием Владимира Ленина в открытии академии. «Владимир Ильич говорил о трудностях, переживаемых республикой. О том, что республика позволила себе такую “роскошь”, собрав здесь на учебу в самый ответственный момент боевых командиров, но сделано это потому, что для будущей борьбы ей нужны опытные полководцы, которые хорошо разбирались бы в сложной обстановке гражданской войны, умели бить врага по всем правилам военного искусства», — вспоминал Тюленев. По его мнению, речь Ленина изменила отношение к учебе как к ссылке или опале, слушатели начали напряженно готовиться к занятиям.

Но в воспоминания Тюленева вкралась ошибка: в декабре 1918 года Ленин перед слушателями не выступал, это произошло позднее — 19 апреля 1919 года. В декабре 1918 года перед слушателями выступал председатель ВЦИКа Яков Свердлов. Тем не менее выступление Свердлова повлияло на настроение Чапаева: он, по словам Тюленева, «приутих».

Трудности в учебе из-за низкого уровня образования и требовательности преподавателей заставляли многих слу-

шателей стремиться к возвращению на фронт. Скованные военной и партийной дисциплиной, они продолжали доказывать ненужность их пребывания в стенах академии и невозможность продолжать обучение. Впрочем, Чапаев не сразу решил покинуть стены академии. Вероятно, через две-три недели после начала занятий он почувствовал недостаток общего образования и потому предвидел трудности, с которыми столкнется при сдаче экзаменов по программе обычных пехотных курсов.

Часто встречающаяся версия о пристрастном отношении преподавателей-генералов к слушателям-простолюдинам не вполне обоснованна. Кирилл Мерецков вспоминал: «К нам профессура относилась сначала довольно снисходительно. В 1918/19 учебном году существовали только две оценки на зачетах: “удовлетворительно” и “неудовлетворительно”... Как правило, все получали удовлетворительные оценки». Скорее наоборот: слушателей часто раздражали подчеркнутая аполитичность профессоров и доцентов, их сознательная отстраненность от современных событий. В глазах многих краскомов Гражданской войны эти качества выглядели едва ли не контрреволюцией.

Раздражение части слушателей было вызвано тем, что им недостаточно объяснили цели отправки в академию, а также несоответствием между желаемым и действительным. Красные командиры разных рангов надеялись, что военспецы из числа бывших генералов и полковников дадут им рецепты быстрого разгрома противника в маневренной войне, в условиях плохого вооружения, недостаточности боеприпасов и снаряжения, при быстро меняющихся настроениях бойцов. Они не понимали, что военной науке, даже самой передовой, требуется немало времени для изучения, анализа и осмысления новых явлений и тенденций военного искусства.

Красные командиры слушали не всегда понятные им рассуждения о военной истории, лекции по военной географии и подробнейшие рассказы о тактике артиллерии, начинавшиеся чуть ли не с применения греческих катапульт и византийских метательных машин. «Преподаватели были разными. Одни из них являлись, по-видимому, опытными командирами, но читали лекции плохо... Другие были способными лекторами, но не для данной аудитории, где вместо привычного для них избранного офицерства сидели вчерашние рабочие и крестьяне, многие с весьма слабой общеобразовательной подготовкой. Были, конечно,

и те, которые умели устанавливать контакт с аудиторией, освещали вопросы популярно и в то же время научно, поэтому и пользовались всеобщим уважением и любовью у слушателей», — писал Мерецков.

Проблемой нашего героя кроме низкого образовательного уровня и предвзятого отношения к «бывшим» было высокое самомнение, уверенность, отчасти оправданная, что он — человек исключительного военного таланта. Чапаев крайне болезненно реагировал на любое несогласие со своей версией или присущее профессорам ироническое отношение к слушателям, воспринимал свои отношения с преподавателями как едва ли не продолжение Гражданской войны в красном тылу. Иван Тюленев вспоминал, что наш герой вспылил после дискуссии с профессором военной истории и стратегии Александром Свечиным. Замечание преподавателя: «Вероятно, товарищ Чапаев, если бы римской конницей командовали вы, то сегодня мы говорили бы о разгроме Ганнибала римлянами» — Чапаев встретил в штыки: «Мы уже показали таким, как вы, генералам, как надо воевать!»

Евгения Чапаева утверждает, что слушатели академии «каждый раз устраивали Свечину обструкцию». Но однокурсники Чапаева это не подтверждают. Тюленев отмечал, что Свечин безукоризненно знал свой предмет, хорошо учил слушателей. «Это был один из тех военных специалистов, которые сумели трезво оценить обстановку в России и встали на службу той настоящей Родине, за которую воевал народ», — писал генерал. Мерецков называл Свечина «замечательным преподавателем», который произвел на него большое впечатление благодаря эрудиции и оригинальному мышлению.

В другой раз, по расхожей версии, Чапаев сошелся в словесной дуэли с преподавателем военной географии. Поняв, что «плавает» в местонахождении и направлении течения европейских рек, он потребовал от профессора показать, где находится река Солянка, на берегах которой он воевал летом 1918 года с казаками. И был очень доволен, что срезал «генерала», не знавшего важнейшего, по мнению нашего героя, театра военных действий, где он разбил казаков. Немало слушателей, несмотря на большой апломб («если подучусь, смогу и в мировом масштабе»), в силу ограниченного кругозора не вполне осознавали, зачем им нужно знать географию и экономику дальних стран, психологию и военную экономику. Прикладные знания для них

были важнее фундаментальных и теоретических. «Нужно, конечно, иметь в виду, что для Чапаева, обладавшего живым практическим умом, но не имевшего достаточной общеобразовательной подготовки, учебный план Академии Генерального штаба того времени был весьма труден», — отмечали авторы публикации в «Военно-историческом журнале».

Впрочем, как писал впоследствии в «Красной звезде» один из профессоров академии Василий Новицкий (брат бывшего генерала Федора Новицкого, начальника штаба и помощника командующего 4-й армией у Михаила Фрунзе, который знал начдива): «Многие склонны были считать, что Чапаев не любил науки и пренебрежительно относился вообще к учению... что он склонен был действовать исключительно по наитию. Это глубоко неверно. Чапаев, как редко кто, отличался необычайной усидчивостью и упорством в деле того, что от него потребуется».

Но если сравнивать Чапаева и Тюленева, который, как и наш герой, имел низшее образование, то получится, что у второго оказалось больше выдержки и усердия для освоения сложной программы. Чапаев же, похоже, окончательно решил, что академия — не для него. 24 декабря 1918 года он пишет члену РВС 4-й армии, своему знакомому Линдову (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «Прошу Вас отозвать меня в штаб 4-й армии на какую небудь должность командиром или комиссаром в любой полк, так что преподаванья Академий мне не приносит никакой пользы. Что преподают я ето прошел на прахтеки вы знаете что я нуждаюсь в общеобразовательном цензе который здесь я не получаю.

И томится понапрасно в стенах я несогласен ето мне кажется тюрьмой и прошу еще покорно не морить меня в такой неволи. Я хочу работать а нележать и если вы меня неодзовете я пойду к доктору который меня освободит и я буду лежать без полезно но я хочу работат и помогат Вам. Если вы хотите чтобы я вам помогал я судовольствием буду к вашим услугам». Ответ Линдова был отрицательным: «Указать Чапаеву, что мы не имеем права его отрывать из академии, так как он послан туда по распоряжению председателя Реввоенсовета».

Но Чапаева уже было трудно остановить. В приказе о его отчислении из академии указано, что он «не прибыл из отпуска». Но ни в декабрьских, ни в январских прика-

зах сведений об убытии начдива в отпуск нет. По всей вероятности, руководство академии решило не афишировать факт самовольной отлучки нашего героя, который в условиях военного времени мог быть расценен как дезертирство. Поэтому начальник и комиссар академии предпочли сделать хорошую мину: в мае, когда был издан приказ об отчислении, они уже знали, что Чапаев не скрывался от службы, а отбыл обратно на фронт.

Пребывание Чапаева в академии при внимательном рассмотрении оказалось даже более коротким, чем передавал Дмитрий Фурманов (два месяца). Впрочем, и сам Чапаев, если верить автору романа, говорил, что он «болтался» в Москве. Судя по документам, наш герой находился в доме на Воздвиженке меньше месяца. Краткий срок пребывания в академии показывает, что наш герой не пытался наладить контакт с преподавателями, не стремился получить дополнительные лекции и нагнать отставание в общем образовании. За такое короткое время невозможно было получить даже минимальные знания. В любом случае мемориальная доска в честь Чапаева на здании, в котором он практически не учился, выглядит несколько странно.

Свое пребывание в Москве на Воздвиженке Чапаев воспринимал с раздражением. «В академиях мы не учены... Да мы без академьев... У нас по-мужицки и то выходит... Мы погонов не носили генеральских, да и без них, слава богу, не каждый такой стратех будет...»

Впрочем, по воспоминаниям других близких соратников Чапаева, он понимал значение академического обучения военному искусству. Однажды, по словам Ивана Кутякова, кто-то задал ему вопрос, чему же все-таки он научился в Академии Генерального штаба. Чапаев улыбнулся: «Скажу прямо: топографию усвоил прилично. Я могу, например, из квадратного дюйма десятиверстной карты сделать верстовку и двухверстовку, чего вы, ребята, не сумеете сделать». По свидетельству того же Кутякова, Чапаев не раз утверждал, что «Академия — великое дело», и лично отобрал 10—12 командиров для отправки на учебу.

Тем не менее короткая история больше похожа на роман-приключение и многочисленные анекдоты, чем на обучение или даже подход к нему. Это классический пример того, как партийная логика и политическая целесо-

образность перевесили все аргументы против обучения, в том числе более чем недостаточный уровень образования нашего героя. Для болезненно самолюбивого Чапаева очевидная невозможность освоить программу была сильным ударом. Он предпочел остаться командиром-самоучкой, в чем и преуспел, подтвердив статус выдающегося самородка. Поэтому едва начатое высшее военное образование нашего героя — не повод ни для самодовольства, ни для самоуничижения, ни для насмешек.

СНОВА В БОЮ

Трудно сказать, сколько добирался Чапаев из быстро опустылевшей ему Москвы в Самару, где находился штаб 4-й армии. В любом случае эта дорога не могла быть простой. Судя по всему, он покинул академию самовольно и не имел документов на пользование местами в специальных литерных вагонах, которые доставляли по стране командированных ответственных партийных, государственных, советских и военных работников, чекистов и сотрудников Коминтерна. Впрочем, даже пассажирам специальных вагонов и поездов приходилось подолгу застревать в пути из-за неисправностей паровозов и вагонов, повреждения путей, нападений повстанцев на железнодорожные линии. Кроме того, быстрому проезду мешали острый недостаток топлива и снежные бураны, засыпавшие пути. Крестьяне и горожане, несмотря на грозные директивы из Москвы и губернских центров, далеко не всегда успевали вовремя расчистить рельсы от снежных заносов, заготовить дрова для паровозов, а специальной техники, способной растапливать снег паром, дров и угля для нее не хватало. Разруха на железных дорогах задерживала продвижение важнейших военных, продовольственных и стратегических грузов. Чапаев как начальник дивизии мог добираться до Самары воинским эшелоном, но и они часто подолгу простаивали на станциях и перегонах, пока не удавалось расчистить пути и заготовить дрова или другое горючее (были случаи, что в топку бросали знаменитую астраханскую воблу) для паровозов и печей в вагонах-теплушках.

Не исключено, что Чапаеву и вовсе пришлось добираться до места на перекладных и пережить многочисленные опасные приключения, как и тысячам пассажиров, передвигавшихся по стране в силу различных причин.

Чапаев прибыл в Самару только в начале февраля 1919 года, спустя месяц после своего фактического ухода из академии. Даже для Гражданской войны такое длительное отсутствие командира высокого ранга в строю без уважительной причины является серьезным проступком, и вполне вероятно, что вокруг нашего героя шли споры: привлекать или не привлекать его к ответственности. Не исключено, что Чапаев в это время пытался разыскать свою первую жену. Известно, впрочем, что он сделал изрядный крюк в Балаково и Николаевск, чтобы навестить родных и оказаться поближе к товарищам по борьбе с казаками и чеками.

1 февраля 1919 года Чапаев собрал в селе Клинцовка районный крестьянский съезд, за что получил устный выговор: «Предложить уездному исполкому вызвать в срочном порядке Чапаева в Пугачев для объяснения и разослать по всему уезду сообщение населению о том, что Чапаев в настоящее время никакой государственной, военной и гражданской службы не несет и не вправе самочинно устраивать какие-либо собрания, тем более съезд без разрешения на то местной уездной высшей власти».

Межеумочное положение после самовольной отлучки из академии не устраивало нашего героя. Вскоре он прибыл в Самару. Незадолго до этого армию возглавил видный большевик-подпольщик, бывший комиссар Ярославского военного округа Михаил Фрунзе, вместе с ним на должность начальника штаба прибыл бывший генерал Федор Новицкий. Смена руководства армии повлияла на судьбу Чапаева. 4 февраля он получил в штабе 4-й армии должность прикомандированного к РВС и разрешение отправиться для устройства домашних дел в Николаевский уезд. Статус уже изменился. «Все советские организации и учреждения обязаны оказывать т. Чапаеву полное содействие в пути следования и возвращения предоставлением необходимых перевозочных средств наравне со всеми советскими военными работниками», — указывалось в документе. Что любопытно: Чапаев не стремился (или не смог) добраться до Уральска — цели нескольких безуспешных наступлений лета и осени 1918 года.

Можно только догадываться, чем была вызвана вторая за короткое время поездка нашего героя домой, но она затянулась надолго. В семейной жизни Чапаев куда менее удачлив, чем на полях сражений. В романе Фурманова начдив утверждает, что прекратил отношения с первой женой

после ее измены. Однако, по свидетельствам родственников, Чапаев часто вспоминал о жене. Пелагея не раз встречалась с детьми и, вероятно, стремилась возвратиться к ним и тем самым примириться с мужем. Однако совладать с гордым и своенравным Чапаевым, чье самолюбие было по-настоящему задето ее изменой, было непросто.

Небезоблачно складывались и отношения со второй женой, Пелагеей Камешкерцевой. Она чувствовала, что Чапаев не испытывает к ней сердечной привязанности. Возможно, до нее доходили слухи и о его похождениях на фронте. В Гражданскую войну, когда эмансипация привела к появлению женщин-политработников, машинисток, телеграфисток, когда медсестры и санитарки трудились не только в тылу, но и в боевых частях, сексуальные отношения на фронте уже не воспринимались как нечто недопустимое и исключительное. Наш герой отрицал свое внимание к женщинам во время боевых действий, он не раз требовал удалить женщин из дивизионных и других учреждений, но успеха не добился. Участвовавший в разгроме подразделений 25-й дивизии в Лбищенске полковник Михаил Изергин не без ехидства отмечал: «Штаб Чапаева располагался не без удобств и приятного препровождения времени: в числе пленных — или трофеев — оказалось большое число машинисток и стенографисток. Очевидно, в красных штабах много пишут...»

Возможно, это и вызвало стремление Пелагеи «отомстить» Чапаеву по-женски, изменив ему. Родственники начдива обвиняли Камешкерцеву в связи с начальником артиллерийского склада Григорием Живоложиновым. Евгения Чапаева со слов матери рассказывала, что Чапаев застал жену с любовником, вернувшись домой в один из кратких отпусков, и выдворил его из дома с пулеметом наперевес. Клавдия Чапаева утверждала, что Живоложинов издевался над детьми Чапая, причем ей даже отстреливал волосы из револьвера, собрав их в пучок.

Такое поведение всех участников любовного треугольника выглядит малореальным. Трудно представить, чтобы начальник тылового учреждения уводил жену у боевого начдива, который к тому же был известен крутым нравом и непредсказуемыми поступками. Камешкерцева с детьми жила в небольшом городке, в котором невозможно скрыть любовную связь. В этой ситуации Живоложинов практически рисковал жизнью: он легко мог стать жертвой мести Чапаева.

Чапаев был далеко не ангелом в повседневной жизни. В дневнике Дмитрия Фурманова за июль есть запись: «Чапай ее (Пелагею. — П. А.) однажды бил немилосердно за то, что она ходила с подружкой будить одного знакомого на сеновал. Дело длилось всего 3—4 минуты, тут были и свидетели, сомнений, кажется, не должно было остаться никаких. И все-таки он колотил ее за мнимую “измену”. Поля уехала ни с чем — оплеванная, оскорбленная, отторгнутая; Чапай остался с Пичужкой (видимо, одной из фронтовых подруг. — П. А.), а детей оставил на Полю».

Страсти между Чапаевым и ближайшей родней кипели нешуточные. Ему потребовался длительный отпуск для устройства личных и семейных дел. Новые упоминания о прибытии начдива к месту службы появляются лишь в конце февраля.

Пока организатор Самарской и Николаевской дивизий пытался устроить семейные дела, его полки под руководством командира 1-й бригады самарцев Ивана Плясункова наступали на Уральск. 24 января после упорного уличного боя, в котором погиб командующий Уральской армией генерал Федор Мартынов, полки Самарской дивизии вступили в город. 26 января казаки попытались отбить Уральск, сумели ворваться на его улицы и серьезно потеснить красных. Но казаки увлеклись преследованием чапаевцев, расправой с отдельными группами, засевшими в домах и амбарах. Они попали под фланговый удар 218-го Разинского полка, который оказался вне полосы наступления белых, и вынуждены были отступить. Потеря Уральска вызвала кризис Уральской армии, целые полки расходились по домам или сдавались красным «под честное слово» и обещание амнистии рядовым бойцам.

7 февраля в город прибыл Фрунзе и сразу же столкнулся со своеобразием чапаевских питомцев. Когда он приехал в Уральск, красноармейцы полевого караула не отрапортовали командарму и не вызвали караульного начальника. Они лишь ознакомились с мандатами и пропустили Фрунзе и его спутников.

Когда Фрунзе назначил смотр бригады, успевшие приодеться за счет захваченных в Уральске запасов мануфактуры и обуви красноармейцы лениво потянулись на центральную площадь, а один из командиров батальонов увел своих бойцов обратно: дескать, нечего морозиться. Говори-

ли, будто Плясунков обиделся, что его обязали рапортовать о построении начальнику Николаевской дивизии Анатолию Дементьеву, который в боях за город непосредственного участия не принимал.

Фрунзе возмутился: «Состояние бригады считаю безобразным. Это толпа, а не войско! Ответственность за это неете вы. Объявляю строгий выговор всем командирам и комиссарам». Наутро командарм получил бумагу с нарочным: «Предлагаю вам прибыть в 6 часов вечера на собрание командиров и комиссаров для объяснения по поводу ваших выговоров нам за парад. Комбриг Плясунков». Фрунзе приехал с адъютантом, без оружия и охраны. При его появлении командиры и комиссары Плясункова не встали, демонстративно игнорируя «выскачку» командарма и воинскую субординацию.

Не присаживаясь, не здороваясь, Фрунзе проронил: «Я присутствую здесь не как командующий армией, а как член партии. Командующий армией не может быть на таком собрании. Как член партии, пославшей меня на работу в армию, я заявляю вам: ваше собрание и вызов являются преступными. Вы хотели меня запугать? Царское правительство дважды приговаривало меня к виселице. Я пришел к вам без оружия. Подтверждаю все свои выговоры и замечания, сделанные на параде, и заявляю вам: если вновь отмечу случаи нарушения дисциплины, буду карать беспощадно, вплоть до расстрела. Нарушая дисциплину, вы разрушаете армию. Советская власть этого не допустит!» Фрунзе без окриков и резкостей обуздал чапаевских орлов: когда он выходил из штаба, провожать его вышли уже все командиры штаба и полков.

Как отмечали современники, красным командирам импонировали личная храбрость Фрунзе, его спокойное поведение под огнем противника. Впрочем, от отчаянно смелых, но недисциплинированных и до крайности не доверявших «штабным» степных «красных орлов» его отличали внимательное отношение к «царским» генералам и офицерам и стремление к военному самообразованию. По свидетельству его начальника штаба Федора Новицкого, «Фрунзе обладал способностью быстро разбираться в самых сложных и новых для него вопросах, отделять в них существенное от второстепенного и затем распределять работу между исполнителями сообразно со способностями

каждого. Он умел и подбирать людей, как бы чутьем угадывая, кто на что способен...»

Фрунзе, как и Чапаев, был военным самородком, только более высокого образования и кругозора. Он высоко ценил нашего героя как прирожденного лидера и искусного командира, хорошо понимал его мятежную душу и стремился убедить в этом своих соратников: старых офицеров и политических комиссаров, которые относились к начдиву с изрядным опасением.

Один из них, начальник штаба 4-й армии, бывший генерал Федор Новицкий писал:

«Михаил Васильевич очень интересовался Чапаевым. Нужно признаться, были и неблагоприятные слухи об этом человеке, ставшем ныне легендарным героем... Однажды в конце февраля 1919 года дежурный доложил командарму о прибытии Чапаева. Михаил Васильевич предполагал, что он сейчас увидит партизана с разухабистыми манерами. Однако в кабинет медленно и очень почтительно вошел человек лет тридцати, среднего роста, худощавый, гладко выбритый и с аккуратной прической. Одет Чапаев был не только опрятно, но и изысканно: великолепно сшитая шинель из добротного материала, серая мерлушковая папаха с золотым позументом поверху, щегольские оленьи сапоги-бурки мехом наружу. На нем была кавказского образца шашка, богато отделанная серебром, и аккуратно пригнанный сбоку пистолет “Маузер”. Сел Чапаев очень деликатно, голос у него оказался тихий, а ответы весьма почтительные. Узнав, что Чапаев порвал с Академией и желает нести боевую службу и именно в 4-й армии, Михаил Васильевич сразу предложил ему должность начальника Александров-Гайской группы... Фрунзе чувствовал, что Чапаеву по складу его характера должна показаться заманчивой столь самостоятельная инициативная роль. И действительно, Чапаев выразил согласие принять Александров-Гайский отряд и обещал сделать все в точности и в срок. После ухода Чапаева Михаил Васильевич сказал мне, что окончательно разуверился во всех поклепах, которые возводились на Чапаева, почувствовал к этому человеку большое доверие, готов и впредь поручать ему самые ответственные задания».

Слова известного военного специалиста весьма любопытны: они развенчивают миф о Чапаеве-«громовержце» и штабном ненавистнике. Получается, что он прекрасно понимает, где и как себя следует вести: он «громит» высшее командование среди своих соратников, недовольных

скверным снабжением и не всегда понятными распоряжениями штабов. Однако когда Чапаев оказывается наедине с командармом и его начальником штаба, он подчеркнуто сдержан и дисциплинирован, соблюдает воинскую субординацию. Возможно, причина в личном обаянии Фрунзе, о котором упоминают многие его соратники. Но есть и другая причина: Чапаев понимал, что Красная армия изменилась, дисциплина укрепилась и столкновения с командованием, подобные обмену инвективами с военным советом 4-й армии осенью 1918 года, могут обойтись дорого — вплоть до отстранения и ареста. Вероятно также, что Чапаев в глубине души чувствовал себя виноватым в нарушении дисциплины: он самовольно покинул академию и в течение долгого времени не являлся на передовую.

Показательно также, что наш герой не так простонароден, как может показаться в первый момент знакомства и как его описал затем Фурманов. Он стремится выделиться, внешние, демонстративно яркие атрибуты выгодно отличают его от массы красноармейцев и командиров младшего ранга. Вероятно, впрочем, что Чапаев хотел произвести благоприятное впечатление на командарма и его начальника штаба. Его внешний вид свидетельствует: перед вами красный командир и честный солдат, а не атаман красной степной вольницы.

В начале марта Чапаев выезжает наконец на передовую — командиром Александрово-Гайской группы, в составе бригады 25-й (бывшей Самарской) дивизии и ряда отдельных частей. «Командарм приказал т. Чапаеву вступить в командование 1 бригадой Александрово-Гайской дивизии, оставаясь в то же время командующим всей Александрово-Гайской группой... т. Андросову, сдав бригаду, оставаться в распоряжении Чапаева. 4 марта 1919 г.», — объяснял ситуацию бывшему комбригу Андросову исполнявший должность начальника штаба, бывший подполковник Генштаба Владимир Лазаревич. Комиссаром группы был назначен Дмитрий Фурманов.

Вскоре командир и комиссар встретились. Фурманов описал знакомство кратко: «Рано утром, часов в пять-шесть, кто-то твердо постучал Федору в дверь. Отворил — стоит незнакомый человек. Здравствуйтесь. Я — Чапаев!» Лаконичность автора понятна: появление Чапаева оказалось для него неожиданным и оттого не слишком приятным.

Жена Фурманова описала встречу подробнее: «На расвете — стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, настезь от-

крывается дверь и вваливается целая ватага крепких, рослых, краснощеких людей. Среди них человек невысокого роста. Вошел, сбросил бурку, остался во френче защитного цвета, в оленьих сапогах. Здравствуйте. Я — Чапаев. Я осталась лежать в кровати, а Фурманов вскочил, кое-как натянул на себя одежду. Я же из-под одеяла наблюдала за Чапаевым. Быстрые движения, походка немного лисья, быстрый взгляд.

— Жена? — спросил Чапаев.

— Да, — ответил Фурманов.

Я еще глубже юркнула под одеяло.

— Зачем?

— Она политпросветом будет заведовать.

— А, культуру, значит, садить будет...

На этом разговор закончился».

Вскоре в дневнике будущего писателя появилось первое впечатление о своем герое: «Передо мною предстал типичный фельдфебель, с длинными усами, жидкими, прилипшими ко лбу волосами; глаза иссиня-голубые, понимающие, взгляд решительный. Росту он среднего, одет по-комиссарски, френч и синие брюки, на ногах прекрасные оленьи сапоги. Перетолковав обо всем и напившись чаю, отправились в штаб. Там он дал Андросову много ценных указаний и детально доработал план завтрашнего выступления. То ли у него быстрая мысль, то ли навык имеется хороший, но он ориентируется весьма быстро и соображает моментально. Все время водит циркулем по карте, вымеривает, взвешивает, на слово не верит. Говорит уверенно, перебивая, останавливая, всегда договаривая свою мысль до конца. Противоречия не терпит. Обращение простое, а с красноармейцами даже грубоватое...

Я подметил в нем охоту побахвалиться. Себя он ценит высоко, знает, что слава о нем гремит тут по всему краю, и эту славу он приемлет как должное. С товарищами я лажу, они меня знают и любят...»

Фурманов сразу заметил, что наш герой отличался от своих соратников: «Чапаев выделялся. У него уже было нечто от культуры, он не выглядел столь примитивным, не держался так, как все: словно конь степной сам себя на узде крепил. Лишь встретился на пути Чапаев — этих вольностей с ним уж нет. Не из боязни, не оттого, что неравен, а из особенного уважения: хоть и наш, дескать, он, а совершенно особенный, и со всеми равнять его не рука». Вскоре после прибытия в штаб бригады Чапаев подробнейшим образом

изучил план операции в направлении станицы Сломихинской; этот удар, по плану командования 4-й армии, должен был отрезать Уральскую группировку казаков от Лбищенска одновременно с наступлением Северной группы (1-я бригада 25-й дивизии и 25-й кавполк), которой командовал Иван Кутяков, и завершить разгром белоказачьей армии. Как писал Фурманов, план наступления Чапаев кардинально переработал. Краснокутскому, Савинскому и Интернациональному полкам предписывалось в ночь на 10 марта выйти из Александрова Гая и занять исходные позиции в семи с половиной верстах от Сломихинской, чтобы с рассветом атаковать станицу. Краснокутский полк наступал с фронта, остальные охватывали укрепленный пункт с флангов.

Бой у станицы красочно описан Фурмановым:

«Подпустив саженей на триста, казаки ударили орудийным огнем. За артиллерией с окраинных мельниц резнули пулеметы... Цепь залегала, подымалась, в мгновенную мчалась перебежку и вновь залегала, высверлив наскоро в снегу небольшие ямки, свесив туда головы, как неживые...

Орудия ревом крыли окрестность. Шарахался по полю гул, будто метался в стороны и смертно ревел гигантский зверь, загнанный в круг. В стоне, в свисте и в реве шли веселее цепи, ободренные огнем. В черной шапке с красным околышем, в черной бурке, будто демоновы крылья летевшей по ветру, — из конца в конец носился Чапаев. И все видели, как здесь и там появлялась вдруг и быстро исчезала его худенькая фигурка, впаянная в казацкое седло. Он на лету отдавал приказанья, сообщал необходимое, задавал вопросы. И командиры, так хорошо знавшие своего Чапая, кратко, быстро сообщали нужные сведения — ни слова лишнего, ни мгновенья задержки...

Цепи кидались стремительным бегом. В тот же миг срывались с цепей казачьи пулеметы. Цепи падали ниц, впивались в снежную коросту — лежали замертво, ждали новую команду. Позади цепей носился Чапаев, кратко, быстро и властно отдавал приказанья, ловил ответы...

Он скачет туда, на левый фланг, где грозно сдвинулась опасность. Казаки несутся лавой... Уж близко видно скачущих коней... Подлетел Чапай к командиру батальона:

— Ни с места! Всем в цепи... Залпом огонь!

И он пронесся по рядам припавших к земле бойцов.

— Не робей, не робей, ребята! Не вставать... подпустить — и огонь по команде... Всем на месте... Огонь по команде!!!

Крепкое слово так нужно бойцам в эти последние, роковые мгновенья! Они спокойны... Они слышат, они видят, что Чапаев с ними. И верят, что не будет беды... Как только лава домчалась на выстрел — ударил залп, за ним другой... кинулась нервная пулеметная дрожь... Лава сбилась, перепуталась, замерла на мгновение... Еще миг — и кони мордами повернули вспять. Казаки мчатся обратно...

Сбита атака. Уж бойцы от земли поднимают белые головы. У иных на лицах, неостывших и тревожных, чуть играет пуганая улыбка... Цепи идут под самой станицей... Чаше, чаще, чаще перебежки... Пулеметный казацкий огонь визгом шарахает по цепи. И лишь она вскочит, цепь, — бьют казацкие залпы, их покрывает мелкая волнующая рябь пулеметной суеты... Уж бойцы забежали за первые мельницы, кучками спрятались, где за буграми, где у забора — все глубже, глубже, глубже — в станицу...

И вдруг взорвалось нежданное: “Товарищи! Ура... ура... ура!!!”

Цепь передернулась, вздрогнула, винтовки схвачены наперевес, — это порывистой легкой скачкой неслись в последнюю атаку... Больше не слышно казацких пулеметов: изрублены на месте пулеметчики... По станице — шумные волны красноармейцев... Где-то мелькают последние всадники... Красная Армия вступала в станицу Сломихинскую...»

Надо отдать должное литературному мастерству Фурманова: он нарисовал яркую и динамичную картину сражения и показал огромную роль Чапаева, который успевал каждый раз появиться в критический момент боя, уверенный в успехе вверенных ему полков. Но эта картина мало соответствовала реальной ситуации на фронте. Чапаев в бурке, стремительно перемещавшийся с фланга на фланг на лихом коне, — это вымысел автора, необходимый элемент героического образа начдива. Весной 1919 года у Чапаева уже появился автомобиль. Шофер Василий Козлов вспоминал, что не раз доставлял начдива вместе с комиссаром и адъютантом на передовую и с наганом в руке ожидал исхода боя. Но автомобиль и последующее передвижение ползком и короткими перебежками выглядят не очень романтично и противоречат представлению о неустрашимом и непобедимом военном вожде. Поэтому вместо человека на переднем сиденье «форда» мы видели Чапаева в романе и затем в фильме на коне.

Впрочем, вымыслом во многом является и сам ожесточенный бой под Сломихинской. Леонид Масянов, один из уцелевших уральских казаков, писал, что станицу удерживал усиленный пулеметами и батареей заслон, целью которого было прикрыть отход главных сил армии и мирных жителей из района Уральска на юг области. После короткого сдерживающего боя казаки оторвались от красных частей. Сводка штаба Александрово-Гайской группы была на редкость лаконичной, несвойственной для Чапаева: «Доношу, что сегодня в 13 часов дня Сломихинская занята войсками Алек[сандрово]-Гайской группы. С нашей стороны потери незначительные. Силы противника в два раза превышают численность наших войск. Техническое вооружение противника: 5 3-дюймовых орудий и одно 1,5 дюйма и более 30 пулеметов. Противник отступил по направлению Мар Тазуба, 2,5 верст северо-восточнее Сломихинской».

Фрунзе не преминул отметить чапаевцев: «Боевая задача, поставленная нашей армии, героическими усилиями войск частью уже выполнена в течение 8—10 марта. Войсками Александрово-Гайской группы (тов. Чапаев и Фурманов) удалось овладеть районом Сломихинская, являющейся узлом весьма важных путей».

Занятие Сломихинской вынудило Чапаева отвлечься от боевых действий и обратить внимание на дисциплину в частях группы. Красноармейцы начали грабить мирных жителей, причем забирали вещи, совершенно ненужные в военном обиходе. Картины бессмысленного грабежа отражены и Фурмановым:

«Федор наткнулся на целый ряд грабежей, вовсе бессмысленных, не имевших в себе нисколько корыстного начала. Идет, к примеру, красноармеец, тащит огромный узел со всяким барахлом.

— Что у тебя? Покажи.

Он совершенно спокойно раскладывает с узлом на снегу, развязывает, вытаскивает оттуда детские рубашечки, пеленки, игрушки, разные тряпки, платица...

— На что это тебе, дружина?

Молчит. Сам видит, что ни к чему.

— Зачем же все-таки?

— Почем я знаю...

— А у меня женщина была, плакала, искала. Надо быть, это самое бельишко и есть...

— Может, оно... Пушай берет, — согласился парень без жалости.

— Не “берет”, а отнести надо, — внушительно, дружелюбно, беззлобно сказал ему Клычков.

— И отнести можно, — согласился тот.

— Конечно, отнести, — чего ей, бабе, барахтаться? Ты укажи, я сам снесу.

Федор узнал, где тот хватил узел, и направился вместе с ним. Красноармеец принес, молча положил его на железную ошипанную кровать, помялся неловко на месте, взялся за скобу и вышел молча.

Федор встретил другого. Этот голову всунул в плетеную детскую колясочку — может, в печку тащил, а может, и просто позабавиться. Бывало и это, по-разному забавлялись. И тут результат был один: колясочку парень Клычкову возвратил без малейшего сожаления, она ему была совершенно не нужна и соблазнила только своим разукрашенным видом».

Вслед за этим состоялся митинг, описанный Фурмановым:

«— Я, — говорит, — приказываю вам больше никогда не грабить. Грабят только подлецы. Поняли?!

Был неописуемый восторг.

— Товарищи! — крыл он площадь металлическим звоном. — Я не потерплю того, што происходит! Я буду расстреливать каждого, кто наперед будет замечен в грабеже. Сам же первый этой вот расстреляю подлеца, — и он энергически в воздухе потряс правой рукой. — А я попадусь — стреляй в меня, не жалея Чапаева. Я вам командир, но командир я только в строю... Я вот сформировал четырнадцать полков и во всех них был командиром. И там везде у меня был порядок, там грабежу не было, да не было и того, чтобы из церкви вытаскивали рясу поповскую... Што ты — поп? Оденешь, што ли, сукин сын? На што украл?

Чапаев грозно обернулся в одну, в другую сторону, даже перегнулся назад, глянул пронзающе и быстро, словно хотел узнать среди многотысячной серой массы того злодея, о котором теперь говорил...

— Не тащи!.. — выкрикнул он, резко поддав левой рукой. На минутку встал, не находил нужного слова. — Не тащи, говорю, а собери в кучу и отдай своему командиру, все отдай, што у буржуя взял... Командир продаст, а деньги положит в полковую кассу... Ранят тебя — вот получи из этой кассы сотню рублей... Убили тебя — раз тебе на всю семью по сотне! Што, какво? Верно говорю али нет?

Тут уж случилось нечто непредставимое — восторг перешел в бешенство, крики перешли в иступленный, восторженный вой...»

Сам Фурманов утверждает, что после этого грабежи сократились «до последней необходимости», без которой невозможно было прожить на войне. Впрочем, уральцы и нынешние авторы, симпатизирующие Белому движению, высокую дисциплину чапаевцев отрицали. По их версии, грабежи и насилия над казаками, особенно семьями тех, кто сражался против красных, продолжались.

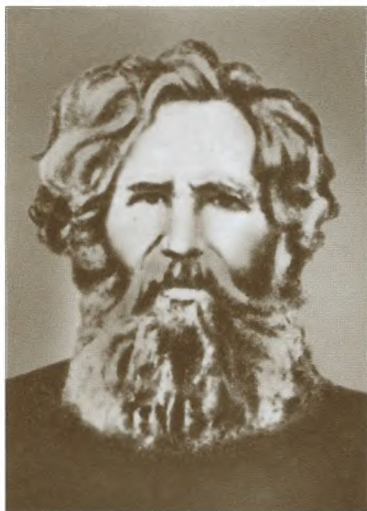
В дневнике Фурманов отмечал: «Совсем нельзя сказать, чтоб он плыл по течению и потакал массе. Насколько он быстр в решениях, настолько же тверд и в проведении этих решений. Свое дело знает, в себя верит крепко, в чужих советах не нуждается и делает все самостоятельно. Работник он неутомимый. Голова не знает иных забот, кроме своего дела. Оно его поглощает всецело. В ночь моего отъезда, например, он сидел до шести часов утра и все разрабатывал план переброски полков на Шильную Балку... Инициативы в нем много. Ум у него простой и ясный, схватывает все быстро и схватывает за самую сердцевину. В нем все простонародно и грубо, но и все понятно. Лукавства нет, за лукавство можно и по ошибке принять требуемую иногда обстоятельствами осторожность. Словом, парень молодец. Натура самобытная, могучая и красивая».

Кроме того, выяснилось, что бывший комбриг Андросов, начальник штаба бригады и другие командиры напились и безобразничали. Мы не знаем, решил ли Чапаев отстранить их из-за нелюбви к «бывшим», хотел ли упразднить лишнюю инстанцию в управлении войсками (два штаба — группы и бригады — для группы из четырех полков и в самом деле перебор) или стремился наладить дисциплину, но действовал правильно: пьяный начальник подрывает авторитет власти, на войне — особенно. Дебоширы были арестованы и отправлены в Александров Гай. Но начальника политотдела бригады Ефимова возмутили не грабежи и пьянство, а суровые меры Чапаева. Ефимов, признавая справедливость ареста, тем не менее жаловался по прямому проводу сотруднику политотдела армии Мюрату-Лежаве.

«Ефимов. Прошу вас, чтобы вы назначили вместо меня политкома бригады. Я не хочу работать в этой должности с партизанами. Желая остаться завполитотделом. На должность политкома бригады временно можно назначить одного из сотрудников или комиссаров части. Сейчас затруд-

Uonae

Екатерина Семеновна и Иван Степанович, родители Чапаева. 1900-е гг.

Дом в деревне Будайке (ныне в черте города Чебоксары), где родился Василий Чапаев

**Василий Чапаев
в детстве.
Балаково,
конец 1890-х гг.**

**Балаково,
Хлебная пристань.
Фото начала XX в.**

Василий (слева)
с приятелем.
1906 г.

Василий Чапаев
с женой
Пелагеей Метлиной.
1911—1912 гг.

Василий (на переднем плане) перед призывом в армию. 1908 г.

Сборный пункт для призывников и запасных. 1914 г.

Русская пехотная часть на марше. Галиция, 1914—1915 гг.

Старший унтер-офицер Василий Чапаев. 1916 г.

Русские пехотинцы
в окопах.
1915 г.

Младший
брат Чапаева
Григорий.
1916—1917 гг.

Город Николаевск (ныне Пугачев). 1910-е гг.

Первый красногвардейский отряд Николаевска. Конец 1917 г.

Председатель Реввоенсовета Лев Троцкий (справа) с Чапаевым (за ним) во время смотра дивизии Николаевских полков. *Сентябрь 1918 г.*

Отправка продотряда из города за хлебом. *1919 г.*

Чапаев в октябре
1918 года

Начальник связи
чапаевской дивизии
Петр Исаев,
прототип
кинематографического
Петьки

Первый начальник дивизии Николаевских полков Сергей Парменович Захаров (слева) обсуждает с Чапаевым боевую задачу.
Осень 1918 г.

Один из чехословацких полков, воевавших против Красной армии на Восточном фронте.
Лето — осень 1918 г.

В. Чапаев (в центре), слева направо от него: командир батальона И. Бубенец, командир 2-го Николаевского полка И. Кутяков, комиссар А. Семенников. 1918 г.

Броневик «Череп» поддерживал действия чапаевской бригады и дивизии в 1918 году

Роберт Вобратилек (слева), командир чешского отряда, действовавшего против Чапаева летом 1918 года. *Фото начала 1910-х гг.*

Иван Бубенец, Василий Чапаев и Иван Кутяков. *Осень 1918 г.*

В. И. Чапаев (в центре) с командирами своей дивизии накануне отъезда в Академию Генштаба. *Конец 1918 г.*

Командующий 5-й армией Михаил Тухачевский. 1920 г.

няюсь назвать, кого, так как сейчас в бригаде полный хаос. Завтра созываю собрание всех политкомов и политсотрудников, тогда только смогу сказать, кого назначить врид комиссаром бригады, но боюсь, что желающих заступить на эту должность, возможно, не окажется, так как все сотрудники и политкомы резко осуждают дезорганизованность и взгляды на армию чапаевских помощников, которые находятся в бригаде, в частности вновь назначенный начальником бригады Потапов.

Мюрат-Лежава. ... Скажите, ваш уход объясняется последней причиной или есть еще другие?

Ефимов. На три четверти повлияли последние, путанные распоряжения штабма IV и анархия, внесенная Чапаевым. Об этом завтра представлю протокол нашего заседания. Кроме того, я занимаю две должности, истрепался нервами и думаю, что необходима моя замена другим, более хладнокровным работником.

Мюрат-Лежава. Скажите, существует единство мнений по отношению к чапаевцам между вами и Фурмановым? А также как относитесь к аресту штаба бригады, и не примешано ли тут что-нибудь другое?

Ефимов. Между мною и Фурмановым почти не было никакого разговора о Чапаеве, за исключением моих слов, что я с Чапаевым работать не могу. Арест поименованных лиц произведен правильно, так как некоторые бесчинствовали и были в бессознательном состоянии...»

Бои продолжались, но ключевая роль в занятии Лбищенска и расположенных неподалеку станиц принадлежала группе Кутякова, а не Чапаева, что было отмечено и в приказе Фрунзе: «Войска 4-й армии овладели районами Лбищенск и Сломихинская. Поздравляю все части героической 4-й армии с победой... Особо должен отметить деятельность частей 1-й бригады 25-й дивизии, потерявших за время многодневных боев значительную часть командного состава и тем не менее героически бивших и гнавших врага вплоть до Лбищенска... Приношу благодарность всему составу войск Уральской и Александрово-Гайской групп».

Поражения под Лбищенском, форпостами Кожехаровским и Мергеневским деморализовали казаков, воевавших против 4-й армии. Илецкая дивизия снялась с позиций и вскоре сдалась 224-му полку чапаевской дивизии. 9 марта четыре полка сдались под станицей Скворкинская, 11 марта — еще два полка под Мергеневским. Всего прекратили

борьбу около восьми тысяч казаков, которых (кроме арестованных офицеров) распустили по домам, после того как они дали расписку о признании советской власти.

Фрунзе стремился воспользоваться деморализацией противника и окончательно разгромить Уральскую армию, но ему помешала рано наступившая той весной распутица. «Дорога на Лбищенск через Чижинские разливы залита водой. Люди в валенках. На санях ехать невозможно, фургонов нет. Выступить на Лбищенск ранее чем через четверо суток не сумеет... через четыре дня Чижинские разливы отрежут путь и, в случае неуспеха и вынужденного отхода, люди могут погибнуть. От Сломихинской до Шильной Балки, как и до Лбищенска, сто пятьдесят верст. Для перехода всеми силами потребуется десять суток. Наступление станет возможным, если в течение недели наступят морозы». Командарм требовал продолжать наступление, но Чапаев вскоре подтвердил: перейти через разлив невозможно, кроме того, распутица вымотала бойцов, обессилила лошадей. Фрунзе признал: «Удачно начатая на фронте 4-й армии операция, долженствовавшая закончиться взятием в клещи противника комбинированным действием Уральской и Александрово-Гайской групп, грозит приостановкой. Интернациональный полк Александрово-Гайской группы под влиянием приехавшей из Астрахани делегации, потребовавшей их в Астрахань для отправки затем дальше на запад, отказывается сражаться... В Александрово-Гайской группе с уходом интернационалистов остается всего 700 штыков... Прошу немедленной присылки пополнения вообще и специалистов в частности».

Еще через несколько дней Фрунзе приказал приостановить наступление ввиду половодья и неизбежной после него распутицы и начать подготовку к последующим операциям. Короткие мартовские бои не принесли Чапаеву новой славы, она вместе с наградами досталась командирам и бойцам первой бригады — Кутякову, Бубенцу, Алексею Рязанцеву и другим. Но для Чапаева было важно выйти из состояния неопределенности, вырваться из семейных дразг. Наш герой наконец вдохнул полной грудью воздух степного простора. Он снова окунулся в атмосферу боя и вольницы, простых и суровых отношений с бойцами и командирами, которые верили в его счастливую военную звезду, ловили каждое слово своего командира и готовы были отдать жизнь, но выполнить его приказы.

В середине марта Фрунзе вызвал Чапаева и Фурманова в Самару. В долгой, еще зимней санной дороге начдив по-новому открылся комиссару, рассказывая ему о своем нелегком и часто драматичном жизненном пути. «Он, разумеется, сознает и свою невоспитанность и необразованность, свою малую развитость и невежественность. Все хорошо видит, скорбит душой и стремится страстно перевоспитаться и скорее, как можно скорее научиться всяким наукам. Ему хочется ознакомиться с русским языком, ознакомиться с математикой и т. д. Мы договорились, что в свободное время я буду с ним заниматься, буду направлять по возможности его самообразовательную работу...»

Дорога до Самары оказалась длиннее, чем предполагал комиссар: Чапаев то ли с разрешения командования, то ли без него навестил семью в деревне Вязовка Пугачевского уезда. «У него там старик со старухой, трое ребят (два мальчугана и девчурка) и еще женщина-вдова со своими двумя ребятами. Семья его живет, видимо, не нуждаясь, на стол они наставили нам много всякого добра», — писал комиссар.

Чапаев, как уже говорилось, любил приукрасить свою биографию. Например, рассказы о своих подвигах на полях сражений Первой мировой начдив, бывший, как мы помним, не только храбрым, но и дисциплинированным унтер-офицером, дополнил сценой разжалования за то, что обложил матом оскорбившего его прапорщика. Тем не менее описанные в романе рассказы Чапаева о его боевых подвигах в борьбе против казаков и чехословаков не придуманы Фурмановым: похожие записи есть и в его дневниках.

Зачем Чапаев приукрашивал свою биографию перед комиссаром? Он, начдив, уже доказавший свою «особость», в которую боевые товарищи поверили и сами охотно приумножали подвиги своего командира в боях с врагами революции? Вероятно, теперь он стремился доказать свою исключительность и комиссару, полагая, что реальных свершений и побед недостаточно, чтобы поразить образованного горожанина. Он пытался дополнить свой образ непобедимого бойца, нового Стеньки Разина или Емельяна Пугачева, яркими, как ему казалось, деталями, похожими на истории из газет и книг. Впрочем, даже вымысел, которым Чапаев потчевал комиссара, свидетельствует о незаурядности его личности, богатой фантазии и мастерстве рассказчика.

Рассказывая о себе, Чапаев любил представить себя обиженным и неприкаянным, терпящим незаслуженные мытарства: выходец из «благородного» сословия, он оказался среди социальных низов и вынужден был влачить жалкое, не соответствующее его происхождению существование; от честного воина и добропорядочного семьянина уходит жена; теперь же его недооценивают, недолюбливают, пытаются подставить изменники и завистники, засевшие в высших инстанциях. Чапаев нашел не только терпеливого слушателя его повествований о реальных и вымышленных приключениях, но и человека, способного тактично, но твердо и последовательно сдерживать его самоуверенный апломб и разубеждать в том, что наверху повсеместно засели враги революции.

Цель приезда Чапаев и Фурманов узнали уже в городе: командарм отправил начальника 25-й дивизии, бывшего подпоручика Михаила Великанова, командовать Уфимской группой войск, которая терпела поражения и отступала, и решил выяснить мнение Фурманова о Чапаеве. «Фрунзе хотел меня спросить относительно Чапая, кто он и что он, можно ли его назначить на большой и ответственный пост. Я откровенно высказал ему свое мнение о тов. Чапаеве, и он согласился, сознавшись, что сам склонен думать таким же образом. Фрунзе назначает его начдивом Самарской, в которую войдет, между прочим, и наш Иваново-Вознесенский полк. У нас, как известно, под Уфой дела никуда не годятся. Уфу наши сдали и отступают дальше. В связи с этим изменяется и наша дальнейшая работа. Мы ведь предполагали идти на Туркестан добывать хлопок. Теперь же приходится сосредоточиваться в районе Самары. Фрунзе мне высказал даже опасение, что мы снова можем потерять Самару, потерять весь этот край». Фурманов назначался комиссаром дивизии — серьезное повышение для политработника, меньше месяца назад прибывшего на фронт. Сама же дивизия спешно перебрасывалась с уральского направления на левый фланг 4-й армии, чтобы войти в состав ударной группы, которая должна была нанести удар по левому флангу наступавшей на Самару Западной армии генерал-лейтенанта Михаила Ханжина.

Для Чапаева новое назначение стало возвращением к боевым друзьям: к полкам и бригадам, которые он начинал формировать в Николаевске бурной весной и жарким

летом 1918 года. Он вернулся к частям, с которыми почувствовал вкус войны. С ними, разинцами и пугачевцами, он одержал свои первые победы над казаками, Народной армией и чехословаками, с ними глотал горький от пожаров и порохового дыма воздух неудач во время отступлений из-под Уральска. С ними он хоронил боевых товарищей, обещал отомстить врагам и помочь семьям погибших. В полках осталось немного бойцов и командиров, помнивших Чапаева по прежним сражениям, одни погибли в боях, другие были искалечены, третьи умерли от тифа, холеры и других болезней, которыми хворали простые солдаты по обе стороны фронта Гражданской войны, но эти оставшиеся внушили вновь прибывшим, что они — счастливицы, так как будут воевать под началом неуязвимого и непобедимого Чапая, который способен выйти из любой тяжелой ситуации. В Гражданской войне это настроение и доверие командиру часто играли решающую роль.

По дороге в Бузулук, где располагалась 25-я дивизия, Чапаев снова заехал в Вязовку. «Наконец доехали. Экстренно объявили на вечер устройство спектакля, а прежде часа три проводили митинг. Спектакль, пустейший по содержанию и скверный по игре, открыли только в полночь, закончив около двух часов». Похоже, Чапаев неутомимо пытался доказать комиссару, что он — не «темнота деревенская», а человек с достаточно широким кругозором, осознающий значение культуры или того, что он под этим понимал.

После короткого отдыха, вызванного недомоганием комиссара, Чапаев и Фурманов выехали в Бузулук, в штаб 25-й дивизии. Здесь между начдивом и комиссаром произошел первый конфликт, не имевший, впрочем, серьезных последствий. Если верить Фурманову, Фрунзе назначил его руководить комиссией по расследованию неудачного наступления 22-й дивизии на Мергеневскую. Чапаев подчеркнуто держался особняком, а когда Фурманов указал ему, что он — храбрый боец, но все-таки слабый стратег, вспылил: «Я скажу вам, что у нас в армии еще не было и нет такого стратега, как я. Подтверждаю, что я лучший стратег, хоть этому по книгам и не учился. А вся эта сволочь, которая меня не считает за стратега, — они просто контрреволюционеры, и больше ничего. Они меня вот и до сих пор все гоняют без дела, а на фронт не пускают. Они подкапываются под меня, вот что». Фурманов, выслушав Чапаева, сказал, что ведь и он не считает его стратегом, и, следовательно, «сволочь», после чего покинул комнату,

где шел разбор операции. Вскоре, если верить Фурманову, начдив прислал покаянную записку и они помирились.

Несмотря на неудачу под Мергеневской, Чапаев и Фурманов были уверены, что казаки разгромлены и весной оставшимся на позициях войскам нужно будет лишь добить поверженного противника. Они не представляли, что всего через четыре месяца им придется возвратиться под Уральск и Лбищенск, а для Чапаева эта кампания станет последней в его воинской и полководческой карьере.

Прекращение наступления 4-й армии и оперативная пауза дали казакам долгожданную передышку, во время которой они сумели переформировать армию и восстановить боеспособность растерявшихся от серии поражений полков. Кроме того, белое командование укрепило фронт против 4-й армии за счет южных «гурьевских» полков, сражавшихся прежде на астраханском направлении и отличавшихся большей стойкостью. Среди других полков начались митинги и брожение, которое поддерживалось посланцами с красной стороны, подбивавшими казаков к перемирию.

Чтобы сохранить боеспособность армии и продолжить сопротивление большевикам, руководители казачьего войска пошла на жесткие меры. 11 марта казачий съезд распустил войсковое правительство и передал неограниченную власть генералу Владимиру Толстову. 19 марта в Мергеневской начался митинг о прекращении боевых действий. Делегаты красных и сторонники замирения с советской властью «зашикивали» казаков из учебных и других боеспособных полков. Когда один из красных парламентаров сказал, что атаман пьет кофе с сахаром в Гурьеве, в избу неожиданно вошел сам Толстов и отрезал: «Врешь, мерзавец! Атаман здесь». После этого зачинщиков и главарей собрания, а также делегацию красных расстреляли, рядовые казаки, участвовавшие в митинге, получили по 100 плетей. На следующий день атака красных на Мергеневскую завершилась неудачно, и они вскоре отошли к Лбищенску.

В начале апреля в Уральскую область прибыл отправленный ранее к Колчаку отряд илецких казаков под командованием хорунжего Бородина с ценным для армии транспортом. Кроме того, в апреле Толстов получил через Добровольческую армию от союзников 30 орудий, 15 тысяч винтовок, 100 ящиков снарядов и пять бронемашин. Всего уральцы насчитывали 15 тысяч бойцов, 50 орудий и 170 пулеметов.

Но главной причиной обострения ситуации в Уральской области было не усиление белоказачьей армии, а начатая в

области политика расказачивания, которая требовала от местных властей ликвидации казачества как отдельного сословия. 24 января 1919 года было подписано и отправлено на места циркулярное письмо ЦК РКП(б) «Об отношении к казачеству»:

«Последние события на различных фронтах в казачьих районах — наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск — заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем [вообще] казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем [другим] сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнивать пришлых иногородних к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах вплоть до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагать проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

9. ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему — разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли».

Уральский областной революционный комитет в феврале 1919 года издал инструкцию, согласно которой следовало «объявить вне закона казаков, они подлежат истреблению». Во исполнение инструкции были использованы имеющиеся концентрационные лагеря, организован ряд новых мест лишения свободы. Член Казачьего отдела ВЦИКа Ружейников в конце 1919 года сообщал в ЦК РКП(б), что на Урале репрессии против казаков приняли массовый характер. Приемы «насаждения» советской власти среди уральских казаков сыграли ключевую роль в продолжении борьбы. Двадцатилетний Петр Петровский, сын видного большевика Григория Петровского, возглавил Уральский ревком, организованный из людей малоопытных и совершенно незнакомых со спецификой области, положением уральских казаков, их бытом, своеобразным укладом их жизни. Ружейников отмечал:

«1) Все уральское казачество огульно было признано им контрреволюционным — кулаческим, и не замедлили, разумеется, последовать соответствующие лица для воздействия на него и борьбы с ним.

2) Был издан целый ряд “карающих” циркуляров, инструкций сельским и волостным советам, и без того не скупящимся на “решительные” меры воздействия, окончательно терроризовавших казачество...

3) Возвращающиеся беженцы, напуганные распространяемыми среди них белогвардейской сволочью разной масти всякими нелепыми слухами о “зверской” жестокости большевиков, часто не впускались в свои станицы и дома.

4) Домашнее имущество их, сельскохозяйственный жилой и мертвый инвентарь расхищался.

5) Началась полоса “агитации” и “насаждения” принудительным путем “коммуни”.

6) В самом городе Уральске с первых же дней были закрыты все “обжорки” на толкучем рынке, где питалась беднота городская, все дешевые чайные и столовые, мелкие лавчонки съестных припасов, мелкие торговые ларьки, киоски и пр. мелочь — все замерло. Через неделю беднота городская взвыла от голода, так как ничего взамен разрушенного не было организовано. Разумеется, это несколько не отозвалось на тех, у кого были запасы продуктов.

7) На указания местных людей, более трезво и серьезно смотрящих на вещи, на всю нелепость подобной “политики”, не обращалось никакого внимания.

8) Предложения созвать съезд трудового казачества и организовать, хотя бы временно, Казачий Отдел, чтобы привлечь к строительству Советской власти трудовое казачество, Облревкомом были решительно отвергнуты.

9) Наоборот, разрабатывались проекты о выселении “кулацкого казачества”, а таковым оно считалось на $\frac{2}{3}$, и переселении на его место крестьянской бедноты центральных губерний.

Прямолинейность подобной политики послужила лучшей агитацией для контрреволюции. Белогвардейские агенты очень умело использовали эти головотяпские приемы строительства Советской власти. И хотя два месяца спустя после моего доклада центральной власти был изменен курс политики в Уральской области вновь назначенным предревкома тов. Ульяновым (председатель Уральского областного ревкома в марте — мае 1919 года. — П. А.), но было уже поздно. Агенты генерала Толстова уже успели сделать свое подлое дело. Путем посылки в тыл вооруженных отрядов они принудительно мобилизовали снова перешедшее было на нашу сторону казачество и подняли в тылу у нас восстания.

10) Мы своевременно не успели мобилизовать уральского трудового казачества и влить его в ряды нашей Красной армии, несмотря на то, что само трудовое казачество хотело это, чтобы противопоставить его белогвардейскому — офицерско-кулацкому казачеству».

Ружейников отчаянно пытался достучаться до Москвы, чтобы прекратить истребление казаков: «Большинство ведет к окончательному срыву Советской власти в области. Большинство членов ревкома слепо проводит крайнюю политику тов. Ермоленко — самое беспощадное истребление казачества. Город и область разграблены. Возвращающиеся беженцы не находят своего имущества, часто не впускаются в свои дома. Началось самочинное переселение в дома беженцев крестьян пограничных уездов, захватывающих живой и мертвый инвентарь.

В подтверждение всего вышеуказанного привожу инструкцию советам:

§ 1. Все оставшиеся в рядах казачьей армии после первого марта объявляются вне закона и подлежат беспощадному истреблению.

§ 2. Все перебежчики, перешедшие на сторону Красной Армии после первого марта, подлежат безусловному аресту.

§ 3. Все семьи оставшихся в рядах казачьей армии после первого марта объявляются арестованными и заложниками.

§ 4. В случае самовольного ухода одного из семейств, объявленных заложниками, подлежат расстрелу все семьи, состоящие на учете данного Совета, и т. д. ...»

В ночь на 7 мая 1919 года из заключенных в Уральской тюрьме 350—400 казаков 9-го и 10-го Уральских казачьих полков, перешедших на сторону большевиков в марте 1919 года, были расстреляны около 120 — просто из-за того, что в тюрьме не оказалось конвоя на случай эвакуации города; нескольких казаков чекисты утопили.

Насилие и издевательства над сдавшимися казаками и мирными жителями привели к вспышкам восстаний в тылу Красной армии. Объявленные вне закона и подлежащие уничтожению казаки ответили большевикам войной на истребление. Начавшееся 10 апреля контрнаступление Уральской армии встретило поддержку даже тех станиц, которые поначалу восприняли приход красных нейтрально или даже доброжелательно, надеясь на завершение войны.

Насилие, как всегда, порождает насилие. 15—17 апреля под Лбищенском была разбита 64-я бригада 22-й дивизии, казаки расстреляли полторы тысячи пленных и раненых красноармейцев, столько же конвойных и обозников погибло под хутором Бударин, когда 2-я дивизия полковника Сладкова нагнала обоз с хлебом. 25 апреля казаки подошли к Уральску и начали его осаду. Снимать ее пришлось Чапаеву и его соратникам.

НА ОСТРИЕ КОНТРУДАРА

25-я стрелковая дивизия, начальником которой был назначен Василий Чапаев, включала в свой состав девять стрелковых и один кавалерийский полк, в том числе Интернациональный и Иваново-Вознесенский, четыре артиллерийских дивизиона и запасной батальон. Кроме того, соединение усилили авиационным отрядом и бронеполком. К началу апреля 25-я дивизия насчитывала более одиннадцать тысяч человек и более тридцати орудий. Этими силами командование Южной группы и Восточного фронта намеревалось изменить неблагоприятно складывавшуюся для красных обстановку на самарском и симбирском направлениях.

Поражение 5-й армии под Уфой, оставление города 13 марта и неудачно завершившийся контрудар красных привели к прорыву центра Восточного фронта. Белые стремительно наступали, их передовые отряды в марте преследовали красных на саях и преодолевали в день по 30—35 верст, стремясь выйти к Волге в среднем ее течении.

Положение Красной армии осложнялось нестабильной ситуацией в тылу: в начале марта в пяти уездах Самарской губернии вспыхнуло крестьянское восстание, известное в советской историографии как Чапанная война. Восставшие выступили с наивным лозунгом «За большевиков против коммунистов» и отказывались от призыва в Красную армию. 9 марта им удалось занять Ставрополь на Волге (ныне — Тольятти). Кроме того, в ночь на 11 марта 1919 года против советской власти выступил 175-й полк 20-й стрелковой дивизии. Восставшие захватили оружейный склад и пытались поднять восстание в других частях, но потерпели поражение. Уже к вечеру 11 марта восстание было подавлено. Сложнее оказалось подавить крестьянское восстание. Ставрополь был занят Красной армией уже 13 марта, но подавление очагов выступления в глубинке затянулось до 18—20 марта. Командующий 4-й армией Михаил Фрунзе в письме Реввоенсовету отмечал, что при подавлении восстания убито около тысячи человек и расстреляны 600 «главарей и кулаков». Карательные отряды сожгли село Усинское, где ранее восставшие разгромили красный отряд в 170 человек. Фрунзе отмечал, что достигнутое успокоение — лишь его видимость, ближний тыл остается неустойчивым, угроза главной артерии Советской России — Волге сохраняется.

5 апреля Западная армия генерала Ханжина заняла Стерлитамак, 7 апреля — Белебей, 10-го — Бугульму, 15 апреля — Бугуруслан, Южная группа Западной армии и Оренбургская армия вышли на подступы к Оренбургу. Сибирская армия заняла в начале апреля Сарапул, Ижевск и Воткинск. Это означало для советской власти угрозу потери крупных хлебопроизводящих районов Поволжья, крупных центров оборонной промышленности в Самаре и Симбирске, а также прекращение сообщения по Волге с Астраханью.

Однако стремительное — на 250 и более километров за месяц — продвижение в центре Восточного фронта несло опасность и наступавшим. В условиях распутицы и без

того не блиставшее организованностью снабжение белых катастрофически отставало от дивизий, не говоря уже о передовых полках и батальонах. Особенно страдали части, действовавшие далеко от железнодорожных линий. Уже в начале мая начальник 12-й пехотной дивизии Рудольф Бангерский отмечал: «Со времени Уфы мы хлеба не получаем, питаемся чем попало (читай — за счет реквизиций у населения. — П. А.). Нужно дать людям хоть два дня поспать, иначе будет большой крах».

План наступления армий адмирала Александра Колчака, подготовленный его начальником штаба, молодым генералом Дмитрием Лебедевым, не был детально продуманным и стратегически выверенным, что отразилось на неудачном исходе наступления. Наносившая главный удар Западная армия и правофланговая Сибирская армия были примерно равны по силам. Главной задачей последней считалось не содействие Западной армии, а наступление на северо-запад в направлении Вятки и Котласа для соединения с армией генерала Евгения Миллера. И без того небольшие (около 135 тысяч штыков и сабель на полуторакилометровую линию фронта) силы белых дробились и действовали в расходящихся направлениях, что ослабляло главный удар и возможности маневра. Начальник снабжения армий адмирала Колчака Алексей Будберг писал: «Плана действий у ставки нет; летели к Волге, ждали занятия Казани, Самары и Царицына, а о том, что надо будет делать на случай иных перспектив, не думали. Не хотят думать и сейчас; и сейчас нет подробно разработанного, систематически проводимого, надежно гарантированного от случайностей плана текущей операции. Не было красных — гнались за ними; появились красные — начинаем отмахиваться от них, как от докучливой мухи... Такая стратегия теперь сугубо опасна, ибо фронт страшно, непомерно растянут, войска выдохлись, резервов нет, а войска и их начальники тактически очень плохо подготовлены, умеют только драться и преследовать, к маневрированию не способны...»

Наступление белых не было подкреплено достаточным количеством боеприпасов и вооружения, а также продовольствия и амуниции, что неизбежно влияло на их боеспособность. Прибывшие из-за границы поставки союзников застревали во Владивостокском порту, на складах и станциях Транссиба, составы пускали под откос сибирские и дальневосточные партизаны. Многие из так необходимого армии оседало у не желавших подчиняться адмиралу

атаманов и предприимчивых интендантов. Уже в боях под Уфой белые столкнулись с недостатком патронов, из-за чего Ижевская бригада генерала Викторина Молчанова вынуждена была идти в штыковые атаки. Атаки ижевских рабочих, цепи которых надвигались на красные полки с песнями под гармошку, усилиями советских историков и пропагандистов превратились в «психические» атаки офицерских полков.

Отсутствие боеприпасов вело к большим потерям среди солдат и офицеров, нехватка продовольствия и необходимой амуниции становилась причиной голода и болезней. Павел Петров, начальник штаба 6-го корпуса, получившего тяжелый удар от Чапаева, вспоминал о развитии событий в апреле: «Снегу было страшно много, весна была дружной, между гор (Общий Сырт. — П. А.) появились заторы. Мы начали купаться; обозы и артиллерия отставали. Парки совсем отстали, и мы не смогли подтянуть их и к боям после Пасхи.

11-ю Уральскую дивизию на левом фланге 3-го Уральского корпуса приказано было двигать прямо на Бузулук; когда началась ростепель и было выяснено, что за дивизией не может идти ни артиллерия, ни обозы с патронами, было получено указание: идти хоть без артиллерии, чтобы не отстать от соседа справа, подходившего к Бугуруслану.

14 апреля мы еле-еле перешли р. Дему и остановились в с. Богородском, откуда красные только что ушли. Дальше двигаться было нельзя. Сообщение между частями, поддержание связи стало совершенно невозможным во время половодья. 11-я Уральская дивизия на несколько дней оторвалась. Приходилось ждать, когда спадет хоть немного вода, чтобы выправить расположение частей, подтянуть артиллерию, обозы и проч. ...

Половодье прервало на время возможность каких бы то ни было действий, по крайней мере на неделю; воды в оврагах было столько, что у нас были несчастные случаи с конными ординарцами — тонули с лошадьми. Нужно было ожидать стока воды.

Половодье прекратило на время не только действия и связь, оно прекратило и подвоз продовольствия. Занятый нами район был богатый, можно было некоторое время кормиться местными средствами; крестьяне встретили нас хорошо, но через несколько дней начались жалобы на самовольство частей, неправильную разверстку требуемого и т. д. Началось недовольство и сравнение с красными:

«тоже требовали». Мы старались платить, но, конечно, расценка не всегда удовлетворяла крестьян.

Был еще один большой вопрос: одежда и обувь. Мы начали преследование в полушубках и валенках и очутились весной в половодье далеко от железной дороги без сапог и без шинелей. Да и запасов-то в корпусе не было, так как сапоги обещали давно, но не давали. Вид людей был угнетающий».

Когда в мае 1919 года Колчак решил посетить войска и укрепить их моральный дух, перед ним предстала тягостная картина: выводимые в тыл подразделения 12-й Уральской дивизии были разуты, часть — в верхней одежде на голое тело, большинство — без шинелей. Верховный правитель был крайне раздосадован. Солдаты и младшие офицеры теряли первоначальный наступательный порыв, веру в успех операции и своих военачальников. Бытовые неурядицы вместе с переутомлением от непрерывных боев создавали благоприятную почву для советских агитаторов, порождали брожение и волнения в войсковых частях, снижали боеспособность подразделений на передовой. Кроме того, отсутствие обмундирования, обуви и провианта порождало массовое самоснабжение белой армии за счет местного населения, реквизиции нередко переходили в грабежи. Настроение местного населения, которое встретило белых как освободителей от продрозверстки, антирелигиозной политики и первых опытов коллективизации, быстро менялось на враждебное. А это, в свою очередь, резко ограничивало возможность белой армии восполнить боевые и санитарные потери за счет призыва местных жителей. «Полки тают, и их нечем пополнить. Приходится мобилизовывать население занимаемых местностей, действовать независимо от какого-то государственного плана», — сетовал генерал Анатолий Пепеляев. Нехватка пополнения и резервов, которые могли бы наращивать и закреплять успех мартовско-апрельского наступления, отражать контрудары Красной армии, стала одной из ключевых причин провала операции армий адмирала Колчака в Поволжье и на Урале.

Объективные причины слабости белой армии дополнялись субъективными факторами. Командующим Сибирской армией был назначен 28-летний бывший фельдшер австро-венгерской армии Радола Гайда, служивший в Чехословацком корпусе. Можно, наверное, называть его «белым Чапаевым» или, например, «белым Фрунзе». Он был близок к красным вождям по происхождению и возрасту,

но волею судьбы оказался на посту, который никак не соответствовал его военному и оперативному кругозору и масштабу личности. Гайда оставался командиром «эшелонной войны» лета и осени 1918 года и не осознавал уровня своей ответственности. Он отказывался содействовать Западной армии ударом на Казань и радовался неудачам Ханжина, не понимая, что вскоре получит удар с прорванного правого фланга соседа.

Ханжин, в свою очередь, был хорошим артиллерийским начальником, но не понимал особенности маневренной войны с ее быстроменявшейся обстановкой. Кроме того, он нередко отдавал распоряжения, подрывавшие дисциплину и субординацию. В частности, в конце февраля 1919 года накануне наступления Ханжин недальновидно пообещал воткинцам и ижевцам распустить их части после освобождения Ижевско-Воткинского района от красных. Чтобы не допустить волнений в войсках, командиры рабочих полков и бригад вынуждены были уволить своих солдат в конце апреля. Сказанные не вовремя слова командующего армией дорого обошлись белым. Они лишились наиболее боеспособных и хорошо подготовленных соединений, солдаты которых отличались исключительной стойкостью и мужеством, а командование — способностью к искусным маневрам, не раз ставившим в тупик противостоявших им красных командиров. Не исключено, что отсутствие ижевцев и воткинцев на полях сражений с конца апреля до середины июня 1919 года стало фатальным для операций белых в мае — июне того же года и в целом — для всего Белого движения на востоке России. Недальновидность командующего Западной армией лишила историков удовольствия описывать и анализировать возможный при другом развитии событий поединок двух тактических гениев — Чапаева и начальника Ижевской бригады Викторина Молчанова.

После замены демобилизованных ижевцев новобранцами, плохо понимавшими по-русски, бригада уже не представляла собой прежней боевой силы. Чапаев и его соратники не встретили противника, по качеству командования и боеспособности сопоставимого с вверенными им подразделениями Красной армии.

Михаил Ханжин расплатился за свои неудачи много позже: летом 1919 года после неудач на фронте его отстранили от командования армией, но в октябре назначили военным министром. После краха Белого движения на востоке бывший генерал жил в эмиграции в Маньчжурии. В сентяб-

ре 1945 года его арестовали в Дайрене сотрудники Смерша. Ханжин просидел в лагерях почти девять лет, после освобождения жил в Казахстане и умер в 1961 году в Джамбуле, перешагнув девяностолетний рубеж.

Штаб Восточного фронта под руководством бывшего полковника Сергея Каменева еще в начале апреля приступил к разработке плана контрнаступления. 10 апреля в Самаре состоялось совещание с участием высшего командного состава фронта и председателя РВСР Льва Троцкого. Руководству фронта поручили к 20 апреля представить главкому «определенный, конкретно выработанный план операций для доклада Реввоенсовету Республики». На следующий день Совнарком через профсоюзные и партийные организации объявил мобилизацию рабочих и коммунистов. В распоряжение командующего Южной группой армий Михаила Фрунзе выделялись 1-я и 5-я армии. 12 апреля, в день, когда рабочие станции Москва-Казанская — Сортировочная вышли на первый субботник, чтобы чинить паровозы, которых не хватало для перевозки на фронт войск и продовольствия, «Правда» опубликовала тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением на Восточном фронте, разработанные лично Владимиром Лениным:

«...Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака. Центральный Комитет предлагает:

1. Всесторонняя поддержка объявленной 11 апреля 1919 г. мобилизации.

Все силы партии и профессиональных союзов должны быть мобилизованы немедленно...

<...>

Надо в особенности добиться уяснения всяким и каждым мобилизуемым, что немедленная отправка его на фронт обеспечит ему продовольственное улучшение: во-первых, в силу лучшего продовольствия солдат в хлебной прифронтной полосе; во-вторых, распределения привозимого в голодные губернии хлеба между меньшим количеством едоков; в-третьих, вследствие широкой организации продовольственных посылок из прифронтных мест на родину семьям красноармейцев. <...>

2. В прифронтных местностях, особенно в Поволжье, надо осуществить поголовное вооружение всех членов профессиональных союзов, а в случае недостатка оружия, по-

головную мобилизацию их для всяческих видов помощи Красной Армии, для замены выбывающих из строя и т. п.

Пример таких городов, как Покровск, где профессиональные союзы сами постановили мобилизовать немедленно 50 % всех своих членов, должен послужить нам образцом. Столицы и крупнейшие центры фабрично-заводской промышленности не должны отстать от Покровска.

Профессиональные союзы должны всюду, своими силами и средствами, произвести проверочную регистрацию своих членов для отправки всех, не безусловно необходимых на родине, для борьбы за Волгу и за Уральский край.

<...>

4. Заменить всех мужчин-служащих женщинами. Провести для этого новую перерегистрацию, как партийную, так и профессиональную».

На Восточный фронт направлялись мобилизованные профсоюзами и партийными комитетами рабочие и коммунисты, туда же перебрасывали стратегические резервы Главного командования РККА (2-ю стрелковую дивизию, бригаду 10-й стрелковой дивизии из Вятки и бригаду 4-й стрелковой дивизии из Брянска), а также 22 тысячи укомплектований. Кроме того, в распоряжение командования фронта передавалась 35-я стрелковая дивизия, заканчивавшая свое формирование в Казани, и подтягивалась с вятского направления 5-я стрелковая дивизия.

План красного командования, важная роль в реализации которого принадлежала 25-й дивизии, был достаточно прост: за счет переброски резервов из центра страны и выделения боеспособных частей со второстепенных участков уплотнить фронт, чтобы не позволить противнику достичь Волги у Самары и Симбирска. Одновременно создать ударные группировки для нанесения глубокого удара на правом фланге Восточного фронта, который должен был отсечь главную группировку противника от питающих ее железнодорожных артерий и при удачном стечении обстоятельств — окружить и разгромить белых, не допустив их отхода за Уральские горы. Ударная группировка в районе Бузулука включала 31-ю стрелковую дивизию, по одной бригаде из 24-й и 25-й стрелковых и 3-й кавалерийской дивизий; две бригады 25-й дивизии оставались в резерве Южной группы.

Сосредоточение Ударной группы шло медленнее, чем планировал командующий Южной группой. Предстояло в сжатые сроки перебросить на 300—500 верст 15 стрелковых и два кавалерийских полка, более пятидесяти орудий. График переброски из-за разрухи на железных дорогах и распутицы не соблюдался. Переброска частей задерживалась.

Фрунзе был вынужден изменить свой замысел. Из-за невозможности одновременно сосредоточить в районе Бузулука все части Ударной группы ее передали командующему Туркестанской армией. Задержка сбора группы позволила белым продолжить наступление и в течение 15—16 апреля выйти к реке Большой Кинель, приблизившись к Самаре на 100—150 километров.

Фрунзе, встревоженный затяжным выходом Ударной группы в заданный район, 16 апреля направил В. И. Чапаеву телеграмму, в которой назвал промедление в передвижении 219-го полка из Сорочинской преступным: «Такое короткое расстояние полк мог свободно перейти пешим порядком». Фурманов телеграфировал в ответ: «Чапаев получил телеграмму... Взволнован, и его с трудом удалось удержать от опрометчивого решения. Свидетельствую, что он работает честно и в высшей степени напряженно. По-сылали разведку, убедившую нас, что вздувшиеся речки без мостов могут лишь погубить бригаду. Первоначальный план переброски 73-й бригады был тот же, что дали вы, и только неизбежность заставила его изменить». Но Чапаев и Фурманов горевали недолго. Они предполагали, что сразу пойдут в бой, но пока не встретили противника. Чтобы сосредоточить полки и лучше подготовиться к будущему наступлению, они двинулись на станцию Сорочинскую. Комиссар отметил в своем дневнике: «У Чапая есть определенный план — везде и всюду ставить своих — на командные и даже на штабные должности. Возле него находится всегда несколько человек из “свиты”, которые моментально и беспрекословно выполняют все его приказания. Он с собою привез таких ребят несколько десятков человек. Вот почему у него все создается и разрешается так быстро и точно — ему есть на кого положиться, есть кому поручить». На станции Чапаев распорядился собрать командиров в местном кинотеатре. Узнав о приезде легендарного командира, военные и местные жители заполнили зал до отказа. «А когда окончился митинг, на сцене появилась гармошка, загремел-зарыдал “камаринский”, и Чапай уже отделивал на все корки. Он пляшет браво и красиво. Армейцы хлопа-

ли ему без конца; скоро появились другие плясуны — и тут пошла плясать губерния. Поднялось такое восторженное веселье, что и не описать. Армейцы были рады и счастливы тем, что вот, мол, дивизионный начальник и тот, посмотри-ка, пляшет “русского”. Это обстоятельство служило цементом, который еще ближе, еще крепче спаивал командиров с красноармейскою массой. Одно время, с самого начала, мне было неловко, что Чапай выступил в качестве плясуна, а потом я увидел и понял, что в данных условиях и в данной среде это прекрасно и весьма, весьма полезно. Полки, все время находившиеся в боях и передвижениях, не знающие совершенно долгих стоянок, они теперь отдыхали и радовались, а с ними веселились и командиры. Дальше, за пляской, открылся кинематографический сеанс. Я слышал разговоры армейцев — они в восторге от митинга и вообще от всего вечера; у них получилось самое лучшее впечатление от этой неподдельной, очевидной дружбы с ними их, даже вышших командиров. Наутро мы вернулись в Бузулук». В этой истории весь Чапаев, нервный, порывистый, с быстро меняющимся настроением, готовый зажигать энтузиазм своих (и не только) бойцов любыми способами — от бесхитростного и доходчивого для простых красноармейцев выступления на митинге до лихой разухабистой пляски: мол, знай наших, я не только белых разобью, но и перепляшу всех.

Две другие бригады 25-й дивизии тем временем перебрасывались под Самару, чтобы усилить 5-ю армию Михаила Тухачевского и ликвидировать угрозу Самаре. Будущий маршал опасался, что дальнейший отход его армии создаст угрозу для сосредоточения Ударной группы под Бузулуком и будет препятствовать переходу в контрнаступление. Чтобы парировать возможные новые удары, на станцию Толкай приказом Фрунзе был направлен 224-й полк 75-й (3-й) бригады чапаевской дивизии.

16—17 апреля бригада под командованием Кутякова выдвинулась на линию Луговое — Безводновка севернее Бузулука, чтобы прикрыть сосредоточение главных сил Ударной группы. Стороны неожиданно получили представление о замыслах и построении друг друга. 18 апреля красные разведчики пленили группу белых из Гусарского полка, которые должны были передать оперативные приказы 7-й Уральской дивизии горных стрелков. Из захваченных документов стало ясно не только направление действий противника, но и наличие пятидесятиверстного разрыва в его боевых порядках между 3-м и 6-м корпусами. Фрунзе и Чапаев от души по-

благодарили разведчиков и командование полка и бригады и представили их к награде.

Белые также получили сведения о подготовке контрудара красных; штаб корпуса сообщал о сосредоточении резервов Красной армии и возможных направлениях действий ударной группировки, наиболее логичным и впоследствии реализованным вариантом было наступление против наиболее слабой по составу 11-й дивизии, которая находилась на позициях почти без артиллерии. Однако высшие штабы не отреагировали в полной мере на сообщения штабов корпуса и Западной армии. «Какие основания были для столь радужных надежд — сказать трудно. Единственное предположение: советские силы, энергия коммунистов в угрожаемые минуты были скинуты со счетов. Не верили, по видимому, совершенно, что красное командование может справиться с задачами, поставленными в половодье по сосредоточению сил для противодействия нам», — писал впоследствии Павел Петров. Командование Западной армии тем временем ошибочно перебросило Ижевскую бригаду на правый фланг вместо левого, где она могла прикрыть образовавшийся разрыв.

До конца апреля каждая из сторон стремилась навязать противнику свою волю, решать свои активные задачи. В Омске еще надеялись на скорый успех. В директиве от 20 апреля Колчак указал, что красные 1-я и 5-я армии разрозненно отходят к Волге, оказывая слабое, неорганизованное сопротивление, отступая по Волго-Бугульминской и Самаро-Златоустовской железным дорогам и из района Алексеевское, Ратчина, Михайловское. Верховный главнокомандующий распорядился: «Продолжая энергичное преследование, отбросить противника на юг в степи и, не допуская его отхода за Волгу, перехватить важнейшие на ней переправы».

Не все разделяли оптимизм высших чинов колчаковского штаба. «Из ознакомления с донесениями с фронта убедился, что дела там совсем не важны и что оптимизм ставки ни на чем не основан. Достаточно разобраться по карте и проследить последние события, чтобы убедиться, что наше наступление уже захлебнулось и подкрепить его уже нечем. Здесь этого не хотят понять и злятся, когда это говоришь: слишком все честолюбивы, жаждут успехов и ими избалованы», — отмечал Алексей Будберг.

Встречное сражение продолжалось. Командующий армией Ханжин и его штаб не сразу обратили внимание на

угрозу, таившуюся в начавшемся контрударе красных из района Бузулука, и продолжали наступление. 25 апреля продвигавшиеся вперед скорее по инерции белые заняли Чистополь, несколькими днями ранее оренбургские казаки осадили войсковую столицу, которую продолжали оборонять войска Туркестанской армии. Противники находились в похожем положении: и красные, и белые имели большие разрывы в боевых порядках, каждая дивизия и даже полк пытались окружить неприятеля, и одновременно сами могли оказаться окруженными и отрезанными от своих главных сил. В маневренной войне ключевым фактором победы становились военное искусство и быстрота реакции командования, боевые качества небольших подразделений и, наконец, доверие между командирами и рядовыми.

Боевые действия ненадолго прервались 21—22 апреля: по обе стороны фронта праздновали Пасху. И белые, и красные могли, не опасаясь нападения противника, отдохнуть, подлатать обмундирование, спокойно поесть. «День светлый, чистый, праздничный. По селам в цветных сарафанах, в цветных рубахах гуляет, поет, играет молодежь. На завалинках сидят сгорбленные старухи в шубах, ради светлого праздника и солнечного дня выползшие на волю. У Совета толпится народ, не зная, куда надевать свободное время». Впрочем, многим крестьянам пришлось поработать и в праздник: по предписанию штаба дивизии они поправляли дороги в деревнях и селах, чтобы обеспечить беспрепятственный проезд дивизионной артиллерии. Нашлась работа в праздники и для Чапаева. Как вспоминал начальник политотдела Туркестанской армии Тронин, в пасхальную ночь в Бузулуке кто-то пустил слух о появлении в городе разведки белых. «Началась паника, перестрелка. Стреляли не раздумывая куда и в кого. В самый разгар стрельбы на улице верхом на лошади появился Чапаев. Он носился как вихрь и кричал: “Прекратить стрельбу!” Бойцы узнавали знакомый голос, и пальба постепенно затихла. Утром, когда состоялось наше знакомство, и невольно вырвалось опасение насчет неосторожности Чапаева, ведь могли стрелять и бандиты, Чапаев только усмехнулся да, прищутив по-особенному глаз, пробурчал: “А лучше бы было, если бы сдуру друг друга перестреляли?”».

Прошел еще день, и помощник Фрунзе Федор Новицкий распорядился, чтобы Чапаев вместе с Фурмано-

вым прибыл в Самару — для руководства действиями двух бригад своей дивизии и другими частями. Чапаевцы должны были остановить продвижение противника и, нанеся удар совместно с Бузулукской группой, окружить неприятеля под Бугурусланом.

Получив сведения о замыслах противника, красное командование уточнило планы:

«5-й армии, усиленной 74-й и 75-й бригадами 25-й стрелковой дивизии, не только остановить напор противника и дальнейшее его продвижение вдоль Бугульминской и Бугурусланской железных дорог, но контрударом отеснить его, имея ближайшей задачей овладение районом Бугуруслана. Штарму оставаться в Кротовке.

Ударной группе под начальством командарма Туркестанской т. Зиновьева, в составе 73-й бригады 25-й стрелковой дивизии, 31-й стрелковой дивизии и Оренбургской казачьей бригады т. Каширина, сосредоточившись в районе к северу от Бузулука, перейти в решительное наступление в общем направлении на фронт — железнодорожная станция Заглядино — Бугуруслан с целью совместно с 5-й армией разбить противника и отбросить его бугурусланскую группу к северу, отрезав его от сообщений к Белебею.

Командующему Ударной группой, пользуясь своей конницей, держать связь с нашей 1-й армией; вести разведку в промежутке между 3-м Уральским и 6-м корпусами противника, порывая между ними связь, обеспечить правый фланг Ударной группы и развивать возможно энергичные боевые действия в глубокий тыл 3-го Уральского корпуса противника, примерно в районе железнодорожная ст. Сарай Гир — железнодорожная станция Филипповка...»

Перед началом наступления к войскам обратился командарм Фрунзе:

«Всякий из вас должен ясно осознавать и чувствовать ту цель, во имя которой он призван идти сражаться. Цель эта заключается в том, чтобы навеки закрепить завоевания революции, чтобы вам самим и потомству вашему в будущем не пришлось терпеть и страдать под игом буржуазно-помещичьего гнета. Наша российская революция есть предтеча мировой революции, и мы знаем, что по нашим стопам пошли и Венгрия, и Бавария, и Турция... Не сегодня завтра мы узнаем, что и другие страны вступили на этот путь. Ясно, что народы земного шара осознали необходи-

мость ввести новые порядки и стремятся утвердить всюду господство труда. Многие укажут на различные не порядки в нашей республике, на безобразия, творимые так называемыми “коммунистами”, примазавшимися к Коммунистической партии. Но вы должны знать, что при постройке всякого дома много скапливается разного мусора и нечисти, но после того как леса и весь мусор убирается, перед взором предстает прекрасное выстроенное здание... К моменту увенчания социализмом нового строя вся нечисть уберется и новый строй предстанет перед нами во всей своей величественной красоте.

И вот в то время как в деле утверждения нового общественного порядка к нам идет с запада и юга помощь, у нас на востоке не все благополучно. Там собрались явные и тайные контрреволюционеры, капиталисты и помещики. Они напрягают все силы, чтобы свергнуть рабоче-крестьянскую Советскую власть — власть трудящихся и утвердить свое господство — господство капиталистов и помещиков над трудящимися. С этой целью они стремятся пробиться к Волге, отрезать от нее центр и лишиться последней возможности снабжения хлебом... мы знаем, что там обманутые солдаты идут из-под палки и кнута. Даже при отступлении мы забираем сотни и тысячи пленных. Так, в ночь с 19-го на 20 апреля на Оренбургском направлении во время боя к нам перешли казаки 42-го Троицкого полка с винтовками и пулеметами, предварительно перебив своих офицеров. Это определенно говорит за то, что разложение в его войсках зашло далеко, и нам достаточно один только раз его войско толкнуть, но толкнуть хорошо, как оно с еще большей поспешностью покатится назад. К этому толчку я вас и призываю. Прошло то время, когда мы были рабами, теперь рабами мы не будем никогда. Последний оплот мировых капиталистов — Колчак должен быть и будет уничтожен, и тогда мы вернемся к мирному труду и станем за плуг и станок».

Перед боем к своим бойцам обратился и начдив. Чапаев, как всегда, был немногословен и личным примером призывал сражаться с врагом. Атмосферу митинга отразил Дмитрий Фурманов:

«— Товарищи! Идем воевать на Колчака. Много побили мы с вами казаков в степи — не привыкать к победам. Не уйдет от нас и адмирал Колчак...

Бурей неудержимых восторгов, криков и оглушительных аплодисментов прорвалась молчаливая толпа. Атмос-

фера сразу накалилась. Через две минуты все воспринималось острее и горячее: грошовому слову алтын была цена, алтынное слово ценилось на рубль. У Чапаева было в запасе несколько выигрышных фраз — он не упускал никогда случая вставить их в свою речь. Это, по существу, были совершенно безобидные и даже вовсе не красочные места, но в примитивной, подогретой и сочувственной аудитории они производили невыразимый эффект.

— ...Я не генерал, — продолжал Чапаев, облизнувшись и щипнув себя за ус, — я с вами сам и навсегда впереди, а если грозит опасность, так первому она попадает мне самому... Первая-то пуля мне летит... А душа ведь жизни просит, умирать-то кому же охота?.. Я поэтому и выберу место, чтобы все вы были целы, да самому не погибнуть напрасно... Вот мы как воюем, товарищи...»

После митинга Чапаев приступил к детальной подготовке наступления. Он подробно разъяснил командирам полков и подразделений ближайшие цели и распорядился о заготовке материалов для мостов через реку Малый Кинель, без которых продвижение вперед быстро захлебнулось бы. Чтобы не изматывать бойцов перед атакой маршем по раскисшим дорогам, полки пользовались крестьянскими подводами. Неумолимая и алогичная примета гражданской войны: мобилизованные возницы, не имевшие оружия, нередко становились жертвами боя или налетов противника, гибель или ранение лишало их семьи кормильца и важнейшего инвентаря — лошади и телеги.

Чапаева и Фрунзе ждал неприятный сюрприз: в ночь на 28 апреля на сторону противника перешел командир 74-й (2-й) бригады 25-й дивизии Авалов (Кверкилия) с оперативными документами о переходе в наступление.

Белое командование получило ценный подарок, которым не успело воспользоваться: «Прорыв намечался группировкой красных войск и их передвижениями, и мало-мальски грамотный штаб, конечно, в этом разобрался бы и принял бы необходимые меры. У нас же этого не расчухали, или прозевали, или не сумели распорядиться», — отмечал Будберг.

Контрнаступление Южной группы началось 28 апреля. Фрунзе, Тухачевский и Чапаев нашли слабое звено в армии противника. Для проведения операции на двухсоткилометровой полосе (при общей протяженности фронта 940 километров) Фрунзе сосредоточил две трети сил — 42 тысячи штыков и сабель, 136 орудий и 585 пулеметов. Противник

существенно уступал Красной армии на этом направлении: 23 тысячи штыков и сабель, 62 орудия и 225 пулеметов. 11-я Уральская пехотная дивизия была малочисленной и небоеспособной. Чапаев мог выставить в двух бригадах около семи с половиной тысяч бойцов при 120 пулеметах и 22 орудиях, с учетом бригады Кутякова — около 10 тысяч человек и 30 орудий. Когда советские историки утверждают, что бригада Кутякова разгромила 11-ю дивизию и взяла 1600 пленных и «много орудий», надо учитывать, что в конце апреля во всей дивизии насчитывалось всего 2600 солдат и офицеров, 51 пулемет и шесть орудий. По численному составу она почти вдвое уступала соседней 12-й дивизии.

11-я дивизия понесла поражение в бою с превосходящими силами чапаевцев. Как отмечал командир 6-го Уральского корпуса генерал Николай Сукин, 30 апреля два полка 11-й дивизии насчитывали по 260 человек, еще один — немногим более трехсот. Егерский батальон дивизии, неоднократно пытавшийся сдержать наступление 25-й дивизии, контратаками был уничтожен, а недавно прибывшие пополнения перешли на сторону красных. «Дивизию нужно создавать заново, для чего вывести в тыл и дать пополнение», — резюмировал Сукин. В тот же день прекратила свое существование Ижевская бригада: из четырех с половиной тысяч бойцов и командиров осталось менее пятисот, остальные вернулись домой на Ижевский завод и в окрестные деревни. В начале мая другая «рабочая» дивизия белой армии — Воткинская Авенира Ефимова — также была вынуждена частично распустить своих рядовых бойцов в отпуски. Командующий Западной армией генерал Ханжин лишился сильнейших соединений, боеспособных и мобильных резервов, которые могли бы изменить ход боевых действий. Исследователи до сих пор строят гипотезы, как развивалось бы и чем закончилось сражение между двумя ударными соединениями Чапаева и Молчанова и как оно могло повлиять на ход кампании на Восточном фронте. Несостоявшаяся битва между чапаевцами и ижевцами, особенно если предположить, что последних подкрепили бы воткинцы, — богатейший материал для разработки альтернативных версий истории.

Ознакомившись со сводками корпусных и армейского штабов, Будберг писал: «Я считаю положение очень тревожным; для меня ясно, что войска вымотались и растрепались

во время непрерывного полета-наступления к Волге, потеряли устойчивость и способность упорного сопротивления... Переход красных к активным действиям очень неприятен, так как готовых боеспособных резервов у Ставки нет».

К вечеру 30 апреля белые были отброшены за реку Большая Кинель, за два дня чапаевцы продвинулись на 30 верст. Удар Южной группы Восточного фронта опрокинул планы противника. Ошеломленные части 7, 11 и 12-й дивизий уходили на восток. Тем не менее Фрунзе не был доволен ходом операции. «Вялые действия флангов 5-й армии... нервничают и возмущают и меня самого; для придания им большей активности командую в 25-ю дивизию и во 2-ю дивизию своих специальных представителей для толкания их вперед... 25-я дивизия есть продукт в значительной своей части прежнего быта 4-й армии с целым рядом свойственных этой армии недочетов, и в силу этого при управлении такими частями приходится считаться больше, чем следовало бы, с моментами персонального свойства. Сейчас вызываю к аппарату командарма-5, которому еще раз хочу подтвердить необходимость стремительного захождения в направлении на Бугульму и ст. Дымка... Я постараюсь толкнуть правый фланг 5-й армии самым ускоренным темпом вперед, и, возможно, нам удастся отрезать противника от Уфы где-нибудь в районе Бугульмы, что вызовет отход его к северу. Этот отход должна бы не допустить своими решительными действиями наша бугульминская группа, но, признаться, такой прыти я от нее не ожидаю», — телеграфировал он начальнику штаба фронта, бывшему генералу Павлу Лебедеву.

Чапаев приказал развивать наступление: «Комбригу-74 приказываю перейти в решительное наступление всеми полками бригады и во что бы то ни стало переправиться на тот берег р. Кинель в районе дер. Козловка. Если не удастся переправиться у дер. Козловка, то немедленно 221-й и 222-й стрелковые полки перебросить к дер. Александровка, где и произвести переправу на тот берег р. Кинель, занять Красную и Завьяловку, откуда оказывать содействие в переправе частям 75-й бригады. При переправе пользоваться всеми средствами, а инженерную роту обязать немедленно навести мосты.

Чтобы выбить противника из дер. Ниж. Заглядино и навести на него панику, а также для облегчения переправы

разрешаю зажечь деревню. При свете огня противник будет виднее и его легче брать на мушку, наша же сторона будет находиться в темноте, что облегчит возможность переправы на тот берег».

К счастью для жителей деревни, артиллерийского обстрела Нижнего Заглядино не последовало. Возможно, Чапаеву объяснили, что пожар будет освещать не только расположение противника, но и реку, что затруднит переправу. В ночь на 2 мая части чапаевской дивизии начали переправляться на плотках, лодках и вброд через Большой Кинель. Из-за тумана колчаковцы заметили противника с опозданием, когда чапаевские цепи появились перед самыми окопами. Оправившись от неожиданности, белые перешли в контратаку, отдельные бойцы-чапаевцы дрогнули и начали отступать с занятого плацдарма к берегу. В критический момент боя в цепях появились Чапаев и Фурманов. Присутствие командиров воодушевило храбрых и ободрило оробевших. 221-й и 222-й полки заняли села Нижнее и Верхнее Заглядино и глубоко охватили наступавшие на Самару соединения белых. Важнее занятия недавно оставленных под натиском противника населенных пунктов был перехват инициативы боевых действий, который негативно сказался на моральном состоянии колчаковской армии, вызвал надлом в ее рядах. 3 мая Чапаев телеграфировал в штаб 5-й армии: «Прошу вашего ходатайства через командующего Южной группой об изъятии 73-й бригады из подчинения Туркестанской армии, так в дальнейшем работать не представляется никакой возможности — двигаться вперед с двумя бригадами. Туркестанская армия не выполняет своего назначения, которой дадена задача зайти в тыл противника, отрезать путь отступающим частям. Получается совершенно наоборот: 92-я бригада, которую разделяет 73-я бригада, совместно не идет с нашими частями, а тянется в тылу и нисколько не торопится идти на помощь нашим усталым войскам, прошедшим такой трудный переход в трехдневный срок — около ста верст. Части вверенной мне дивизии переправляются через р. Кинель в районе Козловка. Противник подтягивает большие силы, желая сбить наши части с занятых высот, почему требуется необходимая поддержка, ввиду чего прошу 73-ю бригаду».

Успешно сражаясь с белыми, Чапаев не всегда четко выполнял указания высшего командования. Вместо быстрого прорыва на север к Бугуруслану две бригады его дивизии уклонялись к востоку, чтобы соединиться с 73-й бригадой, действовавшей в составе Туркестанской армии. Вечером

3 мая заместитель командующего Южной группой Федор Новицкий отмечал: «Обе бригады товарища Чапаева чрезмерно уклонились к востоку... и вообще как-то расползлись, не обнаруживая стремления как можно скорее выйти севернее железной дороги на участке к востоку от Бугуруслана. Товарищ Фрунзе, не видя никаких оправданий к такому нахождению бригад Чапаева в занятом им ко вчерашнему дню районе, склонен был предполагать стихийное стремление самого Чапаева соединиться во что бы то ни стало с 73-й бригадой своей дивизии, чего он фактически и достиг. Такое предположение разделяется и Туркармией, как выяснилось в сегодняшнем моем разговоре с Распоповым (начальник штаба Туркестанской армии. — П. А.). Во внимание к создавшейся обстановке и желанию Чапаева во что бы то ни стало объединить все части дивизии под своим управлением, чему, вообще говоря, нельзя не сочувствовать, товарищ Фрунзе решил 73-ю бригаду теперь же изъять из Туркармии, вернуть ее в 25-ю дивизию... 25-я дивизия должна резко переменить направление через Бугуруслан на северо-запад и в первую очередь, переправившись через Кинель восточнее Бугуруслана, облегчить форсирование этой реки частям 26-й дивизии».

Войска Южной группы армий перерезали железную дорогу у Заглядина. Поражение левого фланга Западной армии привело к охвату его ударной группировки и моральному надлому в рядах белых. В начале мая на сторону красных у деревни Кузьминовской и станции Сарай-Гир перешел украинский курень имени Тараса Шевченко. 3-й корпус лишился, по разным данным, от полутора до трех тысяч бойцов, одиннадцати пулеметов и двух орудий. Это ухудшило положение 7-й и 12-й дивизий, которые вынуждены были начать поспешный отход на северо-восток. 4 мая 26-я дивизия заняла Бугуруслан.

На следующий день Чапаев и Фурманов организовали митинг в занятом накануне селе Елатомка. Крестьяне и бойцы, как вспоминали Яков Володихин и Николай Хлебников, собрались на центральной площади, чтобы послушать легендарного командира. Начдив и комиссар дивизии хотели объяснить собравшимся важность событий, очевидцами и участниками которых они являются: ведь речь шла о переломе на одном из ключевых театров военных действий Гражданской войны. Первые слова Чапаева потонули в восторженном рокоте приветствий, который быстро затих после энергичных жестов председательствовавшего Фур-

манова. Как писали очевидцы, начдив клеймил эксплуататоров, пытающихся задушить советскую власть и подавить волю народа в борьбе за свободу. Образные выражения и энергичные жесты делали его речь яркой, запоминающейся и понятной простым бойцам и мирным жителям. После успешного боя начдив похвалил бойцов за смелость, лихость и воинскую смекалку. Добрые слова командира были встречены бурной овацией. Чапаев закончил речь словами: «Трусов терпеть не будем, а храбрых наградим!» После начдива слово взял комиссар, который советовал бойцам и командирам разъяснять населению особенности аграрной и продовольственной политики советской власти, подчеркивать ее отказ от прежней политики изъятия продуктов с помощью вооруженной силы, переход к более планомерной продовольственной разверстке и сотрудничеству со средним крестьянством. «Большевики больше не ставят только на бедноту, Советской власти нужны ровные и спокойные отношения со всей деревней, ее поддержка в борьбе с белогвардейцами, которые несут за собой возвращение старых порядков», — заключил он.

Крестьяне, успевшие натерпеться бесплатных реквизиций, грабежей, порок и другой несправедливости за недолгие недели белой власти, высказали готовность помочь чапаевцам в их борьбе. После выступлений посыпались на первый взгляд бесхитростные, но непростые вопросы крестьян. Самый главный — когда закончится война, высасывающая из деревни работников, лошадей и продукты, несущая смерть и разруху хозяйствам простых тружеников. Крестьянский сын Василий Чапаев ответил: «Война — она никому не в радость. А чтобы мы беляков разбили и чтобы война поскорее закончилась, вы тоже не сидите сложа руки. Помогайте Красной армии, у себя на месте укрепляйте Советскую власть».

После очищения Бугуруслана от белых Михаил Тухачевский приказал 25-й дивизии перенести удар на бугульминское направление, то есть на северо-восток, чтобы отрезать 2-му и 3-му корпусам пути отхода на Урал. В разговоре с Новицким по прямому проводу он передал: «25-й дивизии подробно в приказе, который вам будет передан, я дал направление на Бугульму. Передайте товарищу Фрунзе, что прилагается крайняя энергия для выдвижения флангов, особенно правого, и 25-я дивизия по 2 мая прошла с боями

и переправой через две реки свыше 80 верст — это немало». Распоряжение командарма Тухачевского об энергичном преследовании противника Чапаевцы выполняли с привычным энтузиазмом и порывом. Противник вынужден был оставить занятый накануне Сергиевск. Тухачевский стремился окружить противника в районе Бугульмы, отрезав ему пути на Уфу и Мензелинск, но разгромить не удалось, и вовсе не из-за партизанства Чапаева или спеси и недалёковидности Тухачевского, как утверждают некоторые авторы.

Правым флангом Западной армии, ее 2-м Уфимским корпусом, командовал опытный и волевой командир генерал Сергей Войцеховский. Полковник Генштаба в 1917 году стал начальником штаба Чехословацкого корпуса, успешно командовал чехословаками в боях на Урале, затем вернулся в ряды Русской армии. Войцеховский имел навык маневренной войны и понимал, что его выдвинувшиеся к Волге дивизии и полки находятся под угрозой окружения и разгрома — если не из-за натиска противника, то по причине отсутствия боеприпасов. Он начал отход на восток под прикрытием усиленных артиллерией и, по возможности, бронепоездами и бронемашинами арьергардов.

Войцеховский также прожил яркую и драматичную жизнь. После отхода из-под Уфы и неудачного контрудара белых под Челябинском он стал командующим 2-й армией. Вместе с генералом Владимиром Каппелем ушел с остатками своих соединений в сибирский Ледяной поход, в январе 1920 года принял командование войсками у сраженного смертельным недугом соратника и вывел войска и беженцев по байкальскому льду к южному берегу озера. Впоследствии Войцеховский эмигрировал в Чехословакию, служил в армии молодой республики. В годы немецкой оккупации отказался сотрудничать с нацистами, участвовал в движении Сопротивления. После освобождения Чехословакии советскими войсками генерал двух армий был арестован органами НКВД и получил десять лет лагерей по 58-й статье. Войцеховский оказался сначала в Унжинском лагере на станции Сухобезводная в Горьковской области, затем его перевели в Озерлаг (Иркутская область), где он работал в больнице в Тайшете. Было ему тогда 65 лет. Умер Войцеховский в 1951 году и был похоронен в могиле «4—36» на кладбище центральной больницы № 1 Озерлага у деревни Шевченко.

Чапаев приказал: «Чтобы вернее окружить сосредоточивающегося противника, приказано 25-й и 26-й дивизиям направление уклонить несколько к северо-востоку и энергичными смелыми атаками отбрасывать противника к северо-западу, стремясь отрезать ему путь отступления на Уфу и Мензелинск. Напряжение и смелость довести до крайности». Доведенная до крайности смелость может привести и к победе, и, напротив, к поражению. В начале мая 1919 года успех был на стороне чапаевцев. Одновременно начдив требовал у вышестоящего командования своевременного обеспечения боеприпасами. 6 мая он телеграфировал в штаб 5-й армии: «Прошу срочно выслать два вагона огнеприпасов: один вагон снарядов и один вагон патронов ружейных экстренным поездом до ст. Подбельская. Комбриг Авалов, пропавший неизвестно по каким причинам, подвел. В бригаде нет ни одного патрона и ни одного снаряда».

К вечеру 9 мая, как указывала сводка штаба армии, 25-я дивизия вышла в верховья реки Сок, нанеся поражение Ижевской бригаде. В приказе по дивизии говорилось: «Командующий группой товарищ Фрунзе, прибыв лично в район боевых действий 25-й дивизии, с чувством гордости отметил высокодоблестное поведение всех войск 25-й дивизии, полки которой вновь нанесли страшное поражение противнику, целиком разгромили всю Ижевскую бригаду противника, пленив свыше 2000 человек... Командующий благодарит именем рабоче-крестьянской России всех товарищей красноармейцев, командиров и комиссаров... Еще одно небольшое усилие полков 25-й дивизии — и враг будет окончательно сломлен. Вперед, товарищи!» Фрунзе утверждал, что во встречном бою под Бугульмой чапаевцы разгромили не только ижевцев, но и 4-ю дивизию и Оренбургскую бригаду. Фрунзе писал в донесении в штаб фронта: «Преследование врага энергично продолжается. Настроение войск выше похвалы: крестьянство, озлобленное поборами белогвардейцев, отбиравших без всякой платы хлеб, фураж и лошадей, оказывает Красной армии всемерную помощь. Войска Южной группы уверены в близости скорого и окончательного крушения колчаковщины». Красные действительно отбросили белых, но масштабы своей победы существенно преувеличили. Как утверждали в воспоминаниях Молчанов и другие ижевцы, вместо четырех тысяч закаленных в боях бойцов они получили около двух тысяч молодых новобранцев, главным образом плохо знавших русский язык башкир. Подготовить их должным образом к боевым

действиям за несколько дней было невозможно. Утром 9 мая один из батальонов бригады был уничтожен красными кавалеристами Ивана Каширина, остальные подразделения рассеялись, после чего Молчанов получил разрешение вывести бригаду в тыл, при этом бригада сохранила артиллерию и кадровых бойцов при ней — восемь трехдюймовок и две гаубицы, которые передали во вновь сформированную 11-ю дивизию. Штабы 4-й дивизии и 2-го корпуса не сообщали о больших потерях и катастрофическом падении боевого духа — возможно, потому, что неудачи не представлялись командованию фатальными. Белые отчасти выполнили свою задачу: вышли из окружения и отходили на следующий рубеж, пытаясь измотать противника. Сам же Чапаев вечером 12 мая доложил в штаб 5-й армии: «Двигаться вперед не могу до тех пор, пока не подойдут войска для обеспечения моего правого фланга в районе Н. Шалты, что на р. Ик. Противник переходит со стороны Белебея в наступление. Весь день 11 мая с ним был бой за овладение переправой через р. Ик. Ввиду этого передвижение на север без обеспечения правого фланга невозможно. С подходом частей Туркестанской армии задача будет выполнена».

Советские историки писали, что чапаевцы еще под Бугульмой столкнулись с корпусом генерала Владимира Каппеля, который якобы был «укомплектован отборными частями». Генерал Ханжин действительно распорядился выдвинуть на передовую стратегический резерв Ставки — 1-й Волжский корпус генерала Каппеля, чтобы закрыть брешь на центральном участке фронта. Однако полки 1-го корпуса действовали южнее зоны боевых действий чапаевцев и не сталкивались с ними на поле боя — выйти к Бугульме в назначенное время 1-му корпусу не позволила распутица. Впоследствии в Уфимской операции 25-я дивизия действовала против 4, 8 и 11-й пехотных дивизий. В мае против корпуса Каппеля сражались 24-я и 31-я стрелковые дивизии, во время Уфимской операции — 2-я и 24-я стрелковые и 3-я кавалерийская дивизии.

Вскоре генерал Ханжин предложил для сохранения армии отвести ее войска значительно севернее, на рубеж реки Белой. Генерал Будберг предлагал еще более глубокий отход: «Надо сознаться, что восстановить наступление на фронте Западной армии нельзя, а потому надо немедленно, большими переходами увести эту армию за Урал и там дать ей отдохнуть и устроиться. Местные условия этому очень благоприятствуют, ибо через Урал идет мало дорог, а мест-

ность благоприятствует обороне арьергардов». Но пессимистов немедленно одернули из Ставки: «До реки Белой еще 200 километров. Войска корпусов достаточно боеспособны».

Тем не менее переход инициативы к Красной армии вызвал беспокойство высшего руководства белых. Адмирал Колчак решил лично ознакомиться с обстановкой на фронте и в ближайшем тылу. Начались даже разговоры о переносе Ставки из Омска в Екатеринбург или Челябинск. Будберга, посетившего Урал вместе с адмиралом и представителями Ставки, обстановка в армии и тылу расстроила. Он заметил нездоровое соперничество между командованием армий, стремление переложить на соседей вину за поражения и присвоить успехи. Этот раздрай приводил к тому, что заводы, находившиеся в полосе одной армии, не поставляли продукцию другой, а та, в свою очередь, «придерживала» у себя продовольствие, предназначенное для соратников по борьбе с советской властью.

Грандиозный парад в Екатеринбурге, устроенный в честь приезда Верховного правителя, также не вдохновил опытного генерала. Наметанный глаз быстро увидел показуху. «Некоторые части одеты в английское обмундирование, доставленное генералом Ноксом, и в массе выглядят аккуратно и для неопытного глаза даже внушительно; остальные части одеты порядочными оборванцами... на отдельных солдат не обращено должного внимания. Это всегда было скверно, ну а теперь это основание верного неуспеха, ибо теперь нужны не боевые квадраты из дрессированных единиц, а подготовленные к бою отдельные единицы.

Для боя это только толпа совершенно не готовых людей со всеми ее недостатками. Нужно еще 2–3 месяца усиленной полевой работы со взводами и ротами, чтобы эти части были готовы для боя. Я обошел все части сзади; все лучшее поставлено в головы колонн, а в середине и в хвостах стоят какие-то михрютки, одетые в только что выданную им и плохо пригнанную одежду; снаряжение нацеплено кое-как, без всякой пригонки — доказательство отсутствия внутреннего порядка и работы взводных командиров», — писал Будберг. От строевого командира, которым долго был генерал, не укрылась и печальная дисциплинарная практика: офицеры били по лицу солдат, плохо выполнявших строевые приемы. Если такое было возможно на параде в присутствии высшего командования, то можно себе пред-

ставить, что творилось в казармах и на учениях и к каким последствиям приводило на поле боя.

Будберга и других опытных генералов беспокоили и настроения Ставки, которая, несмотря на неудачи, продолжала настаивать на продолжении активных действий на вятском направлении, что вело к увеличению разрыва между Сибирской и Западной армиями и возрастанию угрозы ее окружения и разгрома. «Наступление красных обозначилось уже определенно по двум направлениям: вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги и вразрез между Сибирской и Западной армиями. Ставка не понимает положения и позволяет Сибирской армии наступать на глазовском направлении. Одна лошадь в паре пятится назад, другая прет вперед. Направление вразрез армий ничем не прикрыто, и по мере передвижения сибиряков вперед их положение становится все опаснее. Таким образом, вся судьба Зауральской кампании висит на двух кучах совершенно не готового к бою сырья, без артиллерии, без средств связи, не обстрелянного, не умеющего маневрировать; я не видел войск группы Каппеля, но и без того понимаю, что за несколько зимних сибирских месяцев и при условиях современной стоянки было абсолютно невозможно сформировать годные для боя части. Как подкрепление успеха такие части могли еще пригодиться, но, вдвинутые в расшатанный и катящийся назад фронт Западной армии, они не в состоянии помочь делу».

Не получив разрешения на глубокий отход, командование Западной армии попыталось остановить противника на берегу реки Ик. 25-й дивизии предстояла еще одна сложная переправа с боем. 223-й полк 13 мая вошел в Новосулли и Старосулли, а на другой день после штыковой атаки занял село Усман-Ташлы. Командиры полков и бригад действовали по примеру начдива, личным примером поднимая цепи красноармейцев в атаку и поддерживая их боевой дух. Когда массированный огонь неприятеля вынудил 223-й полк залечь в поле под селом Суккулово, на место боя немедленно прибыли комбриг Федор Потапов и командир артдивизиона Павлинов. Они организовали поддержку пехоты артиллерией и пулеметами, подавившими пулеметы белых. Красноармейские цепи смогли приблизиться к позициям белых на дистанцию гранатного броска, а затем дружно атаковали окопы противника. Бой в селе продолжался шесть часов. Пленные рассказали, что их 15-й полк 4-й Уфимской дивизии понес значительные потери и от-

ступил к Нижне-Троицкому заводу. Участник боев красноармеец Петр Евлампиев вспоминал: «Когда наконец все стихло, из домов стали выглядывать, а потом и выходить на улицу местные жители. Они приветливо улыбались, подходили к нашим бойцам, затевали разговор. Крестьяне проявили доброе гостеприимство: накормили чапаевцев, предоставили лучшие помещения для отдыха, помогли похоронить погибших товарищей». Картина кажется идиллической, но после длительного боя, который, без сомнения, нанес значительный ущерб хозяйствам местных жителей, последние стремились продемонстрировать свою лояльность новой власти.

Тем временем замыслы операций Восточного фронта резко изменились из-за ротации руководства. 10 мая бывший генерал Александр Самойло заменил бывшего полковника Сергея Каменева на посту командующего фронтом. Согласно его плану направление главного удара фронта менялось с северо-восточного на северное, ключевым направлением вместо уфимского становилось мензелинское. Самойло вывел 5-ю армию из состава Южной группы и переподчинил Тухачевского себе. Раздосадованный таким поворотом событий Фрунзе телеграфировал в штаб фронта:

«Должен откровенно сознаться, что директивой и запиской я сбит с толку и поставлен в самое неопределенное положение. Я имел честь несколько раз обращаться к командованию фронта с вопросами, касающимися дальнейших операций, и просил не оставлять меня в неведении относительно решений, к которым склоняется командование. Указывая на необходимость удара на север частью сил Южной группы, я одновременно обращал внимание фронта на необходимость надежного обеспечения этой операции со стороны Уфы, откуда, несомненно, противник должен был пытаться нанести нам контрудар. В связи и в соответствии с этим должен был разрешаться, на мой взгляд, и вопрос о расчленении Южной группы...

К сожалению, ваша директива предписала совершенно другое, причем я глубоко не согласен и с основной идеей нанесения удара на север от Бугульмы, ибо уверен, что он в лучшем случае даст лишь отход противника, а не его уничтожение. Удар должен быть нанесен глубже с тем, чтобы отрезать противнику пути отхода на восток. В настоящее же время вы мне предоставили уфимское направление и ли-

шили одновременно всех средств его обеспечения. Неправильность этого решения сейчас же и привела к тому, что вслед за директивой последовала ваша записка, ее фактически отменившая... Я глубоко не согласен с тем, что вы отдадите распоряжения, не только касающиеся армий, но даже дивизий и отдельных бригад. Новая обстановка и новые задания, поставленные вашей запиской, заставляют меня вновь ставить вопрос о формах существования группы и об ее направлениях. Мне представляются два выхода: оставление у меня всех прежних сил, впредь до завершения задачи разгрома противника на путях к Уфе и к прочному обеспечению себя от ударов оттуда, либо отнятие всего этого направления... Если бы вы не нашли возможным согласиться с этим, то я, во всяком случае, настаиваю на выделении из состава 5-й армии 2-й и 25-й дивизий и передаче их мне. Свое теперешнее положение считаю ложным и вредным для дела. Руководство операциями на Уфу должно быть обязательно объединено, в противном случае создается неизбежная двойственность и замедление самих действий. Она уже создается, ибо связь с 5-й армией приходится держать через вас».

Фрунзе не сумел убедить командующего фронтом в необходимости нанести глубокий удар 5-й армией в тыл белой Сибирской армии и одновременно с наступлением Южной группы на Белебей и Уфу завершить уничтожение неприятеля южнее Камы. Однако он сумел добиться пересмотра директивы от 10 мая. Фрунзе вернули 25-ю и 2-ю стрелковые дивизии. Число бригад, действовавших на главном, уфимском, направлении выросло с семи до двенадцати. Командующий Южной группой настоял также на отсрочке наступления 5-й армии на Мензелинск до завершения Белебейской операции.

Чапаев тоже настаивал на энергичных действиях, безостановочном преследовании и быстром разгроме противостоявших его дивизии белых частей. 13 мая он отдал приказ: «Комбригу-74 немедленно, не считаясь ни с какими трудностями, стремительным натиском отбросить противника, который слабыми частями прикрывает путь отступления своих войск. Во время движения 74-й кавалерийский дивизион, не жалея ни себя, ни лошадей, должен пробраться хребтами гор, расстреливая с тыла и фланга задерживающего противника. Около д. Тумбарла-Потаповка у противника два шестидюймовых орудия и два трехдюймовых, которые приказываю во что бы то ни стало захватить». На-

счет шестидюймовых орудий Чапаев ошибался: в этом районе арьергарды белых такими мощными артсистемами не располагали, самым крупным калибром у них были 48-линейные (122-миллиметровые) гаубицы и 42-линейные (107-миллиметровые) пушки. Тем не менее приказ Чапаева ярко отражает его решимость покончить с сопротивлением неприятеля.

В середине мая 225-й полк под командованием Ивана Решетникова с боями занял Старошахово, а кавалеристы 25-го и 75-го дивизионов продвинулись на Елань-Чишму. Две другие бригады, 73-я и 74-я, не сумели выбить противника с позиций у железнодорожного моста близ Абселямова и перешли реку Ик в районе Кзыл-Яра, где саперами был наведен деревянный помост. 15 мая в три часа дня здесь переправился Домашкинский полк Сергея Сокола и передовой отряд Пугачевского полка. Командовал авангардом пугачевцев помощник комполка Алексей Потапов. На правом берегу эти части наступали на Уязы-Тамак. Кавалерийский эскадрон домашкинцев под командой Агата Аскерова зашел в тыл противника и лихим налетом расстроил его ряды. Занимавший село 13-й Уфимский полк и поддерживавшая его батарея понесли серьезные потери: три орудия, семь пулеметов, шестьдесят пленных, три походные кухни. Начальник 4-й Уфимской дивизии генерал Косьмин стремился предотвратить переправу чапаевцев и ликвидировать созданный ими плацдарм. Вечером 15 мая к Кзыл-Яру был переброшен дивизионный резерв — 16-й полк. Артиллерия белых разрушила деревянный мост, но вскоре саперы, воспользовавшись наступившей темнотой, исправили повреждения. На рассвете два пугачевских батальона и полк имени Степана Разина перешли на правый берег, развернулись в боевой порядок и сблизились с позициями противника. Командование белых проявило пассивность, которая привела к поражению: занимая господствующие высоты, командир неприятельского полка не решался на атаку, вероятно, опасаясь неудачной контратаки и измены среди мобилизованных солдат. Но неустойчивость в обороне проявляется сильнее, чем при наступлении, которое смягчает недостатки боевой подготовки и моральную слабость. Когда чапаевские полки начали атаку, солдаты одной из белых рот убили офицера и перешли к красным. Павел Петров отмечал, что красная пропаганда была до-

статочно эффективной в частях, укомплектованных самыми разными пополнениями, она была по самым уязвимым местам белой армии и белой власти на востоке: плохому снабжению, распространенному мордобою со стороны офицеров и унтеров, частой невыплате жалованья. Преувеличивая опасность восстановления «царских порядков» в армии и повседневной жизни, большевики акцентировали внимание на явных просчетах белой власти, ее неспособности прекратить бесчинства отдельных воинских начальников, грабежи и издевательства над крестьянами. Эта пропаганда имела успех не только среди сибирских и уральских крестьян, не сталкивавшихся с большевистскими практиками, но и среди жителей Поволжья, которым красные пропагандисты доказывали, что отказались от тотального изъятия излишков продовольствия и насаждения чуждых деревенской общине комбедов. В ситуации, когда грабили и те и другие, обещания сохранить крестьянам захваченную ими частновладельческую землю, оставить за ними часть урожая и даже повседневная деятельность красных нередко представлялись жителям деревни более привлекательными. «Громадное значение приобретали личные способности командиров полков и умелый подбор ими помощников. Там, где в полку находилось несколько офицеров, сработавшихся в смысле контрагитации, было всё хорошо; где этого не было — можно было ожидать всяких осложнений. Трудно было внедрить в сознание массы задачи белой власти, так как сама власть не всегда одинаково о них говорила. Ясно было одно — надо бороться с большевиками, а что же дальше?» — писал Петров.

13 мая части 27-й стрелковой дивизии под командованием Николая Вахрамеева заняли Бугульму. Бугурусланская наступательная операция Южной группы завершилась. 3-й и 6-й Уральские и 2-й Уфимский армейские корпуса Западной армии потерпели тяжелое поражение и отошли на восток на 120—150 километров. Красная армия перехватила инициативу на ключевом самаро-уфимском направлении Восточного фронта. Михаил Фрунзе и член Реввоенсовета Южной группы Валериан Куйбышев в своей статье в газете «Известия» писали:

«Блестяще закончившаяся Бугурусланская операция, в результате которой был разгромлен целый ряд дивизий противника, не только не приостановила нашего дальнейшего наступления, но по заранее построенному плану превратилась в новую, Бугульминскую операцию. И эта операция,

рассчитанная не столько на занятие территории, сколько на разгром живой силы противника, проходит с большим успехом. Дороги фронта к тылу полны перебежчиками и пленными, весело идущими из колчаковского стана.

Сегодняшний день превзошел все предыдущие своим результатом: Н-ская дивизия (речь идет именно о чапаевцах. — П. А.) в районе юго-восточнее Бугульмы в один день забрала более 2000 пленных, 3 орудия, много пулеметов, винтовок и т. д. Эти трофеи взяты во встречном бою с перешедшим на широком фронте в контратаку неприятелем, в результате которого совершенно уничтожена одна бригада противника, один полк целиком взят в плен, другой наполовину изрублен нашей кавалерией, наполовину тоже полонен... Следствием этого разгрома неизбежно явится занятие на днях Бугульмы и Белебея. Настроение Красной Армии превосходное. Колчаковская армия рассыпается под ударами наших героев».

Спустя 20 лет Федор Новицкий высоко оценивал действия Чапаева в Бугурусланской операции: «Надо отметить, до какой степени Чапаев проявлял гибкость своего дарования: операция под Бугурусланом обосновывала весь свой успех на возможной экономии времени, на быстроте маневра, и мы видим со стороны Чапаева проявление кипучей деятельности, необычайного порыва, приводившего подчас к тому, что его части вырывались далеко вперед; но беды от этого не было и быть не могло, ибо с первого момента наступления нашей ударной группы от Бузулука в обход Бугурусланской группы противника участь врага по существу уже была предрешена; Чапаев это отлично понимал и потому не заботился о связи с соседями, а боялся лишь одного — упустить врага».

Но, как отметил Владимир Дайнес, не менее важную, чем чапаевцы, роль в Бугурусланской и Бугульминской операциях сыграла 26-я дивизия 26-летнего бывшего штабс-капитана Генриха Эйхе, которая и заняла Бугуруслан. Судьба красного командира, сражавшегося бок о бок с Чапаевым, сложилась драматично. Внезапные маневры Эйхе ставили в тупик неприятеля не меньше чапаевских. Его соединение уже после переброски 25-й дивизии против уральских казаков продолжало операции против белых армий на Урале, а затем добивало их в Сибири. После завершения Гражданской войны на Дальнем Востоке Эйхе командовал группой войск, сражавшейся против повстанцев Станислава Булак-Балаховича в Белоруссии, затем —

Ферганской группой войск в Средней Азии. В 1923 году выпускника коммерческого училища демобилизовали из армии. Эйхе работал в Высшем совете народного хозяйства, затем — в Наркомвнешторге. В апреле 1938 года был арестован по доносу и осужден за участие в контрреволюционной группировке. По сравнению со многими соратниками по Гражданской войне Эйхе «повезло»: его не расстреляли по приговору суда, не забили во время допросов. Он выжил после шестнадцати лет, проведенных в лагерях и на поселении. Освобожден в 1954 году. Реабилитирован. Персональный пенсионер Генрих Христофорович Эйхе участвовал в работе общества ветеранов 5-й армии, писал и редактировал труды по военной истории. Умер в Москве в июле 1968 года, немного не дожив до 75-летия.

Фрунзе тем временем получил данные о сосредоточении Волжского корпуса в районе Белебея и перенес направление главного удара 5-й армии: теперь ей предстояло наступать главными силами, в том числе чапаевской дивизией, на Белебей. Вскоре 25-я дивизия перешла в подчинение Туркестанской армии. Фрунзе намеревался разгромить Волжскую группу и часть сил 4-й Уфимской стрелковой дивизии 2-го Уфимского корпуса противника в районе Белебея глубоким маневром чапаевской дивизии с севера, ударами 31-й стрелковой дивизии с юго-запада и 24-й стрелковой дивизии с юго-востока. Их действия обеспечивали 20-я стрелковая дивизия 1-й армии и 26-я стрелковая дивизия 5-й армии. Получив директиву, Чапаев решил разгромить неприятеля и довести его до состояния панического бегства. 75-я бригада должна была выступить во второй половине дня 16 мая, перейти в наступление и ранним утром 17 мая занять Белебей. Части 74-й стрелковой бригады получили задачу непрерывно преследовать противника, прижать его к реке Усень и не дать ему возможность вывести артиллерию.

Однако реализовать замысел Чапаева по разгрому противника помешала погода. Весеннее половодье снесло мосты через реку Ик. Подвоз патронов, снарядов и фуража для лошадей был крайне затруднен. Начдив вынужден был сделать оперативную паузу, чтобы дать отдых частям дивизии, подтянуть тылы и артиллерию, перегруппировать силы. Воспользовавшись этим, главные силы 1-го Волжского корпуса генерала Каппеля начали отходить на вос-

ток, чтобы избежать окружения, и вечером 16 мая оставили Белебей. Выяснив, что противник ускользнул из предназначавшегося для него котла, Чапаев изменил принятое решение. Ближе к вечеру 17 мая он распорядился подготовить решительный удар, «от которого противник не мог бы уже оправиться». Чтобы ускорить преследование неприятеля, начдив создал группу в составе четырех кавалерийских дивизионов (бригадных и дивизионного) под командованием командира 25-го отдельного кавалерийского дивизиона Пантелея Сурова. Сводная бригада должна была 19 мая выдвинуться из района Ново-Троицкий и скрытно выйти лесом и долинами в обход между деревнями Карсали, Тузлукуш, откуда, разделившись на две группы по два дивизиона, ударить по белым с тыла, чтобы перехватить выходившие из окружения части и обозы противника.

Отношение местных жителей к красным было противоречивым: они надеялись, что победа чапаевцев окончательна, что удача не повернется к победителям спиной, что означало бы очередное превращение многострадальных поволжских деревень в прифронтовую полосу, новый виток разрушений, разорения и насилия. В то же время многие крестьяне все-таки опасались возвращения белых и пытались быть лояльными к обеим противоборствующим сторонам. Кроме того, в тылу у чапаевцев оставались небольшие группы неприятеля, остатки разбитых полков или просто сбившиеся с пути малочисленные роты и батальоны, стремившиеся присоединиться к главным силам белых. Начальник дивизии вынужден был пригрозить населению недавно занятых местностей крайними мерами: «Замечается злостное явление со стороны местного населения в порче телефонных и телеграфных проводов и убийстве в ночное время надсмотрщиков. Вменяется в обязанность всем политкомам и командирам частей объяснить местному населению и предупредить, что впредь за такие явления и укрытельство бандитов все местные власти будут арестованы, преданы суду и, в крайнем случае, расстреляны...» Чапаева можно понять: бесперебойная связь в маневренной войне чрезвычайно важна, ее отсутствие, даже кратковременное, может привести к несогласованным действиям войск и, как следствие, к поражению.

Красные продолжали успешно наступать и 17 мая заняли Белебей. Тем не менее непрерывные бои и беспокойство за судьбу близких (в районе Николаевска снова развернулись сражения с уральскими казаками) подтачивали силы

Чапаева. «Чапай устал. Он переутомился мучительной, непрерывной работой. Так работать долго нельзя — он горел, как молния. Сегодня подал телеграмму об отдыхе, о передышке. Да тут еще пришли вести с родины, что ребята находятся под угрозой белогвардейского нашествия, — ему хочется спасти ребят. Телеграмму я ему не подписал. Вижу, что мой Чапай совсем расклеился. Если уедет — мне будет тяжело. Мы настолько сроднились и привыкли друг к другу, что дня без тоски не можем быть в разлуке. Чем дальше, тем больше привязываюсь я к нему, тем больше привязывается и он ко мне. Сошелся тесно я и со всеми его ребятами. Все молодец к молодцу — отважные, честные бойцы, хорошие люди. Здесь живу я полной жизнью», — записал в дневнике Фурманов.

Впрочем, отношения начдива и комиссара, людей горячих и не привыкших уступать, были далеки от ровных. В вышедшем спустя 40 лет после смерти Фрунзе сборнике воспоминаний друзей и соратников были опубликованы неизвестные ранее записи комиссара 25-й дивизии. «Близкие друзья, когда поспорят, так крепко, наотмашь, сплеча, не жалея самого дорогого — свою дружбу. Как-то злые и нервные до предела ехали мы в степи с Чапаевым. Он слово — я слово, он два — я четыре. Распалились до того, что похватались за наганы. Но вдруг поняли, что стреляться рано, — одумались, смолкли. Ни слова не говорили весь путь, до штаба кутяковской бригады. Отношения переменились как-то вдруг (почему — расскажем ниже. — П. А.), и мы ничего не могли поделать с собой. Экспансивный и решительный, мало думая над тем, что делает, Чапаев написал рапорт об отставке. Дал телеграмму Фрунзе, что выезжает к нему для доклада. А я знал, о чем будет этот доклад, — Чапаев в горячах может наделать всяких бед». Фурманов, пользовавшийся доверием командующего группой после работы в Иваново-Вознесенске, написал ему телеграмму с просьбой принять участников конфликта вместе.

Фурманов вспоминал, что Фрунзе детально расспрашивал приехавших к нему начдива и комиссара о делах в дивизии, настроениях бойцов, разъяснял цели кампании и всеми способами уводил собеседников от конфликта и выяснения отношений. «Мы пытаемся сами заговорить, наталкиваем на мысль, но ничего не выходит — он то и дело уводит беседу к другим вопросам, переводит разговор на свой, какой-то особенный малопонятный нам путь. И когда сказал, что хотел, выговорился до дна, кинул нам улы-

баясь: “А вы еще скандалить собрались? Да разве время, ну-ка подумайте... Да вы же оба нужны на своих постах, не так ли?” Нам стало неловко за пустую ссору, которую в запальчивости подняли в такое горячее время... а он еще шутил — напутствовал: “Ладно, ладно, сживетесь, вояки”. Мы с Чапаевым уходили опять друзьями, речь дорогого товарища утишила наш мятежный дух», — вспоминал комиссар.

Дивизия и ее начальник и комиссар жили не только боями. Слава Чапаева распространилась настолько широко, что жители занятых красными полками сел и деревень обращались к нему за помощью не только в случае конфликтов с красноармейцами и командирами, но и для разрешения бытовых и житейских проблем. В середине мая Чапаев получил «вопиющую жалобу» от председателя совета народных судей Новоузенского уезда Тимофея Спичкина, в которой тот требовал восстановления справедливости и осуждения «воров», которых он якобы разоблачил, будучи народным судьей:

«Прошу вас, товарищ Чапаев, обратить на эту жалобу свое особое, геройское внимание. Меня знают второй год Уральского фронта за честного советского работника, но злые люди, новоузенские воры и преступники, стараются меня очернить и сделать сумасшедшим, чтобы моим заявлениям на воров не придавать значения. Дело обстоит так: 16 воров украли... Когда я, Спичкин, заявил об этом расхищении в Самару, то оставшиеся не арестованными 14 воров (двое арестовано) заявили, что Спичкин сумасшедший, и потребовали врачей освидетельствовать Спичкина. Врачи признали меня умственно здоровым. Тогда 14 новоузенских воров-грабителей сказали: “Мы вам не верим” и отправляют меня в Самару, в губисполком, для освидетельствования через врачей-психиатров. Но, принимая во внимание, что теперь вся правда и справедливость на фронте у героев и красноармейцев, подобных как вы, товарищ Чапаев, — я, Спичкин, вас срочно прошу сделать нужное распоряжение: помочь в Новоузенске арестовать всех перечисленных 14 воров, направить их в Самару для предания суду Ревтрибунала, и за это вам население скажет большое спасибо, так как во мнении народном имя ваше славно как самоотверженного героя и стойкого защитника республики и свобод. Я на вас вполне надеюсь, товарищ Чапаев. Защитите и меня от 16 новоузенских воров-граби-

телей... Я прошу немедленно арестовать без всякого стеснения всех оставшихся... воров и повторяю... ваше славное имя будет еще славнее за такую защиту населения от ма-родеров-воров и избавление населения от этих грязных пауков-микробов... Вы, товарищ Чапаев, признанный герой всенародно, и славное ваше имя гремит повсюду — вас поминают даже дети. Я, Спичкин, также признанный герой в искусстве гражданском. У меня также есть великие порывы к славе и доблестям. Прошу вас этому верить! Вы убедитесь в этом на деле. Я, Спичкин, воплощенная огненная энергия и воплощенный труд. Считал бы за счастье видеть вас лично, а вам познакомиться со мною, Спичкиным. Будучи от природы человеком кристальной честности, любя народ, за который отдавал душу... я желал бы немедленно стать вашей правой рукой и свою огненную энергию отдать для вашего военного дела по отражению всеми ненавидимого бандита — Колчака. Прошу вас немедленно принять меня в ряды Красной Армии добровольцем, в славный ваш полк по имени Стеньки Разина».

Стилистика письма отражает если не сумасшествие автора, то его болезненное состояние, похожее на манию преследования или психоз, вызванный жизненными неприятностями. То, что Спичкин обращается за помощью именно к Чапаеву как к представителю высшей инстанции, способному наказать виновных в незаслуженных преследованиях и злключениях заявителя, отражает сложившееся среди многих в Поволжье представление о начдиве.

Вполне вероятно, порывистый и справедливый Чапаев пытался помочь Спичкину. Как отмечал Фурманов: «Он по-детски верил слухам, всяким верил — и серьезным, и пустым, и чистейшему вздору. Верил тому, что в Самаре на паек выдают по десять фунтов махорки, а вот на фронте и осмушки нет. Верил, что в штабе фронта или армии идет день и ночь сплошное и поголовнейшее пьянство, что там одни спецы-белогвардейцы и что они ежесекундно предают врагу. Верил, что тиф разносят птицы, верил, что сахар растет чуть ли не целыми головами... Он был доверчив, как малое дитя. Оттого и сам много страдал, но перемениться не мог. Только одному он не верил никогда: не верил тому, что у врага много сил, что врага нельзя сломить и обернуть в бегство».

Чапаевцы вошли в Белебей позже других частей. Как вспоминал Николай Хлебников:

«У раскрытых дверей дома, где разместился начдив Чапаев, уже полно народу. Табачным дымом окутаны ординарцы и обозники. Всяк по своему делу явился — кто с пакетом, кто с какой просьбой. Терпеливо ждут, когда Петька Исаев пропустит к Василию Ивановичу. А он самолично вышел — бодрый, подтянутый, энергичный. Пакеты? Принять, передать срочно в оперативный отдел штаба... Увидел забинтованных обозников — и погрузился: “Что это с вами?” Ушли обозники — Чапаев старика башкира к себе подзывает. Тот, судя по голосу, на что-то жалуется, бумажку протягивает. Василий Иванович читает: “Взял сена и барана за счет Чингизхана”. Внизу загогулинка подписи и печать закопченного пятака. Сузились глаза Чапая, померк. Говорит старику: “Ладно, разберемся”».

Вскоре Петр Исаев разыскал комбрига Федора Потапова, части которого действовали в районе Белебея. Как вспоминал Хлебников, Чапаев строго потребовал от Потапова разыскать и наказать виновных. Затем начдив распорядился расплатиться со стариком за взятое имущество. После завершения боев под Белебеем полки, дивизионы и спецподразделения 25-й дивизии получили небольшую передышку, в которой нуждались все без исключения бойцы и командиры.

Заведующая культурно-просветительным отделом политотдела дивизии Анна Фурманова всеми силами стремилась доказать, что находится в войсках не только из-за семейного положения и приносит пользу в ближайшем тылу. Она пыталась создать в дивизии театр, который мог бы ставить в часы затишья спектакли для развлечения, воспитания и просвещения бойцов и командиров дивизии. Большинство красноармейцев были малограмотными или даже безграмотными. Простые и схематичные агитационные представления не только занимали свободное время и отвлекали от бесчинств против мирных жителей. Они пропагандировали необходимость защиты революции, воспитывали ненависть к несправедливости, которая олицетворялась в постановках в буржуях и белогвардейцах.

Сначала Фурманова собрала несколько актеров-любителей, которые инсценировали перед своими боевыми товарищами простейшие сцены, без костюмов и грима. Эти усилия были замечены Чапаевым, который тянулся к городской культуре и, возможно, любил театральные представления и театральность после того, как квартировал с ротой в поме-

щении Саратовского театра. Создать театр в дивизии, которая постоянно вела боевые действия и перебрасывалась с одного направления на другое, было крайне сложно: не было костюмов, париков, реквизита, их почти невозможно было купить. Выручали молодость, задор и смекалка, когда в качестве грима применяли обычную печную сажу, сценой становились несколько составленных рядом телег, а занавесом — скрепленные простыни. После взятия Уфы, когда развлекать чапаевцев приехал уже армейский театр, Фурманов переманил в дивизию одного из его сотрудников, Льва Граната. Тот вспоминал, что в отличие от армейского театра дивизионный организовался из любителей-красноармейцев, которых отбирали в частях и подразделениях. Далеко не все хотели отдавать внеслужбное время сцене, но упряму не всегда везло, часто в труппу включали приказом по дивизии. Постепенно, по мере продвижения чапаевцев, сотрудники политотдела сумели разыскать в брошенных усадьбах и в крестьянских хозяйствах предметы из домашних и усадебных театров, что-то удавалось получить из театров крупных городов. Сначала играли всего две пьесы: «Бедность не порок» и «Не в свои сани не садись». По мере роста труппы репертуар расширялся: кроме классических пьес и инсценировок рассказов и поэм дореволюционных писателей на сцене шли агитационные пьесы «Враги свободы», «Гражданин», «Дезертиры, или Живые призраки». Затем в театр удалось пригласить профессионального режиссера. Пьесы выбирали короткие, с минимумом женских ролей, на которые не хватало исполнительниц. Программы писали от руки и раздавали по полкам, батальонам и дивизионам. Летом умельцы-плотники построили передвижную сцену. Лев Гранат вспоминал: «Были случаи, когда перед спектаклем исчезал артист и мы, сбившись с ног, его искали. Беглец объяснял: “Страшно перед народом выступать, да еще буржуев проклятых играть. Ребята из полка меня узнают — засмеют. Отпустите меня, я лучше вернусь в часть и бить их, гадов, буду”». Фурманова и другие руководители театра убеждали актера остаться, далеко не всегда их уговоры увенчивались успехом. Для массовых сцен приходилось переодевать мужчин в женские платья, что иногда приводило к забавным курьезам.

Когда дивизию вернули из-под Уфы на Уральский фронт, театральное хозяйство перегрузили на крестьянские подводы, а актеры и музыканты двигались пешком. Гранат утверждает, что с винтовками за плечами, но это

скорее красивая метафора. Винтовки массовых образцов (русские трехлинейки, английские, французские, трофейные австрийские и другие) старались передавать на передовую, а более редких типов — в тыловые части. Оружия не хватало иногда даже для красноармейцев, охранявших обозы (на это жаловался собеседник Федора Ключкова в романе). Трудно предположить, что винтовки получили многие актеры. «Представления давали на площадях, в сараях и амбарах. Чапаевцы любили свой театр, гордились им, шли на представления как на праздник... Передние ряды садились на землю, средние становились на колени, последующие стояли, а самые задние громоздились на табуретках, бочках... Бойцы горячо реагировали на острые места спектакля, часто раздавались крики гнева: “Бей его, царского холуя!” или “Гони этого белогвардейца!”». Случалось даже, что зрителей настолько увлекали сюжет спектакля и действия героев, что они выбегали на сцену, пытаясь вмешаться в происходившее на ней. Иногда представления завершались под грохот канонады и обстрел противника, заметившего скопления красных бойцов. Тогда сцену быстро сворачивали, а актеры обещали доиграть постановку в другой день. Гранат писал, что Чапаев и Фурманов очень внимательно относились к нуждам театра и его снабжению всем необходимым. Это подтверждается лишь отчасти: один из конфликтов между начдивом и комиссаром вспыхнул как раз из-за того, что Чапаев перед походом на юг Уральской области распорядился выгрузить имущество культпросветотдела, в том числе театральный реквизит с подвод, чтобы использовать их для перевозки более важных грузов: боеприпасов, медикаментов, продовольствия, освободить транспорт для будущих раненых.

Фурманов тем временем писал в дневнике: «Здесь мы с Чапаевым схватили за горло и встряхнули всю штабную работу. Заходил политотдел, заходил отдел снабжения, работали оперативные и административные люди. Наше присутствие сказалось, несомненно, весьма благотворно на общей работе. С Чапаем отношения самые сердечные. Мы весьма близки друг другу, я научился в совершенстве укрощать его, неукротимого. Теперь он все слушает, всему верит, все исполняет. Не было еще случая, когда бы он не принял какого-либо моего предложения. Роль здесь играет отчасти и моя личная близость с Фрунзе, которого он высоко чтит и уважает; но это влияет лишь отчасти, а главное в том, что мы сошлись по душам, любу друг другу, любим друг друга».

Уфимской операции предшествовала недолгая пауза. В ночь на 19 мая Фрунзе отправил в штаб Восточного фронта свои соображения о плане наступления: «Оставление противником Белебея и явное отсутствие серьезного сопротивления в районе нынешнего наступления наших войск выдвигают вопрос о необходимости немедленного проведения операции с целью овладения районом Уфы. С другой стороны, усиливающееся движение поднявшегося казачества требует принятия немедленных мер для обеспечения Оренбургского и Уральского районов и железной дороги Самара — Оренбург. План действия 4-й армии на уральском фронте мной представлен, и я ходатайствую о скорейшем вашем заключении по его содержанию; в настоящем же докладе я представляю на утверждение план действий на уфимском и оренбургском направлениях».

Взятие Уфимского района поручалось Туркестанской армии (31, 25, 24-я стрелковые и 3-я кавалерийская дивизии, две бригады 2-й стрелковой дивизии). Ее войскам предстояло овладеть рубежом Стерлитамак — Уфа. Непосредственно на Уфу должны были наступать чапаевцы, действовавшие на левом фланге армии. С севера действия Туркестанской армии намечалось прикрыть силами 26-й стрелковой дивизии, перед которой была поставлена задача выйти на берег реки Белой и блокировать вероятные попытки прорыва неприятельской речной флотилии. После занятия Уфимского района Фрунзе намеревался использовать всю конницу Туркестанской армии и башкирские части для рейда на Верхнеуральск, чтобы привлечь в Красную армию оренбургское трудовое казачество и усилить конницу, без достаточной мощи которой задача замирения казачьих областей была крайне затруднительна.

Александр Самойло, рассмотрев план Фрунзе, подписал в полночь 19 мая директиву об овладении районами Уфы и Стерлитамака. Войскам 5-й армии приказывалось форсировать реку Белую и нанести удар в тыл противнику, действовавшему на правом берегу реки Камы. Главная задача Южной группы армий — овладеть районом Уфы силами не менее четырех дивизий. Анализ плана командарма и директивы командующего фронтом показывают, что второй полностью поддержал замысел первого, несмотря на распространенную в советские годы точку зрения о «вредительстве» Самойло, тормозившего смелые планы Фрунзе.

Бывший генерал Александр Александрович Самойло прожил долгую жизнь: после снятия с должности команду-

ющего фронтом его вернули на север, в 6-ю армию. Затем он участвовал в переговорах с Финляндией, служил помощником начальника штаба Красной армии. С середины 1920-х годов преподавал в Военно-воздушной академии, затем возглавлял военную кафедру в гражданских институтах. По какому-то счастливому стечению обстоятельств он благополучно пережил период спецеда на рубеже 1920—1930-х годов, в том числе стойкое желание жизни и свободы многим бывшим старшим офицерам и генералам дело ОГПУ «Весна», а также Большой террор 1936—1938 годов. Забавная гримаса Клио: в 1935 году бывшему командующему фронтом и армией присвоили звание комбрига, что соответствовало должности командира дивизии. Лишь в 1940 году Самойло присвоили звание генерал-лейтенанта: повышения в чине на одну ступень ему пришлось ждать почти четверть века. Во время Великой Отечественной войны Самойло преподавал в Военно-инженерной академии ВВС и вышел в отставку уже в 1948 году в возрасте 79 лет. По окончании службы продолжал активно работать. Несмотря на солидный возраст, занимался историей, краеведением, активно интересовался прошлым Русского Севера, написал воспоминания «Две жизни». Генерал Русской императорской, Красной и Советской армий Александр Самойло умер в Москве в 1963 году в возрасте 94 лет.

Вечером 21 мая Фрунзе отдал приказ о выходе на исходный рубеж для нового наступления. Командующий Южной группой, который совмещал этот пост с руководством Туркестанской армией, разъяснил задачу нового наступления: «У меня нет и тени сомнения в том, что закаленные в битвах славные бойцы 24-й, 25-й, 31-й и 3-й кавалерийской дивизий с указанной задачей справятся в кратчайший срок. Порукою в этом являются блистательные страницы их прежней боевой работы, завершившейся недавно разгромом ряда корпусов противника на полях Бузулука, Бугуруслана и Белебея. Уверен, что и молодые войска 2-й дивизии, получающие боевое крещение, пойдут по стопам своих славных соратников и учителей... России труда пора кончать борьбу с упорным врагом. Пора одним грозным ударом убить все надежды прислужников мира капитала и угнетения на возможность возврата старых порядков. Начало, и начало хорошее, вами уже сделано. Колчаковский фронт затрещал по всем швам. Остается довести дело до конца. Бросая вас

нынче вновь в наступление, я хочу напомнить о том, что вы им решаете окончательно спор труда с капиталом, черной кости с костью белой, мира равенства и справедливости с миром угнетения и эксплуатации. В этой великой, святой борьбе рабоче-крестьянская Россия вправе требовать от каждого из своих детей полного исполнения своего долга. И этот долг мы исполним! Наш первый этап — Уфа; последний — Сибирь, освобожденная от Колчака». «Смело вперед!» — призывал командарм. Фрунзе даже не подозревал, какой злой иронией отзовутся его слова в будущем. Сибирь позднее, в 1930-е годы, действительно оказалась последним этапом для многих бойцов и командиров его армий.

Дивизии и бригады получили задачу выдвинуться к вечеру 27 мая на исходные позиции для наступления. С утра 28 мая им было приказано начать решительные действия, чтобы отрезать противника, сконцентрировавшегося южнее станции Чишма, и прижать к реке Белой. Чапаевцам поручили одну из самых сложных задач: к 1 июня отрезать противника от Уфы, занять станцию Чишма и прилегающий к ней район. К началу Уфимской операции Туркестанская армия красных имела 30 тысяч штыков и сабель, 119 орудий и 408 пулеметов; а противостоявшие ей Волжская и Уфимская группы Западной армии — 19 тысяч штыков и сабель, 93 орудия и 260 пулеметов. Таким образом, советские войска превосходили противника в живой силе в 1,6 раза, в артиллерии — в 1,3, в пулеметах — почти в 1,5 раза.

Алексей Будберг тем временем рисовал мрачные перспективы: «Сейчас не может быть никакого сомнения в том, что мы потеряли все успехи этой зимы; красные умело учли все наши ошибки и все невыгоды нашего безмерно растянутого, жалкого и расстроенного положения; ярко очевидно, что на нас ведется решительный удар и что против нас введены в дело свежие резервы. Все это делает борьбу очень неравной, и в этом надо честно сознаться, трезво оценить создавшееся положение и принять героические решения. Удар ведется по двум направлениям: на Уфу и на Красноуфимск; шальный и хаотичный выброс на треснувший по всем швам фронт последних, совершенно не готовых к бою резервов не привел ни к чему; нет, вернее сказать, привел к бесцельной трате тех ресурсов, которые при более хладнокровном управлении оченьгодились бы, скажем, через месяц или полтора».

Чапаев 27 мая конкретизировал задачи своих частей при форсировании реки Белой:

«Мы будем бить противника не как он хочет, а как мы хотим. Дружным одновременным ударом с запада столкнем белогвардейцев с железной дороги, для большего удобства топить последних в реке Белой и тем самым очистить себе путь к Уфе и дальше... Сбив противника с узла железной дороги Чишма и дер. Аминова и Арасланова, останавливаться не будем. Несмотря ни на какие трудности, ни на какую усталость, необходимо напрячь все усилия, чтобы быстрее прижать противника к реке Белая и на его плечах перебраться на правый берег ее.

1. а) Комбригу-75 т. Потапову по занятии указанных в приказе № 083 пунктов продолжать дальнейшее наступление, имеющее целью войти в Уфу, где и остановиться. Комбригу всеми мерами стараться не допустить неприятеля взорвать мост через реку Белая.

б) Комбригу-73 т. Кутякову, с придачей 73 кавдивизиона, по занятии указанных ранее пунктов двигаться дальше, переправиться через р. Белая и занять Степанова, Максимова (что на р. Уфа) и Богородское. Комбригу т. Кутякову, по подходе на своем участке к р. Белая, артиллерийским огнем не допустить движения неприятеля по железной дороге, идущей по правому берегу р. Белая.

в) Комбригу-74, состав прежний, по занятии Аминова и Новая все время охраняя левый фланг дивизии сильными резервами, не менее полка с батареей, переправиться через р. Белая, занять Н. Турбаслы и Ст. Турбаслы.

г) Командиру сводного кавалерийского дивизиона т. Сурову (25, 75 и 74 кавдивизионы), все время находясь на левом фланге дивизии, оказывать содействие 74 бригаде и, переправившись через р. Белая, стараться уничтожить противника с тыла.

<...>

3. Комбригу-75 доносить о том, что делается на участке соседней с ним 2-й дивизии, а комбригу-74 о том, что делается слева, то есть на участке 26 дивизии.

4. Всем комбригам принять меры к тому, чтобы саперные роты были снабжены всем необходимым для оказания содействия пехотным частям при переправе их через р. Белая.

5. Начальнику авиационного отряда т. Железнову производить разведку ежедневно утром и вечером по участку железной дороги от Чишмы до Козловской и от Уфы до Благовещенского, каждый раз донося мне о всем замеченном».

Взятие Чишмы было непростой задачей. Станция была важным транспортным узлом, где сходились Волго-Бугульминская и Самаро-Златоустовская железные дороги. Белые стремились укрепить ее, окружив станцию несколькими линиями траншей, огневыми точками для пулеметов и проволочными заграждениями. Оборонявшуюся пехоту 2-го корпуса поддерживали бронепоезда.

Несмотря на упорное сопротивление противника, станция Чишма была взята в ходе короткого боя: колчаковцы, почувствовав угрозу обхода и быстрого прорыва чапаевцев к мостам и переправам через Белую, под прикрытием арьергардов быстро отступили на ее северный берег, где пытались возвести сильный оборонительный рубеж.

После занятия стратегически важной станции бойцы и командиры 25-й дивизии получили жалование за несколько месяцев и «наградные» деньги. Далеко не все искали культурный досуг, большинство предпочли после боя привычные примитивные развлечения. Мария Попова, прототип легендарной Анки-пулеметчицы, вспоминала: «Собрались наши кавалеристы на каком-то дворе и стали играть в орлянку. Вдруг откуда ни возьмись Василий Иванович. Они, конечно, перепугались. Но Чапаев говорит: “А ну, сыграю и я с вами. Кладите-ка все деньги на кон. Пойду ва-банк!” Бойцы, приободрившись, спрашивают: “Ну а если проиграете, чем будете с нами расплачиваться?” — “Ничего, — ответил Чапаев, — расплачусь. Как-никак я комдив, что-нибудь наскребу, чтобы в долгу не остаться”. Положили они деньги все до копейки, а он подошел, снял фуражку да все в нее и сгреб... А потом позвал и пошел со мной в лавочку, что неподалеку была. Купил там на все деньги носков шерстяных, портянок... “Завяжи, — говорит мне, — в узел и иди, этим орляночникам отдай. Пусть наденут, чтобы ноги не стереть. А то ведь ничего нет у них”. Это верно было. Далеко не каждый из чапаевцев сапоги носил, а носки тем более».

Возможно, корреспондент «Красной звезды», беседовавший с героиней, подтолкнул ее к красивой легенде. Бойцам, носившим грубые армейские ботинки, лапти или сапоги, носки особенно ни к чему, они быстро придут в негодность, к обычной обуви больше подошли бы портянки и обмотки. Покупка летом шерстяных носков также не выглядит удачным вложением в здоровье бойцов. Шерстяные носки, особенно если правильно намотать на них портянки, не только греют ноги, но и предохраняют их от потер-

тостей. Но это удобно зимой и поздней осенью, между тем лишь немногие чапаевцы дожили до поздней осени из-за напряженных боев и болезней.

Деньги не были единственным поощрением и причиной споров между бойцами после взятия Чишмы. Реввоенсовет армии направил в дивизию награды, заслуженные ее бойцами и командирами в предшествующих боях. Однако первые ордена Красного Знамени вызвали неожиданную реакцию. «За Чишму прислали награды — их надо было распределить по полкам. Но тут получился казус. Один из геройских, особенно отличившихся полков наград не принял. Красноармейцы и командиры, которым награды были присуждены, заявили, что все они, всем полком, одинаково мужественно и честно защищали Советскую Республику, что нет среди них ни дурных, ни хороших, а трусов и подавно нет, потому что с ними разделались бы свои же ребята. “Мы желаем остаться без всяких наград, — заявили они. — Мы в полку своем будем все одинаковые...” В те времена подобные случаи были очень, очень частым явлением. Такие бывали порывы, такие бывали высокие подъемы, что диву даешься! На дело смотрели как-то особенно просто, непосредственно, совершенно бескорыстно: “Зачем я буду первым? Пусть буду равным. Чем сосед мой хуже, чем он лучше меня? Если хуже — давай его выправлять, если лучше — выправляй меня, но и только”...

Отказ полка от наград был только наиболее ярким выражением той пренебрежительности к отличиям, которая характерна была для всей дивизии, в том числе и для командиров, для политических работников, больших и малых. По крайней мере в тот же день, собравшись в политотделе, товарищи просили Клычкова, вполне с ними солидарного, отослать в ЦК партии протест относительно системы награждений и выявить на этот вопрос свой принципиальный взгляд», — писал Фурманов.

Бои продолжались. Белые надеялись, что занятые укрепления и довольно широкая (около 400 метров после впадения рек Демы и Уфы) река позволят остановить красных, привести в порядок потрепанные дивизии и стабилизировать ситуацию на фронте. Отход за Белую был проведен грамотно: Чапаеву не удалось сбросить в воду противостоявшие ему части 4-й и 12-й дивизий. 2—3 июня, преодолевая сопротивление арьергардов, полки 25-й дивизии выш-

ли на южный берег Белой и приступили к поиску переправ. Впрочем, кое-кого утопить красным все-таки удалось. Вырвавшиеся к Белой чапаевские кавалеристы пулеметным и артиллерийским огнем принудили пристать к занятому ими берегу два парохода и баржу. «Пароходы взяли, офицеров утопили в Белой», — писал впоследствии Фурманов. Захват пароходов и баржи был большой удачей: теперь у красных появилась возможность быстро переправлять на другой берег не только бойцов, но и орудия и лошадей. Теперь успех переправы значительно меньше зависел от устройства паромов и наплавных мостов, которые могла уничтожить неприятельская артиллерия. Главный удар был перенесен в район Красного Яра, чтобы не рисковать уничтожением пароходов. Чапаев и его помощники начали стягивать под Красный Яр лодки местных жителей, саперы энергично заготавливали бревна в окрестных лесах, строили плоты для будущей переправы войск и их снабжения. Вскоре к чапаевцам прибыл Михаил Фрунзе, который надеялся, что начдив оправдает его доверие. Он передал Чапаеву и Фурманову слова Ленина о чрезвычайной важности быстрого форсирования Белой и наступления на восток: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы; следите внимательно за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население... обратите сугубое внимание на мобилизацию оренбургских казаков; вы отвечаете за то, чтобы части не начали разлагаться и настроение не падало».

Посетивший чапаевскую дивизию вместе с Фрунзе Тронин вспоминал:

«В предстоящих боях за Уфу у Чапаевской дивизии решающая роль... Цепочкой растянулась какая-то часть. Останавливаемся около отставших. Михаил Васильевич Фрунзе задает несколько вопросов, запаздывают ли бойцы? Смеясь, он отмечает, что часть из них идет босиком. Без сапог-то и быстрее, да и ногам легче, и опять же экономия, — весело отвечают ему. — А насчет того, что запаздываем, то пусть товарищ командир не беспокоится. Вышли и так раньше срока, указанного в приказе. Да идем, можно сказать, на “три креста”. Действительно, бросалась в глаза бодрость и решительность всех, кого мы обогнали.

— Интересный народ, как и сам командир, — говорит Фрунзе... — Сейчас Чапаев в своей стихии. И стихия, как видите, особенная, бодрящая. Правда, и достается от нее, особенно политработникам. Вы ведь понимаете, о чем я

говорю? Наверное, в политотделе кой-что имеется на этот счет?

— Да, есть.

— Наверное, больше жалоб? Ведь тот, кто доволен, писать не будет.

— Пожалуй, что так. Хотя те, с кем приходилось разговаривать, не жалуется, а наоборот, в большом восторге.

— Ну, те, должно быть, уже привыкли. Новичкам партийцам, особенно городским, приходится трудновато. Чапаевцы любят испытывать незнакомого человека. Тут целая система. Сначала идет испытание на выносливость. Им, как правило, дают вконец заношенное обмундирование. Ватник дадут — в пору на огород: сойдешь в нем за чучело. Шинелью наградят, так лошади шарахаться будут: рваная, в пятнах. А закапризничает человек, ответ один: “Нет. Мы сами не в лучших ходим. Вот у белых отберем, дадим генеральскую”. И на политику мастера ехидные вопросы задавать. Повторяют то, чему у казаков наслушались. Зададут такой вопрос с подковыркой и наблюдают: не растеряется ли человек, крепок ли он в политике, а может, так себе? Малосообразительный сразу в панику, пишет — кругом, мол, контрреволюция.

Пришлось подтвердить, что такие письма бывали. Что греха таить, чапаевцы недолюбливают политики вообще. Но послушай тот же паникер, как иной чапаевец разносит контрреволюционера за те же ехидные вопросы, которые сам задает политработнику, и ему станет неловко за свои подозрения. Хороших политработников чапаевцы признают. Может быть, и не всегда его будут слушать, но гордиться им будут. Мы и Фурманова с таким расчетом сюда дали. Им можно гордиться. Но в чем эти ребята непревзойденные мастера — в выдумках по части испытания на выдержку, на храбрость и отвагу. Новичку, особенно если он из заносчивых, скажут, что ему поручается какая-нибудь опасная разведка, посылка в тыл противника или еще что-нибудь в этом роде. И наблюдают, как тот себя ведет. Разыгрывают артистически. На самом деле никому из них и в голову не придет подводить новичка. Но горе тому, кто струсит. А уж если выдержит человек испытание, то получает полное признание. Становится своим. Чапаевцы ревнивы до чертиков. Из-за боевой ревности друзья между собою расходятся: почему это не мне, а ему от Чапаева больше доверия? Чем я хуже? Вот сами увидите, как будут спорить, кому первым идти в Уфу...

Интересно и по-новому рисует Михаил Васильевич 25-ю дивизию... Рассказывает случай, как после одной из стычек с белыми у Чапаева осталось человек сорок — остальные были перебиты или рассыпались. Потом, когда узнали, что Чапаев жив, стали к нему возвращаться. Чапаев на них три дня не смотрел, словно не замечал. Человек за это время места себе не находит. Потом Василий Иванович обложит неудачника, тот рад-радехонек: наконец-то его заметили, и не кто-нибудь, а сам командир. И уж когда получит разрешение пойти к отделенному, то радости нет конца.

— Что же тянет бойца к Чапаеву? — спрашивал Фрунзе. — В чем его сила? — И отвечал: — Мне кажется, в первую очередь в том, что и самого Чапаева тянет к бойцам. Любит он их...

Остановились в штабе... он помещался в школе. Несколько ящиков — полевые телефоны. В ожидании Чапаева Фрунзе знакомится с боевыми сводками... Распахивается дверь. В комнату входит, нет, не входит — влетает Чапаев. Он не скрывает радости при виде Фрунзе. Это, кажется, единственный человек из начальства, к которому он относится по-иному. Фрунзе пользуется безоговорочным доверием Чапаева. Больше того. Чапаев любит Фрунзе со всей искренностью своего бесхитростного сердца. Любит потому, что уважает. Но привычка заправского фронтовика заставляет Чапаева стать навьюжку, во фронт, и отпрапортовать:

— Товарищ командующий! Приказ о подготовке к боевым операциям по занятию Уфы выполнен...

Вытянулся, как бы замер, и Фрунзе, принимая рапорт:

— Очень хорошо, Василий Иванович! Мы по дороге кой-что уже видели... Уверен, что настроение частей боевое.

Обращение по имени-отчеству — переход к неслужебным отношениям. Обмениваемся рукопожатиями и садимся».

Несмотря на доброжелательность Фрунзе и доверие к командарму, Чапаев беспокоился о своей репутации «наверху» и потому обращается за поддержкой к комиссару Дмитрию Фурманову: «Заладили: “Чапаев — партизан! Чапаев никого не признает!” Просто тошнит... Чапаев все по-своему, ни с кем не считается! Да что я, о двух головах, что ли? Не понимаю военной дисциплины?... Да спросите у Фурманова, Михаил Васильевич, какова дисциплина в двадцать пятой.

Между Фрунзе и Фурмановым промелькнула едва уловимая улыбка. Они знают друг друга. Их также радует встре-

ча, но нужно быть осторожным. Чего доброго, мнительный Василий Иванович отнесет эту улыбку за счет своей восторженности.

— А я все-таки колебался, стоит ли приезжать, — заметил Фрунзе. — Может быть, присутствие начальства вас свяжет...

— Да что вы, Михаил Васильевич!.. — протестует Чапаев. — Не такой вы человек...

Одной из причин, заставивших и Фрунзе, и меня направиться в дивизию, были письма о неладах, которые будто бы существуют между военкомом и командиром. В письмах красноречиво выставлялись особенности командира в отношении к партийцам; военкома же обвиняли в том, что он “пляшет под дудку фельдфебеля царской армии”. Не без ехидства сообщалось, что во время боя Фурманов пригнулся к лошади при артиллерийском обстреле, и добавлялось: сразу-де видно штатского человека, студента, снарядам кланяется, разве такой будет иметь авторитет? Можно было оставить без внимания “обвинения”, но, безусловно, налицо было стремление враждебных сил вбить клин во взаимоотношения между командиром и комиссаром.

— Ну, Василий Иванович, доволен своим военкомом? — в упор спросил Фрунзе. — Дали тебе из наших, из ивановцев. Но... городской, студент.

Чапаев с лукавой усмешкой смотрит на Фурманова: “Чувствуй, мол, кто спрашивает. Скажу, что недоволен, и Фрунзе посчитается с Чапаевым”. Улыбается и Фурманов. Но улыбка спокойная, ясная. В ней: “Не соврешь, Василий Иванович, я тебя знаю”.

Чапаев затягивает с ответом.

— Сказать по совести, Михаил Васильевич? — Пауза и та же хитроватая усмешка, потом обрывисто: — Доволен. Главное, избавил меня от разных соглядатаев. А то, бывало, придут, вынюхивают, высматривают: “Это что? Да почему? Почему у вас того нет? Да отчего, почему не ведется?” И все больше по части политики. Пришлют мне людей, а над ними бойцы смеются. Нашего положения не понимают, а вмешиваются... Да еще писать начнет о настроениях разных, а к тебе: “Давай объяснения”. Вконец извели... А сейчас чуть что: “Пожалуйста к военкому”, и вся недолга... Ребята с ним приехали тоже хорошие. Что еще сказать? Нашим делом военком интересуется, хотя иной раз и чересчур: не спец же он. Опять и посоветоваться можно...

— А в боях какой?

На Чапаева этот простой, казалось бы, вопрос подействовал как звук пролетевшей пули. Он на секунду остановился и пристально взглянул на Фрунзе:

— А почему вы спрашиваете, Михаил Васильевич? Значит, и вам подметные письма были? Дошло-таки. Поссорить нас хотят. Про меня одно пишут, про военкома другое. Меня насчет коммунистов обвиняют, а военкома, что, мол, не боевой. Так, глупости всё. Разговора не стоит.

— Говори прямо, Василий Иванович, сработались?

— Как вам сказать? — задумался уже всерьез Чапаев, словно мысленно пробегая свои взаимоотношения с Фурмановым. — Спорим. И часто спорим. И поругались бы, если бы у него характер был, как у меня. А так до ругани не доходит. Договариваемся. Он ведь какую политику взял: вот поспорим, раскипчусь я, уйду. Он сам об этом, из-за чего спор был, потом ни за что не начнет. Ждет. Потом опять говорим обо всем. А о том, на чем не сошлись, молчит. Я не выдержу, начну, он ко мне: “Ежели сам начал, так не горячись, а выслушай”. Что ты с ним будешь делать! Слушаешь... Чем еще интересуетесь? Бойцы его признали. Вот, к примеру, сейчас все под Уфой возится. Я, пожалуй, его бы там и начальником боевого участка назначил, да не подчинен он мне...

Только что ж это все я да я, — спохватился Чапаев. — Пусть и Фурманов начистоту обо мне выскажет.

Фрунзе повернулся к военкому. Гордый и самолюбивый Чапаев напряженно смотрел на своего соратника. Фурманов встал, положил руку на плечо начдиву, улыбнулся и отчеканил:

— Претензий к начальнику 25-й стрелковой дивизии товарищу Чапаеву не имею, а о своих достоинствах он знает лучше меня.

Чапаев расхохотался:

— Перехитрил... Я-то ему замечательных аттестаций надавал, а он “претензий не имею”. Вот, Михаил Васильевич, всегда нас интеллигенция вокруг пальца обводит.

Но упреки прозвучали без обиды, Чапаев смеялся наравне со всеми.

Потом командарм и командование дивизии обсуждали обстановку и будущую операцию. Докладывал сам Чапаев. Временами красота предстоящей операции как бы захватывала его и он обращался к Фурманову, Фрунзе был судьей. А Фурманов — свой товарищ, свидетель и соучастник всего того, что давало в результате эту боевую слаженность, на-

стоящую симфонию, которую представлял на мятой трехверстке начальник дивизии. Временами Василий Иванович прерывал свой доклад и обращался к командующему, словно ожидая оценки. Фрунзе молчал, но в глазах светилась радость, и она передалась Чапаеву, и только тогда, когда доклад был окончен, Михаил Васильевич, как бы подводя итог, заметил:

— Значит, через два-три дня встречаемся в Уфе!»

Как опытный забойщик подрубает одну жилку и тем самым обрушивает весь угольный пласт, так и Фрунзе сосредоточенными ударами во фланг и тыл обрушивал колчаковский фронт. В зависимости от обстановки меняя в деталях направление удара, он все глубже и глубже вклинивался в расположение колчаковской армии, перерезая сообщение врага, дробя его силы, подтягивая свои резервы.

На совещании командного состава Фрунзе уточнил задачи армии: ударами с плацдармов севернее и южнее Уфы окружить и разгромить Волжскую и Уфимскую группы противника. Южнее Уфы наступала Ударная группа армии — 24-я стрелковая дивизия, 3-я бригада 2-й стрелковой дивизии и 3-я кавалерийская дивизия; севернее — 25-я стрелковая дивизия.

К началу июня 1919 года чапаевская дивизия насчитывала 8900 штыков, 882 сабли, 185 пулеметов, 24 легких и восемь тяжелых орудий, ей был подчинен 17-й бронеполк из трех бронемашин, одной из них был «Гарфорд-путиловец» со штурмовой пушкой. Противостоявшие части 8-й Камской дивизии белых уступали ей в живой силе и в артиллерии примерно в 1,5 раза.

Чапаев, понимавший, что броневики могут оказать существенную огневую поддержку в случае контратак противника и его преследования и воздействовать на его моральный дух, потребовал от командиров бригад тщательно подготовить дороги и мосты для прохода машин, особенно тяжелого «Гарфорда».

В ночь на 7 июня Чапаев отдал подробный приказ о форсировании Белой и дальнейшем наступлении на Уфу. Он поручил саперам 73-й и 75-й бригад и приданным им подразделениям 31-й стрелковой дивизии построить к 19 часам мостки на правом берегу реки напротив Красно-го Яра для выгрузки пехоты из парохода. Одновременно начдив распорядился подготовить паром для перевозки бронемашин и укрепить дороги по направлению их движения.

Командиру 73-й бригады Ивану Кутякову было поручено создать ударную группу в составе трех стрелковых полков, сводного батальона, бронепоезда, кавдивизиона и легкого артдивизиона. Вечером она должна была переправиться по заранее построенному мосту, в ночь на 8 июня перейти в наступление и захватить железнодорожный мост через реку Уфу, обойти город Уфу, чтобы помочь частям 75-й бригады при атаке на город. Два батальона 219-го стрелкового полка Сергея Сокола получили приказ «произвести одновременно с действительной переправой на плотках в районе дер. Лавочная демонстрацию так, чтобы она ничем не отличалась от действительной переправы, для чего необходимо иметь вид готовящейся действительной переправы».

Частям 74-й стрелковой бригады предписывалось переправиться следом за ударной группой 73-й стрелковой бригады, занять деревню Нижние Турбаслы, подчинить себе 220-й стрелковый полк и оказать содействие 26-й стрелковой дивизии в овладении Благовещенском. Командир 75-й бригады должен был с началом переправы начать демонстрацию, выбрав на своем участке более подходящее место, начать обстрел города, использовав бронепоезд в районе железнодорожного моста, и позволить белым беспрепятственно покинуть Уфу.

Тем временем форсирование Белой Ударной группой Туркестанской армии было сорвано упорным сопротивлением Волжской группы и частей 4-й дивизии противника. Дмитрий Фурманов, который в донесениях сообщал о частых переходах солдат противника на сторону красных и их сдачу в плен, позже описывал иного, сильного и упорного противника: «Враг ощетинился на высоком уфимском берегу жерлами английских батарей, офицерскими полками, стальной изгородью крепких надежных войск». Действительно, 4-я Уфимская и 8-я Камская пехотные дивизии белых были прочнее других соединений белой армии. Они были сформированы летом и осенью 1918 года из повстанцев, свергнувших советскую власть в Уфимской губернии. Командование старалось пополнять полки этих дивизий уроженцами Уфимской губернии. Но кроме уфимцев и камцев Туркестанской армии противостояли более слабые 11-я и 12-я дивизии, которые понесли большие потери в апрельских и майских боях и в значительной степени утратили боевой дух. Влитые в эти дивизии пополнения также не выказывали большого желания сражаться с красными.

12-я дивизия к моменту начала боев находилась в резерве армии.

Теперь успех Уфимской операции зависел в первую очередь от 25-й дивизии. Чапаев и Фрунзе выбрали удачное место для переправы: река Белая у Красного Яра имела излучину. Правый берег был болотистым, затруднявшим движение и переправу, поэтому белое командование не ожидало форсирования реки в этом месте. Чтобы не тратить силы на прикрытие всего берега, оно не создавало укреплений на берегу реки, основные силы оборонявшихся полков были сосредоточены на позициях, замыкавших изгиб. Кроме того, место переправы находилось далеко от артиллерийских позиций неприятеля. Боевое охранение на берегах было слабым и не обнаружило возведение моста красными. Бригаде Кутякова удалось форсировать серьезную водную преграду при минимальном сопротивлении противника. Пароходы смогли беспрепятственно переправить первый эшелон, вслед за этим саперы завершили наведение мостов. Фурманов впоследствии писал:

«Ночью, в напряженной и сердитой тишине погрузили первую роту иваново-вознесенских ткачей. По берегу в нервном молчанье шныряли смутные тени бойцов, толпились черными массами у зыбких скользких плотов, у вздыхающих мерно и задушенно пароходов, таяли и пропадали в мглистой мути реки, снова грудились к берегу и снова медленно, жутко исчезали во тьму. Отошла полночь, в легких шорохах лег рассвет. Полк уж был на том берегу. Полк перебрался, неслышим врагом, торопливо бойцы полегли цепями: с первой дрожью мутного рассвета они, неожиданные, грохнут на вражьи окопы.

Здесь, на берегу, всю команду вел Чапаев — командовать полками за рекой услал Чапаев любимого комбрига Ивана Кутякова. За ивановцами должны были плыть пугачевцы, разинцы, Домашкинский полк... Время замедлило свой ход, каждый миг долог, как час. По заре холодок. По заре тишина. Редеющий сумрак ночи ползет с реки.

И вдруг — команда! Охнули тяжело гигантские жерла, взвизгнула страшным визгом предзорья тишина: над рекой шарахались в бешеном лете смертоносные чудища, рвалась в глубокой небесной тьме гневная шрапнель... Били орудия, взбешенным звериным табуном рыдали снаряды. В ужасе кинулся неприятель прочь из окопов. Тогда поднялся Ивановский полк и ровным ходом заколыхал вперед. Артиллерия перенесла огонь, куда отступали кол-

чаковские войска. Потом смолкла — орудия тянули к переправе, торопили на тот берег. Переправляли Пугачевский полк — он берегом шел по реке, огибая крутой дугой неприятельский фланг. Иваново-вознесенцы ворвались с налету в побережный поселок Новые Турбаслы. И здесь встали — безоглядно зарываться вглубь было опасно. Уж переправили и четыре громады броневика, грузно поползли они вверх — гигантские стальные черепахи. Но в зыбких колеях, в рыхлом песке побережья сразу три кувыркинулись, лежали бесильные».

Если описанное комиссаром соответствует действительности, то начдив и его соратники совершили ошибку, вызванную отсутствием фундаментального военного образования: в наступлении, тем более при форсировании реки, необходимо постоянное содействие атакующим. В такой ситуации позиции орудий необходимо менять побатарейно или подивизионно, не допуская перерыва в поддержке войск. Штаб не выяснил, выдержит ли грунт в районе переправы тяжелые бронемашины, что привело к временному выходу боевой техники из строя. Журнал боевых действий Туркестанской армии дополнил яркую картину форсирования Белой лаконичной записью о том, что в полночь 7 июня на правый берег Белой у деревни Красный Яр переправились два батальона 220-го стрелкового полка. С подходом третьего батальона и 217-го стрелкового полка они к четырем часам утра заняли деревни Александровка и Новые Турбаслы. 3-я бригада не смогла прорваться в Уфу по мосту из-за сильного пулеметного огня противника.

Командование Западной армии намеревалось ликвидировать плацдарм и отразить наступление на Уфу. По замыслу генерала Ханжина, 2-й Уфимский корпус генерала Войцеховского должен был прочно оборонять район Уфы, чтобы позволить в это время 3-му Уральскому корпусу и 11-й стрелковой дивизии подготовить контрудар по красным, наступающим в стык между Западной и Сибирской армиями. Дивизиям 1-го Волжского корпуса генерала Каппеля было предписано содействовать этой операции и оборонять переправы на реке Белой южнее Уфы до Стерлитамака. Однако организовать решительный контрудар было непросто: Западная армия в тот момент оказалась в периоде «междоусобия». Недовольная отступлением ее войск и беспокойными депешами генерала Ханжина, Ставка в двадцатых числах мая заменила начальника штаба, бывшего «народоармейца» генерал-майора Сергея Ще-

пихина на сибиряка Константина Сахарова (Алексей Будберг назвал его «бетонноголовым»). Сахаров привез с собой группу офицеров, которые начали занимать ключевые посты в армейском управлении. Это был явный намек на будущую смену командующего, которая и произошла вскоре после оставления белыми Уфы. Турбулентность в штабе армии не могла не сказаться на настроениях его сотрудников, планировании и ведении боевых операций. Офицеры и генералы нервничали, опасаясь совершить ошибки, за которые их могли удалить, и совершали их больше, чем обычно.

Нервозность сказывалась и на подготовке контратак, перевозках и снабжении белых полков и бригад боеприпасами. Тем не менее к полудню белые полки оправились и начали контратаковать.

Из-за недостаточности переправочных средств, занятых переброской войск, страдала доставка боеприпасов. В передовых цепях иваново-вознесенцев патроны были на исходе. Контратаки полков Камской и Уфимской дивизий привели к полному истощению запасов патронов, передовые батальоны стали подаваться назад. «Когда неприятель повел полки вперед, когда зарыдали Турбаслы от пулеметной дробы, не выдержали цепи, сдали, попятились назад. Скачут с фланга на фланг на взмыленных конях командир, комиссар, гневно и хрипло мечут команду: “Ни шагу... ни шагу назад! Принять атаку в штыки! Нет переправ через реку! Ложись до команды! Жди патронов!” Видит враг растерянность в наших рядах — вот он мчится, близкий и страшный, цепями к цепям. Вот нахлынет, затопит в огне, сгубит в штыковой расправе. И в этот момент подскакали всадники, спрыгнули с коней, вбежали в цепь. “Товарищи! Везут патроны. Вперед, товарищи, вперед!” И близкие узнали и кликнули дальним: “Фрунзе! Фрунзе в цепи!”», — описывал тот бой Фурманов. Появление командарма и начдива, как не раз уже бывало, вернуло бойцам и командирам уверенность в своих силах и успехе боя. Красные цепи стремительно рванулись вперед и отбросили белых, не ожидавших такой перемены в настроении противника.

Будущий летчик, Герой Советского Союза Александр Васильевич Беляков, служивший в 25-й дивизии артиллеристом, вспоминал:

«С наблюдательного пункта батареи хорошо просматривались цепи бойцов, наступавших на деревню. Но, прижатые к земле пулеметным огнем противника, они залегли и продвигались крайне медленно.

Но вот недалеко от нас показалась группа всадников. Среди них батарейцы узнали начдива.

— Чапаев! Впереди на иноходце, видишь?..

Чапаев буквально врос в коня. Одет он был просто — солдатский китель, туго перетянутый ремнем с португееми, револьвер, шашка через плечо и плетка в правой опущенной руке, на шее бинокль. Комдив скакал быстро, а за ним — командир бригады Потапов, комиссар Фурманов и ординарец. Вскоре вся группа перешла в галоп. Мы выпустили несколько снарядов по деревне. Цепи бойцов поднялись и с криком “ура” бросились вслед за Чапаевым на врага. В бинокль было видно, как с противоположного конца деревни убегали белые. Таким и остался для меня в памяти на всю жизнь Василий Иванович Чапаев — бесстрашно летящим навстречу врагу...»

Тем не менее бои продолжались: взрывом бомбы был контужен Фрунзе, начальник политотдела Тронин получил ранение в грудь. Пулемет с неприятельского аэроплана обстрелял группу командиров и ранил Чапаева. Начдиву повезло: пуля была на излете и застряла в черепе, не пробив его. Повезло и всей дивизии: неизвестно как повернулся бы бой на правом берегу Белой, если бы Чапаев утратил способность появляться в критическом месте сражения и заряжать бойцов своей энергией и уверенностью в своей непобедимости.

Фельдшеры вытаскивали смертоносную частичку металла, начдив терпел, скрежеща зубами от боли. Вопреки всем медицинским правилам Чапаев сразу же после удаления пули отправился на передовую, зато заставил Фрунзе покинуть плацдарм и не рисковать собой. Многие издания по истории Гражданской войны обошла фотография, на которой Чапаев в фуражке поверх бинтов сидит рядом с комиссаром. Будь поточнее белый стрелок, Красная армия могла бы лишиться сразу двух видных военачальников.

Упорное сопротивление белых породило легенды об офицерских полках в черных мундирах и «каппелевцах». На Восточном фронте до лета 1919 года не было «цветных» дивизий по образцу Корниловской, Марковской, Дроздовской и Алексеевской. Присвоение имен Корнилова и Колчака дивизиям и полкам запоздало и мало повлияло на боевой дух солдат и офицеров. Офицерские подразделения у адмирала Колчака не превышали батальона. «Черные мундиры» контратаковавших, как пишут уфимские историки, могли появиться благодаря одному-единственному

В. И. Чапаев — член исполкома Николаевского совета,
военный комиссар уезда. 1918 г.

М. В. Фрунзе,
командующий
4-й армией
и Южной группой
Восточного фронта,
один
из инициаторов
возвращения
Чапаева на фронт

Ф. Ф. Новицкий,
бывший генерал
русской армии,
начальник штаба
4-й армии
и Южной группы
Восточного
фронта.
Фото 1930-х гг.

В. С. Лазаревич,
начальник штаба
и заместитель
командующего
4-й армией.
Фото 1930-х гг.

Комиссар 25-й дивизии Дмитрий Фурманов с женой Анной. 1919 г.

Чапаевцы
в освобожденной
от белых Уфе.
Июнь 1919 г.

Красноармеец
25-й дивизии Мария
Попова, прототип
кинематографической
Анки-пулеметчицы.
Фото 1920 г.

Генерал
С. Н. Войцеховский,
командир 2-го
армейского корпуса
белых, который вел
боевые действия
против чапаевцев

Генерал
В. О. Каппель,
кинематографический
противник Чапаева

Раненный в бою под Уфой Чапаев среди бойцов и командиров дивизии.
Слева от него — комиссар Фурманов. *Июнь 1919 г.*

П. С. Батурин,
заменивший
Д. А. Фурманова
на посту комиссара
дивизии

Парад красных
войск в Пугачеве
(бывший
Николаевск).
Август 1919 г.

Уральск, столица Уральского казачьего войска. *Фото начала XX в.*

Командующий Уральской армией генерал В. С. Толстов (четвертый слева в среднем ряду) с чинами штаба

Уральские казаки развлекаются карточной игрой после разгрома штаба 25-й чапаевской дивизии в Лбищенске. *Сентябрь 1919 г.*

Река Урал неподалеку от Лбищенска (ныне Чапаев). *Современное фото*

Аркадий, Клавдия и Александр. 1922 г.

Александр Чапаев, Вера Камешкерцева (приемная дочь), Аркадий Чапаев, Пелагея Камешкерцева, Клавдия Чапаева. Фото начала 1930-х гг.

Александр, Клавдия и Аркадий. Не позднее 1939 г.

Комкор Иван
Кутяков.
1935 или 1936 г.

Личное оружие
В. И. Чапаева

Плакат к фильму братьев Васильевых «Чапаев». 1934 г.

Начдив «впереди на лихом коне».

Кадр из фильма братьев Васильевых «Чапаев»

Психическая атака каппелевцев.
Кадр из фильма братьев Васильевых «Чапаев»

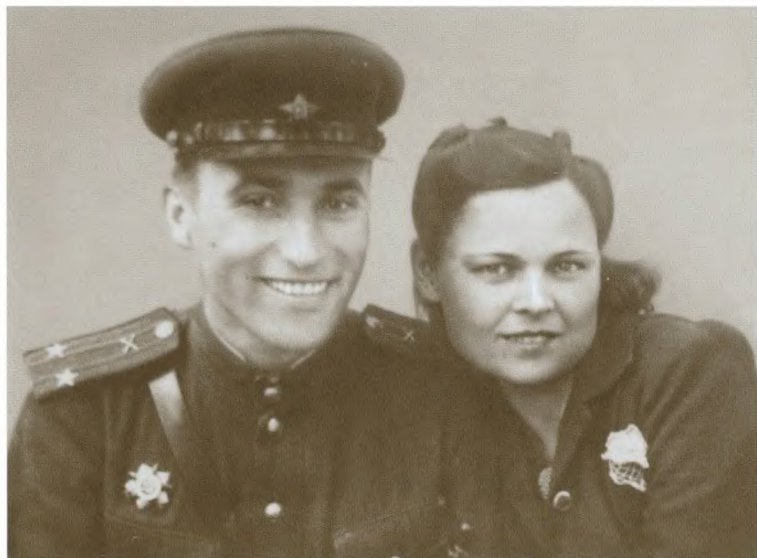
Плакат времен Великой Отечественной войны

Командир 1850-го противотанкового артполка подполковник А. В. Чапаев и командир 16-й противотанковой артбригады подполковник И. В. Купин. Харьков, февраль — март 1943 г.

Александр Чапаев с женой. 1943 или 1944 г.

**Памятник Василию Ивановичу Чапаеву в Чебоксарах.
Скульптор П. А. Баландин, архитектор В. И. Морозов**

подразделению: в Уфимском корпусе была инструкторская школа, где учили унтер-офицеров и младших офицеров. Одна из ее рот состояла из бывших реалистов, которые продолжали носить свою старую форму. Сотня или полторы семнадцати-восемнадцатилетних мальчишек могла вся до одного погибнуть под очередями чапаевских пулеметов и породить легенду об офицерских полках.

Бой под Турбаслами был одним из самых ожесточенных в Уфимской операции весенне-летней кампании на Восточном фронте: периодически 217-й Пугачевский полк вел бой в окружении противника. Умелые действия командиров, их личное присутствие в цепях вновь сыграли роль в успехе 25-й дивизии: ее бригады заняли и удержали на правом берегу Белой плацдарм в восемь километров по фронту и 10—12 километров в глубину, что позволяло развернуть на нем новые силы и продолжать наступление на Уфу. Вернувшийся в штаб армии Фрунзе отмечал в приказе по армии: «За героизм и мужество, проявленные 8 июня 220-м полком, который стремительным ударом выбил противника из его позиций, я, лично убедившись в этом, находясь с частями 220-го полка в передовых цепях, выражаю 220-му полку благодарность, а также 217-му и 218-му полкам за их быструю переправу через реку Белую и продвижение вперед». Успех дался нелегко, сводки штаба дивизии и армии отражали значительные потери убитыми и ранеными.

В рапорте командующему Восточным фронтом Сергею Каменеву Фрунзе указал: «Четыре полка 25-й дивизии вчера, 8 июня, переброшены на правый берег реки Белая и заняли район Новые и Старые Турбаслы и Александровка. Переправа совершилась вполне благополучно, ибо противник был введен в заблуждение нашими демонстрациями и не имел в районе переправы достаточных сил. Но уже с утра 8, стянув силы, он обрушился на переправившиеся в первую очередь 220-й и 217-й полки и начал теснить нас... Утром пришло в Красный Яр донесение комполка 220-го о переходе противника в контрнаступление и с просьбой о поддержке. Съездив с комбригом-73 на место боя, я убедился, что противник действительно серьезен и стягивает крупные силы. Нами взяты пленные 14-го, 15-го и 16-го Уфимских полков, здесь же действует прибывший Сибирский казачий полк и где-то вблизи находится 8-я Камская дивизия. С 4 часов вечера противник начал усиленно бомбардировать Красный Яр с аэропланов, стремясь разрушить

наши переправы и вообще нагнать панику. Положение считаю серьезным, имея главным образом в виду слабость перевозочных средств и невозможность поэтому своевременного подвоза всего необходимого... Прошу Вас немедленно приказать командарму 5-й немедленно двинуться на юг для удара во фланг противника, стремящегося опрокинуть 25-ю дивизию в реку... На всем участке от Тюкунева до Красного Яра противник имеет сильную артиллерию и оказывает самое упорное сопротивление... Прошу далее принять меры в отношении снабжения меня авиасмесью. Наши аппараты почти бездействуют, позволяя противнику безнаказанно ударять по самым чувствительным местам... Между прочим вчера ранен пулей с аэроплана начдив Чапаев, сдавший командование комбригу 73-й, а я слегка контужен бомбой».

Вечером штаб дивизии получил сведения о готовящемся белыми утром контрударе. Атака на занятый чапаевцами плацдарм приписывалась в советские годы корпусу Владимира Каппеля, который назывался элитой или «отборным соединением» белой армии. Сама атака обросла благодаря многочисленным «очевидцам» массой подробностей.

Иван Кутяков писал: «Как сейчас вижу: раннее утро; по огромному полю высокой ржи навстречу обороняющимся целям чапаевских полков движутся колонны офицерских ударных батальонов. Это было около 5 часов утра. А через три часа это поле было начисто скошено нашим пулеметным огнем. Земля была усеяна трупами юнкеров и офицеров, одетых в черные суконные френчи с георгиевскими крестами».

Воспоминания другого участника боя, Федора Ершова, приводит внука легендарного начдива Евгения Чапаева:

«На нас навалились основные силы колчаковских армий. Когда мы увидели офицерские “батальоны смерти”, патронов у нас оставалось совсем мало... В кинофильме “Чапаев” ярко продемонстрировано, что такое “психическая атака”. Наша тактика — отражать эти атаки, очень близко подпуская противника, тактика “встречи в тишине” сложилась сама собой, из-за недостатка боевых припасов. Нужно было беречь каждый заряд и стрелять наверняка, а ведь очень немногие стреляли тогда настолько хорошо, чтобы попасть в далеко движущуюся мишень. Увидев офицерские части, мы окопались как успели и смогли... Мой бинокль был слабей. Но я видел, как цепи колчаковских “батальонов смерти” спускались с холма...

Вот колчаковские цепи на расстоянии семисот, восьмисот шагов. Это большое напряжение, нужна выдержка — цепь идет прямо на тебя, а ты лежишь, видишь ее снизу вверх и ничего не делаешь. Иной боец от ожидания подскакивает всем телом на месте. Наступающие цепи все ближе, уже различаешь во всех подробностях отдельные лица — и лежишь, молчишь! Сигнал!.. И тут же все, что есть у нас, обрушивается на врага: и пулеметный, и ружейный огонь, и последние два снаряда. Стреляя, люди кричат, ругаются от долго сдерживаемой злости».

А вот строки из романа «Чапаев»:

«Черными колоннами, тихо-тихо, без человеческого голоса, без лязга оружия шли в наступление офицерские батальоны с Каппелевским полком... Они раскинулись по полю и охватывали разом огромную площадь. Была, видимо, мысль — молча подойти вплотную к измученным, сонным цепям и внезапным ударом переколоть, перестрелять, поднять панику, уничтожить... Эта встреча была ужасна... Батальоны подпустили вплотную, и разом, по команде, рывкнули десятки готовых пулеметов... Заработали, закосили... Положили ряды за рядами, уничтожали... Повскакали бойцы из окопов, маленьких ямок, рванулись вперед. Цепями лежали скошенные офицерские батальоны, мчались в панике каппелевцы — их преследовали несколько верст... Этот неожиданный успех открыл полки самыми радужными надеждами».

«Психическая» атака описана и в вышедшей книге «Легендарная Чапаевская»:

«Впереди под барабанный бой шли офицерские батальоны и части каппелевского корпуса. Началась “психическая” атака белых. Чапаевцев не смутила лавина противника. Пулеметчики... подпускали белых на близкое расстояние и стреляли по ним в упор. Шквальный фланговый огонь организовал помощник командира 218-го Разинского полка Василий Киндюхин. Артиллеристы расстреливали колчаковские цепи огнем “на картечь”. Успешно действовали три бронемашины... Потерпевший поражение на участке 73-й бригады противник поспешно отступал...»

Повторимся еще раз: офицерские батальоны и полки на Восточном фронте, равно как и бой чапаевской дивизии с Волжским корпусом Каппеля под Уфой, были и остаются вымыслом. Присутствие каппелевцев на участке 25-й ди-

визии, равно как и элитность полков, ведомых в бой одним из самых известных генералов белой армии, советские историки почерпнули не из документов, а из неясных свидетельств, романа и легендарного кинофильма. Волжская бригада, ставшая основой одноименного корпуса, насчитывала к началу 1919 года более 3500 человек. Укомплектование корпуса началось только в марте, причем среди пополнения было немало пленных красноармейцев, захваченных в декабре 1918-го — январе 1919 года Сибирской армией, а также жителей местностей Ялуторовского и Ишимского уездов Тюменской губернии, которые не знали советской аграрной и продовольственной политики и не были устойчивы к большевистской пропаганде. Кроме того, солдаты и офицеры поступали из запасных полков, расположенных в районе Кургана и Челябинска. К моменту выхода на фронт бригада насчитывала уже более 24 тысяч человек, то есть на одного добровольца приходилось шесть-семь мобилизованных. Внушительный костяк кадровых волжан, сражавшихся против Красной армии с лета 1918 года, сохранился только в артиллерии и кавалерийской бригаде. Как отмечал начальник штаба Западной армии Сергей Щепихин: «Численный состав кадров Каппеля по разным частям был чересчур разнообразен, чтобы возможно было ограничиться установлением для всех частей одного общего процента предназначенных в часть красноармейцев. Этого сделано не было — злополучный пьяница Барышников (начальник штаба Волжского корпуса. — П. А.) подложил всему делу большую свинью, отнесшись халатно, формально к этому основному вопросу. Все части получили 35 % красноармейцев, но не все части их могли переварить в таком количестве». На боевую подготовку корпуса и его моральное сплочение осталось слишком мало времени. Надежды Каппеля на то, что добровольцы «переплавят» анархические и антивоенные настроения мобилизованной массы, не оправдались. «Наружно, во время переформирования корпуса, все шло хорошо, но внутри было не совсем так: работали агенты большевиков. Каппель надеялся, что его надежные кадры переделают всех шатающихся и даже красноармейцев. Может быть, это и было бы так, если бы времени для работы было больше и если бы не пришлось выступать на фронт частями, до окончания работ», — вспоминал впоследствии Павел Петров. Кроме того, офицеры и солдаты были недовольны, что их направляют на фронт на полтора месяца раньше запланированного срока. Еще в пути, по со-

общениям контрразведки, солдаты в эшелонах пели большевистские частушки и грозились перейти к красным. Уже в начале мая, вскоре после выхода на передовую линию, к красным перешел 10-й Бугульминский полк 3-й Симбирской дивизии. Рассыпался и частично перешел к красным 49-й Казанский полк. Такими были настоящие, а не вымышленные кинематографические «капчелевцы».

Чапаевцев под Уфой контратаковали части 4-й и 8-й дивизий, это были обычные крестьяне и горожане, как добровольцы, восставшие против советской власти летом 1918 года, так и мобилизованные. Неудача этой атаки — следствие не только ее плохой подготовки, но и вызванных кинжальным огнем чапаевцев потерь и растерянности бойцов, часто остававшихся без офицеров и даже унтеров. Комиссар 220-го Иваново-Вознесенского полка Ефим Капустянский описывал этот бой по горячим следам: «9 июня в 10—11 часов неприятель двинулся восемью цепями на наш полк. Несмотря на то что не спали две ночи и не имели два дня ни крошки хлеба во рту, наши солдаты дрались как львы. После боя подтвердилось, что были уничтожены три неприятельских полка: 15-й Михайловский, 14-й и 16-й Уфимские во главе со всеми командирами — убитыми, ранеными и попавшими в плен, а также присланные на поддержку 29-й и 31-й полки, бежавшие в панике, несмотря на останавливающий их нагайками 5-й кавалерийский полк, который также в панике бежал».

Панический характер отступления 4-й и 8-й дивизий и полное уничтожение большинства полков, участвовавших в контратаке утром 9 июня, — большое преувеличение. Это был поспешный, но все же организованный отход. Однако человек, принимавший непосредственное участие в боях с белыми, капчелевцев в рядах противника не заметил. Фрунзе в своих донесениях также указывал, что против чапаевцев действуют 4-я и 8-я дивизии белой армии и сибирские казаки и не упоминал о присутствии Волжского корпуса на этом участке.

Белые не были разгромлены и не потеряли боеспособности, тем не менее успех Красной армии был налицо. Выдающуюся роль в нем сыграли 25-я дивизия и личное участие в бою ее командиров, в том числе Василия Чапаева. Известный военный специалист и военный историк Николай Какурин в книге «Как сражалась революция» писал:

«В ночь с 8-го на 9 июня попытки наших частей переправиться через р. Белую на остальных участках по-прежнему не увенчались успехом, а между тем противник, сосредоточив сильные резервы, усиленно атаковал наши части, переправившиеся у Красного Яра. Одно время здесь назревал благоприятный для него перелом, когда некоторые полки 25-й дивизии поколебались и осадили на переправы, но личный пример командования и начальников скоро увлек их вперед, тем более что противник в своих контратаках, по-видимому, истощил свои последние усилия, и к вечеру 9 июня части Красной армии вновь вступили в Уфу. Окончательным своим результатом, благоприятным для красного оружия, Уфимская операция обязана 25-й стрелковой дивизии, на которую и пала вся тяжесть боев за Уфу. Этот успех достался ей не даром: за два дня боя она потеряла около 2 тыс. человек... Потери противника были еще больше и по приблизительным подсчетам достигали 3 тыс. человек. Окончательно надломленный и очистивший уже Уфу противник некоторое время упорно еще держался против Ударной группы Туркестанской армии, препятствуя до 16 июня ее попыткам переправиться через Белую».

Взятие Уфы было значительным успехом: занят крупный город и железнодорожный узел, в котором захвачены значительные запасы военных материалов и миллионы пудов продовольствия, необходимого Красной армии для дальнейшего продвижения на Урал. 10 июня Михаил Фрунзе отмечал в приказе по Южной группе Восточного фронта: «9 июня после ряда упорных боев доблестными полками 25-й стрелковой дивизии взята Уфа. Нами взято много пленных, пулеметов, оружия. Разбитый и понесший огромные потери противник обращен в бегство и спешно уходит на северо-восток...»

В письме в Иваново-Вознесенский губком партии Фрунзе писал о выдающейся роли 220-го стрелкового полка, сформированного из рабочих города; командарм отметил, что полк первым переправился через реку и преодолел с непрерывными боями 25 верст, несмотря на сильное сопротивление противника и недостаток патронов. Исключительную стойкость «ткацкого» полка отмечал в своих приказах и Чапаев.

10 июня неоправившийся от контузии Фрунзе прибыл в Уфу, где его встретили раненый Чапаев и Фурманов. Командарм, не дождавшись окончания рапорта, попытался

отчитать начдива за несоблюдение рекомендаций врачей, а комиссара — за нежелание повлиять на командира. Чапаев ответил: «Я, Михаил Васильевич, как предписали врачи. Они, точно, предписали мне покой. Но я так понимаю, что покой мне будет только в Уфе, среди своих бойцов. А военком не мог согласиться со мной, когда я приехал, он же не мог меня беспокоить... Даже не спорили...» Чапаев перешел в наступление и, в свою очередь, упрекнул Фрунзе и Тронина за то, что они прибыли в Уфу, не оправившись после боевых ранений.

Возможно, Чапаеву, привыкшему находиться среди бойцов, в центре внимания и событий, действительно было уютно в госпитальной палате и он надеялся быстрее выздороветь «на ногах». Такой психологический эффект вполне вероятен. Кроме того, Чапаев понимал, что его присутствие в дивизии повышает боевой дух красноармейцев, дисциплинирует их при вступлении в большой город, смягчает возможные эксцессы. «В окно заглядывают восторженные чапаевцы. Но у окна не задерживаются. Какая-то особенная деликатность, чуткость. Взглянет, увидит знакомую приземистую фигуру во френче, с забинтованной головой, улыбнется и отойдет. Чапаев с нами. Больше ничего и не надо», — писал впоследствии Тронин.

Стороны подводили итоги боев. Красные праздновали победу и возвращение под свой контроль одного из богатейших хлебопроизводящих районов России, сохранение самарских, симбирских, ижевских и воткинских заводов, производивших вооружение, боеприпасы и военное снаряжение. Фрунзе в интервью «Известиям» сказал, что «Колчак сломан и разбит на пять шестых... По существу, вопрос с Колчаком решен. Его последнее контрнаступление под Челябинском, где он собрал свои последние силы, закончилось для него полным крахом».

Белым оставалось зализывать раны, печалиться о нереализованных возможностях, анализировать причины неудач и готовиться к предстоящему отступлению. «Этот период закончился попыткой армейского командования при работе нового штаба организовать сопротивление сначала западнее р. Белой, а затем на Белой. Результаты были слабыми. В первом случае все предположения оказались необоснованными и несообразными с временем и состоянием частей; успеха от маневра Уральской группы не получи-

лось. Сибирские казаки под руководством генерала Волкова не оправдали возлагавшихся на них надежд. Во втором переоценили значение р. Белой как преграды. Армейское командование, видимо, подошло к этой оценке с меркой обычной войны, а не гражданской. В гражданской войне (когда тыл беспокоен) очень плохо удерживаются именно крупные пункты, хотя бы они имели хорошие укрепления или естественные преграды.

На реке Белой были успешные боевые эпизоды, но в общем в первых числах июня Уфа была снова отдана красным — начался отход к Уралу и за Урал с мелкими ежедневными, изнурительными боями. Это было окончательной ликвидацией нашего весеннего наступления. Надежды на то, что положение скоро изменится, уже не было», — писал Петров. Впрочем, по его убеждению, в тот момент белый фронт еще не чувствовал обреченности и надеялся повторить опыт зимы 1918/19 года, когда слабые белые дивизии и корпуса удержались на западных склонах Уральского хребта и затем перешли в наступление.

Будберг смотрел на положение дел более мрачно: «На фронте никакого просвета, и армии безудержно катятся на восток, потеряв, очевидно, способность остановиться, задержаться и начать оказывать сопротивление... Ставка упорно не желает понять всю грозность положения и продолжает цепляться за надежду какого-то чудесного поворота в нашу пользу. По сведениям приезжающих с фронта строевых офицеров, высшие и низшие штабы переполнены законными и незаконными женами, племянницами и детьми... солдат брошен; штабы доносят заведомую неправду; при эвакуации Уфы раненых бросили, а штабы уходили, увозя обстановку, мебель, ковры, причем некоторые лица торговали вагонами и продавали их за большие деньги богатым уфимским купцам; что за последнее время грабеж населения вошел в обычай и вызывает глухую ненависть самых спокойных кругов населения».

Тем временем чапаевцы приветствовали своего командира. Бойцы 223-го полка 75-й бригады на общем собрании вынесли резолюцию: «Выносим глубокую благодарность своему доблестному руководителю и герою товарищу Чапаеву, который умелой рукой ведет нас, красноармейцев, вперед, к победе. Память о нем никогда не умрет в наших

сердцах. При взятии Уфы, находясь в цепи, он был ранен в голову, и после ранения товарищ Чапаев не оставил нашей дорогой семьи, руководил нами. Мы, красноармейцы 25-й дивизии, с гордостью произносим имя нашего героя товарища Чапаева и гордимся им и представляем его к награде за указанную услугу Российской Социалистической Федеративной Советской Республике».

Чапаев месяцем раньше напомнил об обещании Реввоенсовета наградить первые два полка дивизии Революционным Красным знаменем. Ответ получился немного неожиданным: через месяц, в июле 1919 года, красные знамена получили все девять стрелковых полков и кавалерийский дивизион 25-й дивизии. В приказе о награждении значилось: «С непоколебимой революционной верой в победу эти полки и дивизион в течение нескольких месяцев вели ожесточенные и кровопролитные бои, которые привели к разгрому Уральской казачьей армии генерала Савельева (в действительности — Мартынова. — П. А.)... В дни катастрофического положения Самары полки были переброшены на бугурусланское направление, и здесь, проявляя боевую отвагу, они безостановочным решительным наступлением и яростными атаками овладели в течение полутора месяцев (май и июнь) Бугурусланом, Белебеем, Чишмой и Уфой и их районами; противнику здесь нанесено жестокое поражение, взято в плен много оружия, более 100 пулеметов и около 10 000 пленных. Таким образом, благодаря беззаветной храбрости и действиям доблестных полков и дивизиона были спасены Среднее Поволжье и хлебный Самаро-Уфимский район. Особую храбрость полки проявили при форсировании р. Белая и занятии г. Уфа, где противник, сосредоточив большие силы, пытался опрокинуть их обратно в реку. Под сильным ураганным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника полки, преодолев несколько рядов проволочных заграждений и целую систему фортификационных укреплений, в течение одних суток бросались несколько раз в штыки, в результате чего и овладели г. Уфа».

Вскоре после завершения боев под Уфой Фрунзе представил к награде Чапаева и Кутякова за руководство частями дивизии и личное мужество в боях с конца апреля до середины июня 1919 года. Реввоенсовет удовлетворил ходатайство командарма, но изменил формулировку награждения. Орден Красного Знамени Чапаев получил «по

совокупности заслуг» 1918 и 1919 годов. В приказе о награждении значилось: «Соорганизовав по революционному почину отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 г. упорно оборонял Саратовско-Николаевский район сначала от нападения уральских казаков, а потом и чехословаков... Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам Александрово-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность овладеть Уральской областью. Назначенный начальником 25-й стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан. Настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район. В боях под Уфой (8 июня сего года) при форсировании р. Белая лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием г. Уфа».

Уфимская операция завершилась для Красной армии как нельзя вовремя. Фрунзе не случайно торопился с наступлением, он знал, что в ближайшее время ему придется вывести с передовой значительные силы, чтобы помочь войскам других фронтов. На правом фланге Восточного фронта активизировались уральские казаки. На Южном фронте и под Петроградом белые перешли в наступление и нанесли серьезные поражения Красной армии. Это требовало спешного вывода в резерв и переброски боеспособных резервов на угрожаемые направления. Ситуация обеспокоила высшее руководство Советской России. В ответ на возмущения Реввоенсовета Восточного фронта об изъятии соединений Ленин писал: «Сильное ухудшение под Питером и прорыв на юге заставляют нас еще и еще брать войска с Вашего фронта. Иначе нельзя...»

31-я стрелковая дивизия спешно перебрасывалась на Южный фронт, башкирская конница и две бригады 2-й стрелковой дивизии — под Петроград. 25-й дивизии предстояло возвращение на привычный театр военных действий — Уральский фронт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К УРАЛЬСКУ

Чапаевская дивизия возвращалась на места прежних сражений, в степи, где начинался ее боевой путь. Уральские казаки при поддержке оренбургских осадили Уральск еще в конце апреля. 9 мая им удалось полностью окружить Уральск, связь с которым теперь поддерживалась только аэропланами и по радио. Блокировав город, уральцы двинулись дальше на северо-запад. Такое развитие событий обеспокоило штаб Восточного фронта, Реввоенсовет республики и высшее руководство Советской России. Они опасались, что наступление Уральской армии может создать угрозу Самарскому и Саратовскому районам, сбору продразверстки с местного крестьянства. Кроме того, активизация действий Уральской армии одновременно с развитием операций Кавказской армии генерала Петра Врангеля на царицынском направлении угрожала Советской республике полным прекращением связи Центральной России с Астраханью, откуда советское правительство могло получать те капли нефти, что могли обеспечить деятельность немногочисленных броне- и авиачастей Красной армии.

Первые попытки командующего 4-й армией Константина Авксентьевского перейти в наступление и деблокировать Уральск потерпели неудачу. Белые, почувствовав неустойчивость красных полков и отдельных отрядов, стали действовать решительнее и начали наступление на Николаевск, станции Деркул и Шипово, захват которых серьезно затруднял снабжение войск, действовавших на уральском направлении. Командование четырежды пыталось очистить Уральск от красных. Наиболее массивным был третий штурм 25 мая. Командование Уральской армии надеялось на восстание внутри города, но чекистам удалось вскрыть заговор и узнать время атаки. Красное командование подготовило засаду на путях возможной переправы противника. Когда лодки с казаками начали форсировать реку, по ним был открыт шквальный огонь. Погибли более четырехсот солдат и офицеров в Уральском и Гурьевском полках. Казаки потеряли шесть пулеметов, 400 винтовок, около ста тысяч патронов. Генерал Толстов сетовал, что не возглавил штурм лично, а поручил его генералу Чернышеву.

15 июня Фрунзе докладывал в штаб фронта: «Довожу до вашего сведения, что на фронте 4-й армии положение, по сообщению командарма, чрезвычайно тяжелое. В настоящее время противник стянул все силы с разных участков

и обрушился на наши Шиповскую и Деркульскую группы. В результате вчерашнего боя нами потеряно 4 орудия. Сегодня сведений не поступало, сейчас добились к аппарату Авксентьевского. По его мнению, придется для спасения остатков отходить, и он настойчиво требует удара с севера, утверждая, что в противном случае не только не спасти Уральск, но не спасти и остатков 4-й армии. Наряду с этим к нам стали поступать отчаянные донесения из уездов Саратовской губернии, наводняемых бандами дезертиров, с требованиями о немедленной помощи».

В тот же день Ленин отправил по просьбе Фрунзе телеграмму, которая должна была повысить боевой дух осажденных в Уральске: «Прошу передать мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска. Просьба не падать духом, продержаться еще немного... Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом».

Тем временем еще одно наступление Красной армии на уральском направлении потерпело неудачу. Группа войск 4-й армии, усиленная шестью бронемашинами и бронепоездами, начала продвигаться вглубь области 10 июня из района станции Деркуль. Казаки предпочли не ввязываться в лобовые столкновения, дождались удобного момента, когда коммуникации Деркульской группы растянутся, и 16 июня нанесли удар с флангов. Попытки восстановить связь с основной группировкой сразу не увенчались успехом. 20 июня часть пехоты и кавалерии Деркульской группы вышла из окружения. При прорыве красным пришлось взорвать пять бронемашин из шести и бронепоезд. Штаб 4-й армии вынужденно оправдывался: «Главным недостатком армии является ее партизанский характер. До сих пор многие части имеют склонность к выборному началу. Против командиров, бывших офицеров, ведется злостная, разлагающая дисциплину агитация. Зачастую целые полки выносят резолюцию недоверия не только своему ближайшему командному составу, но даже штабу Южной группы, обвиняя их в предательстве и измене. Можно указать выступление в этом духе полка "Красной звезды" в Пугачеве, также непрекращающуюся провокацию в полках плясунковской группы. До сих пор в армии гуляют безнаказанно убийцы Линдова и Майорова. Куриловский полк, принимавший активное участие в этом убийстве, продолжает терроризировать высшее командование. В армии очень часты случаи неисполнения боевых приказов, самовольного оставления позиций и прочее. Отдельные

демагоги и провокаторы пользуются в армии колоссальным влиянием. Одним словом, можно сказать, что значительная часть наших неудач на Уральском фронте объясняется партизанщиной, которой пропитана 4-я армия. Реввоенсовет-IV приступил к самым энергичным мерам по очистке армии от провокаторско-партизанских элементов. С этой целью в первую очередь изымаются главари и вдохновители контрреволюционных выступлений. Уже арестован командир бронепоезда Богданов — инициатор убийства Линдова. Принимаются меры к аресту других демагогов. Реввоенсовет-4 будет постепенно устранять из армии всех ответственных, тем более популярных лиц, хотя и не замешанных ни в каких преступлениях, но являющихся вождями партизанщины. Но борьба с разложением армии будет действенной только тогда, когда в этом направлении одинаково будут работать все заинтересованные инстанции».

Фрунзе и Каменев детально обсуждали планы переброски войск, освободившихся после успешного завершения Уфимской операции. Командующему Южной группой пришлось убеждать будущего главкома в невозможности отправки одной из бригад 25-й дивизии на Петроградский фронт вместо бригады 5-й дивизии, погрузка которой запаздывала из-за отсутствия пароходов и барж. Каменев согласился с нецелесообразностью дробления одной из лучших дивизий Красной армии и приказал ускорить отправку чапаевцев на Бузулук.

Получив очередное тревожное донесение из 4-й армии, Фрунзе начал колебаться и предложил вывести гарнизон Уральска к станции Соболево, но получил категорический отказ Каменева. Командующий фронтом приказал продолжать оборону города и активизировать операции у станции Шипово, чтобы отвлечь силы казаков от осады Уральска.

18 июня Фрунзе распорядился о переброске 25-й дивизии: «Необходимо на фронте 4-й армии перейти в решительное наступление, нанести противнику сокрушительный удар, от которого он не мог бы более оправиться, и навсегда искоренить зародыши и очаги восстаний и мятежей в Уральской области. Задача эта возлагается мною на 1-ю и 4-ю армии совместно со славной 25-й стрелковой дивизией, грозное оружие которой хорошо известно мятежникам.

Приказываю:

1. 1-й и 3-й бригадам 25-й дивизии немедленно готовиться к переброске на Бузулук и 19 сего июня начать посадку на железнодорожных станциях Юматова, Дема.

2. 2-ю бригаду по выполнении возложенной боевой задачи направить к железной дороге с расчетом не позже 21 июня начать ее посадку.

3. Переброску всей дивизии в район сосредоточения закончить не позже 25 сего июня.

4. Станции высадки назначаю: для 1-й бригады — ст. Богатое, для 2-й бригады — Неприк и для 3-й бригады — Бузулук.

5. По выгрузке немедленно следовать в районы: 1-й бригаде — Петровка — Алексеевское (Землянки), Несмияновка, Славянка; 2-й бригаде — Ромашкино, Семеновка, Сергеевка (Боровка); 3-й бригаде — Петровка, Курманаево, Кондауровка.

6. Начдиву 3-й кавалерийской т. Свешникову не позднее как к 27 июня перевести 2-й кавполк в район г. Бузулук, а 1 июля перейти туда же со штабом дивизии, передав отряд Каширина 5-й армии.

7. По сосредоточении в указанном районе 25-й стрелковой дивизии 10-му и 12-му кавполкам, 21-му стрелковому полку составить особую группу под общим начальством начдива 25-й т. Чапаева. Тов. Чапаеву быть в непосредственном моем подчинении.

8. Тов. Чапаеву держать связь со мною через Бузулук».

Однако расчеты Фрунзе не оправдались. 20 июня он вынужден был поддержать наступление 31-й и 24-й стрелковых дивизий 74-й бригадой. Ее выход к станциям посадки пришлось перенести. Кроме того, для перевозки частей 25-й стрелковой дивизии не хватало паровозов и вагонов. Командующий Южной группой вынужден был отложить переброску дивизии до 28 июня. Кавалерия чапаевцев отправилась на уральское направление походным порядком. Общее наступление на столицу Уральской области планировалось после завершения переброски всех частей 25-й стрелковой дивизии. 22 июня Фрунзе телеграфировал начальнику 22-й стрелковой дивизии Александру Сапожкову: «Извещаю героев защитников Уралья о том, что работа по сосредоточению войск заканчивается. Не позднее 28 июня можно будет начать общее наступление. Наступление долж-

но... утвердить господство рабоче-крестьянской власти. Уверен в том, что уральцы, отбивавшиеся от врага два месяца, сумеют продержаться еще немного и влетут новые победные листья в свой венок».

Статус Чапаева в новой операции повысился: он стал командующим Особой группой, которой кроме 25-й дивизии подчинялась Особая бригада в составе двух стрелковых и кавалерийского полков, а также двух артдивизионов. Теперь под началом Чапаева находились 11 стрелковых и два кавалерийских полка, четыре легких и два гаубичных артдивизиона. По штатному числу бойцов это были силы, сопоставимые с тремя дивизиями Первой мировой войны. Наш герой фактически становился командиром корпуса, такими соединениями в Первую мировую командовали генерал-лейтенанты или даже полные генералы.

Во время краткого затишья и переброски чапаевцев из-под Уфы на уральское направление в дивизии разгорелись бурные страсти. Безоблачные до поры до времени отношения между Чапаевым и его комиссаром Дмитрием Фурмановым стремительно испортились. Начдива и военкома разделили не политические разногласия или противоречия в тактике ведения войны. Все оказалось куда прозаичнее: наш герой и Фурманов стали сторонами любовного треугольника, вершиной которого случайно или по собственной воле стала жена комиссара Анна Стешенко, которую сам Фурманов в письмах нежно называл Ная. Любовь между Фурмановым и его избранницей — отдельная история, которая ждет художественного отражения. Они познакомились еще во время Первой мировой войны, когда Фурманов служил братом милосердия в санитарном поезде. Похоже, это была история взаимной яркой и мучительной страсти, переживавшей яркие взлеты и глубокие падения, когда влюбленные были близки к разрыву.

Любовь оказалась сильнее войн, революций и житейских неурядиц. После коротких встреч и долгих расставаний бывший студент, а ныне брат милосердия Фурманов и бывшая курсистка Стешенко поженились. Весной 1919 года Анна Стешенко соединилась с мужем на фронте. Она прибыла в дивизию и заняла должность заведующей отделом в политотделе дивизии. Немногие заметили конфликт служебных интересов в ситуации, когда муж по должности оказался руководителем своей жены. Подоб-

ные истории не были массовыми, но и не рассматривались тогда как что-то из ряда вон выходящее.

Напряжение в отношениях между начдивом и комиссаром быстро возросло. Невозможно сейчас достоверно описать поведение Анны, давала ли она повод для назойливых (по версии Фурманова) притязаний Чапаева. Мы знаем ситуацию только с одной стороны — из дневников самого Фурманова. Если верить ему, то доблестный начдив влюбился в жену комиссара. Возможно, несчастливая личная жизнь Чапаева толкнула его к молодой и яркой женщине. К тому же Анна была человеком иной, городской интеллигентской культуры, «барыней» в глазах начдива, и это, вероятно, подстегивало его притязания. Во время войны чувства обостряются, многие стремятся жить одним днем, пытаясь ухватить свое мимолетное счастье или его подобие. И еще: Чапаев, считавший себя непобедимым, наголову разгромивший противостоявшие ему белые дивизии и бригады, не мог представить, что встретит яростный отпор в собственных тылах. Мы можем лишь догадываться, питал ли начдив к Анне Фурмановой возвышенные романтические или, напротив, низменные чувства. Однако если верить главному автору легенды о Чапаеве, тот настойчиво находил причины для новых встреч, придумывал разнообразные поводы для совместных прогулок.

«Несколько дней я стал замечать, что Чапай слишком нежно настроен к Нае... Он стал искать уединения с нею, гулял иногда вечером, ехал возле ее повозки, смотрел ей нежно в глаза, ловил взгляды и улыбки, брал за руки — любовался ею... Для меня несомненно теперь, что он любит Наю. Он не может пробыть, не увидев ее самое короткое время... Он хотел моей смерти, чтобы Ная досталась ему. Он может быть решительным не только на благородные, но и на подлые поступки».

Вскоре Анна Фурманова показала мужу письмо с подписью «л...й Вас (именно так, с многоточием) Чапаев». Возмущенный комиссар ответил гневным письмом, которому нельзя отказать ни в накале чувств, ни в возвышенности стиля: «Я стал Вас презирать всего несколько дней назад, когда убедился, что Вы карьерист, и когда увидел, что приставания делаются особенно наглыми и оскорбляют честь моей жены. Я Вас считал за грязного и развратного человечика (о чем Вы мне так много рассказывали, когда мы вместе ездили по Уральским степям, помните!), и Ваши прикосновения к ней оставили во мне чувство какой-то гадли-

вости. Впечатление получалось такое, будто к белому голубю прикасалась жаба: становилось холодно и омерзительно...»

На обвинения в трусости, карьеризме и домогательствах к жене комиссара Чапаев ответил спокойным и выдержанным письмом, в котором справедливо заметил, что претензии комиссара — следствие ревности: «Осторожность не трусость, и я никогда от пули не отказывался и не говорил, что меня кто-то посылает на смерть, а честность моя всегда со мной, и я комиссаров не жалею, как и себя, так ни о ком не плачу. Конюхом я вас назвал не потому, что я ненавижу конюхов, но Вы помните, что комиссар, но не умеете держать себя прилично, что касается комиссаров, я сам был честным комиссаром и проводил политическую жизнь нормально, а если вы хотели поддержать коммунистку, я вправе сделать вам замечание. Что касается Анны Никитишны, то я не скажу ничего до тех пор, покамест не скажет она. Что касается тебя, я говорил и говорю, что Фурман в другом месте пользы бы принес больше, а возле меня он бездействует, — с этим ты согласился сам. Прошу больше мне не писать, что думаешь — думай про себя. Меня не задевай. Что касается Анны Никитишны — меня удивило, что это за игра. Затем до свиданья, а может и прощай. Чапаев». Вскоре начдив ядовито предложил Фурманову подойти вечером, если тот нуждается в интимном общении с женщиной, — дескать, придут «барышни», одной можешь воспользоваться.

Любой приказ Чапаева, касавшийся политотдела, даже целесообразный и логичный, теперь воспринимался через призму личных отношений в штыки. Перед походом на Уральск начдив решил оставить в тылу имущество отдела, которым руководила жена Фурманова, и освободить подводы для военных нужд. Распоряжение вполне разумное — в дальнем походе подводы и лошади необходимы для перевозки боеприпасов, амуниции, запчастей, наконец, раненых. Тем не менее рассерженный Фурманов счел это покушением на собственную работу и отправил возмущенный рапорт о незаконных действиях Чапаева в РВС армии. Однако Реввоенсовет принял сторону начдива.

Фурманов выдвигал новые обвинения. Взаимоотношения все меньше напоминали описанное затем в романе гармоничное сотрудничество между начдивом — самородком из низов и интеллигентом-комиссаром. История, начавшаяся в духе рыцарского романа и шекспировских страстей, переросла в личную склоку, которая непосредственно за-

трагивала интересы службы и тысяч подчиненных Чапаева и Фурманова. В соединении назревал личный конфликт в духе купринского «Поединка», но уже в боевых условиях. А это грозило обернуться куда более тяжелыми последствиями.

Следствием напряженных личных отношений и интриг между начдивом и комиссаром стал рапорт Фурманова командующему Восточным фронтом:

«Я хочу заранее поставить Вас в известность и предостеречь от возможных неприятностей, слишком хорошо к нему все время относился, слишком многое прощал, не тревожил Вас до поры до времени своими сомнениями и полагал, что все изживется между нами, в теплой товарищеской среде. Теперь вижу другое: я во многом был излишне доверчив, прост и чистосердечен. Толчком к данному событию послужило посещение нами тюрьмы, где были посажены отказавшиеся идти в наступление мадьяры 222-го полка... Чапаев предлагал мне расстрелять из них тут же, в тюремном дворе, человек 20—25. Я отказал ему в этом удовольствии и предложил организовать чрезвычайную комиссию из представителей командного состава, политического отдела и следственной комиссии. Он отказывался, упрямился, но потом согласился, затаив злобу на меня за отказ в моментальном расстреле мадьяр без суда и следствия. Теперь комиссия работает. Скоро к Вам в центр поступит материал и виновные... Всего было обойдено около ста камер. Опрос Чапаевым производился следующим образом: “Ну что, как сюда попал? Где лучше — в полку или в тюрьме? Хочешь ли на родину, повидаться с родными? Хочешь ли сражаться в Венгрии или у нас здесь?” И когда на два последних вопроса мадьяры отвечали утвердительно — их отмечали крестом в записной книжке, как желающих дезертировать. Это, верно, означало кандидатуру на расстрел... немедленно же была организована чрезвычайная следственная комиссия. Было уже поздно. Когда я наутро пришел к Чапаеву посоветоваться относительно создания комиссии — он отказался от участия в ее организации и сказал: “Взялся, так и делай все сам”.

О комиссарах отзывается в лучшем случае иронически, а обычно — зло и ядовито, стараясь подорвать наш авторитет. Недавно... он с пеной у рта кричал о комиссародержавии, о нашей власти, засилье и проч. ... Я при личном свидании расскажу Вам подробнее, а теперь заключу так:

1. Чапаева считаю беспринципным и опасным карьеристом, в случае провала способным на авантюру.

<...>

3. Из Чапаева может выйти в будущем хороший работник, но на данной стадии развития и на данном посту — он опасен. Его необходимо изъять месяцев на 8 из среды льстецов и подбострастников, которыми он окружен и которые его развращают морально, изъять и честных людей. Отнять у него на время власть, которой он упоен до безумия и которая заставляет его верить в свое всемогущество».

Впоследствии Фурманов признался в дневниках: главной причиной конфликта с Чапаевым стали личные взаимоотношения. Они превратили ранее малозаметные разногласия в неразрешимые противоречия. Именно из-за них комиссара 25-й дивизии отозвали незадолго до разгрома штаба и тылов соединения на новую должность в РВС армии, а затем и фронта.

Этот личный конфликт спас Фурманова: «Не будь всей этой истории — я не был бы отозван из дивизии. Но если бы я не был отозван из дивизии — я, несомненно, погиб бы вместе с Чапаевым, ибо не отставал от него ни на минуту во всех странствиях былой жизни. Выходит, мою жизнь спасла моя любимая Ная, мой добрый гений, моя лучезарная фея!»

Конфликт в руководстве 25-й дивизии Фурманов первоначально намеревался отразить на страницах своей книги, но затем отказался от этого замысла. Впоследствии, как и другие страницы реальной жизни Чапаева, противоречившие образу безупречного во всех отношениях борца за дело революции, эта деталь биографии тщательно замалчивалась.

Сама героиня бурного военно-полевого романа, впрочем, предпочитала о нем не вспоминать. Она стремилась поддерживать миф об идиллических отношениях начдива и комиссара и описала сентиментальную сцену прощания Чапаева с покойным мужем: «Прощай, Митяй. Во многих боях мы с тобой были, много горя вместе видели. Полюбил я тебя крепко и жаль расставаться. Если бы не Фрунзе, скандалил бы я, а тебя не отпустил. Спасибо за все, многому ты меня научил». Горячо расцеловались друзья, на глазах у Чапаева выступили слезы... С тяжелым сердцем уезжал из дивизии и Фурманов. За эти месяцы он и сам почти по-детски привязался к Чапаеву, командирам, бойцам».

Яркая страсть начдива к жене комиссара осталась романом в письмах. Крикливые заголовки отдельных изданий вроде «Руки прочь от Анки» и грязноватые намеки на интимные отношения между Чапаевым и Анной Фурмановой и разгуле «свободной любви» в штабе чапаевской дивизи-

зии — не более чем досужий вымысел авторов, желающих привлечь интерес к своим статьям дразнящей воображение обывателя «клубничкой» на фоне крови, страданий и порохового дыма. Что же, типичная черта «желтой» беллетристики: вместо того чтобы показать человеческую широту, трудные духовные искания и психологическую глубину персонажа — стремление приблизить героев к читателю за счет снижения их морального и человеческого уровня. Дескать, у «них» все так же, как и «у всех». Так легче и доходнее.

Личный конфликт между Фурмановым и Чапаевым не означает, что у начдива и его окружения не было сложностей во взаимоотношениях с советской властью и ее представителями. Ставшие хрестоматийными бесхитростные слова одного из второстепенных персонажей кинофильма «Чапаев»: «Белые приходят — грабят, красные приходят — грабят, куды ж бедному крестьянину податься?» — отражают настроения миллионов жителей российской деревни в 1918—1921 годах. Состояние умов деревни ярко описано в романе Дмитрия Фурманова:

«Што народ у фронта с толку сбился, это верно: на неделе по четыре раза встречали и белых и красных, спутались, кто первым приходил, кто последним, кто обижал крепко, а кто и не трогал... Лошадей што поугнали — и не счесть, а телег поломано, сараев сожжено, посуды разбито, растащено — лучше и не помнить. Со скотиной, положим, крестьяне узнали, как спастись: загонят в чашу лесную целые табуны, да так и не выводят оттуда, корм по ночам таскают. А солдаты придут: лошади где, коровы? Тут ежели белым — так на красных говорят, а красным — на белых. Сходило. Но не всегда и тут сходило, дознаваться потом стали, разведку по лесам пускали... Отыщут табун — пригонят, а деревня — реветь... Только что же слезы поделяют, когда и кровь нипочем?!»

Выходцам из крестьян, которыми были многие командиры чапаевской дивизии, не могли понравиться антикрестьянская политика военного коммунизма в деревне и действия низовых органов власти на местах. Сельсоветы и ревкомы часто не обращали внимания на предусмотренные декретами Центра льготы семьям красноармейцев и командиров и требовали выполнения продовольственных, подводных и других повинностей в полном объеме. Поведение

продотрядов в губерниях, находившихся под контролем советской власти или недавно занятых Красной армией, и почти повальная безнаказанность их бесчинств — одна из мрачных и трагических страниц даже на фоне общего ожесточения гражданской войны. Вести из родных мест не могли не повлиять на настроения рядовых бойцов и командиров, вызывали их возмущение против порядков в тылу и засевших там начальников, порочивших, как они считали, советскую власть.

Немало чапаевцев стали участниками и руководителями крупных антикоммунистических восстаний. Александр Сапожков, чей Новоузенский отряд воевал бок о бок с отрядами и полками Чапаева, а затем оборонял Уральск, восстал против большевиков в июле 1920 года. Его ближайшими соратниками являлись бывшие комбриги 25-й дивизии Иван Плясунков и Дмитрий Зубарев. Первый вскоре покинул ряды повстанцев, сдался красным и в январе 1921 года погиб при невыясненных обстоятельствах при подавлении другого восстания, возглавленного бывшим красным командиром Иваном Вакулиным. Дмитрий Зубарев оказался в руках красных и был расстрелян за участие в восстании.

Тем временем война продолжалась. 23 июня Фрунзе конкретизировал задачи 4-й армии под Оренбургом и Уральском: «Ближайшими боевыми задачами ставлю: а) 4 армии, при содействии особой группы, объединяемой под начальством начдива-25 т. Чапаева, подчиняемого непосредственно мне, разбить главные силы противника, действующего в районе Уральска, и соединиться с осажденным уральским гарнизоном.

При выполнении указанной задачи главные силы армии, сосредоточенные в районе Семиглавый Мар, развивая первоначально энергичные действия вдоль железной дороги до Переметная, в дальнейшем должны вести наступление для овладения районом форпост Чеганский, Кошумский, перехватывая ближайшие пути отхода от Уральска на юг.

Имея в виду дальнейшую задачу по овладению всей Уральской областью, командарму 4-й принять срочные меры по усилению Александрово-Гайской группы, которой будет дана самостоятельная задача — наступая через Сломихинскую, выйти к Калмыковску, дабы перерезать тыл казакам, против которых с севера от Уральска будут действовать главные силы 4-й армии. <...>

Группе т. Чапаева, в которую кроме 25 стрелковой дивизии включаю Особую бригаду в составе 210 стрелкового

имени Ленина полка, Рязанского стрелкового полка, 10 кавалерийского полка, одной легкой батареи и гаубичного дивизиона, — не позднее 27 июня сосредоточиться: Особой бригаде — Александровка, Ивановка, Ореховка; 1 бригаде 25 стрелковой дивизии — Славянка, Михайловка, Петровка, Алексеевское (Землянки), Несмияновка; 2 бригаде 25 дивизии — Сергеевка (Бобровка), Семеновка, Ромашкино; 3-й бригаде 25 дивизии — Кандауровка, Курманаево, Петровка.

По окончании сосредоточения группе т. Чапаева по особому приказанию начать решительное наступление в общем направлении на Уральск. При выполнении этой задачи группе, концентрически направляя свои части, в конечном результате выйти на фронт корд. Деркульский, Уральск, Дарьинский, разбить главные силы противника, действуя в полной связи с частями 4 и 1 армий, и освободить осажденный уральский гарнизон».

Накануне Уральской операции командарм подробно разъяснил частям, участвовавшим в операции (кроме имевшей богатый боевой опыт в борьбе с казаками 25-й дивизии в армии числились и части, впервые сталкивавшиеся с партизанской тактикой), как действовать против мобильного и энергичного противника. Фрунзе требовал не давать себя застать врасплох, чтобы не допустить паники и ее катастрофических последствий. На походе все ценное, особенно боеприпасы, предписывалось иметь в середине колонны и высылать охранение во все стороны; приказывал не замедлять движение при появлении противника и быть готовым к отражению атак с близкого расстояния и решительно прорываться вперед, стремясь выполнить поставленную задачу. Кроме того, красный полководец требовал избегать стрельбы по конным группам и разъездам противника с дальних дистанций, чтобы не оказаться безоружным в случае атаки, экономить патроны для действенного огня с близкого и среднего расстояния.

«Особенное внимание приказываю обратить на самую серьезную службу охранения и поддержание боевой готовности частей при остановках на ночлеги. Требую, чтобы каждое селение, занимаемое на ночь, приводилось в оборонительное состояние...

Приказываю не забывать назначать в каждом пункте ночлега особые дежурные части силой не менее одной трети численности всего гарнизона. Эти дежурные части должны располагаться сосредоточенно, быть в полной готовности

стать в ружье в каждую минуту, должны тщательно изучить весь район ночлега, дабы по тревоге без суеты и потери времени занять заранее намеченные боевые места...

Практика показывает, что некоторые части допускают преступную небрежность. Предупреждаю, что впредь обнаружение каких-либо погрешностей при этом деле, особенно когда результатом явится боевая неудача, повлечет за собой самые суровые кары, причем в провинившихся частях все виновные, начиная с командиров и комиссаров, будут расстреляны», — резюмировал командарм.

Командующий фронтом Сергей Каменев придавал переброске 25-й дивизии большое значение и надеялся достичь перелома в ходе боевых действий на уральском направлении: «Боеспособная дивизия (25-я) с уфимского направления начнет перевозку 21 июня и будет сосредоточена у Бузулука для удара в направлении на Уральск. Рассчитываю, что с помощью этой дивизии не только в короткий срок будет восстановлено наше положение в Уральской области и таковая будет прочно закреплена в наших руках, но удастся достигнуть таких же результатов в Оренбургском районе...»

Воспользовавшись опозданием с переходом в наступление 4-й армии, уральские казаки продолжили активные операции. 26 июня их конные полки прорвались восточнее Николаевска и захватили его, разгромив и уничтожив добровольческий отряд местных коммунистов, пытавшихся оборонять город.

Такие темпы сосредоточения войск и развитие событий не устраивали высшее командование Красной армии и руководство Советской России. 29 июня главком Вацетис указал штабу Восточного фронта: «В означенном районе (Уральск — Николаевск. — П. А.) противник развивает свои операции, активные и планомерные. Принятые вами до сих пор меры не вырвали инициативы действий из рук противника, который зафиксировал свой успех последних дней занятием Николаевска. В стремлении к Волге уже давно пройдены границы уральского казачества, и факт захвата Николаевска подтверждает лишь мое прежнее предположение, что конечным пунктом его намерений является действовать в тылу Востфронта и захватить Волгу на участке Самара — Саратов. Двинутая вами 25-я стрелковая дивизия вряд ли в состоянии будет достичь решительного успеха над своим многочисленным конным противником. А между тем ликвидировать опасность на правом фланге Восточного фронта до крайности необходимо в течение

двух ближайших недель, чтобы не дать возможности Дутову (атаману оренбургского казачества. — П. А.) соединиться с донским казачеством».

Каменев решил прояснить обстановку у Фрунзе и по прямому проводу спросил, поступило ли затребованное фронтом оружие и где находятся части 25-й дивизии. Фрунзе сообщил, что винтовки пока не прибыли, и доложил о ходе переброски соединения: «Начала высаживаться 3-я бригада 25-й дивизии, 223-й полк сегодня к вечеру должен занять район Денисовки, что к юго-западу от Бузулука. Сегодня же должен прибыть на станцию Бузулук и 225-й полк. Остальные части грузятся. Несмотря на все наши усилия, перевозка затянулась, надеюсь, что боевые части к 2 июля придут все. Сегодня отдал приказание о подчинении всех прибывающих частей дивизии впредь до прибытия начдива комбригу 1-й Кутякову, штаб которого находится на станции Богатое. Конница дивизии еще не прибыла в район Бузулука, она находится между Бузулуком и селом Алексеевским, что верстах в 60 от Бузулука». Завершить сосредоточение 25-й дивизии Фрунзе планировал к 1 июля.

Пристальное внимание высшего руководства Красной армии и советского правительства к боевым действиям в районе Николаевска (Пугачева) заставило Фрунзе ускорить подготовку наступления и начать его, не дожидаясь полного сосредоточения 25-й дивизии. 30 июня Фрунзе приказал:

«Чтобы облегчить операцию против Николаевска путем оттяжки тех сил противника, кои могли бы быть переброшены с других участков, приказываю: не ожидая полного сосредоточения 25-й дивизии, начать наступление, о дне которого будет объявлено дополнительно 1 июля... для чего: а) Особую бригаду т. Плясункова подчиняю т. Кутякову, который подчиняется непосредственно мне и держит со мной связь через Богатое... (далее даются разграничительные линии между частями. — П. А.); б) т. Кутякову принять все меры к тому, чтобы к началу наступления в нем участвовали 75-я бригада и вся конница 25-й дивизии, уже прибывшая утром 30 июня в район железнодорожной ст. Погромное; в) командарму 1-й, направляя главные усилия для овладения районом Гаршино, обеспечить слева (с востока) эту операцию всей своей армейской конницей, в состав которой назначаются также части бывшей 3-й кавалерийской Туркестанской дивизии, следующие походом порядком из-под Уфы в район Бузулука».

1 июля Фрунзе получил телеграмму непосредственно от Ленина: «Развитие успехов противника в районе Николаевска вызывает большое беспокойство. Точно информуйте, достаточно ли внимание обратили Вы на этот район. Какие Вы сосредоточиваете силы и почему не ускоряете сосредоточение? Срочно сообщите о всех мерах, которые принимаете».

Фрунзе вынужден был успокаивать Москву:

«Операциям противника на Уральском фронте, в том числе в районе Николаевска мною уделялось и уделяется самое серьезное внимание ввиду очевидной опасности соединения колчаковско-деникинского фронта на Волге. Уже месяц назад мной была намечена переброска с уфимского направления одной дивизии на уральско-оренбургский фронт, что быстро позволило бы ликвидировать и этот участок, но согласно распоряжениям высшего командования у меня сразу одна за другой были отняты две дивизии — 2-я и 31-я, из которых первая уже переброшена частью на Петроград, частью на Царицын, а вторая перебрасывается под Воронеж. Это приостановило быстрое и решающее завершение Уфимской операции, не дало возможности своевременно подкрепить уральско-оренбургский фронт.

Пришлось ограничиться затыканием дыр за счет вновь формируемых, совершенно небоеспособных частей, что приводило к ряду частичных успехов противника. Ныне я получил разрешение использовать силы 25-й дивизии, которая и перебрасывается самым спешным порядком с напряжением всех сил и средств из-под Уфы в район Богатое, Бузулук для нанесения удара с севера.

Хотя в данный момент одной 25-й дивизии далеко не может считаться достаточным для ликвидации уральско-оренбургского фронта, тем не менее позволю выразить надежду, что не позже чем через 10—14 дней Уральск и весь север области будут очищены от белогвардейщины. В частности, обратное занятие нами Николаевска считаю обеспеченным в ближайшее время. Использованию местных средств мешает крайний недостаток оружия; так, несмотря на настойчивые просьбы, я до сих пор не получил пулеметов и только вчера получил партию винтовок далеко не в достаточном числе».

Фрунзе обещал Ленину перейти в контрнаступление в кратчайшие сроки и деблокировать Уральск в течение 10—12 дней.

2 июля он отклонил очередное предложение командования 4-й армии об оставлении Уральска — по мнению командующего группы, оно отражало непонимание стратегического и политического значения обороны города и моральных последствий его сдачи.

К началу Уральской операции советское командование сосредоточило на уральском и оренбургском направлениях 30 тысяч штыков, 1500 сабель при 87 орудиях и 400 пулеметах. Уральская, Оренбургская и Южная армии белых могли противопоставить им 5600 штыков, 17 700 сабель, 52 орудия и 174 пулемета. Важное в степных условиях преимущество белых в кавалерии компенсировалось техническим превосходством 1-й и 4-й красных армий. Группа Чапаева насчитывала около 8400 бойцов пехоты и 1400 кавалеристов. Противник располагал 2600 пехотинцами и 5400 кавалеристами. Уступая красным в общей численности бойцов, в пехоте и артиллерии, казаки сохраняли существенное превосходство в коннице. Командующий Уральской армией генерал Толстов намеревался отказаться от наступательных действий и перейти к подвижной обороне, чтобы истощить силы красных и втянуть их в безводные степи юга Уральской области. Он приказал засыпать все колодцы по пути отхода, угонять скот, увозить или уничтожать продовольствие и фураж, принимать все меры к тому, чтобы селения оставались пустыми.

4 июля Чапаев отдал приказ о переходе в наступление:

«Задача группе не позже 15 числа сего месяца соединиться с Уральским гарнизоном, разбить противника на пути его отступления от Пугачева (Николаевск)... Все эти банды уничтожить.

Во исполнение поставленной мне Южной группой задачи приказываю:

1. Комбригу Особой бригады т. Плясункову, охраняя правый фланг группы резервом, не имея ни одного полка уступом, выступить в 4 часа 5 июля, не позже 8 июля занять Тяглинский, Землянский, Мордовский.

2. Комбригу-1 т. Кутякову выступить 5 июля в 5 часов и занять не позже 8 июля пункты: хут. Россошинский и Умет Грязный. Держать тесную связь кавдивизионом с бригадой т. Плясункова.

3. Комбригу-3 т. Чекову (без 75 кавдивизиона) выступить из занимаемых пунктов 5 числа в 7 часов и занять не позднее 8 июля Пономарев, западную часть Соболева, восточная же часть должна быть занята частями 1 армии.

4. 74 кавдивизиону держать тесную связь между 1 и 3 бригадами и в тыл со 2-й бригадой, составляющей групповой резерв.

5. 2 бригаде, оставаясь в групповом резерве и следуя за стыком 1 и 3 бригады, держась не далее в 10—15 верстах от них с расчетом, чтобы во всякое время быть в состоянии оказать содействие там, где это потребуется. К моменту занятия Соболева и Пономарева 2 бригаде, оставив в Покровке полк при штабе дивизии, с двумя полками выйти на линию между Пономаревым и Умет Грязный и приготовиться к смене 3 бригады.

6. Командиру 25 кавдивизиона т. Сурову с приданным 75 кавдивизионом, охраняя группу от удара во фланг и находясь для этого на левом фланге, держать тесную связь с частями 1 армии, по занятии 2 бригадой Соболева выслать сильные разезды к истоку р. М. Выковка и сильными заставами охранять фланг группы...

8. Командирам частей, имея в виду свойственный казакам способ ведения войны (партизанский), уметь этому способу противопоставить способ, равносильный ему, пользуясь опытом наших прошлых удачных операций на Уральском фронте и горький опыт недавно разбитых здесь частей одной из бригад, не умевших противостоять партизанам. Всегда быть готовым справа и слева, с тыла и фронта принять неожиданный удар противника, обеспечивая себя надежными резервами. Предупреждаю, что при обнаружении каких-либо погрешностей в этом деле, особенно когда результатом явится неудача, повинность повлечет за собой суровые кары, начиная с расстрела командиров и комиссаров.

9. Командирам частей на ночь в деревнях красноармейцев не оставлять, а выводить из них и располагать около них, окружая кольцом, обозы и орудия.

10. Не забывать связь — первое дело, отсутствие ее не допускаю и к виновным буду беспощаден.

11. Комбату связи поручить охрану проводов местному населению под гарантию, что в случае порчи связи ответственность вплоть до расстрела ложится на население.

12. С жителями, уличенными в явной контрреволюции и содействии неприятелю, бороться самым решительным образом, расстреливая на месте преступления».

Чапаев внимательно следил за сосредоточением полков группы, постоянно перемещаясь по степи, но не «на лихом коне», а простом и надежном «форде», которым управлял опытный шофер Василий Козлов.

Почувствовав удар чапаевской дивизии, уральские казаки начали быстрый отход на юг. К вечеру 6 июля чапаевцы значительно опередили предписанные по плану операции темпы продвижения и уже к вечеру продвинулись до села Гусиха и станицы Соболево.

7 июля Чапаев отметил в приказе по группе успехи введенных ему частей, их стремительное продвижение вперед и высокий боевой дух. Он призвал разгромить «казацки банды и утопить их в Урале и его притоке Чеган, отрезать Семеновскую дружину белых, отходившую из Пугачева». Командующий ударной группой потребовал деблокировать Уральск раньше первоначально поставленного срока — к 12 июля:

«Скорее вперед! Не позже 12 июля снять оковы с осажденного Уральска.

Приказываю:

1. Комбригу Особой т. Плясункову (состав прежний) не позже 10 июля перейти р. Таловка, достигнув р. Вербовка, занять Пузановский, Пеньков, Чапурин.

2. Комбригу-1 т. Кутякову перейти р. Балбинская и не позже 10 июля занять: Сладкой, Ялов, Яганов, Джиригин, Астафьев, оказать содействие т. Зубареву ударом с фланга или тыла для занятия Красный.

3. Комбригу-2, оставив 221 полк в резерве группы, два батальона в Соболеве и один в Ивановке (Самохваловка), выйдя с двумя полками через Пономарев, занять хут. Лебедев, Б. Усов, Типилин, не заходя в Новоозерный, Таловский, делая все время глубокий обход, к 10 июля занять Красный.

4. Комбригу-3 т. Чекову к 10 числу занять хут. Павлов, Чеботарево, Шепталов и Честноков, все время держа связь при помощи 75 кавдивизиона с 1-й армией...

5. Тов. Сурову, командиру 25 кавдивизиона, следуя впереди стыка 1 и 3 бригад, оказывать содействие остальным бригадам для выполнения боевых задач, использовать момент наступления 2 бригады на Красный для преследования... перехватить пути отступления противника от Красного и ударить ему в тыл».

Руководители уральских казаков стремились сдержать наступление чапаевцев. Превосходство в кавалерии позволяло казакам использовать степные районы для быстрых маневров по фронту и рейдов в глубину расположения удар-

ной группы. 7 июля 2-й Уральский конный корпус контратаковал в районе Большой Черниговки у хуторов Мордовские и Пьянов авангардный 218-й стрелковый полк имени Степана Разина, уничтожив полностью его 3-й батальон. Полк, не выдержав удара, начал отходить, но другие части 73-й стрелковой бригады и Особой бригады Плясункова поддержали отходивших и отбросили противника. Казаки продолжили отступление на юг области. Документы штаба дивизии и армии опровергают рассказы Дмитрия Фурманова об отсутствии серьезных боев на пути к Уральску.

8 июля ожесточенный бой шел у хутора Пономарев. Кавдивизион 73-й бригады и стрелковая рота 218-го стрелкового полка были уничтожены неприятелем. Только после упорного девятичасового боя 220-й и 223-й стрелковые полки очистили Пономарев от казаков. 25-й кавдивизион занял хутор Лебедев. Полки 75-й бригады выбили противника из Самарина и Шепталова. Части 73-й бригады овладели хуторами Малый и Большой Зайкин, поселками Таловлигин и Пьянов, а Особая бригада — хутором Тимошинский. Части Ударной группы несли значительные потери.

9 июля начальник штаба 25-й дивизии Снежков в разговоре с начальником оперативного управления штаба Южной группы Восточного фронта Петром Каратыгиным по-чапаевски упрекнул людей «наверху» в непонимании трудностей, которые переживает дивизия, и нежелании вникнуть в ее проблемы:

«Начну с главного. Завтра мы думаем занять пункты Пузановский, Пеньков, Чапурин, Сладков, Ялов, Красный, Усов, и нам необходимо сегодня же узнать дальнейшую задачу дивизии после соединения с уральским гарнизоном. Тов. Чапаев просит передать, что если нам придется дальше наступать в направлении Круглоозерный и Лбищенск, то дивизию через Уральск по тракту вести нельзя. Во избежание лишних потерь и меньшей успешности необходимо будет делать обходное маневрирование, и как раз мы подошли к тем рубежам, откуда необходимо будет, в зависимости от других групп, изменить направление нашего движения. Необходимо от вас получить как можно скорее по крайней мере указание хотя бы района, в который должны будут войти наши части после освобождения Уральска... Вы там совершенно не представляете ту гнетущую действительность, при которой мы здесь работаем. Надо посмотреть на карту, увидеть расстояние между бригадами и ча-

стями тылов и сравнить с имеющимися у нас техническими средствами, чтобы обвинить нас в неумении не дожидаться связи. 8 июля 220 и 223 полками после упорного 9-ти часового боя занят Пономарев. Противник дрался бешено как никогда, в бою участвовали его два броневика, наносившие нам потери... Казаки упорно сопротивляются, у нас есть убитые и раненые. Кавдивизион т. Кутякова почти весь разбит. Командир дивизиона и командиры эскадронов ранены, причем командир одного эскадрона смертельно; одна из рот 218 полка целиком почти уничтожена противником, а ротный командир попал в плен. Словом, та и другая сторона дерутся озверело. Необходимо вам ориентировать уральский гарнизон о нашем приближении, а то в нашем радио буря сломала мачту. Поставьте нас в известность о достигнутых рубежах всеми группами и их планах действия, дабы нам друг друга не уничтожить. Мы думаем утром 12-го подойти некоторыми своими частями к Уральску. 1 армия своим правым флангом сильно отстала и занимает пункты, уже занятые нами на сутки раньше. По приказу 3 бригады Оренбургской дивизии от 8 июля они должны будут занять к 15 июля Рубежный и Требухин, в то время как мы эти пункты зайдем 12 числа. Казаки, уходя, уничтожают все на своем пути, угоняя скот, унося домашнюю утварь; жителей в казачьих поселках остается очень мало... части двигаются дальше. Особенно рискованные предприятия 2 бригады, которая идет на хут. Лапилин, не заходя в Новоозерный и Таловский, где главные силы противника».

Начдив пытался преследовать казаков по пятам, требовал от комбригов решительных действий на уральском направлении. 10 июля он предписал комбригу 73-й Кутякову не позже 11 июля очистить правый берег реки Чеган от банд противника и «потопить его». Командиру 74-й бригады Зубареву было приказано зачистить правый берег Урала от казаков по дороге из Илецкого Городка на Уральск. 75-й бригаде поручалось овладеть хуторами Рубежный и Требухин. 25-й кавдивизион получил приказание «стремительным налетом броситься вдоль р. Урал, не давая противнику перевозить обозы на левый берег, уничтожая его в волнах Урала».

Постоянное стремление Чапаева не просто нанести поражение, а разгромить противника, чтобы не допустить восстановления его сил, можно объяснить также недоволь-

ством героя тем, что многочисленные победы над неприятелем не приводят к завершению войны, полному успеху операции, не позволяют ему и его бойцам вернуться к семьям и привычным мирным занятиям. Другое дело, что регулярные требования «утопить» противника в водах Белой, Урала и их притоков могут навести на мысль о чрезмерной жестокости и мстительности Чапаева, его стремлении не только подавить военное сопротивление казаков, но и разделаться с ненавистным сословием, продолжавшим оказывать ожесточенное сопротивление советской власти.

История зло подшутила над Чапаевым: герой, многократно требовавший утопить противника, вынужден был сам спастись от казаков в водах Урала.

Жестокость была взаимной: полки 25-й дивизии периодически обнаруживали по пути своего движения трупы убитых весной и летом пленных красноармейцев. Многие трупы были изувечены и сохранили следы пыток и изощренных издевательств. Смерть боевых друзей редко пугала привыкших к победам чапаевцам, она лишь подогревала их стремление отомстить.

Замысел начдива позволял отрезать противнику пути отхода на юг и отбросить его на Шипово-Деркульскую группу 4-й армии, окружить и уничтожить казачьи части. Штаб Южной группы Восточного фронта одобрил решение Чапаева. Начальник оперативного управления Петр Каратыгин связался с начальником штаба 4-й армии бывшим полковником Александром Андерсом и потребовал от него изменить направление наступления Шипово-Деркульской группы на юго-восток, чтобы более тесно взаимодействовать с группой Чапаева.

К исходу 10 июля бригада Ивана Плясункова вышла в район станции Переметная, а 73-я стрелковая бригада — в район Деркул и Женский Скит. Утром 11 июля командующий 4-й армией приказал начальнику Шипово-Деркульской группы начать наступление в направлении Деркул, Переметная, чтобы к вечеру соединиться с уральским гарнизоном. Наступление войск поддерживала немногочисленная авиация. Один из участников тех боев военный летчик Алексей Степанов вспоминал:

«Наступил рассвет решающего дня. Наши части, форсировав Чеган, с ходу стремительно атаковали окопы противника. Одновременно по врагу ударили чапаевцы. Мой старенький “Фарман ХХХ” и “Сопвич” Лабренца летали над полем боя, помогая наземным войскам. Белоказики не

выдержали. Оставляя повозки, боеприпасы, снаряжение, бросая раненых, они начали беспорядочное бегство. Прорвано было железное кольцо, которое в течение трех месяцев сжимало осажденный Уральск».

Части Шипово-Деркульской группы соединились с чапаевцами в семь часов утра 11 июля, когда 73-й и 74-й кавалерийские дивизионы встретились у хутора Новенький с 1-м батальоном 194-го стрелкового полка осажденного гарнизона Уральска. В тот же день Фрунзе и член Реввоенсовета Южной группы армий Шалва Элиава отрапортовали Ленину: «Сегодня в 12 часов дня снята блокада с Уральска. Наши части вошли в город».

В освобожденный Уральск прибыли на автомобиле Чапаев и Фурманов. Появление начдива на важном объекте описано в романе Фурманова:

«...Через реку налаживали мост. А за рекой были уже два красных полка, перебравшиеся на чем попало. Надо было спешить с работами, чтобы переправить артиллерию, — без нее полки чувствовали себя беспомощно, и от командиров стали тотчас поступать самые тревожные сведения. Чапаев не то на второй, не то на третий день по приезде в Уральск ранним утром отправился сам — проверить, что сделано за ночь, как вообще идет, продвигается работа. С ним пошел и Федор. По зеленому пригорку копошились всюду красноармейцы — надо было перетаскивать к берегу огромные бревна... И вот на каждое налепится без толку человек сорок — толкаются, путаются, а дело нейдет... Взвоят бревно на передки от телеги, и тут, кажется, уж совсем бы легко, а кучей — опять толку не получается.

— Где начальство? — спрашивает Чапаев.

— А вон, на мосту...

Подошли к мосту. Там на бревнышках сидел и мирно покуривал инженер, которому вверена была вся работа. Как только увидел он Чапаева — марш на середину; стоит и оглядывается как ни в чем не бывало, как будто и все время наблюдал тут работу, а не раскуривал беспечно на берегу. Чапаев в таких случаях груб и крут без меры. Он еще полон был тех слезных просьб, которые поступали из-за реки, он каждую минуту помнил — помнил и болел душою, что вот-вот полки за рекой погибнут... Дорога была каждая минута... Торопиться надо было сверх сил — недаром он сам сюда согнал на работу такую массу красноармейцев, даже отдал половину своей комендантской команды. Он весь напрягся заботой об этом мосте, ждал, чуть ли не ежечасно,

что он готов будет, — и вдруг... вдруг застаёт полную неорганизованность, пустейшую суету одних, мирное покушение других...

Как взлетел на мост, как подскочил к инженеру, словно разъяренный зверь, да с размаху, не говоря ни слова, изо всей силы так и ударил его по лицу! Тот закачался на бревнах, едва не свалился в воду, весь побледнел, затрясся от страха, зная, что может быть застрелен теперь же... А Чапаев и действительно рванулся к кобуре, только Федор, ошеломленный этой неожиданностью, удержал его от расправы. Самой крепкой, отборной бранью бранил расвирепевший Чапаев дрожащего инженера:

— Саботажники! Сукины дети! Я знаю, что вам не жалко моих солдат... Вы всех их готовы загубить, сволочь окаянная!.. У-у-у... подлецы!.. Чтобы к обеду был готов мост! Понял?! Если не будет готов, застрелю, как собаку!!!

И сейчас же инженер забегал по берегу. Там, где висело на бревне по сорок человек, осталось по трое-четверо, остальные были переведены на другую работу... Красноармейцы заработали торопливо... Заходило ходом, закипело дело. И что же? Мост, который за двое суток подвинулся на какую-нибудь четвертую часть, к обеду был готов.

Чапаев умел заставлять работать, но меры у него были исключительные и жестокие. Времена были такие, что в иные моменты и всякие меры приходилось считать извинительными; прощали даже самый крепкий, самый ужасный из этих способов — “мордобой”. Бывали такие случаи, когда командиру своих же бойцов приходилось колотить плеткой, и это спасало всю часть...»

Эта сцена ярко отражает особенности чапаевского командования и управления. Начдив считает себя «отцом солдатам» в патриархальном смысле этого слова, главой большого семейства, имеющим полное право распоряжаться свободой, жизнью и здоровьем своих подчиненных. Но эта свобода предполагает и большую ответственность — перед бойцами и перед самим собой за то, чтобы они были накормлены, одеты, обуты и обеспечены патронами. Как настоящий отец большого семейства, Чапаев стремился сохранить жизнь и здоровье своих людей, не подвергать их ненужной опасности. Инженер, плохо организовавший строительство моста, ставит под удар не только военные замыслы, но и репутацию начдива перед бойцами. В такой ситуации Чапаев не просто готов на крайние меры. В силу воспитания, жизненного опыта и сложившейся за

несколько лет войны повседневной действительности он готов к исключительной жестокости. И все же высокое самомнение Чапаева часто порождало непродуманные, импульсивные действия, не соотносящиеся с высоким чином его обладателя, и откровенное фельдфебельское самодурство.

Описанная Фурмановым история, когда Чапаев под угрозой расстрела потребовал, чтобы начальник ветеринарной службы дивизии и ее комиссар экзаменовали знакомого ему местного коновала, вероятно, придумана. Однако не исключено, что бывший комиссар лишь немного приукрасил действительность:

«— Все вы сволочи!.. Интеллигенты... у меня сейчас же экзаменовать, — обратился он к дрожащей “ветенарии”, — сейчас же марш на экзамен!!!

Федор увидел, что дело принимает нешуточный оборот, и решил победить Чапаева своим обычным оружием — спокойствием. Когда тот кричал и потрясал кулаками у Федора под носом, угрожая и ему то расстрелом, то избиением, Клычков урезонивал его доводами и старался показать, какую чушь они совершат, выдав подобное свидетельство. Но убеждения на этот раз действовали как-то особенно туго, и Клычкову пришлось пойти на “компромисс”.

— Вот что, — посоветовал он Чапаеву, — этого вопроса нам здесь не разрешить. Давай-ка пошлем телеграмму Фрунзе, спросим его — как быть? Что ответит, то и будем делать, — идет, что ли?

Имя Фрунзе всегда на Чапаева действовало охлаждающе. Притих он и на этот раз, перестал скандалить, согласился молча. Комиссара с врачом отпустили, телеграмму написали и подписали, но посылать Федор воздержался...

Через пять минут дружески пили чай, и тут в спокойной беседе Клычкову наконец удалось убедить Чапаева в необходимости сжечь и не казать никому телеграмму, чтобы не наделать смеху. Тот молчал — видно было, что соглашался... Телеграмму не послали...»

Как утверждал Фурманов, резкие приступы гнева, вызванные необузданным нравом и усугубленные боевыми ранениями, регулярно случались с Чапаевым. Однажды он избил высокопоставленного представителя штаба армии, в другой раз отправил матерную телеграмму в штаб в ответ на непродуманные требования командования. Матерщины в переговорах Чапаева и его соратников по прямому проводу между собой и с командованием в архивных документах

не обнаружено, но исключать чрезмерно эмоциональную реакцию Чапаева на представлявшиеся ему неразумными распоряжения свыше, вероятно, не следует.

Нецензурные выражения в распоряжениях и переписке Гражданской войны были делом достаточно обычным. Они проскальзывали в документах и красных, и белых полевых командиров. В сентябре 1919 года командовавший 1-м конным корпусом Южного фронта Семен Буденный ответил на вопрос штаба 10-й армии о положении соседних дивизий: «Мать их ... с ихними дивизиями, на месте стоят. Пушай приезжает начальник штаба их за х... тягает!» Уже позднее, в феврале 1920 года, в ответ на требования командования фронта и 8-й армии вывести 1-ю конную армию из Ростова-на-Дону и прекратить грабежи командарм Буденный ответил: «Пошлите Реввоенсовет-8 к е... матери, также и комфронта — предателя революции и вас посылаю к ... матери, а если хотите, пристрелю». Невоздержанностью в устной речи и в приказах отличался также уссурийский казачий атаман Иван Калмыков. Исправив несколько пунктов одного из документов, он наложил раздраженную резолюцию: «На кой ... нужен адъютант штаба, если я должен корректировать приказы писаря». В другой раз, увидев пункт об отчислении из части малолетнего солдата, начертил: «Кто принимал п...ка?»

Низкий уровень культуры и образования многих командиров регулярных частей и повстанческих отрядов, неуважение к человеческой личности порождали произвол, насилие и издевательства не только над противником, но и над своими соратниками и сослуживцами.

После взятия Уральска части Красной армии устремились на юг. Фрунзе, а с ним и командование фронта требовали отрезать уральских казаков от оренбургских и продвигаться в низовья Урала, к берегу Каспийского моря.

Командование 4-й армии потребовало наступать на Переметную и Деркул, чтобы при содействии Шиповской группы охватить и затем разгромить неприятеля. После директивы Чапаев распорядился атаковать казаков 75-й бригадой с фланга и с тыла и не позднее 16 июля занять форпост Чеганский, чтобы отрезать казакам возможность отхода на юг. 74-й бригаде следовало оставить 221-й стрелковый полк в Уральске для охраны и обороны города. Остальные ее части получили задачу с 73-й бригадой окружить

и уничтожить противника в районе сел Круглоозерный и Серебрик. 73-й бригаде поручалась разведка на бухарской стороне по левому берегу Урала. В резерве группы находились Особая бригада Плясункова и 25-й отдельный кавдивизион.

Наступление протекало сложно. 14 июля у разъезда Россошинский чапаевцы встретились с серьезным сопротивлением противника: три полка белых при содействии двух бронемашин стремились обойти правый фланг дивизии. Казаки отбросили 219-й стрелковый полк на северо-запад и отступили только после подхода 210-го стрелкового полка бригады Плясункова. Противник перебросил в этот район подкрепления, стремясь прорваться в тыл 25-й стрелковой дивизии. Весь день оба полка вели ожесточенные бои на линии Широкий — разъезд Россошинский, не давая казакам прорваться в тыл. Остальные части 25-й дивизии в это время медленно продвигались вперед, выполняя поставленные им задачи.

(Один из белых офицеров, участвовавший в боях между Уральском и Лбищенском, вспоминал, что 2-й Уральской дивизии удалось захватить часть обоза красной стрелковой бригады, двигавшейся от Шипово или станции Зеленая на Лбищенск: «Обозы были полны продовольствия (главным образом печеного хлеба), снарядов, патронов, много перевязочного материала. Среди военного имущества попадались шубы казачек, самовары, шелковые шали, лакированные сапоги и прочие предметы роскоши казаков и казачек, которые красноармейцы понаграбили от захваченных ими беженцев».)

Чапаев, стремясь предотвратить обход противником своего правого фланга, развернул правее 73-ю и 74-ю бригады, чтобы занять ими станцию Переметное и Железновские хутора. Одновременно начдив пытался ликвидировать разрыв с боевыми порядками 22-й дивизии, в который периодически проникали казачьи части, нарушавшие красный тыл и пути подвоза боеприпасов и продовольствия.

Частные успехи казаков не могли воспрепятствовать дальнейшему продвижению красных на юг. Тем не менее уничтожение населенных пунктов казаками, порча колодцев и другие действия превращали полосу наступления дивизии в территорию, почти непригодную для жизни и ведения боевых действий, что вынуждало чапаевцев возить с собой максимальный запас боеприпасов, продуктов и даже воды. 16 июля Чапаев распорядился навести поря-

док в обозах и полковом транспорте дивизии, изъять максимум подвод для нужд боевых частей и их снабжения:

«При проезде моем от Самары до Яицка (Уральска) замечено много фактов непроизводительного и преступного пользования обывательскими подводами товарищами красноармейцами. Подводы эти могли бы принести огромную пользу, убирая созревший хлеб. Тянулись целые обозы с ненужными вещами, как-то: в санитарных отделах возят пианино и рояли, двуспальные кровати, матрацы, что считаю недопустимым и преступным со стороны ответработников, командиров, комиссаров, особенно врачей и фельдшеров, из которых ни один не может обойтись без кровати и пружинного матраца. Также со стороны комендантских команд, которые, чувствуя себя в безопасности, возят с собой по несколько граммофонов и по несколько сот пластинок к ним. В некоторых частях занимаются повозки седлами, в то время как кавалерия в них сильно нуждается, что считаю также недопустимым. В батальоне связи и командах возится много совершенно никуда не годного имущества, как-то: совсем порванный кабель и поломанные велосипеды, совершенно не пригодные для службы и военного дела и возимые лишь для личных интересов и удовольствия.

Приказываю весь этот хлам немедленно сдать в интендантские склады. В дальнейшем предстоят большие трудные походы по безводной местности. Приказываю ценить каждую подводу для самых необходимых предметов, как-то: огнеприпасов и продовольствия. Культпросвету предлагаю в дальнейшем декорацию с собой не брать, все равно ставить спектакли не придется, а лишних людей оставить в Яицке для усиленной культпросветительной работы в окрестных станицах и поселках. При выходе частей с мест для дальнейшего движения мною будут приняты меры по осмотру всех обозов и все неподчинившиеся сему приказу будут преданы военно-полевому суду.

Начальнику санитарной части дивизии принять меры к искоренению этого зла в подведомственных ему учреждениях, обратив особое внимание на полевой подвижной госпиталь в Богатом, где по дошедшим до меня слухам творится что-то невообразимое, и госпиталь превратился в вертеп».

Бурно развивавшийся конфликт между начдивом и комиссаром привел к тому, что Фурманов отказался подписать этот приказ и отправил в Реввоенсовет Южной группы телеграмму с протестом:

«Не могу согласиться с Чапаевым, что политотдел, а именно его культурно-просветительный отдел, следует оставить здесь, в Уральске. Когда дивизия пойдет вперед, все части должны ехать вместе, тем более что культпросвет только что приспособился работать непосредственно при полках. Для Чапаева это “какие-то доски и ненужные забавы”, а я придаю культпросвету большое значение и не смотрю на него только как на забаву. Он грозит оставить культпросвет силой и отнять лошадей. Предлагаю вовремя одернуть, воспретить самодурство. Необходимость бросить культпросвет на произвол он мотивирует нуждой в лошадях, тогда как прежде об этом почему-то речи не было, да, кроме того, теперь нами захвачено немало верблюдов, полных транспортных».

Однако надежда комиссара на покровительство Фрунзе и его ближайшего помощника, будущего начальника Гражданского воздушного флота Петра Баранова не оправдалась. Начальник политуправления Южной группы лаконично резюмировал в разговоре с Чапаевым: «Реввоенсовет находит, что выработанный вами приказ является своевременным и необходимым».

Военная и продовольственная необходимость в обстановке тяжелых боев превалировала над политическими интересами. В выжженной казаками степи наступление и передвижение в пешем порядке под палящими лучами солнца было самоубийственным предприятием. Бойцы и командиры воевали в страшную даже по местным меркам жару, на солнце земля и воздух накалялись до шестидесяти градусов. Колодцы были засыпаны, станицы и хутора почти полностью сожжены, на десятки километров негде было укрыться от жары, многие погибали или теряли боеспособность от жажды, тепловых и солнечных ударов. Приказ Чапаева соответствовал военной целесообразности: лучше предоставить подводы обессиленным красноармейцам и командирам, чтобы сохранить их силы и не допустить снижения боеспособности.

Получив повышение в должности, Чапаев не отказался от своей привычки обсуждать и оспаривать директивы высшего командования. Несмотря на увеличившуюся численность вверенных ему войск, он по-прежнему заботился, чтобы его бойцы были сыты, одеты, обуты и вове-

мя получали боеприпасы. Начдив предпочитал общаться со штабом Фрунзе, минуя штаб 4-й армии, командованию которой он не очень доверял и оценивал его как слабое. В разговоре с начальником штаба Южной группы войск Владимиром Лазаревичем (бывший подполковник Генштаба) Чапаев сообщил:

«Ставлю в известность, что наступление на Лбищенск по большой дороге нецелесообразно, где каждый шаг противником закреплен. Если выполнять приказ в точности, то до подхода к Лбищенску дивизия вся будет разбита. По моему соображению, маневр следует произвести через Железнов-3 обходом на Чеганский, чтобы не брать Круглоозерный, где неприступная позиция, а главные силы пустить со станции Деркул и Шипово обходным путем на Лбищенск, дабы противник сдал укрепленные позиции по большому тракту без боя. На что прошу ответа.

У противника против меня действуют 4 броневых автомобиля, против которых приходится бороться открытой грудью, на что я смотрю очень печально. Я просил неоднократно прислать из Самары бронепоезд, бежавший с позиции, не уведомив начдива, и не выполнивший своего приказа, в чем я усматриваю явное преступление со стороны начальника бронепоезда, и прошу немедленно этого негодяя расстрелять. Если будут прощаться такие негодяи, то я не в силах буду больше работать.

Люди 25-й дивизии от больших переходов остались разуты. Патронов совершенно нет. У противника отбито 20 000 голов скота. Куда прикажете деть? Бригада Плясункова совершенно небоеспособна. Отдела снабжения нет. Люди голодают... 10-й кавалерийский полк у Плясункова ни к черту не годен всем своим составом. Рязанский полк — солдаты хорошие, командир полка — саботажник, по три дня не дает донесений комбригу, совершенно не подчиняется дисциплине и приказам. Одно время Плясунков думал, что пропал весь полк. Техники в бригаде совсем нет. Нельзя ли часть оторвать от наумовской группы, все равно она бездействует, или передайте наумовскую группу на исправление нам. Мы научим ее воевать. Разрешите отпускать солдат пять процентов. Не отпустите ли и меня дней на десять, потому что я совсем не знаю, где мое семейство».

Репутация Чапаева как храброго и умелого военачальника сыграла свою роль: распоряжение командарма было

отменено вышестоящим руководством, командир Ударной группы получил разрешение действовать по собственному усмотрению. Фрунзе вновь подчеркнул, что, несмотря на все наветы, доверяет Чапаеву и верит в его успех. Лазаревич сообщил Чапаеву:

«У аппарата был Фрунзе и ознакомился с вашим разговором... ваш приказ, отданный 16 июля, правилен, не подлежит отмене. Наоборот, теперь, когда противник задерживается здесь, в районе Деркул и Переметная, необходимо попытаться совместно с Шиповской группой его уничтожить, чтобы не дать ему возможности оказывать дальнейшее сопротивление при наступлении на Лбищенск. Поэтому командюгруппы приказал теперь же перейти в решительное наступление всеми вашими бригадами для занятия района станица Переметная, форпост Чеганский и Требухин... Только после этого вам надлежит приступить к выполнению приказа 4-й армии о наступлении на Лбищенск, причем при наступлении необходимо действовать *именно обходами, как вы говорите* (курсив наш. — П. А.). Наступление в лоб никогда успеха иметь не может, и ваш предполагаемый обход через Железнов-3 для занятия Чеганского считаю правильным. Сейчас опять подошел товарищ Фрунзе... и еще раз приказал подтвердить крайнюю необходимость, ввиду слабости Шиповской группы, стремительного удара всеми вашими силами, включая гарнизон Уральска, навстречу Шиповской группе, стремясь охватить противника с юго-востока вашим левым флангом... надо действовать решительно, чтобы его окружить и уничтожить.

17-й бронеполк несколько дней тому назад вышел из Самары по железной дороге на Бузулук и отправлен в ваше распоряжение. Прикажу вдогонку ему ускорить его движение, а когда придет к вам, заставьте их работать, а то они только все чинятся и ничего не делают, кого надо — привлекать к суду трибунала. Об обуви, белье и патронах сообщу нашему начснабу, чтобы снабдил вас всем необходимым...

Вас лично до возвращения Наумова командюгруппы не находит возможным отпустить в отпуск и самолично считает никак невозможным теперь. Мы ждем от вас блестящего завершения Уральской операции, окружения и уничтожения противника в районе Переметная, Деркул и занятия форпоста Чеганский, в чем я лично и не сомневаюсь. Желаю успеха...»

Можно сказать, что стиль общения нашего героя с высокопоставленным руководством мало изменился: он, как и в 1918 году, регулярно жаловался на командование 4-й армии, периодически обвиняя его в некомпетентности и предвзятости. Однако в отличие от лета и осени 1918 года у Чапаева появился понимающий его и доверяющий ему собеседник — Михаил Фрунзе. Впрочем, и сам Чапаев безгранично доверял Фрунзе и подчинялся его авторитету.

Во второй половине июля 1919 года Ударная группа Чапаева у деревни Усиха вела ожесточенные бои с уральцами, которые пытались перехватить инициативу боевых действий. Конница противника многократно атаковала тыл и фланги 25-й дивизии и других частей, а пехота наседала с фронта. Части дивизии несли тяжелые потери, но продолжали держаться и заставили казаков отказаться от контрнаступления. Один из белых участников сражения высоко оценивал боевые и моральные качества красных бойцов: «В течение 2—3 дней мы (2-я дивизия) противнику не давали никакого покоя, стараясь его вымотать с тем, чтобы потом основательно уничтожить. Чем они пытались до сего момента, для нас оставалось загадкой. Пленные, которых у нас было достаточно, говорили, что части голодают, но в то же время они проявляли такую стойкость, которая никак не вязалась с показаниями пленных. Мы их пытались атаковать днем, ночью, но они отбивали все атаки самым решительным образом. Численностью и артиллерией они превосходили нас в несколько раз... как бы то ни было, противник продолжал движение на низ, занимая поселок за поселком».

Чапаев, докладывая об успехах, тревожился об успешном развитии операции из-за потерь и вызванного перебивами в снабжении недостатка боеприпасов и продовольствия. 19 июля он сообщил Лазаревичу:

«223-й полк окружен в Требухине. Противник зашел в тыл, прервав сообщение, вел непрерывные атаки целые сутки. Положение полка неизвестно. Только получили сведения, что в полку снарядов не осталось ни одного. 225-й полк ушел на соединение с 223-м полком. При подходе к селу Рубежный казаки накинулись на 225-й полк, где сошлись в рукопашный бой. Бой был на улицах, из окон, с крыш домов. Победу одержал 225-й полк, остатки противника бежали. Потери нашего полка неизвестны, не получены донесения. Командир полка 225-го выслал один батальон на поддержку 223-го полка. Сюда выезжает комбриг с одним

батальоном в Требухин... Патроны вышли все, положение ухудшается. Запасов патронов нет совсем как в дивизии, так и в бригадах и полках. Имеются только на руках, с этими патронами можно держаться только до вечера. Прошу вашего разрешения получить патроны полтора миллиона от 4-й армии, иначе придется отступить... Сейчас получил донесение: противник разбит, убитыми лежат 100 трупов вдоль реки Урал. Противник разбит на две группы. Часть кинулась через Урал вплавь, а часть на север, 225-й полк с 223-м соединились связью. С нашей стороны потери выясняются. В 225-м полку раненых — 39, убитых — 10, в 223-м полку — неизвестно. Патронов совершенно осталось мало».

Чапаев был обеспокоен плохим взаимодействием с соседней 22-й стрелковой дивизией. Ее начальник Александр Сапожков, которого начдив 25-й не раз выручал в боях лета и осени 1918 года, не сумел мобилизовать части дивизии на энергичные действия. 21 июля Чапаев доносил в штаб 4-й армии и в Южную группу: «Вследствие оставления 191 полком 22 дивизии Турсенина противник перебросил свои силы в Турсенин и повел в 12 часов наступление с фланга и атаковал 7 роту 219 полка, находящуюся в резерве, забрал 100 человек в плен, около 50 человек зарубил, выбыло из строя 4 орудия, огнеприпасов нет. Положение очень серьезное. Прошу немедленно указать начдиву-22, чтобы он занял населенные пункты, указанные в вашем приказе».

23 июля Чапаев жаловался в штаб Южной группы на активные действия бронесил противника и изъятие из дивизии бронеотряда. В этом обращении любопытен тон начдива, уверенного, что бронеотряд, являвшийся отдельной частью, которая использовалась на критически важных направлениях, принадлежит дивизии и ее начальнику, то есть самому Чапаеву:

«В последних боях против 2-й бригады вверенной мне дивизии принимали [участие] со стороны противника следующие броневики:

1. “Крокодил” с 3-дюймовым орудием и пулеметами, образец танка — тяжелый на ход;
2. “Лазарь” с орудием системы “Смит-Вессон” и пулеметами;
3. С одним пулеметом — очень быстроходный.
4. “Коммунар” (весьма странное название для бронемашины белой армии. — П. А.) с одним пулеметом.

Броневики несколько раз прорывали нашу цепь. Громадные потери, понесенные бригадой, объясняются ис-

ключительно только анархическим поступком 1-й армии, захватившей 17 бронеполк, принадлежавший 25-й дивизии. Я теперь не надеюсь и не могу верить, что 3-я бригада вверенной мне дивизии не попадет в лапы 1-й армии на целый год, как 224 полк».

Жалоба Чапаева понятна, но удачные действия бронемашин белых нельзя объяснить только отсутствием аналогичного вооружения у Чапаева, прорыв броневиков с тонкой броней в глубину расположения красных частей означал, что командир бригады и отчасти сам Чапаев недостаточно наладили взаимодействие пехоты с артиллерией дивизии, снаряды которой легко разбивали и повреждали боевые машины неприятеля.

Лазаревич не мог обнадежить Чапаева быстрой доставкой патронов из-за их отсутствия на складах Южной группы и обещал доставить снаряды и мизерное (всего 20 штук) число револьверов для комсостава.

Наступление дивизии замедлилось. В очередном рапорте Чапаев снова жаловался на тяжелые условия, в которых находилась дивизия:

«Такой участок охранять невозможно... Распыленные по одной роте части могут быть легко разбиты противником. А помощь ниоткуда не придет. Я нахожусь в совершенном неведении, что за задачи 25-й дивизии. Боевой задачи нет. Отдыху тоже нет, и распылили всю дивизию мелкими частями, командному составу не в силах следить за порядками в частях и отдавать срочные распоряжения. Таким образом, дивизия доводится до разложения... Согласно уставу в корне преследуется распыление частей, и считаю строго недопустимым такое положение... Все войска 25-й дивизии лежат в цепи под палящим солнцем и более двух месяцев не мыты в бане. Некоторых паразиты заели. Если не будет дано никакого распоряжения, я слагаю с себя обязанности начдива, мотивируя нераспорядительностью высшего командного состава...»

Это был крик души отца-командира, который привык заботиться о своих бойцах и с болью глядел на подчиненных, измотанных длительными непрерывными боями и маршами с одного участка фронта на другой. Возможно, начдив сгустил краски и излишне эмоционально описал обстановку, но он, вероятно, решил, что обычные рапорты бесполезны, и пошел на крайнюю меру, угрожая отставкой во время тяжелого сражения.

Однако, несмотря на тяжелые бои, истощавшие физические и моральные силы красных полков и бригад, Фрун-

зе в интервью «Известиям» в начале августа оптимистично заверял: «Настроение на местах в местах, занимаемых нашими войсками, всецело в нашу пользу... Киргизская (казахская. — П. А.) масса идет всецело за нами... В настоящее время район между Оренбургом и рекой Урал занят нами, к югу наше наступление развивается вполне успешно и на днях ожидается занятие Лбищенска. Нужно отметить также на редкость яростное сопротивление, оказываемое нам уральскими (яицкими) казаками. В громадном большинстве своем они очень зажиточные, они проявляют себя необычайными жестокостями. Отступая, казаки сжигают станицы, зажигают степь, портят воду и т. д.»

Чтобы разгромить усилившегося противника, Чапаев предложил новый план:

«Противник силы свои сосредоточивает на бухарской стороне, в районе Лука Вязовая, Лука Нижняя, Лука Самодурова и станица Сабукина. С продвижением 25 дивизии на Лбищенск противник может ударить на Круглоозерный, где тыл наш остается неприкрытым, чем может испортить весь наш маневр на Лбищенск. Чтобы обеспечить тыл наступающим частям 25 дивизии на Лбищенск, необходимо одну бригаду пустить по бухарской стороне по левому берегу р. Урал, ввиду чего без 3 бригады двигаться вперед не могу, а буду издавать одновременно боевой приказ 3 бригаде переправиться в районе Трекинский через р. Урал для движения вперед совместно с 1 и 2 бригадой, а поэтому необходимо срочно дать распоряжение о снятии 3 бригады с участка Генварцевское, Требухин и Рубежный. Могу ли подчинить себе 2 бригаду 47 дивизии в свое распоряжение для задачи занять Рубежный, Требухин и держать связь с 1 армией и несения гарнизонной службы в г. Уральск? По получении ответа на эту записку будет издан боевой приказ по 25 дивизии».

Идея операции, предложенная Чапаевым, была простой и эффективной: четыре бригады должны были охватить противника с двух сторон и разгромить его, не позволив занять удобные рубежи обороны под Лбищенском.

Новые успехи настроили Чапаева на оптимистический лад и привели к сравнениям с полководцами прошлого и рассуждениям о собственном потенциале. Если верить Фурманову, наш герой заявил:

«Наполеон командовал всего 18—20-ю тысячами, а у меня уж и по 30 тысяч бывало под рукой, так что, пожалуй, я и повыше него стою. Наполеону в то время было легко

сражаться, тогда еще не было ни аэропланов, ни удушливых газов, а мне, Чапаеву, — мне теперь куда труднее. Так что моя заслуга, пожалуй что, и повыше будет наполеоновской... В честь моего имени строятся народные дома, там висят мои портреты. Да если бы мне теперь дали армию — что я, не совладею, что ли? Лучше любого командарма совладею!

— Ну, а фронт дать? — шучу я.

— И с фронтом совладею... Да все вооруженные силы Республики, и тут так накачаю, что только повертывайся...

— Ну, а во всем мире?

— Нет, тут пока не сумею, потому что надо знать все языки, а я, кроме своего, не знаю ни одного. Потом поучусь сначала на своей России, а потом сумел бы и все принять. Что я захочу — то никогда не отобьется...»

Командующий Ударной группой распорядился перейти в наступление двумя бригадами в ночь на 5 августа. 1-я и 2-я бригады к 6 августа должны были выйти на рубеж Лука Бухарская, форпост Бударинский, 7 августа — занять форпост Кожехаровский, Лука Хуторская и 8 августа — завершить операцию взятием Лбищенска. Командиру 2-й бригады 47-й стрелковой дивизии, переданной в распоряжение Чапаева, было приказано прикрывать левый фланг дивизии и одним полком занять Уральск, чтобы освободить от гарнизонной службы части 25-й дивизии. Одновременно 3-я бригада выводилась из резерва 1-й армии и возвращалась в состав своей дивизии.

В ночь на 5 августа части 25-й стрелковой дивизии перешли в наступление из района Владимировского на Лбищенск. Противник пытался на подступах к форпосту Скворкин сдержать продвижение чапаевцев. Казаки при поддержке бронемашин потеснили передовые полки дивизии, но Чапаев ввел в бой второй эшелон и вынудил неприятеля отойти. К двум часам дня части 25-й стрелковой дивизии заняли хутор Янайский. Противник, стремясь остановить чапаевцев, решил контратаковать правый фланг дивизии, стягивая на это направление резервы и части с неатакованных участков. Одновременно разъезды уральских казаков переправились на правый берег Урала и прибегли к привычной тактике — регулярным налетам на тылы соединения. Командующий Ударной группой докладывал об обстановке по прямому проводу в штаб Южной группы армий:

«Во что бы то ни стало нужно сбить противника с бухарской стороны, занять Меновое и Малофеево, но это не представляется возможным, потому что 3-я бригада находится еще во владении 1-й армии; 224-й полк я совершенно не знаю, где находится... Жду в самом срочном порядке указания о разграничительной линии с 1-й армией. Перехожу в решительное наступление для облегчения правого фланга. Все обозы противника находятся на левом берегу реки Урал между Уральском и Лбищенском. Дальше по приказу атамана Толстова беженцам и обозам двигаться не позволено ввиду неимения продовольствия, для чего и необходимо занять левый берег р. Урал, чтобы заставить противника сдать и обеспечить тыл первых двух бригад, где уже появляются разъезды и нападают с тыла».

Чапаев также сообщил Каратыгину, что крепостная бригада прибыла из Самары в полном составе в Уральск. Ее полки могли нести гарнизонную службу и охранять тыл дивизии от нападений казачьих рейдовых групп, а также банд дезертиров и уклонившихся от мобилизации призывников. Это позволяло освободить силы 25-й дивизии для активных наступательных действий.

К середине дня 6 августа 1-я бригада 25-й дивизии отбросила неприятеля на юг и подошла на подступы к форпосту Богатинский. Тем временем 2-я бригада наступала на сильно укрепленный форпост Бударинский. Однако правофланговая 50-я стрелковая дивизия задерживалась из-за ожесточенного сопротивления белых и существенно тормозила продвижение 25-й стрелковой дивизии. Ее правый фланг оказался открытым. Казаки многократно пытались просочиться через разрывы в боевых порядках двух соединений и выйти в тыл чапаевцам, но были отброшены. К вечеру 6 августа 2-я бригада овладела Бударинским, где обнаружила страшную находку: в специальных траншеях были закопаны несколько десятков трупов изуродованных и расстрелянных красноармейцев. Еще 68 раненых пленных, как утверждают советские источники, красным полкам удалось спасти. Казаки, похоже, не понимали, что лишь разжигают ненависть противника и укрепляют его ряды: бойцы дивизии понимали, что пощады в случае плена ждать не приходится, и при угрозе окружения не сдавались, а сражались до последнего.

Несмотря на новый успех, Чапаев вновь обращается к командованию 4-й армии. 7 августа он телеграфировал:

«Ввиду восстания банд “зеленых” я боюсь за свою дивизию, как это было с 22 дивизией и с остальными частями, которые действовали на уральском фронте. У “зеленых” имеется достаточно седел, винтовок, бомб и патронов, то есть все то, что подобрано ими от 22 дивизии при отступлении. Требую в категорической форме дать мне право на ликвидацию этих повстанцев, зная из долголетнего опыта, что никогда фронт не будет спокоен и прочен, если тыл в опасности. За время уральского похода из строя дивизии выбыло около 3 тысяч лошадей, и орудия возить не на чем. Часть орудий бездействует ввиду неимения лошадей, подвод с тыла не дают... я наступление дальнейшее остановил и с форп. Бударинский дальше не пойду, пока не будет ликвидировано восстание в тылу. Отряды, высланные вами для ликвидации восстания “зеленых”, я на них не надеюсь как на слабо организованные части, которые способны при удобном случае передать оружие противнику... Жду срочного ответа».

И снова типичное нарушение воинской субординации, которое к тому же мало оправдывалось реальной обстановкой: Чапаев получил на усиление Самарскую крепостную бригаду, части которой можно было использовать для очищения тыла. Отряды дезертиров в Саратовской и Самарской губерниях к середине лета 1919 года были значительно ослаблены из-за постоянных столкновений с частями Внутренней охраны и Красной армии, людских потерь и большого расхода боеприпасов. Немало бывших красноармейцев и крестьян, уклонившихся прежде от службы в армии, покинули ряды «зеленых» после серии амнистий, которые освобождение от наказаний сдавших сочетали с репрессиями против семей злостных дезертиров: они могли подвергнуться разорительному штрафу, лишиться части земельного надела и скота, не исключалась и угроза высылки в отдаленные губернии. Командарм Авксентьевский снисходительно относился к эскападам Чапаева в свой адрес из-за выдающихся боевых успехов чапаевской дивизии, он также знал, что начдив 25-й пользуется доверием и расположением Михаила Фрунзе, которого он также ценил. Сам Авксентьевский не слишком опасался обвинений командующего Ударной группой: он работал с Фрунзе еще в Ярославском военном округе с лета 1918 года и знал, что командующий Южгруппой (а затем и фронтом) не привык верить наветам на своих подчиненных и решать кадровые вопросы до того, как сам разберется в существовании конфликта.

9 августа части чапаевской дивизии заняли Лбищенск. До трагедии оставалось меньше месяца. Тем временем бурный конфликт между Чапаевым и Фурмановым разрешился росчерком бюрократического пера. 30 июля в штаб дивизии пришла телеграмма об отзыве комиссара в политуправление Туркестанского фронта (в него была преобразована Южная группа Восточного фронта с присоединением 11-й армии Южного фронта). К этому времени, если верить Фурманову, противоречия между ним и Чапаевым сгладились. «Это просто уваживается мое устное ходатайство перед Ревсоветом, когда мы с Чапаем были в Самаре. Но с тех пор уже давно много воды утекло... Мы с Чапаем работаем дружно. Нам расстаться тяжело», — писал в дневнике Фурманов. Начдив не хотел отпускать комиссара, к которому успел привыкнуть, и даже написал рапорт в политуправление с просьбой оставить его в дивизии. Сам Фурманов был вроде как не против остаться и колебался: «Сам я, скажу откровенно, затосковал. Мне все-таки тяжело расставаться с дивизией, в которую врос, с которой сроднился. Особенно теперь, когда я узнал, что она перебрасывается к Царицыну, а там, может быть, и на Северный Кавказ». Но вскоре в штаб дивизии пришла телеграмма с разъяснением, что Фурманов отзывается не из-за конфликта с начальником дивизии, а для получения нового, более высокого назначения по службе.

Прощание, если верить очевидцам, выглядело трогательным. Немало авторов приводят воспоминания шофера Чапаева, Василия Козлова, что «Чапаев долго разговаривал с Главкомом по прямому проводу, горячо возражал против этого решения, доказывал, что Фурманова в дивизии хорошо знают и ценят и что он лично с ним сработался, а когда возражения начдива были отклонены, он с согласия Фурманова послал в штаб армии официальную телеграмму с просьбой отменить решение. Но это ничего не дало».

Но такая версия не выглядит правдоподобной из-за многих странностей: Чапаев регулярно жаловался на плохую связь, а тут он запросто разговаривает с главкомом по вопросу, который, по логике вещей, находился в ведении начальника политуправления. Неясно также, что делал шофер в кабинете или палатке, где была установлена связь с вышестоящим командованием.

Дальше, по версии Козлова, Чапаев приказал ему: «“Давай подготовь машину хорошенько. После обеда повезешь комиссара в Уральск — отзывают его”». Тепло, задушевно

проводили Дмитрия Андреевича и его супругу. Вот Фурманов прощается, обнимает и целует работников политотдела, штаба. Чапаева обходит, оставляет последним, видимо, хочет запечатлеть прощание с ним как-то особо.

— Ну, прощай, Василий Иванович, дорогой мой Чапай!

— Прощай, Митяй! Во многих боях мы были с тобой, много горя и радости делили пополам. Знаю, что повышают, а все же жаль расставаться. Многому ты меня научил, спасибо тебе за все... Прощай!

Крепко обнялись, по русскому обычаю расцеловались.

— Ничего, друзья, — сказал, обращаясь ко всем, Дмитрий Андреевич, — боремся мы с вами за общее дело, против общего врага, независимо от того, где этот враг находится. Значит, можно считать, что мы с вами всюду и всегда вместе. Встретимся еще не раз. До свидания!..»

Верить ли в такое чувствительное прощание после бурного конфликта, гневных писем и обвинений? Ну а почему бы и нет! Чапаев при всей его вспыльчивости был человеком отходчивым и быстро менял гнев на милость, если решал для себя, что не прав и может потерять друга и соратника. Фурманов также не был слишком злопамятным и, увидев прекращение притязаний Чапая на его жену, мог смягчиться. Возможно и другое: стороны были искренни, но внутренне радовались расставанию, прекратившему тягелую размолвку.

После взятия Лбищенска дальнейшее продвижение чапаевской дивизии затормозилось из-за усилившегося сопротивления Уральской армии. Ее командование осознавало, что дальнейший отход будет означать потерю хлебопроизводящих районов и появление в низовьях, живших преимущественно за счет привозного зерна, тысяч беженцев, солдат тыловых подразделений и учреждений армии, а также опасалось колебаний среди казаков на фронте и дезорганизации тыла из-за голода.

Кроме того, в 25-й дивизии и других частях Ударной группы по мере отдаления от железной дороги усилился недостаток боеприпасов, продовольствия и медикаментов. К ним прибавилась острая нехватка воды. Бойцы полков, действовавших на значительном отдалении от Урала, вынуждены были брать мутную воду из почти пересохших озер и прудов. Кроме того, казачьи разъезды буквально охотились за обозами, отправлявшимися за водой. Командирам полков и батальонов приходилось снаряжать небольшие экспедиции, вооруженные винтовками и пулеметами.

тами, для доставки воды. Из-за употребления плохой воды и подножного корма (хлеба и крупы не хватало) в полках начались вспышки тифа и дизентерии, косившие и без того поредевшие подразделения чапаевцев страшнее пулеметов и казачьих сабель. Тем не менее Ударная группа, ведомая неутомимым командиром, продолжала двигаться на юг.

13 августа Чапаев доносил в штаб армии:

«Противник получил огнестрельные припасы, как снаряды, так и патроны. При занятии Лбищенска противник открывал ураганный ружейный, пулеметный, артиллерийский огонь... Горячинский занимать не предполагаю, потому что нет никакого смысла двигать противника по десяти верст. Удар могу нанести прямо на Сахарную, для чего сделаю не больше двух переходов. Но этого маневра не предприиму, пока не получу хоть малое количество патронов, каковых в дивизии совершенно нет. На сегодняшний день делал подсчет, который показал все запасы. В передовой базе имеется 5 тысяч патронов и на складе в Уральске 3 тысячи, так что в запасе всего 8 тысяч, с каким количеством вперед не двинусь ни шагу. При первой получке патронов двинусь вперед, до получения патронов не буду издавать никакого оперативного приказа, за исключением если обстановка заставит отступать, о чем я говорить могу смело. С патронами никогда не отступал, а без них не стыдно отступать. Держаться на занимаемых позициях нельзя без патронов, чем можно погубить всю дивизию. Вы даете патроны всего лишь на бригаду, а под моим руководством бригад пять, 2-я бригада 47 дивизии пришла совершенно без патронов, и ей выдано мною 115 тысяч. Поторопитесь с доставкой патронов, что даст возможность занять Сахарную и соединиться с 3 бригадой 50 дивизии...

Высылайте скорее пополнение, так как в некоторых полках всего осталось по 500 штук. Здесь свирепствует сильный тиф, что уносит из рядов больше, чем в бою. От Уральска до Лбищенска убитыми и ранеными потеряно до полутора тысяч человек. Кавалерийские дивизионы участвуют в пешем строю за неимением лошадей. От Бузулука до Лбищенска лошадей потеряно до 3 тысяч, некоторые орудия стоят в бездействии за неимением лошадей для перевозки. Пулеметы люди таскают на себе. В лошадях самый острый кризис. Хотя и знаю, что в армии нет, но все-таки требую то, без чего воевать нельзя. Патронов дайте хоть 100 тысяч».

Очередной призыв о помощи и требования в ближайшее время направить в дивизию боеприпасы были обоснованны, но Чапаев, по обыкновению, преувеличивал трагизм создавшегося положения и степень «патронного голода». Авторы книги «Легендарная Чапаевская» указывали, что в Лбищенске только 221-й полк захватил 21 тысячу патронов и четыре пулемета.

Вскоре соединения 4-й армии и Ударной группы Чапаева получили новую директиву командующего Туркестанским фронтом: в кратчайшие сроки разгромить противника и выйти к побережью Каспийского моря, а также прикрыть правый фланг 1-й армии, на которую возлагалась важнейшая задача — восстановить сухопутную связь с Туркестаном (нынешними республиками Центральной Азии). Командование Красной армии и Совнарком надеялись получить доступ к местному хлопку и гурьевской нефти и тем самым ослабить острейший сырьевой кризис в химической и текстильной промышленности, смягчить острую нехватку топлива.

К вечеру 14 августа частям Ударной группы был доставлен небольшой транспорт с патронами (около трехсот тысяч) и другими боеприпасами. Чапаев получил возможность наступать. Командующий Ударной группой подготовил новый план операции по занятию станицы Сахарная. Главную роль в нем должна была сыграть правофланговая группа 2-й (74-й) бригады Дмитрия Зубарева, которому временно подчинялась бригада 50-й стрелковой дивизии. Группа Зубарева должна была пройти степью по бездорожью и выйти к станице с тыла к 20 августа. 1-я (73-я) бригада, командиром которой вместо заболевшего Кутякова стал Степан Михайлов, получила задачу наступать на Сахарную с фронта. Наконец, 3-й (75-й) бригаде поручалось наступать по левому (восточному) берегу Урала совместно с полком бригады 47-й стрелковой дивизии на Джамбейтинскую ставку. В резерве Чапаева оставалось два полка 47-й дивизии — 417-й и 418-й. Командование планировало окончательно разделить силы уральцев и Алаш-орды — казахских националистов, которые поддержали в 1918 году Учредительное собрание, а затем, скорее по инерции, продолжали сотрудничать с правительством Александра Колчака, которое негативно относилось к проявлениям автономии и самоопределения отдельных национальностей.

Великодержавные тенденции Белого движения на востоке России оттолкнули от него лидеров киргизского (казахского) и башкирского национальных движений, они начали закулисные переговоры с эмиссарами большевиков, сулившими этническим меньшинствам бывшей империи значительную автономию, создание отдельных территорий с национальным управлением. Посланцы Москвы и Мусульманской секции ЦК РКП(б) обещали помощь в обучении национальных кадров, рост образования на языках тюркоязычных народов Урала и Средней Азии, другие преимущества. Эта агитация имела значительный успех: башкирские части белой армии перешли на сторону красных еще в апреле — мае 1919 года, киргизские национальные формирования колебались дольше. Тем не менее к красному командованию в августе не раз проникали лазутчики из стана хана в Джамбейтинской ставке с просьбой о перемирии и предложениями перейти на сторону советской власти. Признаки деморализации ощущались и в других частях Уральской армии. В Семеновской дружине (33-го пехотного полка) усилилось брожение, которое командиру полка удалось быстро подавить. Противник был дезорганизован в значительной степени следованием вместе с отступающими частями огромных обозов с женщинами и детьми, напуганными рассказами о зверствах большевиков. Отрицательно сказывалась на состоянии войск противника и частая смена командования.

Наступление группы Зубарева развивалось относительно медленно из-за упорного сопротивления казаков и слабости 148-й бригады, которая была недостаточно обучена маневренным действиям и противоборству с энергичным и быстро перемещающимся противником. 1-я бригада тем временем вела ожесточенные бои под форпостом Мергеневский. Сражение длилось более суток, в полках 1-й бригады насчитали 42 погибших, более 220 раненых и двоих пропавших без вести. Кроме того, были убиты 40 и ранены более 100 лошадей, в бригадном кавдивизионе в строю осталось всего 17 всадников. В сводке штаба 25-й дивизии указывалось: «Желая ударить в тыл и с фланга, казаки стянули свои силы на правый и левый фланг бригады, почему в середине и получился прорыв. По приказанию начдива-25 217 полк был влит на стыке 218 и 219 полков, дабы ударить в неприятельский прорыв. Противник был выбит из первой линии окопов, подошедшая поддержка из форп. Мергеневский заняла вторую линию окопов с блиндажами. Вместе

с подошедшими броневиками открыли ураганный огонь, местами заставили залечь нашу цепь. Силы противника превышали наши в несколько раз, неприятель обстреливал тремя 3-дюймовыми орудиями, одной гаубицей и одной 6-дюймовой пушкой. Орудийная стрельба продолжалась с 10 до 22 часов». Этот успех был немедленно отмечен новым командующим 4-й армией Владимиром Лазаревичем: «Приветствую вас и славные части вашей дивизии с занятием после упорного боя форпоста Мергеневский. Когда был в ваших цепях и видел ваших богатырей-красноармейцев, их комиссаров и командиров, ни минуты не сомневался, что победа будет наша. Передайте им привет и благодарность от лица Республики. Отличившихся немедленно представьте к наградам. Убитым вечная славная память».

Однако сопротивление казаков не было сломлено. Напротив, они продолжали попытки не просто контратаковать и задержать красные полки, но и перехватить инициативу в боевых действиях. Вероятно, они надеялись на помощь Добровольческой армии, один из планов боевых действий которой предусматривал форсирование Волги и соединение с уральцами, подход подкреплений по Каспийскому морю и регулярные поставки боеприпасов и вооружения. 19 августа большие потери понес 220-й (Иваново-Вознесенский) полк 74-й бригады, в тыл которого пробилась казаки из 2-й дивизии, захватившие обоз и политчасть полка. Командир полка Маловецкий отправил на помощь небольшой отряд с одним орудием. Казаки отступили, но отбить обоз и пленных не удалось. Чапаев устроил неудачливому командиру настоящий разнос и отстранил его от должности.

20 августа около 2500 казаков при поддержке артиллерии и бронемашин контратаковали правый фланг 25-й стрелковой дивизии. Ее полки сдержали натиск неприятеля, который отошел на исходные позиции. Части 73-й стрелковой бригады 25-й стрелковой дивизии сломали сопротивление белых и к утру 22 августа заняли первую линию укреплений противника в трех верстах севернее Сахарной. В этих боях Чапаев и новый комиссар дивизии Павел Батулин лично вели наступающие цепи в бой. Присутствие начдива раз за разом вносило перелом в ход боя. Уставшие и понесшие большие потери роты и батальоны поднимались, несмотря на яростный обстрел противника, шли вперед и заставляли казаков отходить. Однако правофланговая группа дивизии, пытавшаяся обойти Сахарную с запада по сте-

пи, потерпела неудачу, получив удар с фланга полками уральцев, спешно переброшенными из-под Сломихинской. Командующий правофланговой группой Зубарев потерял связь со своими частями, которые вынуждены были воевать с казаками порознь, без координации с соседями и в условиях острой нехватки воды и продовольствия. Чапаев за грубые ошибки в управлении войсками отстранил Зубарева от должности и отдал под суд, его заменил вернувшийся после болезни Кутяков. Однако комбриг избежал наказания.

Положение чапаевцев было тяжелым, но в трудной ситуации оказались и уральские казаки, и оказавшиеся в их рядах оренбуржцы. Начальник штаба армии полковник Владимир Моторный писал впоследствии: «В течение второй половины июля и первой половины августа Уральская армия, теснимая частями 25-й дивизии, обороняя каждый поселок и почти каждый хутор, расположенные к западу от линии Уральск — Гурьев, отошла в район Калмыковск, Каленый. Почти все жители оставляемых казаками станиц отходили на юг со всем своим скарбом и скотом. Это было бедствие для армии, ибо в южных станицах отсутствовал хлеб, а переполнение беженцами грозило голодом. Сотни тысяч скота, гонимого ими в тыл, уничтожали по пути запасы сена и траву, как саранча. Кроме того, эти беженцы располагались бивуаками в ближайшем тылу армии, чем мешали маневрированию. Стоило частям армии остановиться, как останавливались и беженцы, не слушая ничьих приказов об отходе в глубокий тыл. Районы к северу от Калмыковска через 2—3 дня после отхода армии к поселку Каленый представляли собой буквально голую степь, даже ветки на деревьях и те были съедены. Армия была лишена местных фуражных средств, а доставка сена с Бухарской стороны за отсутствием мостов через реку Урал и недостатком лодок была крайне затруднительной. Конский состав начал быстро ухудшаться».

Казаки тем не менее не стремились удерживать до последнего хутора и станицы, если испытывали сильное давление. В случае угрозы боя с главными силами чапаевской группы они предпочитали отходить на новый выгодный рубеж, надеясь потрепать полки и их обозы на марше, измотать и при удобном случае нанести решающий удар. Отходу часто предшествовали атаки, которые должны были скрыть отступление и уход беженцев. На рассвете 23 августа шесть уральских полков при поддержке трех орудий нанесли удар

по слободе Лука Хуторская. Однако оборонявшие населенный пункт батальоны 224-го стрелкового полка отразили атаки неприятеля. Соотношение сил — два батальона против шести полков — не должно смущать: 224-й полк к тому моменту насчитывал около 1200 бойцов, в шести казачьих полках было не более двух тысяч человек. После неудачной попытки захватить укрепленный населенный пункт с ходу казаки потеряли шанс в привычном для них конном строю выбить красных. Возможно, эта задача и не ставилась: вечером Чапаев получил от разведчиков данные о запланированном казаками отступлении на Калмыковск. Чтобы окружить противника и сконцентрировать силы на направлении главного удара, Чапаев перегруппировал полки. Центральная группа должна была главными силами (три полка из пяти) наступать на Сахарную и отрезать пути отступления неприятелю. Правая группа должна была прикрывать правый фланг главных сил. Атака была назначена на раннее утро 24 августа. Разведчикам и передовым постам было предписано внимательно наблюдать за противником. В случае его отхода полки должны были немедленно преследовать его. За отставание от его арьергардов Чапаев грозил трибуналом.

В 11 часов 24 августа части 1-й и 2-й бригад после упорного боя овладели Сахарной. Трофеями дивизии стали около 45 тысяч патронов и несколько пулеметов. Чапаев распорядился немедленно оборудовать окраины станицы и подступы к ней окопами и проволочными заграждениями. Начдив, не считаясь с усталостью стрелков, приказал им помогать красноармейцам саперных рот бригад и инженерного батальона дивизии в возведении оборонительных позиций. Чрезмерная, как казалось многим, поспешность Чапаева при занятии обороны оказалась верным решением, продиктованным интуицией и опытом. Едва красноармейцы завершили неглубокие окопы и соорудили заграждения из подручных материалов, как в семь часов вечера противник начал контратаку, но его попытка отбить недавно оставленную Сахарную потерпела неудачу, несмотря на поддержку артиллерии и двух бронемашин.

После занятия Сахарной дальнейшее наступление 25-й стрелковой дивизии на юг становилось опасным. Ослабленная длительными боями, жарой и болезнями дивизия к тому же лишилась непосредственной связи с соседними соединениями 4-й и 1-й армий. Справа 150-я бригада 50-й стрелковой дивизии отошла к Сломихинской, слева

полки 1-й армии отстали на несколько переходов к северовостоку. Оба фланга дивизии оказались под угрозой ударов противника и его выхода в тыл. Чапаевцы из грозных победителей, отсекавших у противника полк за полком, легко могли превратиться в окруженных. Начдив лично согласовал с командованием армии перенести главный удар на левый берег Урала, чтобы занять Джамбейтинскую ставку. По замыслу Чапаева, новая операция не только могла обезопасить дивизию от налетов и рейдов неприятеля, но и позволяла занять столицу кочевников и населенные казаками районы, богатые скотом. Операции на правом берегу приостанавливались. Ключевой целью новой операции называлось установление локтевой связи с 1-й армией и организация сплошного фронта для координации дальнейшего наступления к берегам Каспийского моря через Гурьев и форт Александровский на Красноводск.

Вечером 25 августа Чапаев снова перегруппировал подчиненные ему части так, чтобы прочнее удерживать район Сахарной. Сильнейшая правофланговая группа под руководством командира 73-й стрелковой бригады Михайлова состояла из 73-й и 74-й бригад 25-й дивизии и 148-й бригады 50-й стрелковой дивизии. Средняя группа под командованием командира 218-го стрелкового полка Ивана Бубенца получила 218-й, 223-й стрелковые и 1-й кавалерийский полки и Кубанский кавдивизион. Левофланговая группа Аксенова за исключением 223-го стрелкового полка сохранилась в прежнем составе.

Правофланговой группе была поручена оборона станицы Сахарной, форпостов Каршинский и Мергеневский. Ее бойцам и саперным ротам было приказано возвести мост через Урал и вести разведку на бухарской стороне. Средняя группа получила задачу переправиться частью сил на левый берег и обеспечить наступление 75-й бригады на Джамбейтинскую ставку. Левофланговой группе следовало не позже 2 сентября установить связь со 147-й бригадой 49-й стрелковой дивизии 1-й армии. Наконец, от командира 25-го инженерного батальона требовалось построить паром, чтобы увеличить возможность снабжения продуктами и боеприпасами через Урал левофланговой группы в районе форпоста Мергеневский.

В разведывательной сводке от 28 августа указывалось: «Воздушная разведка установила, что первая цепь противника в виде застав в отдельных окопах находится в 5 верстах севернее хутора Каленый численностью до 700 штыков.

В трех километрах от селения располагаются главные силы противника общей численностью 1500 штыков... Окопы тянутся на 4 версты». Другие данные разведки, а также сообщения красноармейцев, бежавших из белого плена, показывали, что противник намерен обороняться на правом берегу Урала у Каленого и одновременно — перебросить главные силы на бухарскую сторону.

По указанию Чапаева командиры средней и левофланговой групп должны были реквизировать «весь рогатый скот и лошадей у богатых киргизов», составив точные списки. Чтобы обеспечить бойцов и командиров продуктами, Василий Иванович потребовал привлечь мирных жителей к выпечке хлеба.

Средняя и левофланговая группы продвигались по неосвоенной пустынной местности. Наступление в первые дни развивалось успешно. Левофланговую группу пополнил партизанский отряд, укомплектованный в основном из киргизов (казахов). Участники Лбищенской операции говорили, что бедняки встречали красные полки восторженно. Богатые кочевники, имевшие по несколько сотен лошадей и тысячи овец, опасаясь реквизиций, грабежа и насилий, уходили вглубь степи. Используя ровные пространства, казаки регулярно сосредоточивали конные группы на флангах, в стыках и даже в тылу отдельных полков, применяя метод мелких «кусов». 28 августа в районе Придорожного (60 верст восточнее Уральска) противник силой до кавалерийской дивизии обрушился на 224-й стрелковый полк, пытаясь обойти его левый фланг. На поддержку полка Чапаев направил по одному батальону из резервных частей. Однако из-за отсутствия прочной связи со 147-й бригадой 49-й стрелковой дивизии левый фланг 25-й дивизии вновь оказался открытым. Раздосадованный задержкой наступления, Чапаев просил командующего 4-й армией ускорить продвижение 147-й стрелковой бригады. Телеграмму немедленно передали в штаб 1-й армии. Не дожидаясь подхода 147-й бригады, командующий Ударной группой приказал прекратить активные действия на правом берегу Урала, прочно закрепиться в районе Сахарной и выделить резервы для содействия наступлению левофланговой группы.

Однако осуществить задуманное Чапаеву не удалось. Чтобы подтянуть тылы дивизии, потребовалось время, которое казаки использовали для организации контрудара и рейда в тыл 25-й дивизии.

ЛБИЩЕНСКИЙ ФИНАЛ

Гибель нашего героя и разгром штаба 25-й стрелковой дивизии в Лбищенске в ночь на 5 сентября 1919 года окружены ореолом как личных домыслов заинтересованных лиц, так и легенд. Немало бывших сослуживцев, а также родственников легендарного начдива считали его смерть и удачный налет казаков следствием измены. Авторы разных гипотез до сих пор горячо спорят о главном виновнике (виновниках) его гибели. Одни уверены, что Чапаева вместе с его полками умышленно отправили на смерть завистники, опасавшиеся новых побед, и преступники, стремившиеся скрыть ушедшую вместе с героем правду о некоторых эпизодах Гражданской войны в Поволжье и на Урале. В этом случае обвинять можно все командование Туркестанского фронта: Михаила Фрунзе, бывших генералов Александра Балтийского и Федора Новицкого, бывшего полковника Александра Андерса и еще одного военного специалиста — командарма-4 Константина Авксентьевского, которого тоже считают соратником Фрунзе. Упоминаются также главком Сергей Каменев и председатель РВС республики Лев Троцкий, который, дескать, хотел арестовать и уничтожить Чапаева еще в 1918 году. Есть версия, что одна из дочерей Чапаева еще в годы советской власти выяснила истину, но ей не позволили опубликовать документы некие люди «наверху», а затем материалы исчезли при таинственных обстоятельствах. Сейчас достоверно опровергнуть или подтвердить версию о ловушке для народного героя вряд ли удастся. Все участники событий почти вековой давности давно покоятся в земле: одни — в почетных захоронениях у Кремлевской стены и на Новодевичьем кладбище, другие — в безымянных могилах жертв Большого террора.

Версия об изменниках и завистниках в верхах весьма живуча. Она отражает и предубеждения самого Чапаева против штабов и военных специалистов. Тем более что Александр Балтийский в течение нескольких месяцев был начальником штаба и командующим 4-й армией и частой мишенью нападок и обвинений начдива Чапаева в невнимании к нуждам его бригады и дивизии. Удобна она и потому, что мертвые не могут ответить.

Тем не менее версия эта недостоверна. Стремительное, без должного внимания к флангам продвижение ча-

паевской группы в глубину Уральской области не выглядит авантюрой с военной точки зрения, если вспомнить победные реляции самого Чапаева. Поход к Каспийскому морю диктовался также политическими и экономическими соображениями. Разгром уральских казаков и занятие Гурьева (нынешний Атырау в Казахстане) означали не только ликвидацию еще одного очага Гражданской войны, устранение угрозы правому флангу Восточного фронта и установление прочной связи с советской частью Туркестана. Неподалеку от Гурьева, в верхнем и среднем течении реки Эмбы, находились крупные нефтепромыслы, их занятие серьезно ослабило бы острый топливный голод в Советской России. «Обсудите немедленно... нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьева для взятия оттуда нефти, нужда в нефти отчаянная... Все стремления направьте к быстрейшему получению нефти и телеграфируйте подробно», — писал командованию Ленин. Сразу после разгрома Уральской казачьей армии, в январе 1920 года, Совнарком решил протянуть к Эмбинским промыслам железнодорожную ветку от станции Александров Гай (Алгемба). Ходом ее строительства (незавершенного) Ленин интересовался лично.

Обвинять командование армии и фронта в умышленном планировании операции, целью которой было заманить Чапаева и его бригады в смертельную ловушку, вряд ли уместно: наш герой вместе с соратниками неоднократно выбирался из ситуаций, которые сейчас представляются совершенно безнадежными. Кроме того, инициатива в тот момент принадлежала Красной армии, поэтому командование стремилось воспользоваться выгодной обстановкой для окончательного разгрома Уральской армии и занятия важного экономического района.

Продвижение в глубину территории Уральского казачьего войска поставило казаков на грань выживания: дальнейший отход армии вместе с бежавшим от большевиков населением или даже оборона низовьев Урала в полупустынной местности означали бы массовый голод среди бойцов и беженцев, падеж скота и неизбежную вспышку эпидемий. Командование Уральской армии вынуждено было выбирать: активизация действий, пусть и с сомнительными шансами на успех, или окончательный разгром, гибель армии и всего казачьего войска. Единой точки зрения, как остановить чапаевцев, у белых не было. Прибывший зимой

1919 года как посланец Деникина генерал Николай Тетруев предложил массированную конную контратаку в случае продолжения активных действий красных под хутором Каленовский. Однако большинство командиров казачьих полков и дивизий отвергли эту идею как негодную из-за возможных больших потерь и дальнейшей деморализации армии. В Уральском казачьем войске военные советы и обсуждение распоряжений командования были в порядке вещей. В итоге было решено устроить глубокий рейд в тыл красных, чтобы обезглавить чапаевские полки и дезорганизовать противника.

Еще одна важная деталь: Михаил Фрунзе, командующий Южной группой Восточного фронта и Туркестанским фронтом, также был полководцем-самоучкой, но более крупного масштаба. Фрунзе высоко ценил военный талант Чапаева и боевые качества его дивизии. Судя по документам и свидетельствам очевидцев, он тепло относился к Чапаеву, несмотря на его партизанские замашки и гневные, далеко не риторические выступления против штабов и тылов. Начальник штаба Фрунзе, бывший генерал Федор Новицкий, также высоко оценивал военный талант начдива и к двадцатилетию гибели Чапаева написал панегирическую статью в «Красной звезде».

Предположение об умышленном и злонамеренном уничтожении Реввоенсоветом республики и командованием фронта одного из лучших ударных соединений Красной армии и его опытного командира выглядит попыткой найти в темной комнате черную кошку, которой там нет, проявлением модной ныне конспирологии.

Еще с начала 1930-х годов среди части чапаевцев была распространена гипотеза об измене летчиков, которые вели разведку в интересах дивизии и части командиров штаба. Эту версию впервые выдвинул командир одной из бригад 25-й дивизии и преемник Чапаева на посту начдива-25 Иван Кутяков. По его мнению, летчики не могли не заметить конной массы казаков, но умышленно скрыли их появление в тылу чапаевской группы.

Однако численность белоказачьего отряда, напавшего на Лбищенск, не превышала 1200 человек (по другим данным — 2000 человек). Это были четыре лучших полка Уральской армии: 1-й и 2-й Партизанские, Лбищенский и Поздняковский, которых сопровождали всего два орудия. Казаки шли с минимальным обозом и запасом фуража и продуктов всего на неделю. Компактность позволяла каза-

кам скрываться в камышах и оврагах, оставаться не обнаруженными воздушной разведкой.

Кроме того, по словам Кутякова, в управлении дивизии было немало бывших офицеров и чиновников, не сочувствовавших советской власти и готовых перейти на сторону противника. Версию об измене Кутяков подтверждал последующим переходом части летчиков и чинов штаба на службу к казакам. Факт перехода на сторону белых вовсе не означает враждебных намерений и замыслов: часть находившихся на квартирах летчиков и технического персонала казаки захватили врасплох, другие безуспешно пытались защищаться, но были пленены. Переманиванием технических специалистов на свою сторону с помощью нехитрой альтернативы «служи или расстреляем» («посадим в лагерь/тюрьму тебя или твою семью») занимались все участники Гражданской войны.

Версию об измене поддерживали и некоторые родственники нашего героя: они обвиняли летчиков в том, что те «продали» Чапаева, и даже нашли им высоких покровителей (без указания имен). Но если бы такое мнение было устойчивым и подкреплялось сколько-нибудь серьезными доказательствами, предателей ждал бы трибунал или, что наиболее вероятно в те годы, самосуд соратников легендарного начдива. Не произошло ни первого, ни второго. Наконец, как указывал исследователь истории Гражданской войны Владимир Дайнес, чью скрупулезность и беспристрастность мало кто возьмется оспаривать, один из потенциальных «предателей» погиб в бою 5 сентября; двое из захваченных авиаторов — летчик-наблюдатель Олехнович и моторист Жердин — еще в октябре пытались перелететь обратно к красным, а после крушения аэроплана покончили с собой, не желая сдаваться казакам. Летчик Железнов перелетел к красным в ноябре 1919 года, а Артамонова белые расстреляли, заподозрив в намерении вернуться к своим. Два знаменитых чапаевца — служивший в 3-м артиллерийском дивизионе будущий Герой Советского Союза, штурман чкаловского экипажа Александр Беляков и дослужившийся до звания генерал-полковника Николай Хлебников, командовавший в годы Гражданской войны артиллерийской батареей, а затем дивизионом в чапаевской дивизии, — версию о предательстве даже не упоминают.

Другие родственники начдива распространяют свою экзотическую версию внезапного нападения казаков на

Лбищенск. Они утверждают, что накануне трагедии в штаб дивизии приехала Пелагея Камешкерцева с младшим сыном Чапаева Аркадием. Она хотела помириться с мужем, но Чапаев с ней разговаривать отказался, а Аркадия оставил у себя. Обиженная женщина, задумав страшную месть, перебежала к казакам и рассказала о слабой боеспособности подразделений дивизии в Лбищенске, о расположении караулов и штаба. Впоследствии дочь Чапаева Клавдия якобы стала свидетелем ссоры между Пелагеей и Георгием Живоложиновым, во время которой та бросила: «Я из-за тебя Васю предала». Эта версия рождена, вероятнее всего, бурной фантазией ее авторов. Чапаев не любил вторую жену, но вряд ли отправил бы ее одну, без охраны, через кишашую казачьими разъездами степь. Кроме того, трудно представить, что простая крестьянка, увлеченная местью, стала опытной разведчицей, способной оценить качества бойцов дивизии и запомнить расположение караулов. Трудно, учитывая накал взаимной ненависти, представить себе и благополучное пребывание жены Чапаева у казаков. Непонятно также, кто спас Аркадия (оставшегося, по этой версии, в Лбищенске) при налете казаков.

Рейд казаков на Лбищенск и их атака — еще один яркий пример несоответствия общепринятых представлений с действительной историей. Если бы при нападении на станицу, занятую штабом Чапаева, использовались бронемашины, как показано в фильме, у казаков ничего бы не вышло: они лишились бы внезапности — главного условия успеха рейда. Красные заставы и посты издали слышали бы шум моторов и подняли тревогу. Применение броневиков, которых насчитывалось в Уральской армии единицы, противоречило идее Лбищенской операции — внезапного короткого удара с последующим быстрым отходом в степь.

Командование уральских казаков, готовя рейд на Лбищенск, чтобы разгромить штаб дивизии и уничтожить или пленить Чапаева, вероятно, сыграло на том, что начдив-25 сражался с уральцами с апреля по декабрь 1918 года и считал себя знатоком тактики противника. Небольшие налеты, в результате которых казачьи разъезды захватили несколько десятков красноармейцев из обозов и других тыловых служб, могли вызвать уверенность, что в станице нет крупных боевых частей противника, притупить бдительность дозорных, разведчиков, штаба и даже самого Чапаева. В августе 1919 года, после оставления Лбищенска и от-

хода на юг, белые захватили двух ординарцев 25-й дивизии, выяснили расположение штаба Чапаева и отчасти — планы красного командования. Кроме того, казаки разгромили обходную колонну красных, наступавшую на хутор Каленый, и захватили более трехсот пленных, десять пулеметов и два орудия. Один из захваченных красноармейцев вызвался показать казакам наиболее удобный, минующий посты и дозоры, путь от окраин Лбищенска к его центру.

Для удара по Лбищенску, пишет историк Сергей Балмасов, были выделены 2-я кавалерийская дивизия полковника Тимофея Сладкова и Поздняковский пехотный полк, сформированный из крестьян Саратовской и Самарской губерний. Группу возглавил опытный генерал Николай Бородин. Группа насчитывала около 1200 человек, девять пулеметов и два орудия. Казаки стремились действовать максимально бесшумно, они даже обмотали мешковиной копыта лошадей, в колонне было запрещено курить. Чтобы избежать обнаружения с воздуха, дневки казаки устраивали в глубоких впадинах, которые охранялись хорошо замаскированными дозорами. Безрезультатные поиски аэропланов и спокойная в целом обстановка на коммуникациях укрепили уверенность Чапаева в отсутствии крупных сил противника вблизи Лбищенска. Начдив и его окружение приуменьшили масштаб угрозы со стороны противника и недооценили возможность внезапного удара казачьей конницы. Чапаев не создал серьезных резервов, способных отразить неожиданный удар противника. Отчасти причина была в напряженных боях, которые вела дивизия, начдиву было сложно вывести один-два полка с передовой: стрелковые и кавалерийские части существенно поредели в сражениях. Можно предположить также, что Чапаев после успешных кампаний против казаков обрел излишнюю уверенность в собственной непобедимости и неуязвимости. Эта самоуверенность вместе с нарушением фундаментальных принципов военного искусства (необходимость иметь резерв и серьезное прикрытие штаба при маневренных действиях в отсутствии сплошного фронта) дорого стоили и ему лично, и Красной армии. Недостаточное прикрытие штаба, слабая разведка и низкая бдительность дозорных стали главными причинами серьезного поражения 25-й дивизии и всей группы. Слабо прикрыта была и посадочная площадка, где находились авиаотряды, охрана аэродрома была малочисленной, дежурного летчика не было, а большая часть личного состава находилась в Лбищенске.

В ночь на 5 сентября 1919 года казаки и солдаты Поздняковского полка бесшумно сняли часовых, вырезали посты на окраинах и проникли в центр станицы. Уточнив расположение красных и отрезав аэродром от летчиков и мотористов (взлетевшие аэропланы могли нанести большой урон отходившей коннице), белые открыли огонь и подняли панику среди бойцов и командиров тыловых подразделений.

Реальный бой в станице разительно отличался от картины, описанной Фурмановым и перекочевавшей в киноленту. Как вспоминали оставшиеся в живых белые участники того боя, Петра Исаева захватили в плен ранним утром, поэтому он никак не мог пойти на выручку начальнику дивизии. Не было и конной атаки на штаб дивизии — одной из ярких сцен заключительной части легендарного кинофильма.

Разрозненные группы красных, разбуженные выстрелами, пытались сопротивляться и наладить взаимодействие. Вооруженные лишь винтовками и несколькими пулеметами бойцы инструкторской школы и тыловых подразделений стремились найти командиров, но, как правило, легко обезвреживались казаками. Первые часы боя казаки вообще не брали пленных и только затем стали выводить их в резерв.

По данным белых, они уничтожили около 1500 красноармейцев и командиров, взяли в плен около восьмисот человек, потеряв убитыми и ранеными менее 120 человек. Такое соотношение потерь выглядит сомнительным, даже учитывая внезапность нападения и слабость боевой подготовки большей части гарнизона Лбищенска. Тем не менее штаб и тыловые подразделения 25-й дивизии были разгромлены, занявшим поселок белым достались значительные трофеи: аэропланы, боеприпасы и обмундирование. Вскоре, пишет Сергей Балмасов, в Лбищенск вошли красные курсанты и карательный «отряд особого назначения», печально «прославившиеся» при рассказывании, а также обозы и тыловые части 25-й дивизии. От неожиданной встречи с казаками они растерялись, не успели оказать существенного сопротивления и практически сразу были захвачены в плен. Курсанты и «отряд особого назначения» были почти полностью изрублены шашками.

Тактическая цель рейда была выполнена: красное командование, опасаясь новых ударов вырвавшихся вперед передовых бригад и окружения, начало отводить войска к Уральску. Однако казаки, увлеченные дележом и учетом трофеев, не сумели надежно блокировать местность и

предотвратить просачивание небольших групп и отдельных красноармейцев и командиров к главным силам дивизии, которые, пусть и с опозданием, оповестили соратников Чапаева, а затем и вышестоящие штабы о тяжелом поражении и возможной гибели Чапаева.

Участь многих красноармейцев и командиров, оказавшихся 5 сентября в Лбищенске, была трагичной. Разъяренные казаки дали волю стремлению отомстить. Назначенного вместо Фурманова нового комиссара дивизии Павла Батурина, пытавшегося укрыться в одном из домов и выданного хозяйкой, казаки буквально изрубили на куски, стремясь доставить жертве наибольшие мучения. Попытки и мучительная смерть ждали и многих других политработников. Офицеры, особенно в разгар боя, не могли (а может быть, и не хотели) сдерживать солдат и казаков. После боя пленных водили по улицам. Если жители указывали на кого-нибудь как на грабителя или насильника, жертву на месте рубили шашками. Едва приглушенная жестокость войны между чапаевцами и казаками полыхнула пламенем бессмысленной и беспощадной мести.

Оказавшийся в Лбищенске вскоре после разгрома штаба 25-й дивизии офицер Уральской армии Борис Киров вспоминал: «Когда мы обыскивали двор, мы увидели, что из одного окна выскочил человек и скоростью, которую может придать только смертельный страх, пустился бежать вдоль улицы к Уралу. Конечно, его сейчас же поймали, это был красный. Допрашивать его было некогда, его просто вывели на зады двора, приказали снять хорошее обмундирование и расстреляли». Оставшихся в живых ждала незавидная участь: после избиения и издевательств их заставляли снимать новое обмундирование и «переодевали» в казачьи обноски.

Но захватить в плен Чапаева казакам не удалось. Бывший казачий офицер Павел Фадеев в воспоминаниях «Boи на Уральском фронте» писал, что пленение Чапаева было поручено взводу 1-й сотни 1-го полка под командованием подхорунжего Белоножкина, с которым шел красноармеец-перебежчик, вызвавшийся стать проводником. Взводу было приказано быстро выдвинуться к месту квартирования Чапаева, не ввязываясь в бой. Однако дом, где жил Чапаев, не был полностью оцеплен. Стоявший рядом с домом Белоножкин увидел лошадь, которую держал за повод неизвестный, скрывавшийся в доме. Когда хорунжий выстрелил, лошадь испуганно дернулась и вытащила своего коно-

вода из дома. Казаки бросились на него и не заметили, как из дома с другой стороны выскочил «чисто одетый» человек. Белоножкин не смог немедленно броситься на убежавшего, которого сразу приняли за Чапаева, а затем нагнать отстреливавшегося начдива.

Чапаеву удалось уйти от преследователей и собрать небольшую группу бойцов, которая некоторое время отражала атаки белых, но казаки подтянули орудия, которые подавили пулеметный огонь чапаевцев и заставили их вместе с раненым командиром отступить к берегу Урала. Что происходило с Чапаевым и его немногочисленными соратниками дальше, сейчас установить вряд ли возможно. Кинематографический вариант с прикрывавшим начдива Петькой не соответствует действительности.

Версии других бойцов и командиров 25-й дивизии и ее штаба, а также мирных жителей и участников боя со стороны белых противоречивы. Одни утверждают, что Чапаев действительно погиб от пуль врага, переплывая (возможно, в сопровождении нескольких красноармейцев) Урал. По рассказам избежавших плена командиров чапаевской дивизии, некоторые казаки хвастались, что лично уничтожили легендарного начдива, но не могли это подтвердить, хотя даже за мертвого Чапаева была обещана награда.

Фурманов вспоминал, насколько неожиданным и гнетущим оказалось сообщение о лбищенском разгроме:

«Мы сидели у Полярного в кабинете... Подошло как-то к разговору коснуться 25-й дивизии.

— А вы слышали, — обратился ко мне Полярный, — в Двадцать пятой дивизии огромное несчастье: казаки вырубали весь штаб.

— Как вырубали, где?

— Ночью наскочили на Лбищенск, куда из Бударина переехал штаб, застигли всех врасплох и порубили. Там же был и Чапаев, про него слышно тоже неладно: будто бы во время бегства на бухарскую сторону вместе с некоторыми телеграфистами он был тяжело ранен и брошен в пути, ибо казаки преследовали по пятам...

Я был потрясен этим известием. Поднялся и побежал в Ревсовет. Там уже никого не было. Пошел к Савину. Савин рассказал то же, что Полярный, ибо подробностей пока не было. В оперативном я узнал несколько точнее: казаки сделали налет на Лбищенск в количестве, по одной версии, трехсот, по другой — тысячи человек. Отрезали пути

отступления, захватили и перерубили всех, кто остался в Лбищенске. Чапай был дважды ранен уже во время бегства. Пулей или пашкой, неизвестно. Я с лихорадочным напряжением жду все новых и новых известий: жив ли Чапай, где он? Живы ли Батурин, Суворов, Крайнюков, Новиков, Пухов, живы ли конные ординарцы, наши геройские ребята, жив ли культпросвет, следком, работники батальона связи, где комендантская команда: все ведь знакомые, близкие, родные люди. Думаю разом обо всех, за всех жутко и больно, всех жалко, но изо всех выступает одна фигура, самая дорогая, самая близкая — Чапаев. На нем сосредоточены все мысли: где он, жив ли, мученик величайшего напряжения, истинный герой, чистый, благородный человек? Ну давно ли оставил я тебя, Чапаев? Верить не хочется, что тебя больше нет. Неужели так дешево отдал свою многоценную, интересную жизнь. Но вестей все нет как нет. Вчера в местной партийной газете даже появилась скорбная статья под заглавием: “Погиб Чапаев, да здравствуют чапаевцы!” Написал ее товарищ Вельский, видимо, мало имеющий понятия о том, где сражается Чапаев. Тов. Вельский даже предполагает, что Чапаев погиб где-то на Астраханском фронте. Сегодня из разговора Новицкого с Главкомом я узнал, что Чапаев дополз до 223-го полка и эвакуируется в Уральск. В газету я послал опровержение, но уже поздно вечером от тов. Баранова узнал, что Чапаев, по сведениям, погиб в Урале. Но и этим слухам не хочется верить. Думаю, что Чапай остался жив и скоро об этом узнаем окончательно. Завтра решится вопрос о том — ехать мне или нет в 25-ю дивизию на формирование политотдела. Пока об этом переговаривали с Баранычем (Петр Ионович Баранов, начальник политуправления Туркестанского фронта. — П. А.), завтра выясним окончательно. Заберу с собой штаб работников человек в пятнадцать — и айда в родную дивизию!.. Мне все еще не хочется считать его “покойным” — дорогого, теперь как-то особенно близкого Чапая. Мне вспоминается наш последний, прощальный вечер, когда он пришел ко мне в своей голубенькой рубашонке. В этой рубашонке он все последнее время ходил по Уральску. Я вспоминаю его во всех видах, а этих видов помню бесконечное количество. Чапай, милый Чапай, жив ли ты?.. Как рад я буду, когда узнаю, что ты все еще жив!»

Другие рассказывали, что на берегу Урала Чапаева ранили вторично, причем более тяжело, в живот. Поэтому оставшиеся в живых бойцы переправили начдива через

реку на снятой в одном из дворов створке ворот, а затем похоронили умершего от ран командира на левом берегу Урала.

Искали ли Чапаева (его тело) и насколько усердно? По одной версии, председатель ВЧК Феликс Дзержинский требовал найти место захоронения и поручил это своему ближайшему соратнику и заместителю Мартину Лацису. Четких документальных подтверждений этой версии мы не видели, исход этих поисков неизвестен.

Есть немало людей, утверждавших, что могилу Чапаева нашли, опознав начдива по сохранившимся фрагментам лица, одежды и обуви. Так утверждали бывший редактор дивизионной газеты Борис Ренц и венгерские интернационалисты, сражавшиеся в чапаевской дивизии в годы Гражданской войны, которые рассказали о своем участии в захоронении Чапаева уже после Великой Отечественной войны. Некоторые свидетели настаивали, что их запугивали и приказали молчать о находке.

Уже в 1960-е годы могилу своего отца пыталась разыскать дочь легендарного начдива Клавдия, но найти останки Чапаева, несмотря на помощь однополчан, в том числе специально прибывших из Венгрии бойцов-интернационалистов, не удалось. За 40 лет река неоднократно меняла русло и могла смыть могилу, а левый песчаный берег Урала не раз менял свои очертания и рельеф.

Лбищенский рейд и продолжившееся затем наступление уральских казаков на север стали последним усилием казачьей армии, ее лебединой песней. В октябре, когда Красная армия оправилась от поражения и сосредоточила превосходящие силы, Уральская армия оказалась в тяжелой ситуации. После поражения оренбургских казаков и Южной армии генерала Белова (Виттекопфа), правый фланг уральцев оказался открытым, единственным каналом получения боеприпасов и снаряжения стали поставки Вооруженных сил Юга России через Каспийское море, которым угрожала Волжско-Каспийская красная флотилия. В отличие от красных, которые имели возможность получать резервы из внутренних округов, Уральская армия могла надеяться только на собственные ресурсы, но они были почти исчерпаны в результате напряженных сражений в те-

чение полутора лет. «Войско решило собрать все, что у него было, и бросить на фронт и или победить или умереть. На фронте были казаки от 17 до 67 лет, а малые и старики, и женщины и дети несли службу в тылу. Подростки от 15 лет с винтовками несли караульную службу, дети чуть ли не с 7-летнего возраста работали как подводчики, заменяя мать или старика деда, на которых лежало все хозяйство. Но, несмотря на геройский порыв Войска, было чувство, что так долго не продлится и что вряд ли мы дойдем до Победы», — писал Борис Киров.

В ноябре 1919 года, когда Красная армия перешла в наступление, у уральцев не оказалось ни внутренних резервов, ни внешних источников для подкреплений. Придерживавшиеся до поры до времени дружественного нейтралитета казахи во главе с Алиханом Букейхановым перешли на сторону красных вместе с переданными им уральцами вооружением и амуницией.

Но громили уральцев зимой 1919/20 года не только красные полки и дивизии. Начавшаяся эпидемия тифа и «испанки» довершила катастрофу Уральской армии. Леонид Масынов писал, что из-за эпидемии лучшие полки в конце октября пришлось свести в дивизионы, а вскоре и они «сошли на нет». А вот свидетельство Петра Фадеева: «Смертность в армии поднялась до громадной высоты. Сначала, как и следовало ожидать, среди пленных красноармейцев, количество их к тому времени доходило до 25 000 человек (автор преувеличивает: число пленных вряд ли могло превышать 10—12 тысяч человек. — П. А.). Красноармейцев, умиравших как мухи, не успевали хоронить, чем способствовали дальнейшему распространению болезни. Вся организация армии этой болезнью была почти разрушена».

ОТ СМЕРТИ К МИФУ

История гибели Чапаева остается загадкой и спустя почти век. Непосредственно после гибели военному и партийному руководству было не до организации поисков: уральские казаки продвигались на север, угрожая выходом в богатые зерном уезды Самарской и Саратовской губерний и — в случае координации действий с Вооруженными силами Юга России — прорывом к Волге.

После разгрома уральских казаков чествования героически павшего в бою с противником начдива устраивать не стали. Чапаев был далеко не единственным военачальником, погибшим в боях в 1918—1920 годах. Весной 1919 года в бою с казаками погиб начальник 16-й стрелковой дивизии Василий Киквидзе; осенью в сабельном бою с казаками пал смертью храбрых командир кавалерийской бригады Михаил Блинов; были пленены и казнены белыми начальник 55-й стрелковой дивизии Южного фронта бывший генерал Антон Станкевич и командир стрелковой бригады 7-й армии бывший генерал Александр Николаев; в январе 1920 года донские казаки в контратаке зарубили начальника 28-й стрелковой дивизии, бывшего соратника Чапаева по Уфимской операции Владимира Азина, который на Восточном фронте командовал 24-й «Железной» дивизией; 17 марта в Екатеринодаре погиб бывший соратник Чапаева по 1-й дивизии Николаевских полков Сергей Захаров, командовавший тогда 22-й стрелковой дивизией. Гибель или тяжелое ранение командира, пусть даже высокого ранга, в бою в тот период не считались чем-то необыкновенным. Странно другое: Советское государство в первые годы после гибели заслуженного начдива не слишком заботилось о его семье. Сын Чапаева Александр рассказывал впоследствии, что во время голода в Поволжье в 1921—1922 годах близкие погибшего начдива практически не получали помощи от местной или губернской власти, что отец героя, Иван Чапаев, умер от голода. Даже Михаил Васильевич Фрунзе, всегда внимательно относившийся к своим соратникам, ничем не помог семье погибшего начдива. А ведь полномочия и личные связи с государственной и партийной верхушкой позволяли ему, победителю Дутова, Колчака и Врангеля, сделать многое.

Вероятно, это объясняется тем, что он в 1920—1922 годах воевал то в Туркестане, то с генералом Петром Врангелем и повстанцами Нестора Махно на Украине, то специальной миссией находился в Турции, где налаживал военно-политическое сотрудничество с кемалистами. Но после возвращения на родину и установления мира в европейской части РСФСР Фрунзе вспомнил о семье легендарного Чапаева, нашел его детей в детских домах, помог им.

Василий Иванович Чапаев с большой долей вероятности мог остаться одним из многих чтимых, но не всенародно известных красных командиров, если бы не ли-

тературный талант его комиссара Дмитрия Фурманова и блистательный кинематографический образ начдива.

Комиссар Чапаевской дивизии был суров и непоколебимо уверен в своем праве карать врагов и сомневающихся. Он замечал в дневнике: «Все, что стоит на пути, вредит или тормозит достижению, — все неизбежно должно быть сметено с трудного пути пролетарской революции... Погибнут и еще целые сотни и тысячи, прежде чем на жертвах воздвигнется новое здание коммунизма. Субъективная человеческая жалость здесь должна быть совершенно отброшена... Коммунистами вообще движет единственно объективная логика исторического процесса: все, что ему помогает, нами принимается, все, что вредит, — подлежит уничтожению». Он был готов оправдывать тех, кто занят кровавым, но необходимым для победы революции делом. «Михаилу Ивановичу (одному из чекистов. — П. А.) приходится участвовать в расстрелах, которые ведет Чрезвычайная. И участвовать в них не только подписью, но и фактически — пулей. Иногда армейцы стреляют в воздух или стреляют неметко. Приходится забивать, достреливать, а это тяжелая история. Он рассказал мне, что порой не хватает духу, — он ведь человек мягкий, сердечный. Вот для храбрости и выпивает иногда...»

Но вот парадокс: среди крови, жестокости, окопной грязи и вшей бывший гимназист и студент оставался романтиком и идеалистом, верившим в возможность переделать мир и человека к лучшему. «Я почувствовал моим существом, что здесь, в Революции, — океан поэзии, что здесь и безумная отвага, и чистота бескорыстия, и нечеловеческое дерзание, что здесь воплощается в самой жизни огромная красота», — писал он.

Личность Чапаева, как признавался Фурманов, захватила его сразу после первой встречи. После завершения Гражданской войны он вернулся к литературному творчеству. К тому времени гибель начдива оставила в прошлом личные счеты. Бывший комиссар решил написать о своем соратнике, которого считал народным героем и подлинным самородком. «Думал, думал о разном, и вдруг стала проясняться у меня повесть, о которой думал неоднократно прежде, — мой “Чапаев”. Ее надо сделать прекрасно, пусть год, пусть два, но ее надо сделать прекрасной. Материала много, настолько много, что жалко его вбивать в одну повесть. Увлечен... увлечен, как никогда... Я мечусь, мечусь. Ни одну форму не могу избрать окончательно. Дать ли

Чапая действительно с грехами, со всей человеческой требухой или, как обычно, дать фигуру фантастическую, т. е. хотя и яркую, но во многом кастрированную. Склоняюсь к первому». В роман изначально включены фрагменты мемуаров и рассказов «от третьего лица», элементы откровенного вымысла, преувеличения, анекдота и даже частушки. Но такая композиция не мешает воспринимать образ Чапаева и других героев романа как реалистические.

Выбор Фурманова оказался верным. В романе привлекают не только впечатляющие батальные сцены сражений под Бугульмой, Уфой и на Уральском фронте. Читателей захватила глубина и парадоксальность личности Чапаева и его соратников. Крестьянская простоватость сочеталась в жителях Поволжья и Приуралья с широтой натуры, стремлением к воле и анархическому разгулу. Потомки бурлаков, разинских и пугачевских повстанцев увидели в революции и советской власти возможность сделать то, чего не удалось их прадедам, — «рассчитаться с господами» и построить новую жизнь — справедливую и счастливую. Любовь к жизни и искренняя привязанность к товарищам по оружию сочетались у чапаевцев с жестокой непримиримостью к казакам и офицерам, которых они считали олицетворением прежней жизни, убогой и несправедливой.

Покажи автор своего героя красным бойцом без страха и упрека, орлом на поле боя, без подробностей его тылового и довоенного бытия, произведение осталось бы модернизированной версией рыцарского романа, плоской и малоинтересной для массового читателя. «Чапаев» — это не просто эффектный и яркий литературный плакат. Книгу, написанную Фурмановым, трудно назвать романом. Это новаторское произведение, синтезировавшее сразу несколько литературных жанров. Обычное повествование в «Чапаеве» легко переплетается с рассказом от первого лица. Личное участие автора в описанных событиях, их детальное знание, подробности, полученные от очевидцев, создают захватывающий эффект присутствия на месте действия.

Восприятие литературного текста массовым читателем упрощали обильно рассыпанные по главам элементы устного творчества, былин и сказов. Главные герои и второстепенные персонажи воплотили массовые идеалистические представления о справедливости и народных защитниках. Их образы напоминают то древнерусских богатырей, то ватагу Ермака, то отчаянных разинцев и пугачевцев. Автор уловил настроения времени, когда миллионы людей

стремились понять и почувствовать значение социальных катаклизмов, сопровождавших период революции и Гражданской войны. Книга Фурманова олицетворяла представления тех, для кого события 1917—1922 годов стали стремительным социальным лифтом вверх, дали возможность свободно трудиться на своей земле. Герои и второстепенные персонажи романа, беззаветные борцы за правое дело справедливости и всеобщего равенства, — это крестьяне и ремесленники, рабочие и городская беднота, обычные люди, похожие на них самих. Герои-комбриги Елань и Попов, неприметный повозочный из обоза, жалующийся на недостаток винтовок, или фельдшер, на которого набрасывается разгневанный Чапаев, — все они могли запросто оказаться соседями по коммуналке или сельской улице.

Вышедший в марте 1923 года роман был восторженно встречен и критикой, и читателями. Анна Фурманова вспоминала, что муж «примчался домой с грудой книг». «Чапаев» вышел очень вовремя. Напиши кто-нибудь из советских писателей нечто подобное в середине 1930-х годов, он подвергся бы разгромной критике за искажение и шельмование образа героических красноармейцев и командиров Красной армии. Действительно, описанные Фурмановым соратники начдива мало похожи на безупречных танкистов, кавалеристов и летчиков из предвоенных фильмов. Их манеры и шутки далеки от этикета возрождавшейся сталинской империи. Помощники Чапаева громко разговаривают, накрывают хлеб вонючим тулупом, курят в избе, где остановился Фурманов, причем один из них стремится стряхнуть пепел на чемодан комиссара. Не то чтобы он старается насолить новичку, а, видимо, разгульная натура степняка такова, что он стремится испортить хорошую «господскую» вещь. Сцены красноармейского разгула и грабежа в романе опровергали насаждавшуюся советской пропагандой легенду о единстве рабочего класса и крестьянства, фронта и тыла в годы Гражданской войны. Именно роман Фурманова стал первым этапом мифологизации образа Чапаева. Судьба была неблагоприятна к Фурманову, ему недолго пришлось купаться в лучах славы. В марте 1926 года писатель заболел банальной ангиной. Бывший комиссар не привык жалеть себя и продолжал работать и выступать на собраниях, несмотря на высокую температуру, кашель и головную боль. Вечером 15 марта запущенный недуг дал осложнения, Фурманову стало совсем плохо, резко поднялась температура, он начал бредить, звал жену, Чапая,

Фрунзе и соратников по перу. Ослабленный тяжелым ранением лета 1920 года и работой на износ организм не выдержал, началось заражение крови. Фурманов умер, когда ему не исполнилось тридцати пяти лет. Он похоронен на Новодевичьем кладбище.

Имя Фурманова вошло в историю отечественной литературы вместе с «Чапаевым» и ассоциируется именно с ним. Названия других произведений Фурманова: «Мятеж», «Красный десант», «В восемнадцатом году», «Незабываемые дни» не много говорят даже просвещенному читателю и известны в основном литературоведам. Перефразируя Владимира Маяковского, можно сказать: «Мы говорим Фурманов — подразумеваем Чапаев, мы говорим Чапаев — подразумеваем Фурманов». Дмитрий Фурманов не был среди первых советских писателей, но получил достаточно литературной славы и посмертного признания. Перед войной в его честь переименовали городок Середя в Ивановской области, называли улицы, институты и библиотеки в нескольких городах.

Народным героем Чапаев стал спустя более десяти лет после публикации романа — когда на экраны вышел одноименный фильм.

Планы экранизации появились у Фурманова вскоре после завершения романа: эскизы киносценария, обнаруженные в архиве писателя, датированы 1924 годом. То, что «Чапаев» вышел на экраны не в середине 1920-х, а лишь спустя десять лет после первых авторских набросков, — безусловно, к лучшему. Снятый в последние годы эпохи «великого немого» фильм получился бы совсем другим и, вероятно, не пользовался бы всеобщим обожанием публики.

В 1933 году режиссеры «Ленфильма» Сергей и Георгий Васильевы (на самом деле не братья, а однофамильцы) получили сценарий Анны Фурмановой о героическом пути Чапаева и его соратников. Судьба Чапаева заинтересовала режиссеров, но не устроил сценарий, в котором главным героем оказывался комиссар, а не начдив-самородок, и они серьезно переработали материал. В конце 1933 года режиссеры подали заявку на съемку фильма «о руководящей роли партии в эпоху становления Красной армии». Авторам сценария пришлось немало потрудиться, чтобы убедить руководство киностудии снять звуковой, а не немой фильм. Одним из решающих доводов стало стремление ярче отразить батальные сцены и продемонстрировать интонационную глубину диалогов Чапаева с комиссаром и другими героями.

Впрочем, спорами с начальством о звуковом оформлении дело не обошлось. В 1930-е годы кино было «важнейшим из искусств», выполнявшим комплекс государственных задач. Советское кино эмоционально воздействовало на мировоззрение массового зрителя, создавало в нем коллективизм, уверенность в правильности избранного пути и непогрешимости руководства страны. Эмоциональная индоктринация действовала доступным для массового восприятия языком, дополняла инструменты официальной пропаганды (печать, радио и партийно-политические органы) и закрепляла их работу. Общественную и государственную значимость кино 1930-х годов можно сравнить с современным российским телевидением.

Вопрос выхода кинокартины в широкий прокат решался партийно-государственным ареопагом, нередко последнее слово оставалось за первым лицом. Чувство юмора и художественный вкус Генерального секретаря могли вернуть на большой экран фильм, забракованный профильными чиновниками и их кураторами.

Но сценарий Васильевых не устроил Иосифа Сталина, который хотел видеть в картине больше романтики и простых человеческих отношений. Образ Анки-пулеметчицы, женщины-бойца, появился в фильме по его предложению. Новый сценарий с любовной линией Сталину понравился больше.

Заявку утвердили, режиссеры приступили к подбору актеров. Бабочкину первоначально предназначалась роль Петьки, но актер продолжал репетировать роль начдива и настолько вжился в образ Чапаева, что после кинопроб его утвердили на главную роль. Роль Петьки перешла к Леониду Кмиту, исполнителя образа Фурманова нашли в Ленинградском ТЮЗе, где играл внешне напомилавший комиссара Борис Блинов. Певцову с его внешностью дореволюционного интеллигента доверили роль главного противника Чапая полковника Бороздина, Анкой-пулеметчицей (образ, созданный Васильевыми) стала Варвара Мясникова (послевоенные дети видели ее в роли доброй феи в «Золушке»). Другие заметные роли исполнили Николай Симонов и Борис Чирков (крестьянин, жалующийся Чапаеву на притеснения), в съемках участвовал юный Георгий Жженов, в одном из самых ярких эпизодов фильма можно увидеть и Георгия Васильева — со стеклом и папиросой в зубах в первой шеренге офицерского полка, идущего в психическую атаку.

«Чапаев» отличался от многих картин, посвященных Гражданской войне, редким для советского кинематографа уважительным отражением противоположной стороны. Белые Васильевых — это не ограниченные самодуры, желающие повесить и расстрелять побольше рабочих и красноармейцев и спотыкающиеся в первом равном бою. Илларион Певцов создал образ жестокого, но тонкого и глубоко переживающего драму войны «старорежимного» офицера, для которого победа революции и большевиков означает крах не только карьеры, но и устоев его жизни. Чапаеву и его соратникам приходится сталкиваться на поле боя не только с мобилизованными крестьянами, легко переходящими на сторону, к которой «клонится счастье боевое». Им приходится сражаться и с убежденными противниками, готовыми, как и чапаевцы, умереть на поле боя во имя своей идеи. Сам Чапаев в фильме отмечает доблесть и боевые достоинства каппелевцев. Такое отношение к противнику через пять лет отразит Константин Симонов в своих халхин-гольских стихах «Да, враг был храбр, тем больше наша слава». Но в середине 1930-х годов, после того как вождь сказал, что «врага надо не изучать, а бить», такое отношение многим казалось по меньшей мере рискованным.

Опасаясь, что партийные кураторы потребуют изменить «мрачные» и «пораженческие» эпизоды, Васильевы сняли три варианта финала картины. Кроме классического, где Чапаев тонет в Урале, они предложили сцену парадного марша чапаевцев по освобожденному Лбищенску, в которой Чапаев говорит раненым Петьке и Анке: «Счастливые, говорю, вы с Петькой. Молодые. Вся жизнь впереди» (заметим: это говорит человек, которому в 1919 году исполнилось 32 года). Третий вариант снимался в яблоневом саду на родине Сталина в Гори: Петька по сюжету командует дивизией Красной армии, а Анка играет с детьми под закадровый голос Чапаева: «Вот поженитесь, работать вместе будете. Война кончится, великолепная будет жизнь. Знаешь, какая жизнь? Помирать не надо!» Но в итоге было решено, что трагическая гибель — это яркая точка, которая не терпит продолжений. «Красивые» варианты кино-воскрешения Чапаева остались в истории кинематографа. Альтернативная версия концовки легендарного фильма оказалась востребованной в начале Великой Отечественной войны. В ней Чапаеву удастся уйти от преследования белых и их пульт. Герой переплывает Урал и обращается к крас-

ноармейцам и командирам с призывом смело сражаться с нацистами и отправляется на фронт.

Во время первого просмотра «Чапаева» с участием высокопоставленных партийных и государственных работников в конце лета 1934 года тогдашний руководитель советского кино Борис Шумяцкий вышел из зала, не пожав режиссерам руки и не сказав им ни слова. Вероятно, он опасался, что фильм вслед за пьесой «Дни Турбиных» обвинят в реабилитации и даже восхвалении белогвардейцев и примут соответствующие оргвыводы. Есть легенда, что «Чапаева» спасла реакция членов ЦК красных конников, председателя Реввоенсовета Климента Ворошилова и командарма Семена Буденного, которые отреагировали на сцену психической атаки словами: «Красиво идут, черти!» Решающим был день 4 ноября 1934 года, когда «Чапаева» показали Сталину, Вячеславу Молотову, Ворошилову и председателю Центрального исполнительного комитета Авелю Енукидзе. «Я волновался отчаянно за оценку всей картины в целом. Мне хотелось пригласить на этот просмотр режиссеров, но, не видя активно положительного отношения к картине, я не рисковал сразу ставить этот вопрос. <...> Начиная с первой сцены “А как думает комиссар”, стала складываться положительная оценка. <...> Когда лента заканчивалась, И. В. поднялся и, обращаясь ко мне, заявил: “Вас можно поздравить с удачей. Здорово, умно и тактично сделано. Хорош и Чапаев, и Фурманов, и Петька. Фильм будет иметь большое воспитательное значение. Он — хороший подарок к празднику”. При представлении И. В. и другие хвалили работу как блестящую, правдивую и талантливую. <...> С. Васильев на это ответил благодарностью, заявив, что они, делая ленту, сильно волновались... Теперь рады, что их усилия не прошли даром», — писал после высочайшего просмотра Шумяцкий. Несмотря на высокую оценку фильма, правка «Чапаева» первыми лицами государства продолжалась и после его выхода на экран. 20 декабря 1934 года во время шестнадцатого (!) просмотра ленты Сталин и Ворошилов попросили вырезать часть реплики главного героя, где тот говорит, что если подучится, то сможет командовать в «мировом масштабе», и ограничить его притязания фронтом. Слаженная и вдохновенная работа режиссеров и актеров помогла создать яркое произведение искусства, признанный шедевр, который вслед за «Броненосцем Потемкиным» стал одной из визитных карточек советского кино.

Многие эпизоды стали классикой не только отечественного, но и мирового кинематографа. В первую очередь это «психическая атака» каппелевцев, контратака чапаевцев, которых ведет вперед начдив «на лихом коне», и гибель главного героя. Лаконичный (вчетверо короче расстрела на лестнице в «Потемкине») и выразительный эпизод вошел в учебники киноискусства, так же как и два других эпизода: когда Чапаев с помощью картошки и чугунок разъясняет комиссару, где должен быть командир в различные моменты сражения, и когда руководит боем на тачанке, с которой разит врага из пулемета его верный адъютант.

Первый показ «Чапаева» 7 ноября 1934 года положил начало триумфальному шествию фильма по всему Советскому Союзу. Не обошлось без мелких шероховатостей. Через три дня после премьеры, 10 ноября, критик Хрисанф Херсонский написал в «Известиях»: «В фильме очень неуверенно, неполно и поверхностно показан Фурманов — представитель партии, воспитывавшей чапаевых...» В тот же день во время очередного кинопросмотра в Кремле Шумяцкий назвал слова критика «загибом».

С ним согласились руководители партии и государства. «Ох уж эти критики. Такие вещи пишутся неспроста. Они дезориентируют. Люди нашли очень правильные краски для создания образа комиссара. А их тянут в другую сторону», — заметил Сталин. В присутствии Шумяцкого он переговорил с главным редактором «Правды» Львом Мехлисом и пообещал, что уже 12 ноября в главной газете страны появится статья с «правильной ориентировкой».

Через несколько дней мнение журналистов о картине резко изменилось: «Всем, всем, всем нужно посмотреть эту картину». Вскоре, 21 ноября, высказалась и «Правда»: «“Чапаева” посмотрит вся страна». В декабре 1934 года Сталин во время очередного просмотра отметил, что все кинематографисты должны подтягиваться к таким фильмам, как «Чапаев», учиться у его авторов мастерству и вкусу.

Сталин и другие советские лидеры требовали от Шумяцкого изготовить максимально возможное число копий, чтобы показать их по всей стране. Когда вожди узнали, что звуковой вариант «Чапаева» невозможно показать во многих клубах и кинотеатрах из-за отсутствия нужной аппаратуры, они потребовали ускорить ее производство и закупку за рубежом. Кроме того, начальнику управления кино поручили создать «немой» вариант лучшего, по мнению Сталина и его окружения, советского фильма.

Но горожане и жители деревни до отказа заполняли кинотеатры и клубы без всяких указаний свыше. До конца 1930-х годов фильм посмотрели, по разным оценкам, от 45 до 60 миллионов человек. Кинопросмотры превращались в демонстрации: кинохроника запечатлела кадры, на которых колонны зрителей шли в клубы и кинотеатры под транспарантами «Мы идем смотреть “Чапаева”». В ленинградском кинотеатре «Сатурн» его ежедневно демонстрировали два года подряд. Школьники и студенты экономили на завтраках и мороженом, чтобы еще раз посмотреть любимый фильм и похвастаться перед друзьями, что обогнали их по числу просмотров; не отставали от детей и взрослые. По свидетельству Шумяцкого, главный кинозритель (и кинокритик) страны Иосиф Сталин к марту 1936 года, то есть меньше чем за полтора года, посмотрел его 38 раз. Впрочем, вождь и учитель выделял «Чапаева» не только числом просмотров. Этот фильм был единственным, который Сталин отдельно упомянул в декабрьской статье, посвященной пятнадцатилетию советского кино, его режиссеры, Георгий и Сергей Васильевы, стали первыми кинематографистами, удостоенными ордена Ленина. Весной 1936 года, когда советские газеты восторгались вышедшим на экраны новым фильмом о Гражданской войне «Мы из Кронштадта», Сталин заметил: «Картина сильная, хорошая, но не “Чапаев”» — и назвал последний «лучшим фильмом».

Любовь к фильму и его главным героям породила не только умело выстроенная драматургия, но и образ самого Чапаева. В отличие от прежних историко-революционных фильмов, в которых главные герои выглядят великими и монументальными, далекими от простых людей, драматургия «Чапаева» выстроена совсем по-иному: авторы сценария общаются с героями и сюжетом не снизу вверх, а на равных, яркие и в то же время бесхитростные персонажи, их действия и переживания близки миллионам людей. Один из режиссеров, Сергей Васильев, отмечал: «Если зритель не подражает нашему герою, картина теряет свою ценность... Когда действуют Петька или Чапаев, зритель чувствует их близкими самому себе, чувствует в них таких же людей, как он сам, как каждый сидящий в зале, как людей, имеющих качества, которых еще не имеешь и которые все-таки можно иметь». Даже исключительное мужество в бою не ставит их выше зрительного зала. Как писал один из кинокритиков, кажется, что после окончания сеанса можно подойти

если не к главному герою, то к Петьке или Еланю и попросить у них закурить.

Еще один секрет успеха — яркая и нестандартная манера представления героев. Они говорят простым и выразительным языком, который легко и с удовольствием воспринимает зритель. В «Чапаеве» много комедийных сцен: Гражданская война с ее смертями, кровью, болезнями, голодом предстает едва ли не карнавалом. Яркая утопия оказалась востребованной в повседневной советской жизни. Это было частью работы власти и государства с исторической памятью. Кинематограф был призван формировать мировоззрение советских людей, особенно молодежи. Образы бесшабашных и одновременно преданных советской власти Чапаева и его соратников были идеальными в этой конструкции.

Ставший киноклассикой сразу после выхода на экраны фильм начал второй этап превращения нашего героя в национальный миф, близкий каждому советскому гражданину. Режиссеры и актеры создали кинематографический шедевр. «Чапаев» — один из уникальных эпизодов в истории отечественного и мирового киноискусства, когда партийно-государственный заказ совпал с массовым запросом на фигуру народного героя. Через несколько лет, в годы Большого террора, когда из истории беспощадно вычищали имена потенциальных конкурентов Чапаева по Гражданской войне, чьи боевые заслуги и личная храбрость не уступали чапаевским: Василия Блюхера, Ивана Каширина, Епифана Ковтюха, Ивана Кожанова, Александра Павлова, Витовта Путны, Ивана Раудмеца и других начдивов и комбригов, «Чапаев» стал одним из инструментов исторической политики, формирования удобного для партии и государства образа прошлого. Яркий образ начдива на лихом коне позволял вытеснить из истории Гражданской войны десятки и сотни красных командиров, ставших за считанные месяцы «врагами народа» и «шпионами иностранных разведок». Среди них, кстати, оказался и преемник Чапаева на посту начальника 25-й дивизии Иван Кутяков.

Сценаристы фильма и его высочайшие редакторы намекали зрителям: правильный, пусть и необразованный и с «загогулинами» характера лидер, умеющий расставить повсюду «своих людей», важнее регулярной и систематической организации даже в такой сложной и ответственной

ной сфере, как военное дело. Он способен своим талантом переиграть профессионала и победить вопреки правилам и законам. Народу подсказывали наилучшее устройство государства и общества — найти достаточно самородков, способных обеспечить успех в любой сфере.

«Чапаев» оказал воздействие на умы не только в Советском Союзе. В 1936 году, после демонстрации кинофильма в Испании, в 13-й интербригаде сформировали 49-й батальон, на знамени которого было написано: «Чапаев». Среди бойцов батальона был бывший белый офицер, воевавший против Чапаева на Гражданской войне, — Владимир Глинодский.

Как и многие другие легендарные герои Гражданской войны, Чапаев стал «пароходом и человеком»: перед войной его именем были названы несколько гражданских судов и канонерская лодка. В годы Великой Отечественной войны именем Чапаева были названы сотни партизанских отрядов и бригад. После Великой Отечественной войны именем легендарного начдива называли крейсер.

Фильм дал мощный толчок развитию чапаевского и окопчапаевского фольклора, особенно в Поволжье и на Урале, который часто напоминает народные предания о Емельяне Пугачеве. Это обусловлено географическим фактором: оба действовали на этой территории и массовым восприятием героев как борцов против «господ», за неведомые народное счастье и волю. В народных сказах их герой оказывается неуязвимым богатырем и волшебником, способным найти выход из любой ситуации. В одном из них Чапаев идет в атаку, белые ведут ожесточенный огонь по красному командиру, но Чапаев невозмутимо идет вперед. Сражение, разумеется, завершается разгромом врага, а начдив «после боя шинель вытряхнул, из нее все пули, в него попавшие, высыпались». В другой «красной былине» белым удается захватить Чапаева в плен, но наш герой и здесь обманывает противника: «Попросил у белых воды напиться, ему принесли ковш, он в него нырнул и исчез».

Советские дети играли в «Чапаева» так же, как американские — в ковбоев и индейцев, а дореволюционные российские — в казаков и разбойников. Всенародная любовь к Чапаеву и фильму не угасала многие годы. Американские социологи указывали на любопытный феномен: даже эмигранты третьей волны, покинувшие СССР в послевоенные годы и не испытывавшие симпатий к советской власти и ее героям, тем не менее любили смотреть «Чапаева».

Исследователи биографии Чапаева, его участия в Первой мировой и Гражданской войнах в советские годы так или иначе пытались поддерживать миф о непобедимом командире, оставляя в стороне частную жизнь героя. В последние годы советской власти Чапаев оказался в тени внимания историков и публицистов. Авторы больше интересовали ранее неизвестные и малоизученные фигуры белых лидеров и военачальников, вождей повстанческих крестьянских и национальных движений, а также репрессированных до Большого террора красных командиров, часть которых (Борис Думенко, Филипп Миронов и др.) были реабилитированы только во второй половине 1980-х годов. Впрочем, исследователи Белого движения, особенно уральского казачества, уделяют немало внимания личности Чапаева. Они обвиняют его и бойцов дивизии в крайней жестокости по отношению к пленным, издевательствах над мирным населением, насилии над женщинами и уничтожении станиц и хуторов. «За месяц пребывания красных в Лбищенске были ограблены все дома, отнят урожай, изнасилованы женщины, особенно состоявшие в родстве с офицерами. После боя в расправах особенно активное участие приняли казаки Лбищенского полка и солдаты Поздняковского», — пишет Николай Фокин. «Белые» историки утверждают, что противник одерживал победы над уральцами исключительно благодаря превосходству в живой силе, технической оснащенности и лучшему обеспечению боеприпасами. «Борьба против уральского казачества была наполнена поражениями большевиков, несмотря на колоссальное их превосходство как в техническом, так и в количественном отношении», — пишет, например, Сергей Балмасов, опираясь на свидетельства уцелевших уральцев.

Исторического героя, храброго солдата, искусного командира и неординарного человека Василия Чапаева сначала превратили в пропагандистский миф, который благодаря мастерству художников и точному попаданию в настроения большинства стал народной легендой. Она, в свою очередь, по мере деидеологизации и растущего общественного и политического пофигизма эволюционировала в один из самых широких и масштабных циклов отечественного анекдота. Эти анекдоты — яркий результат того, как народная ирония противостояла долговому и надрывному официальному пафосу, дополняя выдуманный пропагандой образ героя очеловечивающими его реальными и вымышленными деталями и чертами. «Низкий» жанр анекдота скорее под-

тверждает, чем отрицает всенародную любовь к его главному герою, это своего рода новая реализация мифологии.

Как утверждают фольклористы, первый анекдот появился еще в 1930-е годы, когда многие зрители по многу раз ходили смотреть фильм. На вопрос: «Зачем?» — следовал парадоксальный ответ: «Ждем, когда выплывет».

Вероятно, что благодаря мощному всплеску народного творчества, выразившемуся в анекдотах, интерес к Чапаеву не угас. Написанная в начале 1990-х годов пьеса Олега Данилова «Идем смотреть “Чапаева”» отражает настроения значительной части отечественной интеллигенции. Миллионы людей, чей образ жизни резко изменился на переломе исторических эпох, вынуждены заниматься повседневными проблемами выживания своей семьи из-за того, что их прежние профессии и навыки оказались не востребовавшими в новой жизни, они дезориентированы в новой реальности первых постсоветских лет с их стремительным обеднением большинства и вызывающе блестящим потреблением меньшинства. Люди искренне не понимали, как их одноклассники и родственники, однокурсники и коллеги за короткое время оказывались окруженными атрибутами «сладкой жизни», не верили, что это стало возможно только благодаря личным способностям. Сбитые с толку, разочарованные люди идеализировали прошлое, старый советский порядок, когда жизнь и карьера были предсказуемыми и понятными, а скромный достаток — гарантированным. Фильм «Чапаев» представлялся для многих частью прежнего идеала и становился все более привлекательным.

«А я в хорошую жизнь верю. С тех пор, как первый раз “Чапаева” посмотрел. Маленький был... и поверил. И сейчас верю. Ведь это какой ужас — офицеры идут, барабаны грохочут, черное знамя развевается, потом — казаки, а патроны кончились, пулемет молчит!.. Казалось бы, да? И тут — он. Впереди, на лихом коне! Не переживай, Палыч! На тебя сейчас психическая атака идет, в чистом виде, а ты — надейся! Надейся, и все тут! Прискачет всадник, и что-нибудь обязательно случится... такое...» — говорит главный герой пьесы инженер Евгений Тимошин. Идеалы эти не мешают ему прийти к выводу, что нынешний порядок вещей разумен и следует плыть по течению, не пытаясь изменить свою жизнь, перейдя на другую работу, покинув семью или переехав в другую страну: «Ничего не спасет. Никто не

поможет. Что нам делать? А нам надо знаете что?.. Ждать. А ждать нам нечего. Не будет чуда. Не прискачет всадник. Вот это все и есть наша жизнь, которую мы обязаны прожить. Другой не будет. Другую мы и не заслужили, между прочим. Я — точно не заслужил. А именно вот такую работу, вот такую жену, вот такую страну!..»

Немного неожиданно, но логично кинематографический образ Чапаева появляется в романе Захара Прилепина «Санькя». Герой романа, бунтарь, состоящий в одной из радикальных левых молодежных организаций, регулярно участвует в акциях, которые приводят к столкновениям с милицией, часто вынужден скрываться от «органов» на квартирах друзей. В один из приездов домой он случайно включил телевизор в момент, когда шел легендарный фильм. «Саша... с каким-то странным чувством, почти не вникая в происходящее, а, вернее, откуда-то зная его наперед почти дословно, смотрел на экран. Фильм при всей своей предсказуемости завораживал, и Саша не мог понять, отчего. Еле ощутимо подрагивало где-то внутри, под ложечкой, какая-то смутная жилка дрожала слабо. Смотрел жадно, ловя каждый жест.

И когда, в самый замечательный момент фильма, Чапай вылетел на коне, в развевающейся бурке, навстречу противнику, во главе краснознаменных, диких, красивых, с шашками наголо, когда Саша увидел это, он вдруг разрыдался и плакал счастливо, чисто и нежно, не в силах остановиться.

“Господи, да что же это? — спросил. — Что же я так плачу?”

Посмотрел еще немного, успокаиваясь с трудом, улыбаясь иногда тихо. Выключил экран — там Чапая убивают, ни к чему смотреть, еще сердце остановится к черту».

Слезы героя отражают его веру в чудо, мечту о человеке, способном прийти на помощь и вернуть его в счастливое для него детство, когда был жив отец, в семье хватало денег, а сама жизнь была более справедливой и честной. Александр понимает, что без всемогущего киногероя ему вместе с друзьями вряд ли удастся победить зло нынешней жизни, которое для них олицетворяют современное государство и его представители — чиновники, милиционеры, университетские преподаватели, журналисты.

Свою лепту в мифотворчество внес и один из самых известных отечественных писателей современности Виктор Пелевин. Книга имеет очень мало отношения к событиям Гражданской войны и личности нашего героя. Она выгля-

дит скорее пародией на все чапаевские мифы — от книги Дмитрия Фурманова (тонкая насмешка над ее эпизодами часто прослеживается в романе) и кинофильма до анекдотов. Чапаев Пелевина неожиданно оказывается среди героев культовых фильмов 1980—1990-х годов, становится буддистом и постмодернистом, похожим скорее на своего комиссара, чем на самого себя.

Наконец, в 2007 году вышел роман Эдуарда Володарского «Страсти по Чапаю», в котором реальные события и сюжеты романа Фурманова переплетаются с изощренным авторским вымыслом, оставляющим героя живым.

Интерес к нашему герою и старому кинофильму использовали и кинематографисты: «чапаевские» мотивы звучат в «Брате-2» и других фильмах Алексея Балабанова, нашлись и режиссеры, которые сняли эротический ремейк шедевра Васильевых.

Семидесятилетие Победы в Великой Отечественной войне заслонило фигуры героев более отдаленных эпох, но память о них жива. По данным проведенного в январе 2016 года опроса Левада-центра, самым знаменитым отечественным полководцем остается маршал Победы Георгий Жуков: его назвали 55 процентов, за ним с большим отрывом следуют Александр Суворов и Михаил Кутузов (29 и 23 процента соответственно). Чапаева назвали всего два процента. Много это или мало? Смотря с чем сравнивать: те же два процента набрал Михаил Тухачевский, несколько больше получили Климент Ворошилов и Семен Буденный (четыре и три процента соответственно). Начальника Чапаева Михаила Фрунзе и Василия Блюхера вспомнил всего один процент, столько же — адмирала Александра Колчака.

По данным опроса ВЦИОМ, одним из трех главных героев России XX века Чапаева назвали в 2010 году четыре процента опрошенных — столько же, сколько композитора Дмитрия Шостаковича, и в полтора раза меньше, чем десятилетием раньше. Самым популярным героем остался Юрий Гагарин (35 процентов), Иосиф Сталин занял четвертое место — 16 процентов. Героический начальник 25-й дивизии остается кумиром преимущественно старшего поколения. Забудут ли Чапая по мере ухода пожилых людей из жизни, вопрос открытый. Обыватели, ответившие на пропаганду

потоком анекдотов, сейчас относятся к Чапаеву неплохо. По данным социологической компании «Башкирова и партнеры», 42 процента опрошенных полагают, что Чапаев стал знаменитым благодаря таланту военачальника, 16 процентов — благодаря харизме, 23 процента объясняют его популярность известностью книги и фильма и лишь 9 процентов опрошенных считают его персонажем городского фольклора.

Помогла ли всенародная любовь к кинематографическому герою родственникам и соратникам реального Чапаева? Некоторые бойцы и командиры его дивизии стали заслуженными людьми. Всем известно имя Александра Белякова, который после окончания Гражданской войны стал пилотом, соратником знаменитого советского летчика Валерия Чкалова, с которым совершил первый перелет из СССР в США, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Героем стал и командир батареи, а затем дивизиона 25-й стрелковой дивизии Николай Хлебников. В должности начальника артиллерии армии и фронта он прошел всю войну, высшую награду получил за искусное управление артиллерией при штурме Кёнигсберга в апреле 1945 года. Хлебников стал самым высокопоставленным чапаевцем, дослужившись до звания генерал-полковника и начальника артиллерии ряда фронтов в годы Великой Отечественной и военных округов в послевоенный период.

В 25-й дивизии начинал службу командиром взвода, а затем — роты легендарный комдив Великой Отечественной Иван Панфилов. Знаменитый партизанский вождь, наводивший ужас на гитлеровских тыловиков, Сидор Ковпак был в 25-й дивизии начальником трофейной команды.

Судьбы других складывались не так ярко: многие командиры-чапаевцы страдали от ран, полученных в годы Гражданской войны. Федор Потапов, которого Чапаев хотел назначить своим преемником в Николаевской дивизии после отъезда в академию, умер в 1930 году.

Принадлежность к чапаевцам (как, впрочем, и к конармейцам) и личное знакомство с легендарным героем не защищали от беззакония и репрессий. Вениамин Ермощенко, сагитировавший Чапаева присоединиться к большевикам, руководитель Николаевска (Пугачева) в годы Гражданской войны, в мирное время работал в государственных и хозяй-

ственных учреждениях. В октябре 1936 года его арестовали, а в сентябре 1937-го расстреляли на Бутовском полигоне.

Сменивший Чапаева на посту начдива Иван Кутяков дослужился до звания комкора (равное нынешнему генерал-лейтенанту) и должности заместителя командующего Приволжским военным округом. Личное знакомство с Чапаевым и Сталиным, заслуги на полях сражений, работа консультантом фильма «Чапаев» и многочисленные статьи о погибшем начдиве не спасли его от ареста 15 мая 1937 года. Следствие и пытки продолжались более года: Кутяков был расстрелян в июле 1938 года на печально знаменитом полигоне «Коммунарка» в подмосковном Бутове.

Писатель Лев Разгон утверждал, что Кутяков пытался сопротивляться аресту и отстреливался от чекистов, а сдался лишь после разговора с Ворошиловым по телефону. Однако это, похоже, одна из красивых легенд. Такая же участь ожидала и предшественника Чапаева Гаспара Восканова.

Драматично сложилась судьба командира Интернационального полка 25-й дивизии Михаила Букштыновича. В конце 1920-х — начале 1930-х годов он сделал блистательную карьеру, окончил академические курсы. В 1936 году в звании комдива стал командиром 7-го мехкорпуса. Но летом 1938 года его, как и многих «красных генералов», арестовали, обвинив в шпионаже и контрреволюционном заговоре. Несмотря на пытки, Букштынович не признал себя виновным. В мае 1939 года Военной коллегией Верховного суда он был приговорен к пятнадцати годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах. Букштынович оказался в Сиблаге. Его освободили из заключения уже во время Великой Отечественной войны, в декабре 1942 года, но не реабилитировали полностью.

После выхода из лагеря он был понижен в звании до полковника, его, бывшего командира мехкорпуса, назначили всего лишь заместителем командира стрелковой дивизии. В боях под Великими Луками удар его дивизии лишил противника шансов на восстановление связи с окруженным гарнизоном. В январе 1943 года Букштыновичу вернули награды, полученные в довоенный период, и назначили командиром дивизии. Дальше служба Букштыновича развивалась благополучно: командир стрелкового корпуса, затем гвардейского корпуса, начальник штаба 3-й Ударной армии. В этой должности Букштынович участвовал в штурме Берлина: бравшая рейхстаг 150-я стрелковая дивизия вхо-

дила в состав 3-й Ударной армии. Чапаевец и узник ГУЛАГа в мае 1945 года расписался на поверженном рейхстаге. За успешные действия в Прибалтике, Польше и в Берлинской операции его произвели в генерал-лейтенанты (всего на одну ступень выше, чем до ареста), наградили орденами Кутузова, Суворова и Красного Знамени. Умер Букштынович в июне 1950 года, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Шесть лет лишения свободы за контрреволюционную агитацию получил доброволец первого чапаевского отряда, командир роты и батальона 220-го Иваново-Вознесенского полка Николай Бабкин.

Судьба детей легендарного Чапаева сложилась благополучно. Старший, Александр, окончил аграрный техникум, работал агрономом в Оренбургской области. В 1933 году его направили на срочную службу, и он понял, что его призвание — защищать родину. Александр поступил в артиллерийское училище, после его окончания начал службу в строевых частях, стажировался в Академии моторизации и механизации Красной армии, а в 1939 году, с началом формирования Подольского артиллерийского училища, был направлен туда курсовым командиром. Великую Отечественную войну тридцатилетний Александр Чапаев встретил в звании капитана и должности командира батареи курсантов.

В июле в училище был сформирован 696-й артполк, в котором капитан Чапаев был назначен командиром дивизиона противотанковых орудий. Вскоре часть отправилась на фронт. После первого ранения Александр Чапаев был назначен командиром дивизиона 533-го гаубичного артполка 133-й стрелковой дивизии, защищавшей Москву. 24 декабря 1941 года противник в районе деревни Льгово предпринял «психическую» атаку. Как указано в наградном листе, «капитан Чапаев лично корректировал огонь дивизиона под сильным автоматным и минометным огнем врага, отбил эту атаку, нанеся вражеской пехоте и минометам большое поражение. Тов. Чапаев и раньше, находясь на фронте Великой Отечественной войны, огнем своего дивизиона наносил сокрушительные удары по врагу... 27 декабря, находясь на командном пункте, т. Чапаев был ранен осколком вражеской мины. Несмотря на ранение, продолжал командовать дивизионом...» Вскоре после излечения, в марте 1942 года, Александра Чапаева наградили орденом Красного Знамени.

Вторым орденом Александра Чапаева, ставшего к тому времени майором, командиром артполка 16-й истребительной бригады, наградили летом 1943 года за зимние бои в Воронежско-Касторненской операции. Как вспоминал сам А. В. Чапаев, «с ходу овладеть Нижнедевицком не удалось, сил у противника было достаточно...» В одном из боев полк без пехотного прикрытия оказался в трудном положении, но Чапаев, хочется думать, вспомнил, как действовал в критической ситуации отец: молодой комполка не только управлял огнем, но своим присутствием на огневых позициях показывал пример мужества и самообладания. «Вел бой с превосходящими силами противника, расстреливая в упор прямой наводкой немецкую пехоту, пытавшуюся прорваться из кольца окружения. Несмотря на отсутствие нашей пехоты в этом бою, благодаря исключительно самоотверженной работе оружейных расчетов и личному руководству полк Чапаева истребил до 1200 солдат и офицеров противника, взял в плен 403 человека, захватил трофеи. В другом бою под г. Нижнедевицком и Горшечное полк прямой наводкой расстрелял до двух батальонов отступающей пехоты и несколько автомашин и орудий... Полк первым с подразделениями 472 стрелкового полка ворвался 16 февраля в город Харьков». Александра Чапаева представили к ордену Ленина, но руководство решило по-иному — орден Александра Невского. Этот наградной лист — единственный в своем роде: представлявшие к ордену указали, что Александр Чапаев — сын легендарного героя Гражданской войны.

Летом 1943 года Александр Чапаев получил второе ранение. Командуя противотанковым полком в Курской битве, он не раз личным примером внушал своим бойцам и командирам уверенность и хладнокровие при отражении танковых атак противника. Осень 1943 года А. В. Чапаев встретил в звании подполковника и в новой должности — командира 66-й тяжелой пушечной артбригады, с которой освобождал Украину, затем его перевели на ту же должность в 64-ю пушечную бригаду. Бригада под командованием сына Чапаева сражалась в составе фронта, начальником артиллерии которого был Николай Хлебников. Бригада успешно поддерживала танки и пехоту при прорыве фронта в ходе летнего наступления 1944 года, а затем участвовала в отражении контрударов противника, пытавшегося остановить советские войска в Латвии и Литве и деблокировать отрезанные под Ригой войска немецкой группы армий «Север». За эти бои Александра Чапаева наградили вторым

орденом Красного Знамени. Еще две награды Александру Чапаеву вручили уже после завершения Великой Отечественной: в июне 1945 года — орден Суворова 3-й степени (хотя представляли к ордену Кутузова 2-й степени) и медаль «За оборону Москвы».

После войны Александр Васильевич Чапаев окончил Артиллерийскую академию, дослужился до генерал-майора и ушел в отставку с должности заместителя начальника артиллерии Московского военного округа. Уже на пенсии он активно занимался делами ДОСААФ, дружил со знаменитым хоккейным тренером Анатолием Тарасовым (сохранилась фотография, на которой тот передает Чапаеву сувенирную клюшку), неоднократно выезжал в 25-ю дивизию, где рассказывал солдатам и офицерам о своем отце. Старший сын героического начдива дожил до 75 лет, став достойным наследником его славы.

Младший сын Аркадий после школы окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу летчиков, затем Школу летчиков в городе Энгельсе. Громкое имя отца помогало карьере: его избрали депутатом горсовета Энгельса (в то время столицы Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья). Юного курсанта рекомендовали кандидатом в члены правительства республики и избрали членом Центрального исполнительного комитета АССР Немцев Поволжья.

В начале 1935 года Аркадия Чапаева избрали делегатом VII Всесоюзного съезда Советов. В перерыве он был вызван на беседу к Иосифу Сталину. «Отец народов» интересовался, как живет семья героя, обещал помочь. После завершения учебы Аркадий Чапаев служил младшим летчиком в 89-й тяжелобомбардировочной эскадрилье, вскоре его назначили командиром корабля в 90-й эскадрилье, еще через год — командиром звена тяжелых бомбардировщиков.

Осенью 1938 года Аркадий Чапаев поступил слушателем в Военно-воздушную академию РККА им. Н. Е. Жуковского, где познакомился со многими выдающимися пилотами того времени. Очень теплые отношения он поддерживал с Валерием Чкаловым и (опять причудливая гримаса Клио) — со служившим в чапаевской дивизии Александром Беляковым. Вместе с Чкаловым Аркадий участвовал в разработке новых схем испытательных полетов. Его очень интересовали новые, перспективные авиационные разработки. В частности, привлекала идея автожиров.

Молодой пилот подавал большие надежды, однако раскрыть свое дарование ему помешала трагическая гибель. В июле 1939 года он вылетел с учебного аэродрома под Борисоглебском на истребителе И-16 для выполнения зачетного задания по технике летного мастерства. Самолет потерпел катастрофу, упал в озеро Большой Ильмень и ушел в ил на несколько метров. Пилот, которому не исполнилось и двадцати пяти лет, погиб. Тело младшего сына Чапаева пришлось вырезать из искореженной кабины автогенном.

Существуют разные версии гибели Аркадия Чапаева. И-16 был, по свидетельствам многих летчиков, очень «строгим» самолетом, не прощавшим ошибок в пилотировании. Чапаев был талантливым летчиком, но привык к более сбалансированному тяжелому бомбардировщику. Исключить просчет в полете нельзя. По другой версии, Чапаев пытался увести неисправный самолет дальше от жилья, чтобы избежать жертв, и не успел выпрыгнуть с парашютом. Наконец, Евгения Чапаева не исключает версии самоубийства, причиной которого стала тяжелая семейная ссора: Аркадий был женат на очень ревливой и неуравновешенной девушке и накануне вылета в очередной раз поругался с ней.

Дочь Чапаева Клавдия прожила трудную жизнь. После гибели отца она осталась в семье Ивана Чапаева. Как утверждает правнучка героя Евгения, после смерти родителей Чапаева от голода Клавдия оказалась среди беспризорников, жила в трущобах, после очередной облавы ее отправили в детский приют. И только много позже, в 1925 году, ее оттуда забрала мачеха, и то лишь для того, чтобы с ней поехать в Москву к Фурманову для оформления пенсии. Но получить пособие как вдове погибшего героя ей не удалось: брак не был зарегистрирован.

В 17 лет Клавдия уехала в Самару, где вышла замуж, родила сына, поступила в строительный институт. Как утверждают родственники, студентку отправили к наркому пищевой промышленности Анастасу Ивановичу Микояну, чтобы получить разрешение на присвоение учебному заведению его имени.

Поездка в Москву оказалась очень удачной и судьбоносной. Микоян ее принял и в течение четырех часов разговаривал с ней, расспрашивая об отце, о военном времени, о детских воспоминаниях... и перевел Чапаеву с третьего курса Самарского строительного института на первый курс Московского пищевого.

Во время Великой Отечественной войны Клавдия работала в Саратовском обкоме партии, затем — в Бауманском райкоме партии. После войны стала народным заседателем. Выйдя на пенсию, запросила разрешение для работы в архивах.

Клавдии хотелось знать все о своем отце: каким он был на фронте, каким на отдыхе, как складывались его взаимоотношения с руководством и многое другое. Иногда Клавдия Васильевна устраивала настоящий разбор полетов на встречах бывших чапаевцев, уточняя не слишком престижные места службы доживших до послевоенных лет — обоз, трофейная команда, санитарный околодок, артиллерийский склад. По версии Евгении Чапаевой, Клавдия работала в архивах около двадцати лет. «В открытых архивах документы копировала легально. В закрытых... Опись, дело и лист читались нарочито медленно. Затем она выходила в дамскую комнату, доставала спрятанную ручку и на коленках писала то, что запоминала с фотографической точностью. Именно таким образом Клавдия Васильевна собрала много тысяч документов. Теперь этот драгоценный архив хранится в моей семье». Дочь Чапаева ушла из жизни последней из его детей — в 1999 году.

Правда, неясно, о каких закрытых архивах идет речь: документы 25-й дивизии не были секретными и в 1970-е годы. Родство с начдивом позволяло ей смотреть и фонды, которые имели в советские годы ограниченный допуск: армии, фронта и Реввоенсовета. Наконец, Клавдия Чапаева дожила до «лихих 90-х», когда были рассекречены сотни тысяч архивных документов. Неясно и другое: где сенсационные документы из чемодана, которые подтверждают версию о «продаже» героического начдива. В книге «Мой неизвестный Чапаев» убедительных доказательств этого мы не увидели.

Сейчас читателям, интересующимся историей и черпающим информацию из Интернета, приходится сталкиваться с разными, диаметрально противоположными мифами о Чапаеве. В последние годы родственники Чапаева дополняют сформированный в прежние годы образ храброго солдата, решительного военачальника и умелого организатора чертами заботливого семьянина, требовательного, но внимательного и любящего отца, рисуют идеального героя, павшего жертвой интриг и предательства. Истори-

ки и публицисты-«антисоветчики», напротив, создают образ жестокого, мстительного и безнравственного красного ландскнехта, изменившего присяге и готового уничтожать людей, их дома и имущество во имя бесчеловечной идеи.

Но живой исторический Чапаев глубже и многограннее сложившихся мифов и легенд. Он останется в истории яркой и противоречивой личностью, чьи действия были порождены великой, трагической и кровавой эпохой, в которой ему пришлось жить. Фигура талантливого самородка, выходца из низов, ставшего одним из героев Гражданской войны, будет и дальше привлекать историков, публицистов и писателей.

В отличие от его кинематографического противника Владимира Каппеля, прах которого был перенесен из Харбина на Донское кладбище в Москве и захоронен в присутствии президента Владимира Путина, место захоронения начальника 25-й стрелковой дивизии неизвестно, но, возможно, найдется исследователь, которому удастся его отыскать...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЧАПАЕВА

- 1887, 28 января (9 февраля) — родился в деревне Будаике Чебоксарского уезда Казанской губернии.
- 1897, весна — вместе с семьей переезжает в село Балаково Самарской губернии.
- 1898 — поступил в церковно-приходскую школу с четырехлетним сроком обучения.
- 1901 — из-за скандала между отцом и настоятелем школы, а также трудных материальных условий оставил школу и пошел работать.
- 1902—1908 — работал в плотницкой артели вместе с отцом, в мастерских села Балакова.
- 1908, осень — призван на действительную службу в Русскую императорскую армию; служба в Киевском военном округе.
- 1909, весна — отчислен с действительной службы и переведен в «ратники ополчения первого разряда».
- Июль — женился на Пелагее Метлиной вопреки воле родителей.
- 1910, 10 августа — родился сын Александр.
- 1912 — родилась дочь Клавдия.
- 1913, весна — с женой и детьми переезжает в Симбирск, затем в город Мелекес Симбирской губернии.
- 1914, 14 августа — родился сын Аркадий.
- 20 сентября — мобилизован в русскую армию, направлен в 159-й отдельный запасной пехотный батальон.
- Декабрь — в составе маршевой роты отправлен на фронт.
- 1915, 4 января — зачислен в 326-й Белгородский пехотный полк.
- 10 июля — произведен в младшие унтер-офицеры.
- Сентябрь — получил ранение правой руки, направлен в госпиталь.
- 16 сентября — награжден Георгиевским крестом 4-й степени.
- 1 октября — произведен в старшие унтер-офицеры.
- 20 октября — награжден Георгиевским крестом 3-й степени.
- Ноябрь — возвращается из госпиталя.
- 1916, январь — вторично ранен и направлен в госпиталь.
- 8 февраля — награжден Георгиевской медалью 4-й степени (№ 640150).
- Март — получил трехнедельный отпуск. Разрыв с женой Пелагеей.
- 3 июня — произведен в фельдфебели.
- 23 октября — награжден Георгиевским крестом 2-й степени.
- Ноябрь — третье ранение, направлен в перевязочный отряд 82-й пехотной дивизии, а затем в госпиталь.

1917, 9 января — после излечения назначен командиром взвода в 153-й команде выздоравливающих, расположенной в Херсоне.

11 марта — изъявил желание отправиться в действующую армию, получил отпуск на 25 дней.

Апрель — зачислен фельдфебелем в 90-й запасной пехотный полк в Саратове.

Май — встречается с вдовой погибшего фронтового друга Петра Камешкерцева и перевозит ее в Николаевск.

Июль — переведен в 138-й запасной пехотный полк, дислоцировавшийся в городе Николаевске Самарской губернии; избран председателем ротного комитета, а затем членом полкового комитета.

13 декабря — на собрании представителей гарнизона Николаевска избран командиром 138-го запасного пехотного полка.

18 декабря — на соединенном заседании 3-го уездного крестьянского съезда и Совета рабочих и солдатских депутатов избран членом Совета народных комиссаров Николаевской уездной трудовой социалистической коммуны и комиссаром внутренних дел.

1918, 20 января — во главе вооруженного отряда разогнал земское собрание в Николаевске.

24 января — на заседании Совета народных комиссаров Николаевского уезда освобожден от должности комиссара внутренних дел и избран военным комиссаром.

Январь — руководит подавлением восстаний в населенных пунктах Большая Глушица, Березово, Сулак.

12 февраля — во главе отряда Красной гвардии подавил восстание в Балакове. Погиб младший брат Григорий.

Март — руководит подавлением восстания в Липовском районе Николаевского уезда; на базе 138-го запасного пехотного полка формирует 1-й Николаевский полк.

Апрель — назначен командиром 2-го Николаевского отряда.

Май — участвует в первом наступлении на Уральск.

Июнь — назначен командиром бригады Николаевских полков.

Июль — участвует во втором наступлении на Уральск, отраженном казаками.

3—25 августа — бригада Николаевских полков под командованием Чапаева участвует в наступлении Восточного фронта.

6 сентября — назначен временно исполняющим должность начальника дивизии Николаевских полков.

14 сентября — 8 октября — участвует в Сызрань-Самарской наступательной операции.

22 сентября — назначен начальником 2-й Николаевской дивизии (с 25 сентября 1918 года — Николаевская пехотная дивизия).

30 сентября — назначен командиром отряда в составе двух (затем — трех) стрелковых и кавалерийского полков.

Октябрь — в ходе боевых действий против уральских казаков неоднократно обвиняет штаб 4-й армии и командарма Тихона Хвесина в плохом управлении войсками и умышленном срыве снабжения отряда.

Ноябрь — командарм Тихон Хвесин на заседании РВС 4-й армии требует ареста и суда над Чапаевым за неисполнение приказов.

15 ноября — направил в Народный комиссариат по военным делам рапорт о зачислении в Академию Генерального штаба РККА.

29 ноября — прибыл в Москву, где располагалась академия.

6 декабря — приказом начальника Академии Генерального штаба РККА зачислен слушателем академии.

24 декабря — направляет рапорт председателю РВС 4-й армии Гавриилу Линдову с просьбой отозвать его из академии.

Конец декабря — самовольно покинул академию. (Приказом по академии от 14 мая 1919 года отчислен из академии с декабря 1918 года как не явившийся из отпуска.)

1919, февраль — поступил в распоряжение штаба 4-й армии. Встреча с командармом Михаилом Фрунзе.

3 марта — назначен начальником Александрово-Гайской группы войск 4-й армии Восточного фронта.

9 марта — вступил в командование Александрово-Гайской группой войск; знакомство с комиссаром группы Дмитрием Фурмановым.

10 марта — Александрово-Гайская группа войск под руководством Чапаева заняла станицу Сломихинская.

22 марта — назначен начальником 25-й стрелковой дивизии 4-й армии Восточного фронта.

9 апреля — вступил в командование 25-й стрелковой дивизией.

28 апреля — 13 мая — 25-я стрелковая дивизия под командованием Чапаева принимает участие в Бугурусланской наступательной операции Южной группы армий Восточного фронта.

15—19 мая — 25-я стрелковая дивизия под командованием Чапаева принимает участие в Белебейской наступательной операции Южной группы армий Восточного фронта.

25 мая — 19 июня — 25-я стрелковая дивизия под командованием Чапаева принимает участие в Уфимской наступательной операции Южной группы армий Восточного фронта.

8 июня — получил ранение в голову.

Конец июня — начало июля — во главе 25-й дивизии следует на уральское направление для деблокады Уральска.

4 июля — назначен командующим Ударной группой войск.

11 июля — Ударная группа под командованием Чапаева соединилась с защитниками осажденного Уральска.

14 июля — награжден орденом Красного Знамени по приказу Реввоенсовета республики.

9 августа — 25-я стрелковая дивизия заняла Лбищенск.

18 августа — Чапаеву вручен орден Красного Знамени.

Конец августа — упорные бои с казаками у форпоста Бударинский, станицы Сахарная.

Ночь на 5 сентября — сводный отряд казаков внезапным налетом разгромил в Лбищенске штаб 25-й стрелковой дивизии; в бою Чапаев был ранен и утонул при переправе через реку Урал.

ЛИТЕРАТУРА

Российский государственный военный архив

Ф. 1312 (Дивизия Николаевских полков, впоследствии 25-я стрелковая дивизия).

Ф. 1299 (2-я Николаевская, впоследствии 22-я стрелковая дивизия).

Ф. 39551 (Штаб Народной армии Комитета членов Учредительного собрания).

Ф. 39648 (Штаб Народной армии Хвалынского района).

Сборники документов и воспоминаний, статистические материалы

Каппель и каппелевцы: Сборник статей и документов. Посев, 2007.

Легендарный начдив. Сборник документов. М., 1974.

Легендарный герой гражданской войны В. И. Чапаев. Чебоксары, 1988.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н. А. Тройницкого. 1897—1905. Города и поселения в уездах, имеющих 2000 и более жителей. СПб.: Паровая типолитография Н. Л. Ныркина, 1905.

Уральское казачество в Гражданской войне. Воспоминания участников. Подольск, 2012.

Фрунзе. Статьи. Воспоминания современников. М.: Политиздат, 1985.

Чапаев. Фотоальбом к 15-летию ликвидации Уральского фронта. / Под ред. И. С. Кутякова, Н. В. Мальцева. М.: 1935.

Чапай. Сборник народных песен, сказов, сказок. М.: 1938.

Книги и статьи

Балмасов С. С. Уральское казачье войско в гражданской войне. 1918—1919 гг. //Белая гвардия. 2001. № 5.

Будберг А. Дневник белогвардейца. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.

Ганин А. В. Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6.

Ганин А. В. Враздробь, или Почему Колчак не дошел до Волги // Родина. 2008. № 3.

Ганин А. В. Чапай в Академии: Василий Иванович и высшее военное образование // Родина. 2008. № 4.

- Ганин А. В. «Чапай настроен слишком нежно»: Из личного архива Фурманова // Родина. 2011. № 2.
- Дайнес В. О. Чапаев. М., 2010.
- Дайнес В. О. Мастер обороны и наступления. Чебоксары, 2012.
- Данилов О. Мы идем смотреть «Чапаева». М., 1994.
- Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. 1918—1920 гг. М.: Айрис-пресс, 2008.
- Изюмов А. И., Абрисимов В. Г. История Уральского казачьего войска. Илек, 2007.
- Какурин Н. Е. Как сражалась Революция: В 2 т. М., 1990.
- Кирсанов Я. В. И. Чапаев — маргинальный герой в контексте нормативной эпохи. Культурная память. Интерпретация культурных кодов. Саратов; СПб., 2008.
- Куприяновский П. Неизвестный Фурманов. Иваново: Изд-во ИВГУ, 1996.
- Кутяков И. С. Василий Иванович Чапаев. Леноблиздат, 1935.
- Кутяков И. С. Боевой путь Чапаева. М., 1936.
- Масянов Л. Л. Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1963.
- Мерецков К. А. На службе народу. М.: Воениздат, 1968.
- Михайлов А. Чапаев и чапаевцы: По подлинным документам и воспоминаниям. Самара: Средневожское краевое государственное издательство, 1932.
- Молчанов В. М. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М.: Айрис-пресс, 2009.
- Пантелеев К. И. О походах и встречах: Записки рядового чапаевца. Калининград, 1971.
- Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М.: Айрис-пресс, 2011.
- Прилепин З. Санька. М., 2005.
- Симонов А. Первый отряд Чапаева // Родина. 2011. № 2.
- Симонов Д. Г. К истории формирования 1-го Волжского армейского корпуса генерала В. О. Каппеля // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сборник научных статей. Новосибирск, 2015.
- Толстов В. С. От красных лап в неизвестную даль. Уральск, 2007. Репринтное издание.
- Тюленев И. В. Через три войны. М.: Воениздат, 1972.
- Фокин Н. И. Финал трагедии: Уральские казаки в XX веке. М., 1996.
- Фурманов Д. Чапаев. М., 1926.
- Фурманова А. Дмитрий Фурманов. Иваново, 1941.
- Хлебников Н. М., Евлампиев П. С., Володихин А. Я. Легендарная Чапаевская. М., 1967.
- Чапаев А. В., Чапаева К. В., Володихин Я. А. Василий Иванович Чапаев: Очерк жизни и боевой деятельности. Чебоксары, 1987.
- Чапаева Е. Мой неизвестный Чапаев. М.: Корвет, 2005.
- Шумяцкий Б. З. В зрительном зале Сталин. // Международный фонд «Демократия»: Альманах. М., 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Юность на Волге	7
Фельдфебель первой роты	24
От мировой к Гражданской	33
Красная против Народной	54
«Академиев не кончал»	108
Снова в бою	116
На острие контрудара	138
Возвращение к Уральску	203
Лбищенский финал	250
От смерти к мифу	261
Основные даты жизни и деятельности В. И. Чапаева	286
Литература	290

Аптекарь П. А.

А 77 Чапаев / Павел Аптекарь. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 292[12] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1642).

ISBN 978-5-235-03983-4

Василий Иванович Чапаев (1887—1919) был и остается одним из ярких деятелей отечественной истории, легендарным военачальником, самородком из низов, победителем на полях сражений Гражданской войны. Образ храброго воина, умелого военачальника и командира, глубоко переживающего за боевых товарищей, запечатлелся в народной памяти. Благодаря роману Дмитрия Фурманова и фильму братьев Васильевых начальник 25-й стрелковой дивизии через 15 лет после своей гибели стал народным героем, завоевавшим симпатии миллионов читателей и кинозрителей, в том числе Иосифа Сталина, который за полтора года посмотрел «Чапаева» 16 раз. Но литературный и кинематографический образ далек от подлинной исторической личности — того сложного, противоречивого, но исключительно талантливого и обаятельного человека, каким на самом деле был Чапаев. В своей книге автор создает объективный, многогранный и максимально достоверный образ героя, жизнь которого пришлась на великий, трагический и кровавый период российской истории.

**УДК 94(47)(092)“1918/1920”
ББК 63.3(2)612,8**

знак информационной
продукции

16+

**Аптекарь Павел Александрович
ЧАПАЕВ**

**Редактор Е. В. Смирнова
Художественный редактор И. И. Суслов
Технический редактор М. П. Качурина
Корректор Л. С. Барышникова**

Сдано в набор 27.12.2016. Подписано в печать 21.02.2017. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newtop». Усл. печ. л. 15,96+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1703770.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03983-4

ISBN 978-5-235-03983-4

9 785235 039834 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я